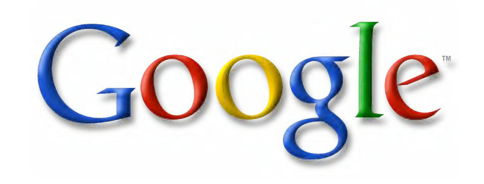


ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

Секретаря Отдѣленія **Ѳ. И. Щербатскаго** и помощника редактора члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ I **Годъ XV**

1906

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117

1906

Отъ редакціи.

Невыходъ въ свѣтъ нашего журнала въ 1905 г. (годъ пятнадцатый) произошелъ частью отъ нездоровья редактора и отъѣзда его на югъ на нѣсколько мѣсяцевъ, особенно же вслѣдствіе перемѣнъ типографій и двукратной забастовки. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ неисправностей при изданіи журнала, редакція рѣшила пропустить 1905 г. и считать пятнадцатымъ годомъ его изданія не 1905, а 1906 г., причемъ подписчики на 1905 г. получатъ журналъ за 1906 г., а внесшіе подписную плату за 1905 и 1906 г.г. будутъ получать журналъ въ 1906 и 1907 г.г. Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что въ теченіе нынѣшняго года они получатъ отдѣльною книжкой алфавитъ и предметный указатель къ «Живой Старинѣ» за 15 лѣтъ ея изданія (60 выпусковъ).

Община у зырянъ.

Сѣверъ Европейской Россіи рѣзко отличается отъ остальной части государства по тѣмъ соціальнымъ, политическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, въ которыхъ протекала его жизнь. Изолированный отъ заселенныхъ центральныхъ частей государства, представляя изъ себя далекую, дикую окраину, куда отваживалась проникать лишь смѣлая новгородская вольница, онъ не испыталъ на себѣ ни татарскаго нашествія, ни послѣдствій московской объединительной политики, ни крѣпостного права. Онъ заселялся путемъ свободной, вольной колонизаціи и жилъ самостоятельной жизнью, лишь слабо отражая на себѣ отголоски событій, волновавшихъ всю остальную Русь. Ни Новгородское, ни Московское правительство не дѣлало почти никакихъ попытокъ къ вмѣшательству во внутреннюю жизнь сѣвера и послѣдняя складывалась исключительно подъ вліяніемъ своеобразныхъ естественно-историческихъ условій. Но ни на чемъ такъ рѣзко не сказалось различіе между сѣверомъ и остальными частями Россіи, какъ на отношеніяхъ населенія къ землѣ. Въ то время какъ цѣлый рядъ разнообразныхъ законодательныхъ актовъ подвергъ регламентаціи отношеніе крестьянъ московскаго государства: къ землѣ—какъ къ предмету ихъ владѣнія, къ государству—котораго они являлись главными плательщиками, къ разнымъ служилымъ людямъ—получавшимъ земли подъ тѣмъ или другимъ условіемъ, и съ этой цѣлью запрещались переходы крестьянъ, разрѣшалось помѣщикамъ отыскивать бѣглыхъ людей, группы крестьянъ объединялись въ одну платежную единицу подъ условіемъ круговой поруки членовъ и т. д.,—на сѣверѣ землевладѣніе складывалось внѣ вліянія этой законодательной дѣятельности. Тѣ формы, въ которыхъ выражается отношеніе населенія къ землѣ, складывались здѣсь свободно, въ томъ направленіи, въ какомъ они наиболѣе были согласованы съ народными воззрѣніями. Это одинаково примѣнимо какъ къ русскимъ поселенцамъ, выходцамъ изъ московскихъ и новгород-

скихъ земель, такъ и къ аборигенамъ края, различнымъ финскимъ племенамъ, издавна населявшимъ сѣверъ Россіи. Неограниченное пространство свободной, „дикой“ земли способствовало вольной, ничѣмъ не стѣсненной заимкѣ участковъ всѣми, у кого имѣлось желаніе ихъ обрабатывать. Земля считалась божьей, ничьей, созданной для того, чтобы каждый могъ разрабатывать ее и работая извлекать доходъ. Понятіе о правѣ собственности на землю не существовало; имѣлось на лицо лишь одно основное убѣжденіе: каждый имѣетъ право приступать къ труду на любомъ участкѣ, не занятомъ трудомъ другого. Занятый съ цѣлью труда участокъ выдѣлялся изъ общей массы свободныхъ земель и право на него со стороны расчистившаго лица признавалось и охранялось общественнымъ мнѣніемъ. Затрата труда, однако, влекла къ пріобрѣтенію не права собственности на землю, а лишь права на владѣніе, продолжавшагося постольку, поскольку продолжалось приложеніе труда; никто не держалъ за собою земли, не имѣя цѣли трудиться надъ ней. Трудъ служилъ краеугольнымъ камнемъ, основой поземельныхъ отношеній; онъ придавалъ всей системѣ ихъ простоту и стройность, предоставляя каждому широкія права безъ ущерба для правъ другого. Эта система вытекла изъ самаго существа народной жизни; будучи согласованной съ интересами всѣхъ и каждаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ не представляла трудностей оріентироваться въ ней и понять свои права и обязанности. Спокойное, планомѣрное развитіе въ этомъ направленіи продолжалось до XVIII вѣка. Съ этого времени правительство начинаетъ обращать вниманіе на земельный вопросъ. Въ цѣломъ рядѣ указовъ, начавшемся съ Петра Великаго, оно пытается внести регламентацію въ ту сферу, гдѣ, по его мнѣнію, не существовало ничего, кромѣ полнаго произвола и безначалія. Однако, если мы прослѣдимъ эти попытки и постараемся уловить ихъ общую тенденцію, то увидимъ, что правительство оказалось далеко непослѣдовательнымъ въ проведеніи этой задачи. Отсутствіе строго опредѣленной точки зрѣнія на государственныя земли внесло въ его дѣятельность неустойчивость и колебаніе. Съ самаго начала оно отдѣлило занятыя, разработанныя земли отъ дикихъ, пустопорожнихъ и, признавъ за крестьянами право на первыя, направило всѣ свои стремленія на урегулированіе отношеній населенія ко вторымъ. Вотъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи лѣсного законодательства, иллюстрирующихъ общее направленіе этихъ стремленій. Петръ Великій, ревниво оберегая интересы государства, назначаетъ за самовольную порубку ни мало, ни много, какъ

смертную казнь; Екатерина I и Петръ II отмѣняютъ ее и разрѣшаютъ свободно рубить лѣсъ. Анна Іоанновна и Елизавета Петровна возобновляютъ запретительную систему; Екатерина II опять вводитъ свободную, которая снова смѣняется запретительной при Павлѣ. Александръ I разрѣшаетъ крестьянамъ рубить, что вздумается и гдѣ вздумается, въ царствованіе Николая Павловича снова вводятся ограниченія. Каждое царствованіе характеризуется совершенно инымъ отношеніемъ къ праву населенія, чѣмъ предыдущее; въ теченіе этихъ полутораста лѣтъ правительство находилось въ постоянномъ колебаніи, бросаясь изъ одной крайности въ другую, то запрещая всякія порубки въ лѣсахъ подъ страхомъ смерти, то, наоборотъ, предоставляя населенію право широкаго и безпрепятственнаго пользованія лѣсомъ. Такое непостоянство могло бы внести совершенную смуту въ правовыя понятія крестьянъ, или, какъ выражается г. Гольмстенъ, сбить ихъ съ толку, если бы указы имѣли дѣйствительное вліяніе на земельныя отношенія; но, къ счастью они мало достигали своей цѣли. Издать указъ и привести его въ исполненіе—двѣ вещи разныя; населеніе, разбросанное по глухимъ угламъ, среди лѣсовъ и болотъ, сплошь и рядомъ даже и не подозрѣвало о существованіи указовъ и продолжало по прежнему распоряжаться въ лѣсахъ съ полнымъ сознаніемъ своего на то права. Съ конца XVIII вѣка начинается, однако, болѣе дѣятельное вмѣшательство правительства въ земельныя отношенія. Указомъ 1765 года повелѣно приступить къ генеральному обмежеванію земель въ государствѣ, съ цѣлью поставить землевладѣніе въ опредѣленныя, прочныя рамки. По отношенію къ государственнымъ крестьянамъ оно выразилось въ отводѣ имъ особыхъ дачъ изъ разсчета 15 десятинъ на ревизскую душу. Этимъ самымъ занятыя крестьянами земли отграничивались отъ остальной огромной части свободныхъ земель, причемъ объявлялось, что право собственности какъ на тѣ, такъ и на другія принадлежитъ исключительно государству. Внутри дачъ крестьянамъ предоставлено право производства расчистокъ, но это право не распространялось за предѣлы ихъ. Расчистки въ казенныхъ лѣсахъ запрещены и разсматривались, какъ посягательства на чужую собственность. Указъ 1765 года шелъ въ разрѣзъ съ основными воззрѣніями народа; имъ совершенъ колоссальный юридическій переворотъ, но и ему, однакожъ, не суждено было внести фактическое измѣненіе въ существовавшія земельныя отношенія. Населеніе мало считалось съ нимъ, какъ и съ цѣлымъ рядомъ предыду-

щихъ указовъ; съ другой стороны правительство само не озаботилось принятіемъ активныхъ мѣръ къ тому, чтобы провозглашенныя имъ основанія нашли практическое осуществленіе, и расчистка участковъ по прежнему продолжалась, не стѣсняясь ни просѣками, ни столбами, ни ямами. Населеніе связывали съ казенными свободными лѣсными пространствами крѣпкія узы. Потребности подсѣчно-огневого земледѣлія долгое время игравшаго крупную роль въ сѣверномъ хозяйствѣ, не могли удовлетвориться отведенными дачами—для этого послѣднія слишкомъ малы—и заставляли населеніе вторгаться въ казенныя лѣса. Отступиться отъ того, что̀ необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей, было не легко. Въ царствованіе Николая I правительство начинаетъ принимать болѣе энергичныя мѣры къ огражденію казенныхъ интересовъ. Подсѣки запрещаются, виновные преслѣдуются, штрафы слѣдуютъ одинъ за другимъ, ложась тяжелымъ бременемъ на крестьянское хозяйство. Населеніе тѣмъ не менѣе не могло прекратить свое хозяйничанье, не отказавшись отъ права на существованіе, и подъ угрозой суровыхъ штрафовъ продолжало быть послѣдовательнымъ. Иногда, впрочемъ, чаша терпѣнія переполнялась. Лялошъ приводитъ случай, когда одно изъ селеній, не будучи въ состояніи вынести практиковавшейся системы неуклонныхъ и тяжелыхъ штрафовъ, бросило подсѣчное земледѣліе, составлявшее главную опору хозяйства и занялось рыболовствомъ. Геройское сопротивленіе не спасло, однакожъ, крестьянъ. Новое занятіе не обезпечивало ихъ потребностей, деревня все болѣе и болѣе нищала, появились „двурукіе“ хищники, ловящіе рыбу въ мутной водѣ; населеніе быстрыми шагами шло къ полной деморализаціи и только когда призракъ голодной смерти сталъ не на шутку угрожать рыболовамъ, они бросили сопротивленіе и, не обращая вниманія ни на какіе штрафы, вновь принялись за подсѣчное земледѣліе [1]). До 60-хъ годовъ продолжался такой порядокъ, съ этого времени правительство уступаетъ неотложной потребности и подсѣчному хозяйству дается просторъ. Населеніе тотчасъ же широко воспользовалось своимъ правомъ; но въ 1884 году дѣлается новая попытка ограничить распространеніе подсѣкъ. Правилами этого года выставляются требованія, чтобы подсѣки отводились не далѣе 20-ти верстъ отъ границъ крестьянскихъ дачъ, и то только по ходатайствамъ,

---

[1]) Лялошъ. „Владѣнныя записи въ Олонецкой губ. и общественно-экономическое значеніе для нашего сѣвера вообще“. Отеч. Зап. 1878 г. № 11.

цѣлыхъ обществъ. И то и другое требованіе снова явились тормазомъ въ подсѣчномъ земледѣліи, такъ какъ съ одной стороны населенію совершенно чужда форма общественныхъ и деревенныхъ подсѣкъ (онѣ носятъ семейный или сосѣдско-артельный характеръ), съ другой—всѣ лучшія вблизи мѣста были уже исчерпаны и для закладки подсѣкъ крестьяне удалялись за 40—50 и далѣе верстъ. „Въ результатѣ, пишетъ г. Рума, получилось дѣйствіе обратное тому, какое ожидалось: de facto не имѣя возможности вести подсѣки по принципамъ, установленнымъ закономъ, населеніе игнорировало его, перешло къ тайнымъ подсѣкамъ, забиралось съ ними въ самую глушь, перестало изъ боязни быть накрытымъ лѣсной стражей наблюдать за дѣйствіемъ огня, и послѣдній, ничѣмъ не сдерживаемый, сталъ широко гулять внѣ подсѣкъ, губя тысячи десятинъ лѣсныхъ пространствъ" [1]). Чрезъ 6 лѣтъ эти требованія были отмѣнены и введена болѣе свободная закладка подсѣкъ съ предварительной выборкой билетовъ на каждую подсѣку. Фактически наблюденіе за этимъ возложено на лѣсничихъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлено право не разрѣшать подсѣкъ, если выбранные для этой цѣли участки находятся вблизи цѣнныхъ лѣсовъ, то на дѣлѣ оказалось, что веденіе подсѣчнаго хозяйства стоитъ въ прямой зависимости отъ взглядовъ лѣсничихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на огромныя площади малоцѣнныхъ лѣсовъ, не выдаютъ билетовъ и тѣмъ заставляютъ населеніе вновь прибѣгать къ тайнымъ подсѣкамъ. Помимо подсѣчнаго хозяйства населеніе связано съ казенными лѣсными пространствами и въ другихъ отношеніяхъ.

Непрерывно растущее земледѣліе требовало расширенія площади сѣнокосныхъ угодій, а такъ какъ внутри крестьянскихъ дачъ, пригодныхъ для этой цѣли мѣстъ было немного, то населеніе переступило границы и вытянуло свои сѣнокосы длинными лентами по рѣкамъ и рѣчкамъ, далеко внѣдряясь вглубь казенныхъ дачъ. Росли расчистки и пахатныхъ угодій, причемъ и въ этомъ случаѣ, побуждаемые невозможностью производить ихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ вблизи селеній, крестьяне удалялись въ лѣса и тамъ основывали новые починки. Послѣ ряда гоненій, правительство вынуждено было въ концѣ концовъ считаться съ этими фактами и предприняло рядъ мѣръ,

---

[1]) Л. Рума. „Къ вопросу о колонизаціонной пригодности лѣтскаго и вошульскаго лѣсничествъ Устьсысольскаго уѣзда Вологодской губерніи". (Изд. парт. по заготовл. переселенч. уч. въ Пермск. и Волог. губ. Пермь, 1902 г.).

чтобы по крайней мѣрѣ упорядочить самовольныя расчистки. Оно легализировало пользованіе расчищенными въ казенныхъ лѣсахъ сѣнокосами, обративъ ихъ въ оброчныя статьи и сдавая крестьянамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки; въ то же время лѣсное вѣдомство стало практиковать сдачу лѣсныхъ участковъ изъ малоцѣнныхъ въ лѣсохозяйственномъ отношеніи площадей въ безсрочную аренду для вновь образующихся починковъ; это правило распространено также и на образовавшіеся до этого починки. Но условіе о малоцѣнности насажденій на выбранномъ участкѣ снова ставитъ осуществленіе предоставленнаго крестьянамъ права въ зависимость отъ взглядовъ лѣсничихъ. Понятіе о цѣнности лѣсныхъ насажденій можетъ имѣть очень распространительное толкованіе. Нѣкоторые изъ лѣсничихъ, блюдя интересы казны, считаютъ цѣнными площади, покрытыя мѣшанымъ, а иногда и лиственнымъ насажденіемъ, и закрываютъ ихъ для населенія. Ежегодные пожары уничтожаютъ тысячи десятинъ этихъ „заповѣдныхъ" лѣсовъ, а населеніе выбивается изъ силъ въ борьбѣ съ недостаткомъ мѣстъ въ крестьянскихъ дачахъ. Къ чинамъ партіи по заготовленію переселенческихъ участковъ сотнями поступаютъ прошенія крестьянъ, желающихъ оставить свои насиженныя мѣста и переселиться на казенныя земли. Имѣя ввиду работы этой партіи, управленія государственныхъ имуществъ совершенно прекратили выдачу разрѣшеній на образованіе новыхъ починковъ, и для крестьянъ оказался закрытымъ и этотъ выходъ. Между тѣмъ работы партіи идутъ далеко не быстро; цѣлые огромные уѣзды, какъ устьсысольскій, до сихъ поръ еще не вышли изъ стадіи подготовительныхъ работъ, и пройдетъ, можетъ быть, не мало лѣтъ, прежде чѣмъ они перейдутъ въ фазисъ „заготовленія" участковъ. Огромныя лѣсныя площади пустуютъ, дожидаясь земледѣльца, тогда какъ рядомъ крестьянинъ судорожно бьется, сжатый въ тискахъ малоземелья.

Тенденція правительства ясна. Послѣ цѣлаго ряда колебаній то въ сторону запрещенія, то въ сторону свободной расчистки, правительство окончательно встало на точку зрѣнія— сохранить лѣса, обезопасивъ ихъ отъ истребленій огнемъ и человѣкомъ. Съ этой цѣлью оно ограничиваетъ свободу пользованія для населенія лѣсными пространствами, уступая въ этомъ стремленіи лишь подъ давленіемъ крайней необходимости.

Вступивъ на путь ограниченій, правительство первое время не касалось земель, замежеванныхъ при генеральномъ межеваніи въ крестьянскія дачи. Высочайшимъ указомъ 26 октября

1821 года было подтверждено право крестьянъ на производство расчистокъ въ предѣлахъ этихъ дачъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по ходатайствамъ крестьянъ производились дополнительныя нарѣзки. Правительство какъ будто хотѣло предоставленіемъ свободы расчистокъ въ предѣлахъ крестьянскихъ дачъ вознаградить населеніе за стѣсненія пользованія казенными землями. Но со второй половины XIX в. дѣло опять круто измѣняется. „9-го апрѣля 1857 г. былъ изданъ министерствомъ государственныхъ имуществъ циркуляръ, коимъ всякаго рода прирѣзки къ душевому надѣлу изъ свободныхъ казенныхъ земель отложены до составленія владѣнныхъ записей. 1857 г. знаменуетъ крутой поворотъ въ земельной политикѣ правительства, прежнее стремленіе всячески удовлетворять нужду крестьянъ въ землѣ замѣнилось новымъ теченіемъ: все вниманіе было направлено на сохраненіе лѣсовъ, хотя бы путемъ все большаго и большаго стѣсненія крестьянскаго землепользованія даже въ предѣлахъ крестьянскихъ дачъ. Предписаніемъ лѣсного департамента отъ 5 ноября 1864 г. и отъ 26 ноября 1865 г. кругъ расчистокъ въ нихъ ограниченъ $1^1/_2$—3 верстами отъ селеній; предписаніемъ того же департамента отъ 14 марта 1867 г. изъ старыхъ расчистокъ было разрѣшено оставить въ пользованіи крестьянъ лишь удаленныя отъ селенія не далѣе 5 вер. и т. п., пока, наконецъ, предписаніемъ лѣсного департамента отъ 6 сентября 1882 года не было совершенно пріостановлено право крестьянъ производить расчистки въ чертѣ ихъ надѣльныхъ дачъ, формально отграниченныхъ за 100 лѣтъ еще до этого предписанія“ [1]). Правительство не удержалось на точкѣ зрѣнія, установленной актами генеральнаго межеванія и распространило ограниченія права крестьянъ приступать къ расчисткамъ и на крестьянскія дачи. По мѣрѣ того, какъ хозяйственная жизнь населенія въ своемъ непрерывномъ развитіи требовала расширенія площади угодій, со стороны правительства замѣчалось стремленіе все болѣе и болѣе стѣснять право производства расчистокъ. „Чѣмъ обусловливалось такое измѣненіе во взглядахъ правительства, пишетъ г. Рума, мы не знаемъ, но результаты получились самые плачевные: переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ не осуществился, а наоборотъ получилась экстенсификація земледѣлія. Увеличивающееся населеніе требовало увеличенія продовольственныхъ средствъ, чему препятствовалъ цѣлый рядъ узаконеній и распоряженій,—при-

---

[1]) Л. Рума. loc. cit.

ходилось такъ или иначе обходить ихъ" [1]). И населеніе, не имѣя возможности сдерживать непрерывнаго роста своихъ силъ, дѣйствительно обходило.

Позднѣйшія узаконенія имѣли въ виду уже не весь сѣверъ. Въ 1866 году были изданы правила о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ; съ 70-хъ годовъ поземельное устройство коснулось и сѣверныхъ губерній. Правительство рѣшило, наконецъ, покончить съ неопредѣленностью и шаткостью правъ крестьянъ на землю и замѣнить массу циркуляровъ, предписаній и проч. однимъ общимъ закономъ. Какъ ни противорѣчитъ поземельное устройство съ его основнымъ принципомъ — выкупомъ крестьянами надѣльныхъ земель въ собственность—правовымъ воззрѣніямъ населенія, не признающаго частную собственность на землю, тѣмъ не менѣе оно явилось большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ упорядоченія земельныхъ отношеній; но и здѣсь дѣло не было доведено до конца. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 мая 1882 года вся Архангельская губернія и три сѣверо-восточныхъ уѣзда Вологодской: Сольвычегодскій, Яренскій и Устьсысольскій были изъяты изъ числа мѣстностей, подлежащихъ поземельному устройству, на томъ основаніи, что земельно-хозяйственная жизнь въ нихъ еще не достаточно сформировалась. Въ неустроенномъ видѣ они остаются и теперь. Въ то время, какъ въ другихъ частяхъ сѣвера землевладѣніе введено въ опредѣленныя рамки, здѣсь оно регулируется множествомъ самыхъ разнообразныхъ актовъ, одинъ другому противорѣчащихъ, одинъ другого дополняющихъ, но въ общемъ съ опредѣленно выраженной тенденціей къ стѣсненію пользованія землею. Вмѣсто стройной и ясной для крестьянина системы земельно-правовыхъ отношеній, создана такая пестрота правъ, въ которомъ трудно разобраться не только населенію, но и администраціи. Прежде крестьянинъ, расчищая участокъ гдѣ-бы то ни было, былъ спокоенъ за прочность владѣнія имъ, теперь онъ не знаетъ, вправѣ ли разрабатывать участокъ въ предѣлахъ своей же крестьянской дачи рядомъ съ существующими уже полосами. Онъ не въ состояніи услѣдить за непрерывно мѣняющимися направленіями въ дѣлѣ упорядоченія его правъ и понять, почему тамъ, гдѣ онъ еще вчера расчищалъ клочекъ пашни, теперь уже ему нельзя работать; поэтому единственнымъ выходомъ для него остается продолжать то же отношеніе къ окружающимъ лѣснымъ пространствамъ, какое выра-

---

[1]) Л. Рума. loc. cit.

боталось въ теченіе нѣсколькихъ предыдущихъ вѣковъ. Сознаніе въ правѣ каждаго приступать къ разработкѣ незанятыхъ трудомъ другого земель, попрежнему живо въ населеніи, хотя и въ значительно помутненномъ видѣ. То, что ранѣе производилось прямо, открыто, теперь дѣлается съ оглядкой. На каждыя 10 билетныхъ подсѣкъ приходится столько же, если не болѣе самовольныхъ, разработанныхъ въ глубинѣ лѣсовъ, куда не заглядываетъ лѣсная стража. Лѣсное вѣдомство установило сдачу лѣсныхъ участковъ въ арендное содержаніе для расчистки сѣнокосовъ, между тѣмъ огромное большинство сѣнокосовъ расчищается по прежнему безъ всякаго разрѣшенія и лѣсному вѣдомству приходится время отъ времени образовывать новыя оброчныя статьи уже, такъ сказать, „заднимъ числомъ", послѣ того, какъ онѣ давно расчищены и эксплоатируются. Существующія оброчныя статьи непрерывно растутъ путемъ причистокъ изъ прилегающихъ удобныхъ для этого мѣстъ: благодаря чему сплошь и рядомъ величина дѣйствительно эксплоатируемой площади въ 5—10 разъ превышаетъ показанную по даннымъ лѣсного вѣдомства. Образованіе новыхъ починковъ въ казенныхъ дачахъ воспрещено безъ предварительнаго разрѣшенія, между тѣмъ населеніе, побуждаемое, съ одной стороны, тѣснотой, съ другой—медленностью и трудностью въ полученіи разрѣшеній, продолжаетъ ихъ основывать самовольно. Крестьяне починка Харитоновскаго, Устьсысольскаго уѣзда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ведутъ героическую борьбу съ лѣснымъ вѣдомствомъ, выселяющимъ ихъ съ самовольно занятыхъ мѣстъ; общая сумма штрафовъ, наложенныхъ на нихъ за произведенныя при расчисткахъ порубки значительно превышаетъ стоимость всего живого и мертваго инвентаря починовцевъ. Въ концѣ концовъ лѣсное вѣдомство одержитъ, конечно, побѣду, но она будетъ куплена цѣною полнаго разоренія починка. При такомъ противорѣчіи между народными правовыми воззрѣніями и взглядами правительства не можетъ существовать спокойнаго, нормальнаго развитія хозяйства. Казалось, несложившіяся формы хозяйства должны были бы обратить вниманіе правительства и вызвать съ его стороны принятіе такихъ мѣръ, при которыхъ возможно дальнѣйшее нормальное развитіе. Укрѣпленіе правъ вообще, тѣмъ болѣе правъ, касающихся имущественной сферы, является наисущественнѣйшей задачей; отъ правильнаго разрѣшенія ея зависитъ устойчивость и крѣпость всего общественнаго организма. Разъ правительство вступило на путь ограниченій народнаго права, поколебавъ то, что, какъ сказано выше,

придавало простоту и стройность системѣ поземельныхъ отношеній, то оно не можетъ останавливаться на полдорогѣ и, не ограничиваясь циркулярами и предписаніями, должно создать такую же простую, стройную и ясную систему имущественныхъ правъ. Установленіе прочнаго правопорядка въ области земельныхъ отношеній является самою настоятельною необходимостью для тѣхъ мѣстностей сѣвера, которыя не затронуты еще поземельнымъ устройствомъ. Въ чемъ бы ни выразилось это установленіе, несомнѣнно, что оно должно принять такія формы, при которыхъ возможно было бы спокойное, планомѣрное развитіе хозяйства.

Крестьянское землевладѣніе на нашемъ сѣверѣ издавна привлекало къ себѣ вниманіе изслѣдователей, и въ трудахъ гг. Ефименко и Соколовскаго собрано и разработано не мало матеріаловъ, находящихся какъ въ центральныхъ архивахъ, такъ и, чтò особенно важно, на мѣстахъ: у частныхъ лицъ, въ церквахъ и проч. Въ этомъ отношеніи особенное значеніе имѣетъ трудъ г. Ефименко: „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“, въ которомъ, по словамъ автора, разработано около тысячи разнообразныхъ документовъ, характеризующихъ съ той или другой стороны земельно-юридическія отношенія населенія. Труды названныхъ изслѣдователей имѣютъ въ виду не весь сѣверъ, а лишь части его. Такъ, Ефименко воспользовалась матеріалами, относящимися къ Архангельской губерніи, г. Соколовскій—Новгородской, Тверской, словомъ, къ тому району, который нѣкогда составлялъ ядро древней новгородской республики. Наше вниманіе направлено также не на весь сѣверъ, а на весьма незначительную часть его, именно на сѣверо-восточный уголъ Вологодской губерніи, занятый Устьсысольскимъ и отчасти Яренскимъ уѣздомъ, на ту территорію, которую въ данное время занимаютъ зыряне. Выбранный районъ принадлежитъ къ части сѣвера, не подвергшейся еще поземельному устройству; къ нему, слѣдовательно, цѣликомъ относится все, чтò выше сказано о шаткости юридическихъ правъ. Принимаясь за предлагаемую благосклонному вниманію читателей работу, мы хотѣли показать, насколько это возможно, подъ вліяніемъ какихъ причинъ слагались существующія въ настоящій моментъ формы землевладѣнія и землепользованія и какую картину онѣ представляютъ теперь, готовясь—вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ—встрѣтить поземельное устройство.

Не будучи спеціалистомъ по затронутымъ вопросамъ, мы заранѣе просимъ снисхожденія къ тѣмъ ошибкамъ, неясностямъ

въ опредѣленіяхъ и прочимъ недочетамъ, какихъ, безъ сомнѣнія не мало найдется въ предлагаемомъ очеркѣ. Нами руководило желаніе высказать все, что накопилось у насъ за время жизни среди зырянъ, дополнивъ тѣмъ, что можно было найти въ литературѣ [1]) и будемъ считать себя вполнѣ удовлетворенными, если настоящая работа, чуждая всему, что не имѣетъ подъ собою почвы дѣйствительности, сослужитъ хотя бы и небольшую службу при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ, неизбѣжно связанныхъ съ важнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ поземельнаго устройства.

I.

Если обратиться къ терминологіи формъ поземельныхъ отношеній, созданной изслѣдователями сибирской крестьянской общины (гг. Кауфманъ, Кроль, Осиповъ, Личковъ и др.), то найдемъ, что, несмотря на большое разнообразіе въ названіяхъ, всѣ изслѣдователи въ большей или меньшей степени признаютъ четыре формы, представленныя яснѣе всего у г. Кроль. Ихъ можно охарактеризовать такъ: a) при *вольномъ* пользованіи не создается никакого длящагося прочнаго владѣнія землею, крестьянинъ разъ выкашиваетъ одинъ участокъ, на слѣдующій годъ переходитъ на другой и т. д. Эта форма предполагаетъ возможность непосредственной эксплоатаціи безъ предварительной расчистки участка; b) въ *чисто-захватной* формѣ необходимымъ элементомъ является непрерывность, вѣчность владѣнія; захвативъ участокъ, крестьянинъ считаетъ себя собственникомъ его и не допускаетъ никого въ сферу своей заимки, хотя бы самъ и не обрабатывалъ; c) *ограниченно-захватная* форма предполагаетъ, что захваченный участокъ можетъ находиться во владѣніи лица лишь при условіи обработки; отсутствіе послѣдней

---

[1]) Литература о земельныхъ отношеніяхъ зырянъ поражаетъ своей бѣдностью. Всѣ матеріалы, характеризующіе тѣ или иныя стороны зырянской жизни, какъ на зарѣ ихъ исторіи, такъ и въ болѣе позднѣйшее время, собраны въ немногочисленныхъ трудахъ: въ повременной печати, въ отдѣльныхъ монографіяхъ, въ изданіяхъ Императорскаго географическаго общества, въ сборникахъ по Вологодской губ. и проч. и представляютъ рядъ догадокъ, личныхъ впечатлѣній, лингвистическихъ изысканій. Да и въ такомъ видѣ они затрагиваютъ тѣ стороны зырянской жизни, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ разсматриваемому вопросу. Болѣе существеннымъ подспорьемъ послужили намъ матеріалы, обработанные и помѣщенные въ „Итогахъ экономическаго изслѣдованія крестьянскаго населенія Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской губ.“ (Статьи В. Ф. Попова и наша).

даетъ другому право на занятіе участка; d) при *уравнительной* формѣ вводится принципъ уравненія земли между членами общины. Богатство формъ, свойственное сибирскому землевладѣнію, чуждо зырянамъ. Несомнѣнно, что при желаніи можно найти и у нихъ намеки на перечисленныя формы, но естественно-историческія особенности района не дали развиться имъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно исказили. Такъ вольное пользованіе угодьями совершенно не имѣетъ и не имѣло мѣста, ибо на зырянской территоріи нѣтъ пространствъ, которые можно эксплоатировать безъ предварительной затраты труда на расчистку, имѣются, правда, природные сѣнокосы, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что лишь тогда, когда въ селеніи всего одинъ лишь домохозяинъ, онъ можетъ по желанію косить то въ одномъ, то другомъ мѣстѣ, при нѣсколькихъ же—вольное пользованіе неизбѣжно повлекло-бы къ ссорамъ и насиліямъ. Чисто-захватная форма также чужда зырянамъ. Владѣніе участкомъ продолжается здѣсь лишь постольку, поскольку продолжается обработка; никто не держитъ за собою земель, не имѣя намѣренія ихъ обрабатывать. Лишь двѣ послѣднія формы опредѣленно выражены въ зырянскомъ землевладѣніи. Принимать поэтому показанную группировку не представляется возможнымъ. Особенности района таковы, что они не позволяютъ даже положить въ основу группировки формъ зырянскаго землепользованія критерій, принятый сибирскими изслѣдователями. Для послѣднихъ степень правомѣрности захвата даетъ поводъ говорить о той или иной формѣ, между тѣмъ у зырянъ захватъ не опредѣляетъ собою ни формъ, ни продолжительности владѣнія; для зырянскаго правосознанія захватъ есть лишь только форма *завладѣнія* и въ этомъ смыслѣ имѣетъ мѣсто одинаково какъ въ эпоху, когда субъектомъ владѣнія землею является отдѣльное лицо, индивидуумъ, такъ и тогда, когда такимъ субъектомъ служитъ община; но юридическаго значенія онъ никогда не имѣлъ. Такимъ значеніемъ обладаетъ только *трудъ*. На протяженіи всей длинной исторіи зырянскаго землевладѣнія трудъ, положенный на разработку, всегда имѣлъ признаніе, какъ основаніе къ владѣнію участкомъ. Степень этого признанія не всегда одинакова: въ одномъ случаѣ слѣдствіемъ труда по расчисткѣ является вѣчное владѣніе участкомъ, въ другомъ—оно ограничено извѣстнымъ срокомъ, устанавливаемымъ міромъ, общиною. Въ зависимости отъ этого мы различаемъ двѣ эпохи: 1) *индивидуальное, или неограниченно-трудовое владѣніе* и 2) *общинное, или ограниченно-трудовое владѣніе*. Въ первомъ

субъектомъ правъ владѣнія является отдѣльное лицо, во второмъ—община. Эти два вида владѣнія составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и двѣ послѣдовательныя стадіи историческаго развитія землевладѣнія; первичную стадію представляетъ индивидуальное владѣніе, болѣе позднѣйшую—общинное. Первое непрерывно переходитъ во второе. Если обратиться къ разсмотрѣнію современной картины земельныхъ отношеній зырянъ, то увидимъ, что вторая форма почти всюду одержала побѣду надъ первой и только въ наиболѣе удаленныхъ, заброшенныхъ среди лѣсовъ деревняхъ индивидуальное владѣніе еще продолжаетъ находить себѣ пріютъ.

II.

Зыряне или комі (komi—jöz) принадлежатъ къ группѣ финскихъ племенъ, заселившихъ въ доисторическія времена сѣверъ Россіи. Лѣтописецъ Несторъ, перечисляя въ XI вѣкѣ племена сѣвера, не упоминаетъ, однако, о зырянахъ. Это доказываетъ, что въ то время зыряне или еще не сформировались въ отдѣльное племя или были извѣстны подъ какимъ-либо другимъ названіемъ. Въ глубокой древности оно обитало на берегахъ р. Камы, на что̀ указываетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что зыряне и до сихъ поръ пермскую землю зовутъ ком-му (сокращенное комі-му), т. е. земля зырянъ. Здѣсь они входили въ составъ того обширнаго племени „пермь“, остатки котораго подъ именемъ пермяковъ и до сихъ поръ заселяютъ верховья Камы. Отсюда по одной версіи зыряне перешли на сѣверо-западъ въ бассейнъ Вычегды, откуда впослѣдствіи заселили Печору, по другой, наоборотъ, они прежде всего направились на Печору, гдѣ нѣкоторое время обитали подъ названіемъ, одноименнымъ съ этой рѣкой и уже послѣ заселили Вычегодскій край. Несомнѣнно одно, что свое настоящее названіе „зырянъ“ они получили уже тогда, когда прочно обосновались на берегахъ Вычегды. По лѣтописнымъ источникамъ племя печора уже въ 1092 году платило дань новгородцамъ. Были ли то зыряне или совершенно особое племя, неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе съ достовѣрностью можно сказать, что къ этому времени и зыряне не избѣжали общей участи и попали подъ власть новгородцевъ. Побѣдители не вмѣшивались въ жизнь инородцевъ; внутренній бытъ зырянъ оставался нетронутымъ; они управлялись своими старшинами и вся зависимость выражалась лишь въ платежѣ дани. Даже такое крупное событіе

какъ переходъ обладанія сѣверомъ отъ новгородцевъ къ москвичамъ мало отразилось на ихъ судьбѣ. Но, конечно, такая изолированность не могла продолжаться вѣчно. Русская культура неудержимо стремилась на сѣверъ и зыряне не могли избѣжать столкновенія съ ней. Какъ менѣе развитое племя они мало-по-малу перенимали многія черты матеріальной и духовной культуры русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разроставшаяся колонизація сѣвера, проведеніе дорогъ, увеличивали связь покоренныхъ инородцевъ съ сѣверомъ и къ настоящему времени зыряне испытываютъ на себѣ послѣдствія общерусскаго административнаго управленія. Но это мирное завоевательное движеніе, начавшееся сравнительно уже поздно, не могло измѣнить основного характера народнаго быта. Главные элементы зырянскаго міросозерцанія сложились уже раньше самостоятельнымъ путемъ въ соотвѣтствіи съ своеобразными естественно-историческими особенностями края. Это даетъ право смотрѣть и на земельно-правовыя воззрѣнія населенія какъ на результатъ вполнѣ самостоятельнаго приспособленія къ жизненной обстановкѣ.

Пока зыряне не перешли къ осѣдлому образу жизни, исключительными ихъ занятіями были охота и рыбная ловля. Къ этому представлялась полная возможность. Въ окружающихъ со всѣхъ сторонъ лѣсахъ водилось достаточное количество цѣннаго пушнаго звѣря. Насколько охота была удачной даже въ значительно позднѣйшее время, указываютъ значительные оброки мѣхами, выплачивавшіеся сначала новгородскимъ, потомъ московскимъ сборщикамъ. Въ поискахъ за болѣе цѣнными экземплярами охотники бродили съ одного мѣста на другое и иногда, какъ сообщаетъ Латкинъ, переходили чрезъ Уралъ, вторгаясь въ область югры. Съ послѣдней „бывали драки и насилія, бывало и такъ, что промышленники платили зауральской югрѣ нѣчто вродѣ оброка свинцомъ и порохомъ за право охоты въ ея лѣсахъ“ [1]). Свѣдѣнія эти относятся сравнительно къ позднѣйшему времени. Они интересны, однакожъ, какъ свидѣтельства того, что въ продолженіи охотничьяго періода своей жизни зырянамъ приходилось вступать въ столкновеніе съ окружающими племенами изъ-за правъ на территорію охоты. Несомнѣнно, что зауральская югра была не единственнымъ изъ числа сосѣднихъ племенъ, съ которыми бывали драки и насилія. Эта борьба имѣла своимъ источникомъ сознаніе, что право охоты

[1]) Цитировано по Смирнову. Указ. соч.

на занятой племенемъ территоріи принадлежитъ исключительно ему, что только его члены могутъ въ ея предѣлахъ бить звѣрей и ловить рыбу. Въ этомъ отношеніи зыряне нисколько не отличались отъ первобытныхъ народовъ вообще, у которыхъ первыя войны служатъ войнами изъ-за права охоты. По отношенію къ зырянамъ справедливѣе, впрочемъ, говорить не о войнахъ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова—есть указанія, что зыряне были всегда народомъ мирнымъ, а о столкновеніяхъ отдѣльныхъ охотниковъ или группъ. Переходя съ мѣста на мѣсто по обширной племенной территоріи, зырянинъ нигдѣ не встрѣчалъ противодѣйствія, его право на охоту признавалось въ любомъ мѣстѣ. Племенная территорія представляла одно цѣлое. Никто не имѣлъ исключительнаго права на часть ея. Такое воззрѣніе являлось слѣдствіемъ фактическаго положенія дѣла; зырянинъ въ дѣйствительности пользовался всей племенной территоріей или той частью ея, гдѣ онъ считалъ для себя выгоднымъ и его право было выводомъ изъ этого дѣйствительнаго положенія вещей. И все время, пока зырянинъ велъ бродячій образъ жизни, пока онъ фактически пользовался любой частью территоріи, это воззрѣніе продолжало существовать. Бродячій охотничій бытъ характеризовался сознаніемъ, что всякій зырянинъ имѣетъ одинаковое право охотиться въ любомъ мѣстѣ племенной территоріи, никакого ограниченія этого права не существовало. Къ началу завоевательнаго движенія русскихъ дѣло обстояло нѣсколько иначе. Когда новгородскіе піонеры впервые пробрались въ эти дебри, то зыряне были народомъ уже осѣдлымъ и жили, разселившись небольшими поселеніями, по берегамъ наиболѣе крупныхъ рѣкъ. Явился ли этотъ переходъ слѣдствіемъ того, что на сцену появились другія занятія, потребовавшія постояннаго или по крайней мѣрѣ болѣе продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ,— сказать трудно; весьма вѣроятно, что здѣсь, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, появились попытки земледѣлія въ видѣ примитивной, хотя и до сихъ поръ широко распространенной по всему сѣверу, подсѣчно-огневой системы. Лавеле утверждаетъ, что сами по себѣ начатки земледѣлія еще не знаменуютъ перехода къ осѣдлому образу жизни. Во многихъ случаяхъ первобытныя племена остаются на одномъ мѣстѣ столько времени, сколько необходимо для снятія урожая и затѣмъ вновь перекочевываютъ. Если это возможно тамъ, гдѣ земля позволяетъ приступать непосредственно къ обработкѣ ея безъ предварительной расчистки, то по отношенію къ зырянамъ дѣло должно было обстоять нѣ-

сколько иначе. Территорія этого племени была сплошь покрыта лѣсами, и нѣтъ ни одного куска земли свободнаго отъ нихъ настолько, что на немъ можно начать переложное хозяйство. Первой формой земледѣлія была здѣсь поэтому подсѣчно-огневая система. Она сводится къ тому, что на выбранномъ участкѣ вырубается лѣсъ, затѣмъ сжигается и на удобренную пепломъ землю бросаются зерна. Эти операціи вмѣстѣ со временемъ, необходимымъ для созрѣванія хлѣба, требуютъ около трехъ лѣтъ. Уже одно это обстоятельство заставляетъ предположить, что переходный періодъ отъ бродячаго къ осѣдлому образу жизни, если только онъ вообще существовалъ, очень незначителенъ, и можно съ увѣренностью сказать, что начало земледѣлія у зырянъ знаменовало собою переходъ къ осѣдлому быту.

Какимъ образомъ разгруппировалось племя при образованіи постоянныхъ поселеній? Несомнѣнно, что здѣсь сыграли нѣкоторую роль тѣ или другія родственныя связи. Въ одномъ и томъ же селеніи или въ нѣсколькихъ, расположенныхъ вблизи одно отъ другого, селились семьи, имѣвшія болѣе близкое родство, чѣмъ племенное. Будучи объединены въ силу естественной близости и вмѣстѣ съ тѣмъ изолированы отъ остальной массы племени, жители этихъ селеній получали особыя названія, обыкновенно въ зависимости отъ рѣки, на которой селились; такъ образовались вишерцы, ижемцы, вилежане, вычегжане и др. Пока зырянинъ странствовалъ по всей племенной территоріи, его сознаніе въ правѣ охоты на любомъ мѣстѣ находило себѣ фактическое выраженіе. Съ переходомъ къ осѣдлому быту дѣло измѣнилось. Уходить слишкомъ далеко отъ селеній становилось невыгоднымъ, такъ, какъ помимо большой и безполезной затраты времени на переходы, чрезъ это сильно затруднялась бы доставка добычи. Волей неволей зырянинъ вынужденъ сократить неограниченныя доселѣ странствованія и изъ года въ годъ бродить по одной и той, хотя все же обширной территоріи. Величина послѣдней опредѣлялась сама собою, обуславливаясь возможностью производить охотничій промыслъ безъ ущерба. Въ самой организаціи охоты появились условія, при которыхъ прежняя свобода странствованія неизбѣжно должна претерпѣть ограниченія. У бродячаго зырянина весь инвентарь охоты состоитъ изъ лука и стрѣлы. Въ періодъ осѣдлой жизни онъ сильно увеличивается; помимо оружія, которое охотникъ постоянно носитъ съ собою, необходимыми принадлежностями охоты служатъ: лѣсная охотничья

избушка [1]), гдѣ онъ проводитъ весь періодъ охоты, силья, всевозможныя ловушки. Охотникъ не ограничивается уже тѣмъ, что попадетъ ему на стрѣлу; онъ облюбовываетъ себѣ участокъ, гдѣ, по его мнѣнію, долженъ водиться звѣрь или птица, прокладываетъ по нему тропы, или по мѣстному названію „путики", разставляетъ ловушки и силья и сосредоточиваетъ весь промыселъ на этомъ участкѣ; отдаленныя хотя и болѣе богатыя мѣста перестаютъ его соблазнять. Такимъ образомъ постепенно опредѣлялась территорія, на которой жители группы близь лежащихъ селеній осуществляли свое право охоты. Нельзя сказать, что зырянинъ перестал сознавать свое право распространять промыселъ на какіе угодно участки; его право оставалось при немъ, но оно утратило всякое практическое значеніе, такъ какъ при измѣнившихся условіяхъ своей жизни зырянинъ фактически не могъ его осуществлять. Общая племенная территорія распадалась на части, все болѣе и болѣе терявшія между собою связь. Вмѣстѣ съ этимъ ослабѣвала и племенная организація, взамѣнъ ея крѣпла связь между членами селенія или группы ихъ. Въ этотъ періодъ осѣдлой жизни выборъ мѣста для охоты опредѣляется прежде всего фактическою возможностью съ выгодой эксплоатировать охотничій участокъ при условіяхъ осѣдлой жизни. Въ данномъ случаѣ замѣчается то же право охоты въ любомъ мѣстѣ, какое существовало и въ періодъ бродячей жизни. Сущность та же, но только осуществленіе права терпитъ ограниченія, и корень этихъ ограниченій заключается въ измѣнившихся условіяхъ хозяйственной жизни. Зырянинъ не сталъ примѣнять свое старое право по той простой причинѣ, что ему невыгодно это.

Совершенно то же самое можно замѣтить, если обратить вниманіе на новое занятіе, появившееся съ переходомъ къ осѣдлому быту—на подсѣчно-огневое земледѣліе. Подобно тому, какъ зырянинъ въ любомъ мѣстѣ занимаетъ охотничій участокъ, съ такимъ же сознаніемъ въ своемъ правѣ онъ закладываетъ подсѣку въ удобномъ для этого мѣстѣ. Условія этой системы земледѣлія таковы, что при выборѣ участка зырянинъ обращаетъ главное вниманіе на сельско-хозяйственную пригодность участка, вопросъ о разстояніи играетъ второстепенную роль и нерѣдко можно встрѣтить подсѣки за 60—70 верстъ отъ селенія. Тѣмъ не менѣе есть извѣстный предѣлъ, дальше кото-

[1]) По зырянски *вöралан'-кéрка*, или сокращенное *вöр'-керка*, иногда зовутъ также *пывсянъ*—въ переводѣ—банька.

раго подсѣчное хозяйство становится невыгоднымъ. Внутри района, очерченнаго этими предѣлами, для зырянина представляется фактически возможнымъ использовать любой участокъ, вся же остальная территорія за этими предѣлами теряетъ свое значеніе, какъ невыгодная для эксплоатаціи. Какъ и по отношенію къ охотничьему промыслу, право зырянина на занятіе любого участка для подсѣки находитъ свое осуществленіе лишь на извѣстномъ районѣ, величина котораго опредѣляется прежде всего фактической возможностью эксплоатаціи.

Земледѣлію однако не суждено долго оставаться въ зародышевомъ состояніи. Фактъ перехода къ осѣдлому образу жизни, вызванный появленіемъ примитивнаго земледѣлія, въ свою очередь, послужилъ мощнымъ толчкомъ къ дальнѣйшему развитію хозяйственныхъ формъ. Подсѣчно-огневое хозяйство представляетъ много неудобствъ, мириться съ которыми становится чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе. Отдаленность участка мѣшаетъ иногда во время убрать созрѣвшій хлѣбъ, самый выборъ участка требуетъ много времени и большой осторожности; участокъ, казавшійся по всѣмъ даннымъ отвѣчающимъ требованіямъ, оказывается зяблымъ, и посѣвъ совершенно неожиданно померзаетъ; заброшенные среди лѣсовъ посѣвы подвергаются всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ своего положенія; наконецъ, едва ли не самымъ важнымъ недостаткомъ является то обстоятельство, что, разъ подвергшись эксплоатаціи по подсѣчной системѣ, участокъ можетъ быть снова употребленъ для той же цѣли не ранѣе, какъ чрезъ 40—60 лѣтъ, пока не выраститъ лѣсъ, слѣдовательно, въ теченіе жизни болѣе чѣмъ одного поколѣнія одинъ и тотъ же участокъ можетъ быть использованъ только одинъ разъ; благодаря этому, необходимо отыскивать все новыя и новыя мѣста. Всѣ перечисленныя условія въ своей совокупности дѣлаютъ подсѣчно-огневое хозяйство ненадежнымъ, и зыряне не могутъ не искать новыхъ, болѣе постоянныхъ и устойчивыхъ формъ. И такой выходъ не замедлилъ найтись. Г. Смирновъ приводитъ свидѣтельство писцовыхъ книгъ о томъ, что въ XVI вѣкѣ у коми существовала переложная система [1]). Переводъ отъ подсѣчно-огневой къ залежной системѣ представляется вполнѣ понятнымъ. Для развитія новой формы имѣются на лицо очень благопріятныя условія. Хотя зырянинъ и имѣетъ право

[1]) „Пермяки“ стр. 134. То, что Смирновъ называетъ переложной системой можетъ быть вѣрнѣе названо залежной, такъ какъ при ней нѣтъ той регулярности, съ которой участки чередуются, поступая подъ посѣвъ и какая замѣчается въ переложномъ хозяйствѣ.

закладывать подсѣку въ любомъ мѣстѣ, но естественно, что онъ стремится использовать съ этой цѣлью прежде всего наиближайшія мѣста, благодаря чему окружающая селеніе площадь оказывается покрытою старыми подсѣками. Вскорѣ послѣ оставленія они заростаютъ мелкимъ березнякомъ, требующимъ въ случаѣ нужды очень немного труда для удаленія; на этихъ участкахъ и развивается залежное хозяйство. Освобожденный отъ молодой заросли участокъ эксплоатируется подрядъ двумя-тремя посѣвами и затѣмъ забрасывается на болѣе или менѣе долгій срокъ: отъ 5 до 15 л., въ зависимости отъ быстроты, съ которою возстанавливаются производительныя силы. Скорость обращенія одного участка при новой системѣ въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ при подсѣчно-огневой, не говоря уже о томъ, что вмѣсто одного посѣва участокъ можетъ выдержать нѣсколько слѣдующихъ одинъ за другимъ. Экономическое значеніе залежной системы совершенно другое, поэтому она не могла не отозваться на формахъ поземельныхъ отношеній. Измѣненіе начинаетъ происходить въ сторону индивидуализаціи отдѣльныхъ селеній. Залежное хозяйство требуетъ несравненно болѣе заботливости и призора со стороны крестьянина, чѣмъ подсѣчно-огневое; благодаря этому появляется заинтересованность въ томъ, чтобы участокъ находился возможно ближе къ селенію. Разбросанность, съ которой мирилось подсѣчно-огневое хозяйство, является тормазомъ при новой системѣ. Обрабатывать участокъ, находящійся даже въ 10 верстахъ уже становится невыгоднымъ, необходимо, чтобы онъ находился ближе. Территорія, на которой группой селеній практиковалось подсѣчное хозяйство, разбивается; два-три или нѣсколько селеній, расположенныя въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, по прежнему держатся стараго порядка, но болѣе удаленныя уже отдѣляются; они лишаются возможности фактически осуществлять свое право на свободную заимку. Зырянинъ по прежнему сознаетъ свое право на занятіе любого участка и, по скольку дѣло касается подсѣчнаго хозяйства, осуществляетъ его, но въ области залежнаго хозяйства это право теряетъ свое значеніе, такъ какъ пользованіе имъ по отношенію къ отдаленнымъ участкамъ становится невыгоднымъ. Иллюстраціей къ сказанному можетъ служить группа селеній въ Помоздинской волости, расположенной въ верховьяхъ Вычегды; залежная система свила себѣ тамъ прочное гнѣздо и существуетъ до сихъ поръ, хотя наряду съ ней практикуется и трехполье. Нѣсколько селеній изъ этой группы попрежнему смотрятъ на районъ, пригодный для веденія за-

лежнаго хозяйства, какъ на территорію, гдѣ каждый домохозяинъ можетъ занять любой свободный участокъ; одно селеніе, безъ всякой помѣхи распахиваетъ участокъ подъ самой усадьбой другого; но деревня Вольдинская, принадлежащая къ той же группѣ, проявляетъ уже склонность выдѣлиться и сконцентрировать залежные участки вблизи, а Скородумская и совсѣмъ отдѣлилась отъ общей массы, при чемъ въ виду отсутствія вблизи нея удобныхъ мѣстъ залежное хозяйство свелось къ ничтожнымъ размѣрамъ. Давъ толчокъ въ сторону обособленія селеній, залежное хозяйство, однако, не заключаетъ въ себѣ элементовъ, способныхъ довести это обособленіе до сильной степени, оно способствуетъ лишь выдѣленію наиболѣе удаленныхъ селеній. Болѣе сильнымъ факторомъ въ этомъ отношеніи суждено явиться новой формѣ земледѣльческаго хозяйства—трехполью.

Залежная система не можетъ долго задерживать развитіе земледѣлія по двумъ причинамъ: съ одной стороны, она требуетъ сравнительно хорошихъ почвъ, съ другой—ведетъ къ истощенію земли, производительныя силы которой не могутъ возстанавливаться въ той же мѣрѣ, въ какой истощаются, при условіи даже значительныхъ отдыховъ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ искать новыхъ, еще нетронутыхъ пахотою мѣстъ; но среди окружающихъ селеніе старыхъ подсѣкъ далеко не всѣ земли могутъ быть годны для залежнаго хозяйства, такъ какъ почвенныя условія для него должны быть значительно выше тѣхъ, съ которыми мирится подсѣка. Въ селеніяхъ съ болѣе счастливыми почвами залежная система не скоро уступила трехполью; мѣстами она сохранилась и до сихъ поръ, хотя уже въ качествѣ подсобной системы; въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, благодаря бѣднымъ и холоднымъ сѣвернымъ почвамъ, она быстро пала и теперь трудно отыскать даже слабые признаки ея прежняго существованія. Во многихъ селеніяхъ, какъ нужно предполагать, залежная система была развита весьма слабо или даже и совсѣмъ отсутствовала; тамъ подсѣчное хозяйство непосредственно переходило въ трехполье.

Смѣнившее прежнія летучія формы постоянное земледѣліе въ видѣ неправильнаго трехполья распространилось по району и теперь безпредѣльно царитъ по всей зырянской территоріи, лишь кое-гдѣ, въ исключительныхъ случаяхъ, оказывая нѣкоторые зачатки къ переходу въ болѣе высшія многопольныя системы. Переходъ къ трехполью, вызванный все увеличивающимся значеніемъ земледѣлія самъ вскорѣ дѣлается факторомъ,

побуждающимъ къ дальнѣйшему росту земледѣлія. Главной причиной тому служатъ большее постоянство и вѣрность урожаевъ. При подсѣчной системѣ малѣйшій капризъ погоды разрушаетъ всѣ надежды зырянина; залежная, болѣе вѣрная— влечетъ къ быстрому истощенію почвъ, благодаря чему третій посѣвъ на одномъ и томъ же участкѣ едва возвращаетъ сѣмена; трехпольная же система, даже въ такой несовершенной формѣ, какая встрѣчается у зырянъ, въ значительной степени устраняетъ указанные недостатки. На практикѣ переходъ выражается въ томъ, что истощившійся залежный участокъ начинаетъ удобряться искусственнымъ путемъ, чѣмъ производительныя силы возстанавливаются настолько, что позволяютъ непрерывную эксплоатацію участка иногда даже безъ оставленія его подъ паръ. Намъ приходилось наблюдать участки, на которыхъ при ежегодномъ удобреніи посѣвъ ячменя производился подрядъ свыше 20 лѣтъ. Такъ какъ естественнымъ удобреніемъ можетъ быть только навозъ, то новая система влечетъ за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, увеличеніе скотоводства, что, въ свою очередь, вызываетъ заботы объ обезпеченіи скота необходимыми кормовыми средствами; населеніе, превращая свои залежи въ постоянныя угодья, начинаетъ дѣятельно расчищать рѣчныя долины подъ сѣнокосъ. Съ переходомъ къ трехполью земледѣліе становится на прочную почву, и дѣлается краеугольнымъ камнемъ въ хозяйствѣ. До сихъ поръ земля разсматривалась какъ территорія частью для охоты, частью для веденія непостояннаго, летучаго земледѣлія, теперь она дѣлается вѣрнымъ источникомъ дохода. Говоримъ—вѣрнымъ—въ виду установленнаго уже факта, что урожаи на сѣверѣ носятъ очень постоянный характеръ, не подвергаясь рѣзкимъ колебаніямъ. Въ то время, какъ въ центральной и южной полосѣ Россіи періодическіе неурожаи сдѣлались обычнымъ явленіемъ, сѣверъ почти не знаетъ ихъ. Благодаря принятой системѣ съ постояннымъ и обильнымъ удобреніемъ, истощеніе почвы не можетъ имѣть мѣста, а климатическія условія, при континентальномъ положеніи района, вообще не испытываютъ рѣзкихъ перемѣнъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе вегетативнаго періода. Указанныя особенности трехполья, содѣйствуя увеличенію значенія земледѣлія, вызываютъ сильную заинтересованность въ землѣ. Вмѣстѣ съ этимъ земледѣліе даетъ сильный толчекъ констатированному выше стремленію селеній стягивать земельные участки поблизости. Условія новой системы требуютъ, чтобы участки не отстояли слишкомъ далеко отъ селенія, такъ какъ переѣзды на

нихъ отнимаютъ слишкомъ много времени. Особенно ощутительно сказывается отдаленность при вывозкѣ навоза. Вотъ маленькій расчетъ: для удобренія одной десятины населеніе вывозитъ въ среднемъ около 4.000 пуд. навоза, что, при обыкновенной величинѣ воза въ 15 пуд., составитъ около 270 возовъ; если участокъ расположенъ въ пяти верстахъ, то при одной лошади (однолошадныхъ у зырянъ устьсысольскаго уѣзда огромное большинство, около 70%) для удобренія одной десятины необходимо сдѣлать около *двухъ тысячъ семисотъ верстъ*, считая проѣзды впередъ и обратно. Такое же неудобство представляетъ и возка сноповъ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ обработка дальнихъ участковъ, возможная при залежной системѣ, теперь становится невыгодной; при всемъ своемъ правѣ и желаніи обратить залежный участокъ, находящійся далѣе 5 верстъ, въ удобряемую постоянную полосу, зырянинъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ расходы по обработкѣ поглотили бы весь возможный доходъ. Разъединеніе селеній идетъ поэтому впередъ быстрыми шагами. Выше приведена была въ примѣръ группа селеній Помоздинской волости, сообща пользующаяся райономъ, пригоднымъ для веденія залежнаго хозяйства; отдѣлились лишь наиболѣе удаленныя селенія. Трехполье разъединило эту группу. Участки съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ оказываются сконцентрированными около каждаго отдѣльнаго селенія. Трехпольное хозяйство завершило тотъ процессъ раздробленія племенной территоріи, начало котораго мы констатировали, говоря о переходѣ зырянъ отъ бродячаго охотничьяго быта къ осѣдлому.

Бросая общій взглядъ на эволюцію хозяйства за весь періодъ зырянской жизни, мы видимъ, что съ переходомъ отъ одной формы хозяйства къ другой—происходитъ измѣненіе и въ отношеніяхъ населенія къ землѣ. Оно состоитъ въ томъ, что территорія, на которой зырянинъ фактически можетъ осуществлять свое право свободной заимки, непрерывно съуживается. Ранѣе онъ свободно гулялъ по всей племенной территоріи; осѣдлое охотничество и подсѣчно-огневое хозяйство вынуждаютъ его ограничить свои странствованія меньшимъ райономъ, залежное хозяйство ведетъ къ еще большимъ ограниченіямъ, и, наконецъ, трехполье запираетъ его на небольшой площади, прилегающей непосредственно къ селенію. Это ограниченіе не есть, однакожъ, стѣсненіе въ правѣ, а лишь стѣсненіе въ фактической возможности разбрасываться по большей территоріи, чѣмъ это позволяютъ условія хозяйства. Что зыря-

нинъ по прежнему продолжаетъ сознавать свое право на свободную заимку въ любомъ мѣстѣ, доказывается тѣмъ, что, ведя трехпольное хозяйство, онъ никогда не задумывается заложить подсѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ считаетъ наиболѣе удобнымъ, хотя бы это было рядомъ съ усадьбами другой деревни. Гдѣ позволяетъ хозяйственная выгода, тамъ онъ тотчасъ же расширяетъ область для осуществленія своего права. Въ концѣ концовъ фактическая обособленность селеній въ отношеніи къ пахотнымъ угодьямъ, несомнѣнно, повела бы и къ ихъ правовой обособленности. Всегда, когда обычно-правовыя нормы перестаютъ находить себѣ основаніе въ явленіяхъ дѣйствительной жизни, онѣ лишаются вмѣстѣ съ тѣмъ и своего практическаго значенія; просуществовавъ нѣкоторое время въ видѣ пережитка, онѣ совершенно скрываются съ горизонта народнаго правосознанія. Но въ хозяйственной жизни зырянъ никогда не исчезали явленія, дающія жизнь этимъ нормамъ. Подсѣчное и залежное хозяйства существуютъ и до сихъ поръ, мѣшая появленію правовой оторванности селеній; да и въ самомъ трехпольѣ есть особенности, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Роль трехполья не ограничивается только разъединеніемъ селеніемъ жила. Вмѣстѣ съ его появленіемъ на сцену хозяйственной жизни выступаютъ и другіе факторы, оказывающіе не менѣе сильное вліяніе на земельныя отношенія. Мы говоримъ о сѣнокосахъ, значеніе которыхъ непрерывно возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ трехполья. Наличность сѣнокосовъ является необходимымъ условіемъ новой системы земледѣлія. Послѣдняя требуетъ удобренія, таковымъ служитъ только навозъ; для полученія его требуется расширеніе скотоводства, что, въ свою очередь, можетъ имѣть мѣсто лишь при увеличеніи кормовой площади, т. е. площади сѣнокосныхъ угодій[1]). Въ своемъ стремленіи къ этому населеніе не встрѣчаетъ тѣхъ затрудненій, которыя заставляютъ пахотныя угодья концентрироваться вблизи селенія, ибо сѣнокосное хозяйство въ значительно большей степени мирится съ дальностью разстоянія. Ниже будетъ сказано о причинахъ этой особенности. Сѣнокосы могутъ быть расчищаемы только въ рѣчныхъ долинахъ; послѣднія очень узки и крестьяне, по мѣрѣ занятія ближнихъ участковъ, все болѣе удаляются отъ селенія, уходя на 40—50 и далѣе верстъ. Въ

---

[1]) Въ районѣ кормомъ служитъ преимущественно сѣно, а не солома, почему мы позволяемъ себѣ, съ извѣстною степенью приближенія, приравнивать кормовую площадь къ сѣнокосной.

районѣ, очерченномъ этими предѣлами, каждый хозяинъ имѣетъ одинаковую фактическую возможность разрабатывать сѣнокосъ въ любомъ мѣстѣ. Никакого разграниченія между селеніями нѣтъ, участки ихъ перемѣшаны самымъ безпорядочнымъ образомъ. Это влечетъ къ тому, что въ то время, какъ по отношенію къ пахотнымъ угодьямъ селенія все болѣе разъединяются, сѣнокосное землепользованіе, наоборотъ, создаетъ между ними связь. Какъ увидимъ ниже, это противорѣчіе двухъ сторонъ земледѣльческаго хозяйства не прошло безслѣдно и наложило нѣкоторый отпечатокъ на тотъ процессъ, коимъ индивидуальное владѣніе у зырянъ переходило въ общинное.

Изъ этого очерка развитія хозяйства можно сдѣлать прежде всего тотъ выводъ, что формы отношенія населенія къ землѣ находятся въ тѣсной зависимости отъ формъ хозяйства. Районъ эксплоатаціи суживается или расширяется въ зависимости отъ той степени свободы заимки земель, которая предписывается данной формой эксплоатаціи. Что касается юридическихъ воззрѣній населенія, то въ теченіе всего описаннаго періода они остаются почти безъ перемѣны. Право зырянина на свободную заимку земли для приложенія къ ней въ той или другой формѣ труда ничѣмъ не стѣснено, онъ ни къ кому не обратится съ вопросомъ — можно или нѣтъ занять понравившійся ему участокъ. Отъ раннихъ зачатковъ хозяйственной жизни и до настоящаго времени остается неизмѣннымъ основное право зырянина—право на свободную заимку земли. Заимка всегда имѣетъ своей цѣлью приложеніе хозяйственнаго труда. Поэтому можно сказать, что это основное право зырянина есть не что иное, какъ право на приложеніе къ землѣ хозяйственнаго труда. Къ сознанію этого права зырянинъ пришелъ путемъ долгой, многовѣковой жизни въ той суровой обстановкѣ, которая ничего не даетъ даромъ, гдѣ опасность умереть съ голоду устраняется лишь долгимъ упорнымъ трудомъ. Безъ труда— здѣсь невозможно существованіе, а потому признаніе права на приложеніе къ землѣ труда есть не что иное, какъ признаніе права на существованіе.

Само собою разумѣется, что одного лишь права на заимку съ цѣлью труда земель недостаточно; необходимо кромѣ того, чтобы заимщикъ могъ спокойно предаваться работѣ въ полной увѣренности, что никто другой не воспользуется плодами его труда, не выпетъ звѣря или птицу изъ разставленныхъ сильевъ, не посѣетъ хлѣба на разработанномъ участкѣ. И такая увѣренность существуетъ.

Мы видѣли, что переходъ къ осѣдлому охотничеству влечетъ сосредоточеніе промысла на небольшомъ участкѣ взамѣнъ прежней обширной территоріи. Уменьшеніе района промысла тотчасъ отражается на степени интенсивности эксплоатаціи. Участокъ для охоты требуетъ массы труда. Не говоря уже о необходимости оборудовать его всѣмъ необходимымъ: построить вöръ-керку, силья, ловушки, — самый выборъ участка заставляетъ тратить массу времени, труда, знаній, нужно принять во вниманіе характеръ мѣстности, привычки звѣря, птицъ, много другихъ условій, совершенно непонятныхъ для непосвященнаго человѣка. Закладка подсѣки требуетъ не меньше времени, чѣмъ выборъ и оборудованіе охотничьяго участка. Необходимо не только вырубить лѣсъ, но и разложить его такъ, чтобы онъ равномѣрно покрывалъ весь выбранный участокъ; если нарубленнаго лѣса для этого недостаточно, то недостающее количество приносится со стороны; выкорчевываніе пней [1]), сжиганіе лѣса, уборка несгорѣвшихъ деревьевъ, наконецъ, упорная долгая бороньба первобытной бороной — суковаткой, — все это требуетъ огромной затраты времени и мускульной силы. Обильные урожаи на подсѣкахъ даются недаромъ. Само собою разумѣется, при отсутствіи увѣренности въ томъ, что никто не воспользуется плодами труда, не можетъ быть и самой работы. И мы видимъ, что у зырянъ, какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, признаніе права трудящагося является условіемъ sine qua non общественной организаціи. Вöръ-керка охотника постоянно готова для пріема всякаго вольнаго или невольнаго гостя; каждый можетъ воспользоваться ею, какъ временнымъ пріютомъ и найдетъ тамъ все необходимое: запасъ сухарей, соли, иногда сушенаго мяса, трутъ и огниво, самодѣльную грубую чашку; всѣмъ этимъ посѣтитель можетъ воспользоваться въ случаѣ крайней нужды, но вынуть попавшуюся въ силья птицу или звѣря считается грубымъ нарушеніемъ правъ трудящагося, поступкомъ безусловно осуждаемымъ всѣми. Такое же признаніе правъ на продукты и территорію труда со стороны общественнаго мнѣнія влечетъ и разработка подсѣки.

Трудъ не только сдѣлался элементомъ, вліяющимъ на характеръ общественныхъ отношеній зырянъ, онъ проникъ глубже, въ семью, породивъ въ ней своеобразныя явленія. Зырянская семья представляетъ собою кровный союзъ нѣсколькихъ лицъ, сообща ведущихъ хозяйство. Глава семьи не является неогра-

---

[1]) Корчуются не всѣ пни.

ниченнымъ распорядителемъ общаго семейнаго имущества; онъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ въ этомъ отношеніи контролемъ другихъ членовъ семейства, имѣющихъ въ виду свои интересы. Онъ не имѣетъ, напримѣръ, права продать родовой участокъ; мало этого, онъ не можетъ распоряжаться имъ даже въ предѣлахъ своей семьи, будучи обязанъ раздѣлить его поровну между всѣми членами семьи. „Это не твое, ты не самъ работалъ надъ нимъ, а отъ дѣда получилъ", говоритъ семья и требуетъ раздѣла. Земля, разработанная самимъ большакомъ, безъ участія членовъ семьи составляетъ предметъ его полнаго распоряженія; отецъ можетъ или раздѣлить ее поровну между всѣми членами семьи, или отдать одному или, наконецъ, продать и съ деньгами поступить по собственному усмотрѣнію; въ этомъ онъ воленъ дѣлать что хочетъ; но права его на землю, разработанную сообща всѣми членами семьи, уже подвергаются ограниченію. Это свойственно, впрочемъ, не однимъ зырянамъ. Пахманъ указываетъ, что во Владимірской губерніи также наблюдается различіе между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществами. „Первымъ считается наслѣдственное имущество и распоряжаться имъ произвольно нельзя, такъ какъ оно подлежитъ переходу къ законнымъ наслѣдникамъ" [1]) То, что составляетъ продуктъ труда всѣхъ членовъ семьи, или что перешло къ ней безъ всякаго труда, какъ напр. родовое имущество, въ одинаковой степени считается общей собственностью всей семьи; напротивъ, то что составляетъ продуктъ труда отдѣльныхъ членовъ семьи, имѣетъ склонность выскользнуть изъ-подъ ея контроля. Зачастую взрослые сыновья въ свободное время разрабатываютъ понемногу участокъ земли и при отдѣлѣ получаютъ его въ свое исключительное владѣніе, помимо того, что они получаютъ какъ участники въ общесемейномъ трудѣ.

Въ праздники семья обыкновенно не работаетъ и если кто-либо изъ членовъ ея употребитъ праздничный день на какую-нибудь работу, напримѣръ наймется къ сосѣдямъ, почему либо работающимъ, то заработокъ, какъ продуктъ лично его труда, поступаетъ въ его пользу. На эти деньги сыновья покупаютъ себѣ неизмѣнную гармонію, сапоги съ тысячью сборовъ и другіе предметы деревенскаго щегольства. Но тотъ же сынъ, работая на сторонѣ въ обычное трудовое время, когда вся семья занята общей работой, теряетъ уже право на зарабо-

---

[1]) Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи. Т. I, стр. 26.

токъ. Въ послѣднее время у зырянъ сильно возрасли всякаго рода работы по лѣсной эксплоатаціи. Члены семьи, отправляющіеся съ лѣсомъ въ Архангельскъ или въ другое мѣсто, обязаны всю заработанную сумму отдать на семью, ибо въ данномъ случаѣ, хотя деньги получены за ихъ единоличную работу, семья работала общую работу, въ которой должны были принять участіе и отсутствующіе. Наиболѣе ярко это обособленіе сказывается по отношенію къ женщинамъ. Въ зырянской семьѣ женщина, вообще говоря, играетъ большую роль. Помимо чисто домашнихъ работъ, она принимаетъ участіе и въ земледѣльческихъ работахъ, и въ промысловой жизни. Когда весной почти весь мужской элементъ уходитъ съ плотами на 3—4 недѣли, женщина одна справляется съ пахотой, съ бороньбой, сѣвомъ и другими работами. То же и осенью, когда охотники разбредаются по своимъ вӧръ-керкамъ. Въ отсутствіе мужчинъ женщина является полноправнымъ представителемъ хозяйственной единицы-двора, участвуетъ на сходахъ о передѣлахъ земли, о разверстаніи платежей и т. д. Не малое значеніе ея трудъ имѣетъ и въ промысловой жизни, наприм. въ вывозкѣ заготовляемаго мужчинами лѣса къ рѣкѣ, въ рыбныхъ промыслахъ, особенно на р. Печорѣ, въ ямщичествѣ и т. п. Но кромѣ этого въ зырянскомъ хозяйствѣ есть не мало работъ, которыя исполняются исключительно женщинами; къ числу ихъ относятся: посѣвъ и уборка льна, пряжа, сборъ ягодъ, грибовъ и проч. Вырученныя отъ продажи продуктовъ этихъ работъ деньги поступаютъ обыкновенно въ собственность женщины. То же самое замѣчается иногда по отношенію къ мелкимъ продажамъ молока, масла. Женщины часто участвуютъ въ качествѣ гребцовъ въ ночной рыбной ловлѣ, предпринимаемой нѣсколькими домохозяевами; онѣ получаютъ за это опредѣленный пай; деньги, вырученныя отъ продажи его, поступаютъ въ ея пользу. Платки, сарафаны, кольца, серьги, въ послѣднее время даже зонтики,—вотъ предметы, на которые идутъ эти деньги. Но все это лишь въ томъ случаѣ, если трудъ есть дѣйствительно женскій, и при томъ совершающійся въ свободное отъ общественной работы время.

На юго-западѣ Устьсысольскаго уѣзда льноводство имѣетъ промышленный характеръ, представляя наиболѣе доходную статью въ крестьянскомъ бюджетѣ; въ работѣ участвуетъ весь наличный составъ семьи и въ результатѣ продажей завѣдуетъ большакъ, вырученныя деньги идутъ на семью. Въ хорошіе годы урожай ягодъ, грибовъ достигаетъ иногда невѣроятныхъ размѣровъ;

вся семья уходитъ на сборъ ихъ, характеръ чисто женскаго труда теряется и выручка становится общимъ достояніемъ семьи. Часто, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ доходъ идетъ на покупку разныхъ обновъ для женщинъ; этимъ какъ бы показывается, что другіе члены семьи только помогали женщинамъ въ ихъ спеціальномъ трудѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сборъ ягодъ имѣетъ промышленный характеръ, выручки отъ продажи идутъ на всю семью. Въ дер. Черпышъ Ношульской волости сборъ брусники какъ промыселъ имѣетъ первенствующее значеніе среди всѣхъ earthздѣльческихъ промысловъ. „Черпышанинъ только и живъ ягодой", говорятъ ношульцы. „Брусника есть—черпышанинъ богатъ, не родилась она—не жить и ему". Все взрослое населеніе, всѣ подростки и старики занимаются сборомъ ея. Выручка разумѣется идетъ на семью [1]). То же можно замѣтить и по отношенію къ такимъ продуктамъ скотоводства, какъ масло, молоко. Если продажа ихъ носитъ систематическій характеръ и производится болѣе или менѣе въ крупныхъ размѣрахъ—по $^1/_2$ пуда и болѣе,—деньги идутъ въ семью. Вообще же надо замѣтить, что деньги, вырученныя отъ продажи продуктовъ труда отдѣльныхъ членовъ семьи, только тогда идутъ на удовлетвореніе потребностей этихъ послѣднихъ, когда семья обезпечена всѣмъ необходимымъ. Интересы семьи какъ цѣлаго стоятъ во всякомъ случаѣ на первомъ планѣ.

У А. Ефименко, въ ея статьѣ „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ" приведено не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о силѣ этого начала въ народномъ міровоззрѣніи. Большинство ихъ имѣетъ мѣсто и у зырянъ. Во всѣхъ ихъ волостной судъ при разборѣ дѣлъ между владѣльцами земли и лицами, по ошибкѣ или намѣренно приложившими къ этой землѣ трудъ, никогда не оставляетъ безъ защиты интересы этихъ послѣднихъ. Сожнетъ ли кто по ошибкѣ чужую полосу, или выкоситъ чужой участокъ, засѣетъ не свое поле, увезетъ изъ лѣсу нарубленныя другимъ дрова и т. д., во всѣхъ случаяхъ владѣлецъ, обыкновенно не доводя дѣло до суда, уплачиваетъ стоимость произведенныхъ работъ.

Значеніе трудового права не менѣе ярко сказывается и въ современныхъ формахъ аренды. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ зыряне совершенно не были стѣснены въ правѣ расчищать сѣнокосы въ казенныхъ дачахъ и отдѣльныя семьи вла-

---

[1]) Л. Гума. loc. cit. стр. 170.

дѣли своими участками наслѣдственно и независимо. Впослѣдствіи, однако, лѣсное вѣдомство ограничило право зырянъ и образовало изъ сѣнокосовъ оброчныя статьи. Такъ какъ лѣсное вѣдомство не имѣетъ возможности вступать въ сдѣлку съ каждымъ фактическимъ владѣльцемъ, то оно разбиваетъ всѣ сѣнокосы на районы, пріурочиваемые къ рѣкамъ, и сдаетъ каждый изъ нихъ одному лицу; послѣднее является такимъ образомъ юридическимъ арендаторомъ огромной оброчной статьи, обнимающей собою землепользованіе нѣсколькихъ селеній. Юридически это лицо имѣетъ, слѣдовательно, исключительное право владѣнія заарендованной статьей въ теченіе извѣстнаго срока. Въ дѣйствительности однако дѣло обстоитъ иначе. Юридическій арендаторъ есть ничто иное, какъ представитель дѣйствительныхъ владѣльцевъ и самымъ фактомъ снятія имъ въ аренду оброчной статьи не пріобрѣтаетъ правъ на пользованіе больше тѣхъ, какія онъ имѣлъ раньше. Участками по прежнему пользуются тѣ, кто ихъ расчистилъ. Подобнаго рода свидѣтельство имѣется у г. Рума относительно юго-западной части Устьсысольскаго уѣзда. „Въ арендѣ фактически принимаютъ участіе всѣ владѣльцы расчистокъ на данной статьѣ, хотя юридически арендаторомъ является одно лицо, часто даже не имѣющее формальной довѣренности отъ соарендаторовъ на аренду При сдачѣ участка съ торговъ торги сводятся къ фикціи, такъ какъ мѣстное населеніе никогда не выступаетъ конкурентомъ на аренду чужого чищенія“. Другой изслѣдователь такъ очерчиваетъ роль юридическаго арендатора. „Онъ былъ только обычнымъ представителемъ на торгахъ отъ нѣсколькихъ владѣльцевъ этой *казенной* оброчной статьи, образованной изъ участковъ, расчищенныхъ прадѣдами ихъ. Владѣльцы, каждый за свой дѣдовскій пай, уплачиваютъ арендатору выданныя имъ деньги, разверстывая по величинѣ владѣемыхъ участковъ и безпрепятственно снимаютъ сѣно съ „наслѣдственныхъ“ луговъ. Арендатору даже въ умъ не приходитъ поживиться лишней противъ затраченной суммы копейкой, не говоря уже о претензіи на всю снятую у казны статью. Вся его корысть вполнѣ удовлетворяется, если въ праздникъ сосѣдъ, для котораго онъ стряхивалъ своей мошной и гулялъ въ волость „къ начальству“, подастъ „линдатору“ лишнюю рюмку и лишній разъ назоветъ его „настоящимъ мужикомъ“. Арендаторомъ по деревнѣ изъ года въ годъ бываетъ одно и то же лицо, владѣющее во всякое время наличными 40 — 50 рублями и часто даже не имѣющее своего наслѣдственнаго участка въ арендуе-

мой статьѣ“ [1]). Правда, эта патріархальность въ настоящее время во многихъ мѣстахъ стала уже удѣломъ добраго стараго времени и прежній безкорыстный радѣтель обратился въ заправскаго деревенскаго кулака, тѣмъ не менѣе нарисованный типъ—типъ очень недавняго прошлаго. Но даже тамъ, гдѣ мѣсто его занялъ кулакъ, фактическое владѣніе продолжаетъ находить себѣ признаніе и кулаческій элементъ проявляется лишь въ увеличеніи платы.

Какую сторону хозяйственной жизни населенія мы ни возьмемъ, увидимъ, что трудовой элементъ вездѣ накладываетъ свой отпечатокъ. Приведенные факты позволяютъ отвѣтить на поставленный выше вопросъ, что *причину признанія за отдѣльнымъ зыряниномъ права на территорію приложенія и продукты труда нужно искать въ затраченномъ трудѣ.*

Если мы всмотримся глубже въ сущность труда, поскольку онъ отразился въ зырянскомъ правосознаніи, то увидимъ, что онъ не представляетъ изъ себя нѣчто такое, что всегда во всѣхъ случаяхъ влечетъ одинаковое послѣдствіе. Результаты приложенія труда очень различны въ зависимости отъ характера самаго труда.

Прежде всего необходимо различать *трудъ по сбору естественныхъ произведеній природы.* Зырянинъ можетъ совершенно свободно собирать грибы, ягоды, орѣхи, рубить дикорастущій лѣсъ, косить траву на природныхъ сѣнокосахъ и т. д. Никто не можетъ мѣшать въ этомъ другому, ибо никто въ данномъ случаѣ не имѣетъ права больше, чѣмъ другой. Отсутствіе исключительнаго права на сборъ произрастеній имѣетъ въ своей основѣ то обстоятельство, что во всѣхъ случаяхъ одинаково они являются *естественными* продуктами природы, помимо всякаго участія человѣка, подобно водѣ, воздуху, солнечному свѣту. Затрата труда въ этомъ случаѣ обезпечиваетъ зырянину пользованіе собранными произрастеніями; онъ можетъ распорядиться ими какъ угодно съ одинаковымъ правомъ. *Затрата труда по сбору естественныхъ произведеній природы влечетъ къ пріобрѣтенію права собственности на продукты труда.* При этомъ не возникаетъ никакого отношенія къ самой территоріи сбора продуктовъ. Тамъ, гдѣ зырянинъ сегодня собиралъ грибы или орѣхи, завтра тоже самое можетъ дѣлать другой. Произрастенія однако не всегда обусловливаются дѣятельностью исключи-

---

[1]) П. Ф. В-ій. Земельные порядки у зырянъ. Сѣверный Вѣстникъ. 1896 г. кн. I.

тельно одной природы. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. хлѣбъ, предполагаютъ участіе человѣка, направляющаго производительныя силы природы въ желательномъ для него направленіи. Въ такомъ случаѣ участокъ, на которомъ помимо дѣятельности природы имѣло мѣсто еще приложеніе человѣческаго труда, выдѣляется изъ окружающей территоріи. По отношенію къ нему право зырянина на свободный сборъ произрастеній теряетъ свою силу. *Трудъ по обработкѣ земли влечетъ къ исключительному праву на сборъ произрастеній на территоріи приложенія этого труда.* Изслѣдователи земельныхъ отношеній у первобытныхъ народовъ говорятъ намъ, что вездѣ, гдѣ появленію произрастеній помимо дѣятельности природы способствовало приложеніе человѣческаго труда, сборъ этихъ произрастеній составляетъ исключительную привиллегію одного лица. Такъ плоды съ дикорастущихъ деревьевъ собираетъ всякій желающій, плоды же съ насаженныхъ деревьевъ — только тотъ, кто насадилъ деревья. Возможны однако случаи столкновенія права свободнаго сбора произрастеній съ этимъ привеллигированнымъ правомъ. Именно такое столкновеніе представляютъ изъ себя многочисленные факты, имѣющіе мѣсто въ зырянской жизни, когда по ошибкѣ или намѣренно лицо сжинаетъ хлѣбъ или выкашиваетъ сѣно съ чужого участка. Казалось бы, что привеллигированное право въ данномъ случаѣ должно покрыть собою первое, и лицо, выкосившее сѣно или сжавшее хлѣбъ, теряетъ всякое право на продукты своего труда, но обычный судъ смотритъ иначе. Признавая въ принципѣ, что всякій трудъ долженъ быть вознагражденъ, онъ примиряетъ претензіи тяжущихся нѣкоторымъ компромиссомъ: обработавшій участокъ получаетъ право на произрастенія, но обязанъ уплатить лицу, обработавшему ихъ, стоимость труда по сбору. Обработка земель и сборъ произрастеній на обработанномъ участкѣ составляютъ то, что можно назвать *эксплоатаціоннымъ* трудомъ. Влечетъ ли приложеніе эксплоатаціоннаго труда помимо права собственности на произрастеніе къ какому нибудь отношенію къ территоріи?

На этотъ вопросъ отвѣтить довольно трудно, такъ какъ въ районѣ нашего изслѣдованія далеко не часты случаи, когда эксплоатаціонный трудъ является въ чистой формѣ, не смѣшаннымъ съ другими формами труда — напр. съ трудомъ по расчисткѣ. Все, на чемъ можно въ этомъ случаѣ обосновать то или другое заключеніе, даетъ форма пользованія залежами. Для залежнаго хозяйства служатъ участки, поросшіе мелкой

зарослью, а часто и совсѣмъ свободные отъ лѣсонасажденій; благодаря этому представляется почти полная возможность приступать непосредственно къ обработкѣ, безъ предварительной расчистки. Каждый можетъ захватить любой участокъ, если на немъ нѣтъ никакихъ признаковъ, которые указывали бы, что онъ уже началъ подвергаться разработкѣ другимъ. Срубленный кустарникъ представляется достаточною гарантіею того, что участокъ не будетъ захваченъ другимъ; въ случаѣ же захвата волостной судъ при разборѣ спора встаетъ на сторону того, кто приложилъ первоначальный трудъ. Когда участокъ свободенъ отъ насажденій и нѣтъ возможности приложеніемъ подготовительнаго труда показать, что онъ занятъ, достаточно часто одного заявленія домохозяина о желаніи приступить къ обработкѣ, и всякій, „имѣющій совѣсть", не смотря на отсутствіе видимыхъ признаковъ труда, не препятствуетъ осуществленію этого желанія. Но соблюденіе подобнаго правила, будучи предоставлено совѣсти, необязательно, и нарушеніе его не влечетъ никакихъ послѣдствій. Втеченія нѣсколькихъ лѣтъ, пока производятся посѣвы, участокъ пребываетъ въ пользованіи захватившаго его лица, но какъ только кончается дальнѣйшая обработка его и онъ забрасывается, то вмѣстѣ съ тѣмъ теряется и всякое право на него. Другой крестьянинъ, если онъ считаетъ почему либо выгоднымъ подвергнуть дальнѣйшей эксплоатаціи оставленный участокъ, можетъ захватить его безъ всякаго предупрежденія объ этомъ бывшаго владѣльца. Если же послѣдній, использовавъ участокъ нѣсколькими посѣвами, пожелаетъ обратить его въ постоянную пашню, удобривъ путемъ вывозки навоза, то этимъ онъ закрѣпляетъ свое дальнѣйшее право, исключающее вмѣшательство другихъ лицъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что *обработка участка, когда она не требуетъ предварительной расчистки, не влечетъ къ неограниченному владѣнію; послѣднее кончается вмѣстѣ со сборомъ произрастеній.* То обстоятельство, что участокъ можетъ сдѣлаться предметомъ неограниченнаго или по крайней мѣрѣ долгаго владѣнія, если онъ будетъ удобренъ, нельзя считать противорѣчащимъ этому положенію, такъ какъ при огромномъ значеніи въ районѣ удобренія, послѣднее само по себѣ какъ требующее затраты труда, служитъ самостоятельнымъ источникомъ къ владѣнію.

Совершенно особо стоитъ *трудъ по расчисткѣ угодій.* Подобно тому, какъ изъ общей площади, на которой возможно свободное приложеніе труда по сбору произрастеній, выключа-

ются участки, поглотившіе нѣкоторую долю человѣческаго труда по обработкѣ ихъ—подобно этому изъ общей площади, годной для непосредственной обработки, исключаются участки, приведенные путемъ предварительной затраты труда на расчистку въ состояніе, годное для обработки. Тотъ, кто расчиститъ участокъ, имѣетъ исключительное право на обработку его. *Трудъ по расчисткѣ участка даетъ исключительное право на приложеніе труда по обработкѣ, т. е. эксплоатаціоннаго труда.* Расчистка или разработка участка въ отличіе отъ двухъ разсмотрѣнныхъ видовъ труда, влечетъ къ тѣсной, длящейся связи съ нимъ лица, расчистившаго участокъ. Послѣднее получаетъ право эксплоатировать участокъ неограниченное число лѣтъ.

Зыряне не держатъ за собою участковъ земли, если не имѣютъ цѣли трудиться надъ ними.; владѣть, значитъ прилагать въ той или иной формѣ трудъ; владѣніе и эксплоатація—у зырянъ почти синонимы; одно понятіе сплошь и рядомъ употребляется вмѣсто другого.

Можно поэтому сказать, что въ эпоху индивидуальнаго владѣнія, *трудъ по расчисткѣ влечетъ къ неограниченному владѣнію участкомъ.* Въ дер. Вольдинской, напр., залежные участки расчищаются изъ подъ сравнительно крупнаго лѣса. Въ результатѣ—первоначально расчистившій пріобрѣтаетъ право на дальнѣйшее владѣніе участкомъ, и лишь его согласіе даетъ другому крестьянину право воспользоваться этимъ участкомъ. То же самое замѣчается и вообще по отношенію ко всякому участку, расчищенному съ тою или другою цѣлью изъ подъ лѣса.

Владѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ не броситъ эксплоатацію. Временныя пріостановки въ послѣдней не влекутъ къ уничтоженію права на владѣніе, если существуетъ убѣжденіе въ томъ, что владѣлецъ не отказался совсѣмъ отъ эксплоатаціи. Неограниченность права владѣнія расчищеннымъ участкомъ составляетъ наиболѣе существенный, характерный признакъ эпохи индивидуальнаго владѣнія.

Приступая къ разработкѣ участка, зырянинъ дѣлаетъ вокругъ намѣченнаго участка просѣку или просто затесы на деревьяхъ и съ этого момента участокъ считается занятымъ. Тамъ, гдѣ не предвидится никакихъ столкновеній съ сосѣдями, мѣтки становятся излишними; зырянинъ прямо принимается за разработку, распространяя ее во всѣ стороны на какое угодно разстояніе. То обстоятельство, что окруженное мѣтками, или, какъ говорится, отесанное пространство не можетъ быть за-

нято другимъ, хотя бы сдѣлавшій мѣтки еще и не приступалъ къ разработкѣ, или разработалъ только часть его, подало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ думать, что существуетъ какое то особое *захватное право*, коимъ участокъ утверждается за занявшимъ его лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить тотъ фактъ, что послѣ захвата участка проходитъ годъ, другой, захватчикъ все еще не приступаетъ къ разработкѣ, или же, разработавши часть его, повидимому совершенно не помышляетъ объ оставшемся, а между тѣмъ участокъ по прежнему остается за нимъ въ очерченныхъ предѣлахъ, и никому въ голову не приходитъ воспользоваться имъ, или частью его для немедленнаго труда по обращенію въ то, или другое угодье? Казалось бы, разъ на извѣстномъ участкѣ не прилагается трудъ, владѣніе имъ не можетъ быть оправдано трудовымъ началомъ, признающимъ право каждаго на территорію труда, и если такое владѣніе тѣмъ не менѣе продолжается, то причину этого нужно искать въ существованіи особаго захватнаго права, служащаго само по себѣ основаніемъ къ владѣнію на ряду съ трудомъ. „Такая форма пользованія, пишетъ г. Кауфманъ, при которой *захватъ самъ по себѣ*, независимо отъ приложенія къ землѣ труда создаетъ прочныя длящіяся отношенія къ захваченной землѣ, несомнѣнно существуетъ и лишь при наступленіи „нѣкотораго утѣсненія“ исчезаетъ и даетъ мѣсто другой формѣ“ [1]). Эти слова относятся къ сибирскому землепользованію, но вотъ утвержденіе, относящееся и непосредственно къ району изслѣдованія.

„При господствѣ въ міровоззрѣніи на право владѣнія трудового принципа считается чьимъ либо владѣніемъ, исключается, выражаясь юридически, изъ res nullius, лишь та площадь, которая поглотила то или другое количество труда. Тутъ не важенъ размѣръ послѣдняго, но важенъ лишь принципъ, важно, чтобы нѣкоторый трудъ, будь то дневной или годовой, былъ употребленъ на каждую единицу участка. Совсѣмъ иное мы видимъ при господствѣ въ правовомъ міровоззрѣніи захватнаго начала. Здѣсь не играетъ уже никакой роли затрата труда; здѣсь требуется лишь *ясное показаніе*, что данная площадь захвачена, составляетъ чью либо собственность, или вѣрнѣе сказать владѣніе, хотя бы никакого труда на разработку даннаго участка и не было положено“ [2]). Двѣ приведенныя цитаты

---

[1]) А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. Стр. 48.
[2]) Л. Рума. Loc. cit. 126.

ясно показываютъ, что захватное право, какъ самостоятельное основаніе къ владѣнію, не есть особенность одного какого нибудь района, вызванная своеобразнымъ характеромъ условій хозяйственной жизни въ немъ, а склонно повидимому претендовать на болѣе широкую территорію и тѣмъ самымъ пріобрѣсти значеніе общагό принципа. Изученіе земельныхъ порядковъ у зырянъ рѣшительно заставляютъ насъ если не возражать по существу этого вопроса, то по крайней мѣрѣ, выдѣлить изслѣдуемый районъ изъ числа тѣхъ мѣстностей, на которыя гг. изслѣдователи распространяютъ господство изобрѣтеннаго ими правового принципа. Оба изслѣдователя утверждаютъ, что захватное право имѣетъ настолько глубокіе корни въ правовыхъ понятіяхъ населенія, что находитъ себѣ полное признаніе со стороны волостныхъ судовъ. Въ этомъ отношеніи г. Рума даже превзошелъ г. Кауфмана, утверждающаго все же, что захватное право имѣетъ силу лишь при отсутствіи утѣсненія въ землѣ. Онъ говоритъ: „вся площадь, могущая быть обращенной въ покосы, считается владѣніемъ того, къ займищу кого она примыкаетъ и, *несмотря на крайнюю нужду въ сѣнокосныхъ угодьяхъ, ни одинъ кочерганецъ не рѣшится продолжать расчистку чужого займища... изъ сознанія незаконности такого дѣйствія, нарушенія имъ установившагося обычая, который въ лицѣ волостного суда поспѣшитъ покарать нарушителя и возстановить права законнаго владѣльца, законнаго только по праву захвата* [1]). Какъ оказывается, захватное право пользуется такимъ уваженіемъ, что при самой острой хозяйственной нуждѣ, зырянинъ только безмолвно взираетъ на сдѣланные затесы, не рѣшаясь прикоснуться къ этому своего рода „табу“. Смѣемъ увѣрить автора приведенной цитаты, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ нѣсколько иначе и никакого священнаго почтенія къ захваченной территоріи у зырянина нѣтъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи разбросано не мало доказательствъ того, какъ подъ напоромъ измѣняющихся хозяйственныхъ условій мѣняется и отношеніе къ землѣ, какъ объекту тѣхъ или другихъ правъ. Острая хозяйственная нужда—это такой факторъ, который, какъ увидимъ ниже, способенъ поколебать даже болѣе высокій въ культурномъ отношеніи трудовой принципъ, а не только захватный, если бы онъ существовалъ.

Несомнѣнно, что зырянинъ не рѣшится на завладѣніе участкомъ, часть котораго уже подверглась приложенію труда и

---

[1]) Л. Рума. Loc. cit. 127. Курсивъ нашъ.

если онъ это сдѣлаетъ, то карающая десница обычнаго суда заставитъ его отступиться отъ захваченнаго, но причина этому кроется не въ признаніи юридическаго значенія захвата, а въ нѣсколько иномъ, чѣмъ у г. Рума, пониманіи трудового принципа. Нельзя думать, что, по народному пониманію, трудовое право санкціонируетъ только совершенный трудъ, какъ это представляетъ себѣ названный изслѣдователь. Если зырянинъ рубитъ подсѣку, то, дѣлая логическій выводъ изъ такого пониманія, трудовое право въ этомъ случаѣ складывается изъ отдѣльныхъ правъ на каждое срубленное дерево, а эти послѣднія есть, въ свою очередь, совокупность отдѣльныхъ правъ на результатъ каждаго взмаха топора и т. д. Это совершенно неправильно. Рубится ли подсѣка, расчищается ли пашня или сѣнокосъ—вся площадь, отмѣченная затесами и необходимая, чтобы работа имѣла смыслъ, удовлетворяла извѣстной потребности, и считается мѣстомъ приложенія труда, а не только то дерево, повалить которое онъ въ данную минуту старается. На извѣстной площади зырянинъ трудится, и вторженіе въ эту область приложенія труда есть нарушеніе трудового права, совершенно независимо отъ того, на всю ли занятую площадь распространился трудъ, или пока еще только на часть ея. Всякій захватъ того или другого участка производится всегда съ цѣлью приложенія труда, поэтому величина захватываемой площади опредѣляется размѣромъ потребности; захватъ ради захвата не имѣетъ смысла, такъ какъ при данномъ состояніи зырянскаго хозяйства участокъ безъ приложенія къ нему труда не имѣетъ никакой цѣны и не приноситъ никакой выгоды. Разъ участокъ захваченъ, то тѣмъ самымъ показывается, что онъ захваченъ не ради безкорыстнаго удовольствія владѣть имъ, а для того, чтобы путемъ первоначальной затраты труда на расчистку извлекать изъ него выгоду. Незначительная затрата труда въ подготовительной формѣ, произведенная въ какомъ нибудь мѣстѣ „отесанной" территоріи уже свидѣтельствуетъ, что началась разработка всего участка. „*Часто затрата труда въ этомъ отношеніи сводится къ простому наложенію мѣтокъ*... Количество труда, затраченнаго въ такихъ случаяхъ непосредственно на самое мѣсто заимки, служитъ только косвеннымъ признакомъ болѣе широкаго приложенія къ дѣлу труда въ подготовительной формѣ" [1]). Населеніе никогда не признаетъ захвата, если послѣдній совершенъ не съ цѣлью труда, и не по-

[1]) Ф. Щ. Loc. cit. Курсивъ нашъ.

стѣснится предъявить на захваченный участокъ свое право. Съ этой цѣлью въ различныхъ частяхъ района существуютъ сроки, въ теченіе которыхъ захватчику предоставляется возможность осуществить свое право на приложеніе труда; если по истеченіи ихъ къ разработкѣ не приступлено, то этимъ самымъ устанавливается фактъ, что участокъ захваченъ не съ цѣлью труда, что захватчикъ, слѣдовательно, не нуждается въ немъ, и тогда имъ можетъ воспользоваться, несмотря на сдѣланные затесы, всякій другой, потребность котораго болѣе настоятельна. Величина сроковъ можетъ зависѣть, главнымъ образомъ, только отъ того, насколько сильно чувствуется утѣсненіе въ землѣ. Показателемъ того, какъ населеніе смотритъ на захваченныя, но неразрабатываемыя, земли, можетъ служить одинъ очень любобытный документъ, приводимый г. Ф. Щ. въ цитированномъ очеркѣ, именно „межевая дѣловая память", относящаяся къ XVIII в. и заключенная между коряжемскимъ монастыремъ и крестьяниномъ. Въ ней крестьянинъ обязывается владѣть только своей пашней и больше къ ней не причищать.

Монастырь опасался, что крестьянинъ будетъ расчищать прилегающія къ своей пожнѣ монастырскія пустопорожнія земли и такимъ образомъ, въ силу трудового права, оттягаетъ ихъ. Понадобилось особое условіе, по которому крестьянинъ обязывался не расчищать ихъ. Для монастыря, очевидно не было сомнѣнія, что, не будь условія, крестьянинъ не задумался бы въ своемъ правѣ приступить къ разработкѣ пустопорожнихъ монастырскихъ земель. И это было въ XVII в., когда никакой крайней нужды въ сѣнокосѣ не было, когда каждый, въ какомъ угодно количествѣ, могъ найти нерасчищенныя и незанятыя другими земли. Можно ли, подобно г. Рума, серьезно говорить о захватномъ правѣ теперь, когда уже и трудовое право подвергается стѣсненіямъ. Захватъ только тамъ дѣйствителенъ и влечетъ къ длящемуся владѣнію, гдѣ на объектъ захвата нѣтъ притязаній со стороны другихъ лицъ. Крестьянинъ можетъ завладѣть участкомъ земли и, не приступая къ разработкѣ, держать за собою, но лишь до тѣхъ поръ, пока на участокъ не предъявитъ притязаній другое лицо, нуждающееся въ немъ для разработки. Никакого правового значенія въ данномъ случаѣ захватъ не имѣетъ. Можно ли говорить о захватѣ, какъ основаніи къ пріобрѣтенію правъ владѣнія, если эти „права" никѣмъ не санкціонируются, никѣмъ не защищаются и исчезаютъ тотчасъ же, какъ только они придутъ въ столкновеніе съ притязаніями другихъ лицъ. Г. Кауфманъ при-

водитъ одинъ случай изъ практики сибирскихъ волостныхъ судовъ, который какъ будто противорѣчитъ только что сказанному. Крестьянинъ А. распахалъ участокъ земли въ сферѣ заимки крестьянина Ш.; послѣдній подалъ жалобу, и волостной судъ приговорилъ: „распаханную землю Ш. оставить во владѣніи его, Ш., а А. сдѣлать внушеніе, *чтобы онъ не распахивалъ нигдѣ вблизи заимки Ш.* (курсивъ А. К.), такъ какъ А. имѣетъ около своей заимки много пустопорожнихъ земель[1]). На первый взглядъ, волостной судъ является въ этомъ случаѣ, какъ будто защитникомъ захватнаго права. На самомъ же дѣлѣ вопросъ здѣсь совсѣмъ не въ захватѣ. Волостной судъ своимъ рѣшеніемъ имѣлъ въ виду, несомнѣнно, разграниченіе сферъ труда. Все дѣло здѣсь въ томъ, что̀ понимать подъ терминомъ — „сфера приложенія труда“. Объемъ этого понятія не всегда одинаковъ, различаясь въ зависимости какъ отъ степени малоземелья или многоземелья, такъ и отъ формъ землевладѣльческаго хозяйства. При большомъ земельномъ просторѣ, каждый можетъ во всякое время и въ какомъ угодно количествѣ найти землю для удовлетворенія имѣющейся нужды; весьма естественно отсюда, что крестьянинъ можетъ совершенно свободно располагаться на обширной территоріи, сообразуясь со своими хозяйственными вкусами и требованіями; величина захватываемой территоріи при этомъ опредѣляется характеромъ того способа эксплоатаціи земли, который онъ расчитываетъ примѣнить. При залежномъ хозяйствѣ, напр., когда продолжительность оборота участка достигаетъ до 10—15 лѣтъ, онъ занимаетъ площадь въ 10—15 разъ болѣе той, какая нужна для годового использованія, и если земли много, то никто не помѣшаетъ ему исполнить свой планъ. Несмотря на то, что ежегодно будетъ заниматься лишь незначительная часть общей площади заимки, а остальная лежитъ безъ всякой обработки,—въ данномъ случаѣ сферой приложенія труда будетъ считаться, несомнѣнно, вся площадь, и занятіе части ея другимъ лицомъ—явится безусловно вторженіемъ въ область чужого труда, нарушеніемъ трудового права. При данныхъ условіяхъ хозяйства, съ которыми прежде всего приходится считаться населенію, занятіе меньшей площади не имѣло бы смысла, такъ какъ сдѣлаетъ невозможнымъ самое хозяйство[2]). По мѣрѣ того, какъ земельный про-

---

[1]) Loc. cit.

[2]) Нашъ положительный законъ менѣе всего склоненъ признавать правомѣрность захвата, между тѣмъ, опредѣляя норму надѣла для государственныхъ крестьянъ при поземельномъ устройствѣ, онъ гласитъ: „Въ селеніяхъ,

сторъ сокращается, и крестьяне становятся вынужденными уже искать свободныхъ земель, такое хозяйничанье однихъ становится преградой для другихъ. Предусмотрительность хозяина, расчитывающаго на обезпеченіе себя количествомъ земли, необходимымъ для 10—15-лѣтняго оборота, подвергается ограниченіямъ, и сфера приложенія труда сокращается. Тамъ, гдѣ утѣсненіе въ землѣ сильно даетъ себя чувствовать, необходимо, чтобы занятая земля или уже подверглась разработкѣ, или имѣлись бы на лицо ясные признаки, что она въ скоромъ времени подвергнется ей; становится возможнымъ занимать только то, что̀ необходимо для удовлетворенія насущной и неотложной потребности. Въ такомъ положеніи находится дѣло въ изслѣдуемомъ районѣ. Если бы зырянинъ пожелалъ, ссылаясь на необходимость ввести залежное хозяйство, занять участокъ земли для 15-ти лѣтняго оборота, то онъ, несомнѣнно, не встрѣтилъ бы сочувствія со стороны общественнаго мнѣнія. Никто не призналъ бы за нимъ права держать за собой участокъ земли только потому, что черезъ 15 лѣтъ онъ можетъ ему понадобиться. Такое признаніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если вся предполагаемая къ занятію территорія состоитъ изъ его же собственныхъ расчистокъ, но здѣсь уже мы имѣемъ дѣло не съ захватомъ, а съ трудовымъ правомъ.

Захватъ—не право, а лишь фактъ, не имѣющій никакихъ юридическихъ послѣдствій. Прежде, нежели приложить трудъ, необходимо завладѣть участкомъ; захватъ есть ничто иное, какъ форма этого завладѣнія. Въ этомъ смыслѣ онъ имѣетъ мѣсто и въ эпоху общиннаго владѣнія у зырянъ, при коемъ община нисколько не стѣсняетъ своихъ членовъ въ свободномъ захватѣ земель подъ расчистку. Съ уменьшеніемъ земельнаго простора, эта форма завладѣнія становится невыгодной и замѣняется

гдѣ существуетъ переложная или подсѣчная система полеводства, при которой нынѣ воздѣлываемыя крестьянами земли находятся непостоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, а ежегодно перемѣняются, почему существующее пользованіе такими угодьями не имѣетъ опредѣленныхъ и постоянныхъ границъ, пространство крестьянскаго надѣла на основаніи Высочайшаго Указа 24 ноября 1866 года опредѣляется по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ, не свыше: въ уѣздахъ малоземельныхъ—восьми десятинъ, а многоземельныхъ—пятнадцати десятинъ на душу, *но съ расчетомъ нѣсколькихъ десятинъ перелогу за одну десятину пашни.* „Это вытекаетъ изъ соображеній въ необходимости предоставить въ надѣлъ такое количество земли, которая сдѣлала бы возможнымъ веденіе хозяйства при существующей системѣ земледѣлія. Все міровоззрѣніе крестьянъ имѣетъ въ основѣ эту же цѣль, ею же объясняется и самое признаніе трудового права.

другой. „Если моментъ приложенія труда eo ipso, пишетъ г. Кауфманъ, сопровождается захватомъ, то этотъ послѣдній моментъ при разсматриваемой формѣ и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя отношенія къ захваченной землѣ“ [1]). Это въ такой же степени справедливо, какъ и слѣдующій перифразъ: „если моментъ расплаты за товаръ eo ipso сопровождается осмотромъ, то этотъ послѣдній моментъ и самъ по себѣ создаетъ уже прочныя, длящіяся отношенія къ осмотрѣнной вещи“. Мы приводимъ здѣсь слова г. Осипова, относящіяся къ сибирскому крестьянству: „никакого правового значенія заимка не имѣетъ; никто не думаетъ, что заимщикъ имѣетъ какія-нибудь права только какъ заимщикъ; онъ имѣетъ ихъ лишь до тѣхъ поръ, пока обработываетъ свои земли; если онъ ихъ почему-либо бросаетъ, то всякій имѣетъ право ихъ занять“ [2]). Г. Кауфманъ сознается, что, по мѣрѣ увеличенія утѣсненія въ землѣ, очерчиваніе перестаетъ уже препятствовать нарушенію правъ захватчика и „такимъ образомъ начало владѣнія пашней мало-по-малу переносится отъ момента *захвата* къ моменту дѣйствительной *разработки*. Происходитъ яко бы замѣна одного источника права другимъ. Но вѣдь такая замѣна—цѣлый переворотъ въ народныхъ правовоззрѣніяхъ, ибо она есть ничто иное, какъ смѣна правовыхъ принциповъ. Народная жизнь идетъ слишкомъ медленно и слишкомъ послѣдовательно, чтобы можно было приписывать ей такіе скачки. Г. Кауфманъ и фактически неправъ, ибо даже при утѣсненіи въ землѣ, никогда начало владѣнія не совпадаетъ съ моментомъ разработки; всегда первое предшествуетъ второму; владѣніе всегда начинается ранѣе, чѣмъ зырянинъ приступитъ къ разработкѣ; сдѣланные затесы уже предохраняютъ владѣніе отъ нарушенія; оставаясь послѣдовательнымъ, г. Кауфманъ и въ этомъ случаѣ долженъ признать наличность захватнаго права. До разработки, владѣніе носитъ условный характеръ, оно признается лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ убѣжденіе, что разработка наступитъ и окончательно санкціонируется трудомъ. Рушится это убѣжденіе—никакое „захватное“ право не спасетъ тогда владѣніе. Г. Кауфмана смущаютъ, можетъ быть, тѣ, встрѣчающіеся въ Сибири, случаи, когда участокъ по прежнему числится за заимщикомъ, несмотря на очевидное убѣжденіе всѣхъ и каждаго,

---

[1]) А. Кауфманъ. Loc. cit. 55.

[2]) Матеріалы по Западной Сибири. Вып. XXI, стр. 37. Цитировано по А. Кауфману.

въ томъ числѣ и самого заимщика, что онъ никогда не подвергнется разработкѣ. Но можно ли выводить отсюда заключеніе о существованіи *права* владѣнія? безусловно нѣтъ. Владѣніе фактически продолжается, но оно держится только потому, что, благодаря многоземелью, никто не имѣетъ необходимости въ его нарушеніи. Здѣсь нѣтъ *права* владѣнія, а есть лишь владѣніе, хотя не нарушаемое, но и не признаваемое и не защищаемое. Имѣя въ виду такое владѣніе нельзя говорить о немъ, какъ объ элементѣ въ правовыхъ воззрѣніяхъ народа.

Единственнымъ, послѣдовательно проводимымъ чрезъ всю исторію зырянъ, правовымъ принципомъ служитъ право труда. Различныя формы труда ведутъ къ различнымъ слѣдствіямъ, но во всѣхъ случаяхъ одинаково защищаемымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Мы не можемъ не привести здѣсь свидѣтельствъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, подтверждающихъ справедливость этого положенія. Такъ, Н. И. Зиберъ, послѣ цѣлаго ряда примѣровъ изъ жизни племенъ, разбросанныхъ по всему земному шару, говоритъ: „предыдущее показываетъ, какую громадную, почти универсальную роль играетъ обособляющій трудъ въ исторіи образованія поземельной собственности“ [1]). „Вліяніе трудового начала на обычно-правовую жизнь народа, пишетъ другой изслѣдователь, даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Достаточно оказывается приложить къ дѣлу самую незначительную долю мускульнаго труда, чтобы то или другое намѣченное такимъ образомъ угодье считалось временною принадлежностью приложившаго къ нему свой трудъ“ [2])... „Крестьянство имѣетъ право, типически отличающееся отъ общепринятаго, такъ сказать, культурнаго права... Взглядъ крестьянина на землю вытекаетъ изъ его взгляда на трудъ, какъ на *единственный всегда признаваемый и справедливый источникъ собственности*“ [3]). „Зырянинъ признаетъ на угодья непостояннаго пользованія лишь одно право—право труда. Кто приступитъ къ разработкѣ кулиги или подсѣки, тому она и принадлежитъ. Однодеревенцу, обществу, волости нѣтъ никакого дѣла до того, гдѣ устроена извѣстнымъ лицомъ подсѣка и какой величины. Всякая подсѣка, устроена ли она въ предѣлахъ крестьянской неразмежеванной дачи или въ дачѣ

---

[1]) Н. И. Зиберъ. „Очерки первобытной экономической культуры“. Стр. 301.

[2]) Ф. Щ. „Обычаи свободной заимки земель въ Вологодской губерніи“. (Вологодскій сборникъ за 1886 г. т. II).

[3]) А. Ефименко. „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“. (Курсивъ нашъ).

единственнаго владѣнія казны, законная она или незаконная, встрѣчаетъ полную и всестороннюю охрану со стороны однодеревенцевъ противъ всякаго посягательства на нее, отъ кого бы посягательство это ни исходило. Намъ жаловался помощникъ лѣсничаго лѣтскаго лѣсничества, что при обнаруженіи лѣснымъ вѣдомствомъ самовольной и незаконной подсѣки, бываетъ чрезвычайно трудно составить протоколъ, такъ какъ трудовое право владѣльца встрѣчаетъ полную поддержку и сочувствіе во всемъ населеніи. Безъ участія представителей сельской полиціи нѣтъ никакой возможности найти понятыхъ для осмотра подсѣки. При оцѣнкѣ хлѣба на ней, населеніе указываетъ неимовѣрно низкую цѣну и количество; при попыткѣ наложить на кладь хлѣба секвестръ, никто его не охраняетъ и въ большинствѣ случаевъ хлѣбъ съ подсѣки оказывается въ концѣ концовъ въ рукахъ разработавшаго ее" [1]).

Какъ ни примитивна общественная организація зырянъ въ ту эпоху, когда у нихъ впервые создается прочное отношеніе къ землѣ, тѣмъ не менѣе она существуетъ. Трудъ, являясь мѣриломъ степени обезпеченности зырянина, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется все зданіе несложной первобытной общественной организаціи. Вынуть этотъ камень, отнять у труда его значеніе регулятора общественныхъ отношеній—значило бы разрушить это зданіе и обратить зырянъ въ дикую, неорганизованную толпу, знающую только одинъ законъ—законъ грубой силы. Существованіе организаціи стоитъ въ тѣсной связи съ признаніемъ за трудящимся права на результатъ труда. Въ этомъ заключается второе основное право зырянскихъ воззрѣній на землю.

Мы указывали выше, что трудъ по разработкѣ даетъ лишь право владѣнія или, вѣрнѣе, право на преимущественную предъ другими обработку, но не право собственности на участокъ. Анализъ земельныхъ распорядковъ у зырянъ заставляетъ насъ повторить уже высказанную ранѣе мысль, что у зырянъ право собственности на землю въ употребительномъ смыслѣ этого слова, еще не сформировалось. А. Ефименко, въ результатѣ своего анализа трудового права, приходитъ къ слѣдующему заключенію: *„земля не продуктъ труда человѣка, слѣдовательно на нее и не можетъ быть того безусловнаго и естественнаго права собственности, какое имѣетъ трудящійся на продуктъ своего труда.* Вотъ то коренное понятіе, къ которому могутъ быть сведены воззрѣнія

---

[1]) Л. Руна. Loc. cit.

народа на поземельную собственность" [1]). Факты заставляютъ насъ распространить этотъ выводъ и на зырянъ. И здѣсь право на продукты труда рѣзко разнится отъ права на территорію приложенія труда. Сѣно или хлѣбъ на далекой подсѣкѣ при ненадобности могутъ сгнить на мѣстѣ, но никто не рѣшится завладѣть имъ, такъ какъ на нихъ существуетъ право собственности у лица, продуктомъ труда котораго они явились. Никто не будетъ такъ же щепетиленъ по отношенію къ самому участку. Если очевидно, что владѣлецъ его не намѣренъ осуществлять свое право на приложеніе труда, то участкомъ завладѣваетъ другой безъ всякаго увѣдомленія о томъ прежняго владѣльца. Кому бы юридически земля ни принадлежала: государству ли, монастырямъ, или другимъ какимъ-либо лицамъ и учрежденіямъ — зырянинъ одинаково считаетъ себя вправѣ приступить къ работѣ надъ пустопорожними, безъ дѣла лежащими, землями. Земля, по его мнѣнію, создана для того, чтобы *каждый* могъ извлекать изъ нея пользу, подобно тому, какъ для всѣхъ же созданы вода, воздухъ, птицы и звѣри. Мы уже видѣли, что монастырю пришлось заключать съ крестьяниномъ условіе, чтобы послѣдній не расчищалъ пустопорожнія монастырскія земли. Вся борьба зырянъ съ правительствомъ, которую мы нарисовали выше, имѣетъ въ своей основѣ то же убѣжденіе. Зырянинъ не считаетъ кого-либо, въ томъ числѣ и себя, собственникомъ земли, и борьба съ правительствомъ велась и ведется не изъ-за права собственности на землю, а лишь изъ-за права трудиться надъ ней. Если бы дѣйствія правительства сводились только къ объявленію земель государственною собственностью, то зыряне ровно ничего бы не имѣли противъ этого; но государство, не ограничившись этимъ, запретило и преслѣдуетъ расчистки въ лѣсахъ. Понять это они могутъ, лишь перевернувъ предварительно верхъ ногами весь строй своихъ правовыхъ мыслей и представленій. То же самое убѣжденіе господствуетъ и въ частноправовой сферѣ. Въ доказательство существованія собственности на землю могутъ указать на факты продажи участковъ, сплошь и рядомъ имѣющіе мѣсто у зырянъ. Но болѣе внимательный анализъ заставляетъ признать, что объектомъ сдѣлки въ такихъ случахъ служитъ не самый участокъ, а право приложенія къ нему эксплоатаціоннаго труда, пріобрѣтенное расчисткой. Что это такъ, доказывается тѣмъ, что продажа имѣетъ

---

[1]) А. Ефименко. „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ". Стр. 139. Курсивъ нашъ).

мѣсто и при общинномъ землевладѣніи, когда трудовое право подвергается ограниченіямъ. Мы имѣемъ въ виду подворныя или такъ называемыя „льготныя" земли[1]). Владѣльцы подворныхъ участковъ нисколько не стѣснены въ правѣ отчужденія ихъ. Они продаютъ свои участки, дарятъ, отдаютъ въ приданое за дочерью, отказываютъ въ завѣщаніяхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что они неимѣютъ никакого права собственности. Очевидно, что здѣсь отчуждается не участокъ.

Указанные два правовыхъ принципа: право на свободную заимку земель и право неограниченнаго владѣнія разработаннымъ участкомъ, характеризуютъ собою долгій періодъ индивидуальнаго владѣнія. Оба принципа тѣсно связаны другъ съ другомъ, причемъ второй ограничиваетъ область дѣйствія перваго, выключая изъ общей массы возможность для заимки земель всѣ занятые участки. По мѣрѣ уменьшенія площади удобныхъ незанятыхъ земель, свобода заимки фактически все болѣе и болѣе стѣсняется, второй принципъ становится на дорогѣ первому. Въ этомъ противорѣчіи двухъ основныхъ правовыхъ принциповъ кроется зародышъ воззрѣній, характеризующихъ собою вторую эпоху земельныхъ отношеній зырянъ.

III.

Въ противоположность индивидуальному или неограниченно трудовому владѣнію—вторая эпоха представляетъ господство неограниченно-трудового владѣнія.

Когда и въ какой формѣ впервые появляются попытки къ ограниченію трудового владѣнія, сказать трудно. Свудная литература не даетъ на это никакихъ намековъ, а имѣющійся въ нашихъ рукахъ фактическій матеріалъ относится главнымъ образомъ къ современнымъ уже позднѣйшимъ формамъ землевладѣнія.

Съ одной стороны все увеличивающееся значеніе земледѣлія въ экономической жизни зырянъ и вытекающая отсюда все большая заинтересованность въ землѣ, съ другой—уменьшеніе земельнаго простора и ростъ населенія, съ третьей—законодательная дѣятельность правительства,—все это соединилось въ одно, чтобы стѣснить безраздѣльно царившій индивидуализмъ. Разобраться въ этой цѣпи различныхъ причинъ и указать,

---

[1]) Опредѣленіе этой формы владѣнія землей будетъ дано ниже.

которая изъ нихъ является основной и первоначальной, дѣло далеко не легкое, тѣмъ болѣе, что каждая изъ указанныхъ причинъ въ свою очередь служитъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда другихъ, болѣе мелкихъ, имѣющихъ свои корни въ своеобразной обстановкѣ зырянской жизни. Значеніе земледѣлія непрерывно возрастаетъ съ тѣхъ поръ, какъ зыряне впервые прочно обосновались на одномъ мѣстѣ, перейдя отъ кочевого охотничьяго быта къ осѣдлому. Существуя вначалѣ въ качествѣ подсобнаго занятія, которому жители предаются въ свободное отъ охоты время, оно мало по малу выдвигается впередъ и вмѣстѣ съ охотой образуетъ тѣ устои, на которыхъ зиждется зырянское хозяйство. То или другое соотношеніе большее или меньшее значеніе одной изъ этихъ двухъ сторонъ жизни зырянъ, накладываетъ свой отпечатокъ на весь хозяйственный строй. Въ однѣхъ, преимущественно глухихъ, малонаселенныхъ мѣстностяхъ охота сохраняетъ почти все свое значеніе и жизни ихъ — охотники по преимуществу; въ другихъ, многоводныхъ, расположенныхъ по берегамъ большихъ рѣкъ: Вычегдѣ, Сысолѣ, и др., охота утратила свою силу, уступивъ первенствующее значеніе другимъ занятіямъ и во главѣ ихъ земледѣлію. Борьба между тѣмъ и другимъ проходитъ красною нитью чрезъ весь періодъ осѣдлой жизни зырянъ. Медленно, но неуклонно земледѣліе одерживаетъ побѣду и, двигаясь впередъ, отнимаетъ у охоты одну позицію за другой. Дѣятельнымъ помощникомъ земледѣлію въ этой борьбѣ служитъ увеличивающееся съ каждымъ годомъ населеніе. Расширяются существующія поселенія, растетъ число деревень по берегамъ большихъ рѣкъ, образуются новые починки въ глухихъ, малодоступныхъ мѣстахъ. Дѣвственный, на сотни верстъ безлюдный лѣсъ прорѣзается населенными полосами, узкими проселками или конными тропами. Населеніе, скучившееся по берегамъ большихъ рѣкъ, гонимое тѣснотою, начинаетъ отливать на окраины, колонизуя дикій край. Недоступныя ранѣе лѣсныя дебри занимаются вӧръ-керками, путиками; охотники начинаютъ пересѣкать ихъ по всевозможнымъ направленіямъ, растетъ и число охотниковъ. Это не могло не отозваться на охотничьемъ промыслѣ; количество дичи быстро уменьшается, средній годовой заработокъ падаетъ. Помимо прогрессивнаго уменьшенія заработка наблюдаются и рѣзкія колебанія въ количествѣ дичи. Въ нѣкоторые годы дичь, преимущественно рябчикъ и бѣлка, почти совсѣмъ исчезаютъ; тамъ гдѣ годъ тому назадъ охотникъ имѣлъ большой уловъ, теперь силья оста-

ются настороженными—дичь не идетъ на приманку; она спорадически то появляется, то исчезаетъ. Такія же кочевки замѣчаются и по отношенію къ крупному звѣрю; еще недавно ижемцы [1]) съ успѣхомъ стрѣляли оленей и лосей въ предѣлахъ своей охотничьей территоріи, но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ звѣри исчезли, удалившись на сѣверъ. Когда зырянинъ всѣ свои надежды возлагаетъ на охоту такія исчезновенія являются тяжелыми ударами, разстраивающими всѣ хозяйственные расчеты. Онъ начинаетъ менѣе довѣрять своему исконному и любимому занятію и ищетъ новыхъ болѣе вѣрныхъ, болѣе устойчивыхъ. Это обстоятельство дало право автору статьи о промыслахъ въ „Итогахъ экономическаго изслѣдованія Устьсысольскаго уѣзда“ сказать слѣдующее: „регистрируя наличность того или иного промысла у отдѣльныхъ домохозяевъ верхневычегодскихъ волостей, мы не могли не поразиться, что въ большинствѣ обществъ охота давно уже утратила роль преобладающаго промысла. Ей, какъ и рыболовству, не принадлежитъ уже доминирующая роль ни въ денежномъ ни въ натуральномъ доходѣ населенія“.

Общества.	% домохоз. занят. охотой къ общ. числу.
Устькуломское	27,4
Устьнемское	20,2
Мыелдинское	19,0
Пожегодское	62,8
Помоздинское	64,9
Селенія по р. Ижмѣ	98,7

Мѣсто охоты занимаетъ земледѣліе. Съ ростомъ послѣдняго усиливается и заинтересованность въ землѣ, какъ въ источникѣ дохода. Ростъ земледѣлія выражается въ увеличеніи площади постоянныхъ угодій, т. е. удобряемыхъ пашенъ и сѣнокосовъ. Въ своемъ развитіи земледѣліе должно было столкнуться съ недостаточностью мѣстъ, годныхъ для этой цѣли.

[1]) Ижемцевъ, живущихъ по р. Ижмѣ въ предѣлахъ Вологодской губерніи, необходимо отличать отъ ижемцевъ Архангельской губ.; по своему быту они рѣзко различаются другъ отъ друга.

Казалось бы, нельзя говорить о недостаткѣ земель въ такомъ уѣздѣ, какъ устьсысольскій, площадь котораго, при немногочисленномъ населеніи равна почти 145.000 квадр. верстъ. Но нужно имѣть въ виду его естественныя особенности. Удобныя для обработки земли занимаютъ неширокую полосу по берегамъ рѣкъ, преимущественно склоны береговыхъ уваловъ. За этой полосой вглубь материка тянутся обширныя заболоченныя пространства — при данномъ уровнѣ сельско-хозяйственной техники негодныя для обработки. Да и удобная береговая полоса очень часто прерывается то сосновыми лѣсами на бѣломъ боровомъ пескѣ, то обширными болотами. Селенія, расположенныя группами или въ одиночку, имѣютъ благодаря этому довольно опредѣленную площадь удобной земли и увеличенію ея поставлены тѣсныя границы. Значительное количество такихъ оазисовъ еще не занято, но занятые обыкновенно довольно быстро оказываются тѣсными, и вопросъ о малоземельѣ выдвигается на очередь со всѣми его послѣдствіями. Къ этому времени положеніе крестьянъ въ смыслѣ обезпеченія ихъ земельными угодьями представляетъ слѣдующую картину. Одни изъ нихъ имѣютъ свои участки вблизи селенія, почти у своихъ дворовъ; эти земли являются въ то же время и наилучшими; другіе отшиблены на окраины оазиса въ сосѣдство съ заболоченными сырыми мѣстами и занимаютъ наихудшія земли. Такое положеніе является слѣдствіемъ права свободной расчистки. Когда населеніе деревни еще невелико, а земли много, всѣ имѣютъ полную возможность занимать наилучшіе и наиближайшіе участки, а такъ какъ лучшихъ земель немного, то запасъ ихъ быстро истощается и вновь образующіяся семьи вынуждены все болѣе и болѣе отодвигаться отъ удворныхъ пашенъ. Правда, они имѣютъ нѣкоторую долю въ лучшихъ пашняхъ, получая ее путемъ наслѣдованія, покупки или другими способами, но она естественно не можетъ удовлетворить растущую семью и избавить отъ необходимости приступать къ дальнѣйшимъ расчисткамъ. Неограниченно-трудовое владѣніе влечетъ, слѣдовательно, къ тому, что одни семейства занимаютъ привилегированное положеніе, владѣя лучшими и ближайшими участками, другіе должны довольствоваться тѣмъ, что можно еще расчистить, т. е. худшими въ почвенномъ и топографическомъ отношеніяхъ участками, притомъ же значительно удаленными отъ селенія. Плохіе участки требуютъ большаго удобренія, а между тѣмъ владѣльцы ихъ по той же причинѣ обладаютъ меньшими и худшими участками сѣнокосовъ. По мѣрѣ

того, какъ вновь образующіяся хозяйства подъ давленіемъ необходимости занимаютъ худшія земли, старыя привиллегированныя семьи, сознавая всю цѣну своихъ участковъ, держатся за нихъ все крѣпче, стараясь не выпускать изъ своихъ рукъ. *Неограниченно-трудовое владѣніе влечетъ, такимъ образомъ, къ образованію антагонизма между двумя группами крестьянъ, по мѣрѣ того, какъ земледѣліе въ связи съ уменьшеніемъ земельнаго простора пріобрѣтаетъ все большее значеніе.* Для одной изъ группъ трудовое право является оплотомъ благополучія, гарантіей того, что занятые лучшіе участки останутся въ ихъ владѣніи впредь, для другой—оно звучитъ горькой ироніей, такъ какъ, предоставляя каждому возможность расчищать и закрѣплять за собою расчищенное, оно лишило ихъ предварительно лучшихъ земель и оттѣснило на такія мѣста, гдѣ пользованіе этимъ правомъ не представляетъ никакого смысла. Если крестьяне видятъ въ трудѣ, положенномъ на разработку участка, основаніе къ владѣнію, то они сильнѣе этого сознаютъ, что земля создана для того, чтобы каждый имѣлъ возможность трудиться надъ ней и тѣмъ добывать средства къ существованію. Это убѣжденіе, основное въ ихъ воззрѣніяхъ на землю, и поэтому лишеніе возможности пользоваться правомъ приложенія труда, откуда бы лишеніе не выходило, не можетъ найти въ нихъ сочувствія. Группа обиженныхъ крестьянъ начинаетъ смотрѣть на неограниченное трудовое владѣніе не совсѣмъ благосклонно; во всякомъ случаѣ она не имѣетъ особенныхъ основаній цѣнить его такъ же высоко, какъ старыя привиллегированныя семьи, такъ какъ по отношенію къ нимъ трудовое право было до нѣкоторой степени мачехой. Ограниченіе этого права напрашивается само собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе возникшаго антагонизма. Весьма возможно, что въ результатѣ долгой борьбы, которая возникаетъ съ этого момента между двумя группами крестьянъ, первыя побѣды обиженной группы выражаются въ частичныхъ отводахъ отъ старыхъ, обладающими лучшими землями семей въ пользу обиженныхъ, въ той системѣ отводовъ и отрѣзокъ, о которой сообщаетъ г. Кауфманъ но отношенію къ сибирскому землепользованію[1]).

---

[1]) Вотъ какъ г. Кауфманъ словами Личкова характеризуетъ систему отводовъ и отрѣзокъ. Просящій указываетъ большею частью на такой то участокъ, который онъ просилъ бы отрѣзать для него отъ другого, приводитъ свои соображенія, почему этотъ участокъ ему такъ необходимъ и почему онъ съ его точки зрѣнія для нынѣшняго владѣльца лишній, ненужный, безъ котораго онъ обойтись навѣрное можетъ и т. п. Тотъ, у кого хотятъ

Но разъ трудовое право подверглось частичному ограниченію, этимъ самымъ намѣчается программа дальнѣйшей борьбы; выдвигается вопросъ о необходимости не случайнаго, а постояннаго, разъ навсегда установленнаго ограниченія. Съ теченіемъ времени заинтересованные въ этомъ достигли бы, безъ сомнѣнія, своей цѣли даже и при намѣченныхъ обстоятельствахъ борьбы, такъ какъ непрерывно растущее населеніе непрерывно увеличиваетъ ихъ силы, но есть и еще причина, которая помимо желанія крестьянъ дѣйствуетъ въ ту же сторону. Эта причина — дѣятельность правительства со второй половины XIX вѣка, выразившаяся въ рядѣ указовъ и инструкцій о производствѣ генеральнаго межеванія.

Значеніе генеральнаго межеванія въ дѣлѣ развитія формъ землевладѣнія на сѣверѣ Европейской Россіи довольно подробно разсмотрѣно г-жею А. Ефименко въ ея полномъ и интересномъ трудѣ „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ". Сдѣлаемъ нѣсколько цитатъ изъ этого труда, выясняющихъ точку зрѣнія автора на затронутый вопросъ. „Межевыя инструкціи 1754, 1766 года и манифестъ 1765 года съ нѣкоторыми объяснительными указами послужили поворотными гранями въ исторіи сѣвернаго землевладѣнія... Правительство впервые заявило совершенно опредѣленно и категорически, что земля, на которой сидятъ такъ называемые государственные крестьяне, есть его собственность, распоряженіе которой принадлежитъ только ему..... Межевыя инструкціи ничего не говорятъ объ уравненіи земель между крестьянами. Но душевой раздѣлъ являлся неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ принциповъ, установленныхъ инструкціями въ связи съ принятой системой подушной подати..... Межевыя инструкціи по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію, — да и не къ нему одному,—являются настоящими декретами конвента". Появленіе указанныхъ актовъ застало населеніе, по словамъ автора, въ тотъ моментъ, когда поземельная долевая деревенская организація пала, и индивидуализація поземельной собственности быстро совершала свое побѣдоносное шествіе. Крестьяне все болѣе и болѣе сознавали себя собственниками занятыхъ земель. Акты генеральнаго межеванія прервали этотъ процессъ, лишивъ крестьянъ права собственности и взамѣнъ естественно разви-

произвести отрѣзку, обыкновенно возражаетъ, что у него земли совсѣмъ не такъ много, или даже очень, по его мнѣнію, мало, что она ему не лишняя, а напротивъ очень нужна и проч." (А. Кауфманъ. Loc. cit.).

вающей индивидуализаціи выставили принципъ душевого раздѣла предоставленныхъ во владѣніе крестьянъ земельныхъ угодій. Генеральное межеваніе явилось, слѣдовательно, актомъ вмѣшательства правительства въ поземельныя отношенія крестьянъ, повлекшимъ къ замѣнѣ индивидуализма чуждымъ крестьянамъ принципомъ общиннаго землевладѣнія [1]). Врядъ ли можно согласиться съ такимъ взглядомъ на значеніе актовъ генеральнаго межеванія. Во всякомъ случаѣ мы не рѣшаемся распространять ихъ революціонное вліяніе на районъ, занятый зырянами. Мы уже говорили о томъ, что объявленіе земель государственной собственностью ни мало не отразилось на сознаніи зырянъ и нисколько не измѣнило фактической стороны землевладѣнія. Правда, генеральное межеваніе установило то положеніе, что земля, вошедшая въ предѣлы крестьянской дачи, находится *въ общемъ владѣніи* крестьянъ всѣхъ селеній дачи, но это положеніе также не нашло себѣ отраженія въ дѣйствительности. Г. Ефименко сообщаетъ въ своемъ изслѣдованіи, что правительство до средины XIX вѣка тщетно пыталось склонить населеніе къ душевому раздѣлу угодій. Населенію была совершенно чужда навязываемая ему форма общиннаго землевладѣнія. Весь ходъ исторической жизни, всѣ условія развитія хозяйства способствовали созданію иного отношенія къ землѣ, при которомъ въ основу кладется отдѣльная личность съ ея желаніемъ и правомъ трудиться. При такомъ положеніи

---

[1]) Разъясненіе значенія актовъ генеральнаго межеванія по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію нельзя не признать наиболѣе слабымъ пунктомъ въ трудѣ г. Ефименко. Авторъ не считалъ возможнымъ вывести существующія формы общины, какъ естественное слѣдствіе началъ, выработанныхъ эпохою индивидуализаціи поземельной собственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ вмѣстѣ съ Чичеринымъ утверждать, что крестьянское общинное землевладѣніе явилось созданіемъ государства. Лавируя между этими Сциллой и Харибдой, авторъ высказываетъ положеніе, что указы и манифестъ о генеральномъ межеваніи, экспропріировавъ у крестьянъ право собственности на землю, какъ бы вычеркнули весь путь, пройденный крестьянскимъ землевладѣніемъ со времени распаденія поземельной долевой организаціи, какъ обусловливающійся именно существованіемъ частной собственности на землю, и поставили общинное землевладѣніе въ непосредственное сосѣдство съ разложившейся долевой организаціей, какъ прямое продолженіе заключавшихся въ ней принциповъ. Это утвержденіе въ высшей степени искусственно. Ибо, какимъ образомъ общинное землевладѣніе, вызванное вмѣшательствомъ правительства, могло вмѣстѣ съ тѣмъ явиться и естественнымъ слѣдствіемъ періода долевой поземельной организаціи, когда эта послѣдняя разложилась сама собою также въ силу естественнаго развитія безъ всякаго вмѣшательства?

дѣла все значеніе актовъ, какъ „декретовъ конвента“ имѣло мѣсто только на бумагѣ. Они не могли переработать правосознанія зырянъ. Акты генеральнаго межеванія создали только рамку, внутри которой все осталось нетронутымъ. Если имѣть дѣло не съ тѣми названіями, какія устанавливаются для владѣнія законодательными актами, а съ *народнымъ юридическимъ правосознаніемъ* и тѣсно связанными съ нимъ *фактическими формами землевладѣнія*, то мы будемъ вынуждены сказать, что объявленіе земель, вошедшихъ въ крестьянскія дачи, общимъ владѣніемъ всѣхъ селеній дачи—не сдѣлало землевладѣнія общиннымъ. Но отрицая революціонное значеніе актовъ, мы не думаемъ вообще отрицать всякое значеніе ихъ для крестьянскаго землевладѣнія. Не будучи самостоятельной причиной, вызвавшей переходъ отъ индивидуальнаго владѣнія къ общинному, принципы генеральнаго межеванія тѣмъ не менѣе сыграли свою роль въ этомъ переходѣ. Когда, подъ вліяніемъ указанныхъ двухъ причинъ: увеличенія значенія земледѣлія съ одной стороны и уменьшенія земельнаго простора съ другой—въ средѣ населенія начало зрѣть убѣжденіе въ необходимости ограничить трудовое право, то „логическій выводъ“ генеральныхъ актовъ—душевой раздѣлъ, явился готовой формой этого ограниченія. Однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ правительство приступить къ генеральному межеванію, было желаніе обезпечить правильность поступленія податей. Такъ какъ главнымъ источникомъ, откуда населеніе черпаетъ свой доходъ, является земля, то для обезпеченія платежеспособности, очевидно, необходимо предоставить имъ въ пользованіе достаточное количество земли. 15 дес. и было признано такой нормой. Но правительство не могло само заботиться объ обезпеченіи платежеспособности каждаго отдѣльнаго крестьянина; сдѣлавъ землю предметомъ общаго владѣнія крестьянъ, оно возложило эту заботу на міръ, на общину, предоставивъ имъ право распредѣлять землю между крестьянами. Съ другой стороны, въ средѣ наименѣе обезпеченныхъ группъ крестьянства съ каждымъ днемъ крѣпло убѣжденіе въ томъ, что разъ они обязаны, какъ и всѣ, платить подати, то, очевидно, они должны имѣть и землю, откуда можно было бы извлекать доходъ. Въ крестьянствѣ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливается группа, для которой проведеніе въ жизнь логическаго вывода генеральныхъ актовъ является самымъ горячимъ желаніемъ. Если ранѣе крестьяне, нестѣсненные въ землѣ и спокойно сидящіе на своихъ участкахъ, воз-

ставали противъ попытокъ правительства провести на практикѣ душевой раздѣлъ, то теперь часть крестьянъ сама идетъ имъ на встрѣчу. Вліяніе генеральныхъ актовъ на переходъ отъ индивидуальнаго землевладѣнія къ общинному начинается такимъ образомъ не ранѣе того момента, когда необходимость перевода созрѣваетъ въ самомъ крестьянствѣ подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ. Вліяніе выражается въ томъ, что акты содѣйствуютъ скорѣйшему осуществленію этого перехода.

Дѣятельность правительства по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію на сѣверъ не ограничилось изданіемъ указанныхъ актовъ. Время отъ времени оно продолжаетъ издавать новые законы съ цѣлью дальнѣйшаго регулированія земельнаго вопроса. Со второй половины эта дѣятельность, какъ было указано выше, встаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ принципами генеральнаго межеванія. Забота объ обезпеченіи платежеспособности населенія отходитъ на второй планъ, а на первый—выдвигаются интересы лѣснаго хозяйства, именно стремленіе къ возможно большему охраненію безконечныхъ лѣсныхъ пространствъ отъ вторженія въ нихъ населенія. Новое направленіе въ дѣятельности правительства сильно отражается на крестьянскомъ землевладѣніи; оно значительно усиливаетъ дѣйствіе одной изъ причинъ перехода къ общинному землевладѣнію, именно—уменьшенія земельнаго простора. Хотя крестьяне по прежнему продолжаютъ производить расчистки въ чертѣ своихъ дачъ, тѣмъ не менѣе запрещеніе виситъ надъ ними, какъ дамокловъ мечъ, и иногда обрушивается въ видѣ секвестра урожая или тяжелыхъ штрафовъ. Территорія, на которой они имѣютъ возможность осуществлять самое основное изъ своихъ правъ—право на трудъ, сильно суживается. Съ этого только времени крестьянство начинаетъ понимать смыслъ главнаго принципа генеральнаго межеванія: объявленія земли государственной собственностью. Съ этого же времени начинается и усиленный переходъ къ ограниченно-трудовому владѣнію.

Мы разсмотрѣли три фактора, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ стѣсненіе неограниченно—трудового ввадѣнія. Первые два: увеличеніе значенія земледѣлія въ экономикѣ зырянской жизни и уменьшеніе земельнаго простора служатъ той почвой, на которой возникаетъ и развивается недовольство существующимъ порядкомъ землевладѣнія и намѣчаются желательныя измѣненія, третій—дѣятельность правительства—дѣйствуя въ духѣ этихъ измѣненій, ускоряетъ ихъ достиженіе.

Общинное владѣніе у зырянъ не есть что-то прирожденное, существующее „съ начала вѣка"; оно не является воплощеніемъ какихъ либо идеаловъ, смутно носящихся въ зырянскомъ міросозерцаніи—какъ это склонны утверждать многіе изслѣдователи по отношенію къ русской общинѣ, а есть слѣдствіе цѣлаго ряда экономическихъ, естественнныхъ и историческихъ причинъ, вырывающееся наружу лишь послѣ долгой упорной борьбы. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ фактъ, что тамъ, гдѣ для дѣйствія большинства этихъ причинъ еще нѣтъ мѣста, нѣтъ и поземельной общины, если за таковую не принимать бытовую административную общинную организацію. Мы не можемъ не привести здѣсь слова г. Кроля, которыми онъ характеризуетъ появленіе общиннаго землевладѣнія у забайкальскихъ инородцевъ.

„Переходъ отъ захватной формы къ уравнительной, при естественномъ своемъ развитіи, никогда не совершается внезапно; этотъ переходъ достигается не юридической катастрофой, а долгой, глухой борьбой между „собственниками" земли и лицами, обдѣленными ею; это цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ, иной разъ въ высокой степени тонкихъ компромиссовъ, при помощи которыхъ жизнь исподволь подкапывается подъ захватное пользованіе, склоняя все болѣе и болѣе вѣсы общественнаго мнѣнія на сторону тѣхъ, кто добивается уравненія земельныхъ угодій"[1]).

Какой принципъ лежитъ въ основѣ новаго порядка, котораго добиваются обдѣленные землею? Этотъ принципъ напрашивается самъ собою, вытекая изъ сущности понятія трудового права. Какъ мы упоминали, трудовое право проявляется въ различныхъ формахъ, сообразно различнымъ видамъ труда. Разработка участка изъ подъ лѣса, т. е. приведеніе его въ культурный видъ, даетъ право на эксплоатацію; трудъ эксплоатаціонный, т. е обработка участка даетъ право на произрастанія. При свойственныхъ сѣверу урожаяхъ ежегодный доходъ не только покрываетъ затраты по обработкѣ, но и даетъ кромѣ этого болѣе или менѣе значительный плюсъ, идущій въ теченіе нѣкотораго времени на покрытіе затратъ по расчисткѣ. Въ эксплоатаціи участка наступаетъ моментъ, когда расходы по разработкѣ оказываются окупившимися ежегодными доходами. Строго говоря съ этого момента дальнѣйшее

[1]) Матеріалы Высочайшіе утвержд. подъ предсѣд. ст.—секр. Куломзина Коммиссія для изслѣд. землевл. и землепольз. въ Забайкальской обл. Вып. 10, стр. 29.

владѣніе нисколько не отличается отъ того случая, когда участокъ даетъ возможность приступать непосредственно къ эксплоатаціи безъ предварительной расчистки, а въ такихъ случаяхъ зырянское правосознаніе не признаетъ за лицомъ, захватившимъ участокъ, права на владѣніе, предоставляя ему въ собственность лишь продукты эксплоатаціи, если таковая производилась. Пока никто не стѣсненъ въ землѣ, населеніе, слишкомъ высоко цѣня трудъ по расчисткѣ, не измѣняетъ своего взгляда въ зависимости отъ того, окупился или нѣтъ затраченный на разработку трудъ и свободно даетъ свою санкцію на неограниченное владѣніе разработаннымъ участкомъ. Но когда начинается чувствоваться недостатокъ въ землѣ, притомъ какъ разъ въ то время, когда земледѣліе пріобрѣтаетъ все большее значеніе, въ головахъ тѣхъ, кому главнымъ образомъ приходится считаться съ послѣдствіями малоземелья, этотъ взглядъ подвергается суровой критикѣ. Для нихъ не составляетъ большой трудности понять, что затрата труда на расчистку не настолько велика, чтобы не могла когда нибудь окупиться, а разъ это такъ, дальнѣйшее исключительное владѣніе участками, разработка которыхъ уже окупилась, является, по ихъ мнѣнію, настолько же несправедливою, какъ напр. захватъ природныхъ сѣнокосовъ. Это сознаніе обостряется подъ давленіемъ нужды въ землѣ и съ теченіемъ времени формулируется въ видѣ требованія предъявленнаго къ обладателямъ большихъ и лучшихъ участковъ: *довольно ты попользовался землею, надо дать и другимъ*. Съ того момента, когда бытовая административная община, уступая группѣ недовольныхъ, выходитъ изъ насильнаго отношенія къ своимъ членамъ, какъ владѣльцамъ участковъ и впервые беретъ на себя новую функцію — регулировать поземельное владѣніе крестьянъ,—она становится и поземельной общиной. Вновь сформировавшаяся поземельная община въ теченіе нѣкотораго времени какъ будто еще не рѣшается открыто заявить объ экспропріаціи у своихъ членовъ права владѣнія землею и предоставленіи имъ лишь болѣе или менѣе ограниченнаго пользованія; ея задача сводится сначала къ ослабленію отдѣльныхъ наиболѣе вопіющихъ неравенствъ, и нужна еще долгая упорная борьба, прежде чѣмъ поземельная община начинаетъ чувствовать себя на той высотѣ, на которой находится въ настоящее время.

Большаковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Адольфъ Бастіанъ.

Род. 26 (13 іюня) 1826 г., сконч. 3 февр. (21 янв.) 1905 г.

Одна за другою сходятъ со сцены крупныя фигуры создателей и пропагандистовъ науки о человѣкѣ... За Несторомъ германской антропологіи, Р. Вирховымъ, скоро послѣдовали въ прошломъ году Ф. Ратцель, учитель и реформаторъ антропогеографіи, а въ началѣ наступившаго года скончался старѣйшій этнологъ нашего времени, Адольфъ Бастіанъ, другъ и ученикъ Р. Вирхова.

Въ наше время общей нивеллировки личности и отсутствія крупныхъ индивидуальностей, крупная и оригинальная фигура Бастіана невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Личность Бастіана, не только какъ ученаго, но и какъ человѣка, настолько своеобразна и оригинальна, что для правильнаго сужденія о ней, потребуется не одинъ томъ детальныхъ и многолѣтнихъ изслѣдованій. Въ настоящее время, непосредственно послѣ смерти ученаго, къ послѣднимъ трудамъ котораго относились съ легкой усмѣшкой и котораго, можно сказать, уже почти никто не читалъ, судить *о немъ* очень трудно. Предоставляя будущему опредѣлить болѣе научно мѣсто, занимаемое Бастіаномъ въ этнологіи, психологіи, антропологіи и другихъ областяхъ знанія, мы ограничимся лишь краткимъ очеркомъ жизни и ученія Нестора нѣмецкой этнологіи.

Бастіанъ родился 26 (13 іюня ст. ст.) 1826 г. въ Бременѣ и былъ сыномъ зажиточнаго купца. По окончаніи средней школы, онъ изучалъ сперва право въ Іенѣ, затѣмъ медицину въ Іенѣ, Гейдельбергѣ, Прагѣ и Вюрцбургѣ. Въ Вюрцбургѣ онъ засталъ еще Вирхова, у котораго слушалъ патологическую анатомію. Въ университетѣ Бастіанъ успѣвалъ вести одновременно веселую и бурную жизнь корпоранта и быть серьезнымъ и прилежнымъ студентомъ. Въ Іенѣ онъ принадлежалъ къ корпораціи „Саксонія", а въ Гейдельбергѣ къ „Вандаліи". Будучи истиннымъ сыномъ своего „вольнаго" приморскаго города—отечества, молодой докторъ невольно почувствовалъ потребность

попутешествовать и повидать свѣтъ. Недаромъ гласитъ древняя бременская поговорка „Navigare necesse est, vivere non necesse est!“ Уже въ 1851 г. онъ устраивается судовымъ врачемъ и отправляется на парусной шкунѣ въ Австралію. Первое путешествіе длилось цѣлыхъ восемь лѣтъ. Бастіанъ объѣхалъ за это время весь свѣтъ: побывалъ въ Перу и Мексикѣ, посѣтилъ Китай и Индо-Китай, путешествовалъ по Гангу и Евфрату, былъ въ Палестинѣ, Африкѣ и Австраліи. Результатомъ наблюденій за этотъ періодъ явились двѣ работы. Первая носила болѣе описательный характеръ (Ein Besuch in San Salvador; Die Hauptstadt des Königreichs Congo—1859), вторая была вполнѣ зрѣлымъ и продуманнымъ трудомъ, въ которомъ сказался тогда великій Бастіанъ. Работа эта (въ трехъ томахъ) носила названіе: „Der Mensch in der Geschichte.—Zur Begründung einer psychologischen Weltanschaung“. Уже въ этой работѣ Бастіанъ выступилъ энергичнымъ поборникомъ и провозвѣстникомъ идеи отсутствія индивидуальной психологіи, и существованія психологіи народа, которая отражается въ отдѣльной личности.

Второе путешествіе онъ совершилъ съ 1861 по 1865 г. по Азіи и объѣхалъ Индію, Филиппины, Японію, Китай, Монголію, Сибирь и Кавказъ. Все путешествіе описано Бастіаномъ въ его шеститомномъ трудѣ: „Die Völker des Oestlichen Asiens“. Главная сторона работы была посвящена буддизму Сіама и Бирмы. Вернувшись послѣ пятилѣтняго отсутствія на родину, Бастіанъ сталъ читать лекціи этнологіи въ Берлинскомъ университета, въ качествѣ экстраординарнаго профессора и одновременно принялъ должность ассистента Королевскихъ музеевъ, завѣдуя маленькимъ этнографическимъ отдѣломъ ихъ (въ то время этотъ отдѣлъ помѣщался въ двухъ небольшихъ и полутемныхъ залахъ). Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, состоя съ 1868 г. председателемъ Берлинскаго Географическаго Общества, Бастіанъ стремится выдѣлить изъ среды его членовъ лицъ, интересующихся этнографіей и антропологіей. Воззваніе антропологической секціи Съѣзда естествоиспытателей въ Иннсбрукѣ только объединило нѣмецкихъ антропологовъ на подготовленной Бастіаномъ почвѣ. 17 ноября 1869 года было основано Бастіаномъ, подъ предсѣдательствомъ Вирхова, Берлинское Общество антропологіи, этнологіи и доисторической археологіи. Основавъ общество, Бастіанъ основалъ и печатный органъ для него, подъ названіемъ: „Zeitschrift für Ethnologie und ihre Hilfswissenschaften, als Lehre vom Menschen in seinen Beziehun-

gen zur Natur und Geschichte",—herausgegeben von A. Bastian und R. Hartman"; черезъ годъ Бастіанъ связалъ его неразрывно съ Антропологическимъ Обществомъ,—съ того времени изданіе носитъ названіе: „Zeitchrift für Ethnologie". Съ Обществомъ и своимъ журналомъ Бастіанъ не порвалъ живой связи до конца дней своихъ.

Объединенной Германіи стали тѣсны ея границы: пытливый взоръ прирожденнаго путешественника указалъ Бастіану на необходимость изученія Африки, какъ будущей арены и основы германской колоніальной политики. Работы нѣмецкихъ изслѣдователей Африки (Бартъ и Фогель—1850—56), путешествіе англичанъ Ливингстона (1852—73), Бёртона, Спика, Грэнта и Бэкера (1858—64), Нахтигаля съ своимъ путешествіемъ въ Суданъ (1870—74), Швейнфурта (1870)—оставляли все-таки центральную Африку во мракѣ неизвѣстности, и съ запада никто не пытался проникнуть въ невѣдомыя страны. Бастіана интересуетъ берегъ Лоанго, какъ путь въ центръ материка и для выполненія своего плана, онъ старается привлечь частную иниціативу и собрать средства. Въ качествѣ предсѣдателя Берлинскаго Географическаго Общества, онъ убѣждаетъ предсѣдателей всѣхъ германскихъ географическихъ обществъ сплотиться въ Нѣмецкое Африканское Общество и обложить всѣхъ своихъ членовъ „податью" въ пользу затѣяннаго имъ дѣла. Деньги были собраны, а въ 1873 г. экспедиція двинулась въ путь. Началась она къ С. отъ устья Конго. Самъ Бастіанъ въ началѣ не принималъ въ ней участія, но вскорѣ послѣ выѣзда экспедиціи онъ не утерпѣлъ и присоединился къ ней. Это было третье путешествіе Бастіана. Къ сожалѣнію, раздробленныя мелкія племена на берегу предъявляли путешественникамъ непомѣрныя требованія относительно уплаты дани; кромѣ того, туземцы совсѣмъ не годились въ носильщики, средствъ было мало, однимъ словомъ, экспедиція не удалась. Ея значеніе заключалось однако въ томъ, что она дала толчокъ для изслѣдованія З. Африки такими учеными путешественниками, какъ Виссманъ, Вольфъ и др..

Ко времени университетской дѣятельности Бастіана въ Берлинѣ относится рядъ этно-психологическихъ работъ. Сравнивая право и обычаи разныхъ народовъ, Бастіанъ стремится окончательно формулировать положеніе, слегка намѣченное имъ въ его второмъ трудѣ (см. в), именно: „Völkergedanke". Съ 1875 по 76 гг. Бастіанъ собираетъ коллекціи для этнографическаго музея на З. Южной Америки, въ Центральной

Сѣверной Америкѣ и на Антильскихъ островахъ. Сводка этой четвертой поѣздки дана въ трудѣ „Die Kulturländer des alten Amerika“. Въ пятое свое путешествіе онъ посѣтилъ, съ цѣлью сбора этнографическаго матеріала, Персію, Индію и Ассамъ, проѣхалъ черезъ Тихій океанъ на Н. Зеландію и черезъ Гаваи и западную часть Соед. Штатовъ вернулся въ Берлинъ. Въ Полинезіи онъ на этотъ разъ записывалъ тексты и собиралъ миѳологическія данныя. Въ промежутокъ времени отъ 1880 по 1889 г. Бастіанъ былъ всецѣло занятъ созданіемъ новаго дворца этнографіи берлинскаго „Museum für Völkerkunde“, который и былъ торжественно открытъ 18 дек. 1886 г. Окончивъ это грандіозное предпріятіе, Бастіанъ снова предпринимаетъ путешествіе — шестое по счету. Длилось оно съ 1889 по 1891 г. Ему удалось черезъ Закаспійскую дорогу попасть въ Туркестанъ, а затѣмъ въ Индію, гдѣ онъ изучалъ джаинскія и буддійскія религіозныя системы. На обратномъ пути въ Европу онъ посѣтилъ Вост. Африку. Съ 1896 по 1898 г. онъ работаетъ на Явѣ и на Малыхъ Бали, гдѣ изучаетъ памятники древняго буддійскаго искусства. Восьмое путешествіе началось съ 1901 и длилось по 1903 г. Въ этотъ разъ Бастіанъ посѣтилъ Цейлонъ и снова занимался буддійской философіей, которой онъ посвятилъ въ молодости лучшія свои силы. Девятое путешествіе началось 28 ноября 1903 г. и было прервано его смертью.

Въ общей сложности изъ 79 лѣтъ жизни Бастіанъ провелъ 28 лѣтъ исключительно въ путешествіяхъ. Эти годы были преимущественно годами собиранія научнаго матеріала, будь то въ видѣ музейныхъ сокровищъ или въ видѣ литературныхъ данныхъ и замѣтокъ. Въ промежутокъ между путешествіями маленькій и слабый съ виду, но неутомимый человѣкъ энергично работалъ надъ созданіемъ двухъ обществъ и громаднаго берлинскаго музея народовѣдѣнія, ставшаго въ настоящее время самой богатой въ мірѣ сокровищницей этого рода. Однако, главная заслуга Бастіана заключается въ его литературныхъ трудахъ, въ которыхъ онъ являлся пророкомъ новыхъ направленій въ наукѣ о человѣкѣ. Написанное имъ можетъ свободно составить цѣлую солидную библіотеку. Въ сборникѣ, поднесенномъ ему почитателями ко дню его 70-лѣтняго юбилея, отъ празднованія котораго скромный Бастіанъ искалъ спасенія въ путешествіи, данъ перечень его трудовъ. Перечень однихъ крупныхъ оригинальныхъ трудовъ занимаетъ двѣ съ половиной страницы, названія же мелкихъ работъ, статей, замѣтокъ, рецен-

зій и т. д. заполняютъ цѣлыхъ 14 страницъ въ листъ. Мысль Бастіана вращалась въ области не одной только этнологіи: какъ философъ и психологъ, онъ работалъ надъ религіей и ея исторіей и собиралъ матеріалъ по фольклору. Въ немъ сказывается и ученый юристъ, и политикъ современнаго типа, и лингвистъ. Антропологія и доисторическая археологія служили ему главной основой для этнологическихъ изысканій. Не давая самаго списка работъ Бастіана, далеко не полнаго и приведеннаго въ 1886 г. въ „Internationales Archiv für Ethnographie", мы думаемъ, что вышесказаннаго достаточно для характеристики разнообразія и широты мысли покойнаго. Самъ Бастіанъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на подготовительную. По этому поводу онъ еще въ молодости писалъ Карлу Андрэ: „Мои толстопузыя книги, не что иное, какъ тачки, свозящія въ одно мѣсто неотесанные камни и вываливающія ихъ въ кучу передъ публикой. Вы, конечно, повѣрите мнѣ, если я вамъ скажу что эта работа поденщика мнѣ очень тяжела, но что̀ дѣлать!" Это Бастіанъ повторялъ не разъ въ теченіе своей долгой жизни. Смотря на свою литературно-научную работу вышеописаннымъ образомъ, Бастіанъ еще энергичнѣе придерживался того же мнѣнія въ своей музейной дѣятельности. Онъ смотрѣлъ на задачу свою, какъ на миссію. „Было бы преступленіемъ, повторялъ онъ, упустить малѣйшую возможность собирать все, характеризующее духовную и матеріальную культуру человѣка". Его пламенный призывъ, въ которомъ онъ приглашаетъ собирать сокровища этнологіи, характеризуетъ его взглядъ на задачи музеевъ; онъ пишетъ: „Насталъ послѣдній моментъ, пробилъ часъ! Документы неизмѣримой, незамѣнимой важности для исторіи человѣчества гибнутъ! Спасайте, спасайте ихъ, пока не поздно!". Говоря это про матеріальную культуру, болѣе устойчивую при соприкосновеніи съ нивеллирующимъ вліяніемъ западно-европейской культуры, Бастіанъ еще съ большей скорбью говоритъ то же относительно культуры духовной. Такъ, вернувшись изъ путешествія по Полинезіи и Н. Зеландіи въ 1880 г., онъ на Берлинскомъ конгрессѣ Антропологовъ заявляетъ съ грустью объ исчезновеніи данныхъ туземной миѳологіи, при соприкосновеніи съ европейской культурой.

„Вездѣ во время моей послѣдней поѣздки, говоритъ онъ, я болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, блуждалъ среди развалинъ и обломковъ. Эти обломки не монументальнаго характера и не напоминаютъ въ качествѣ нѣмыхъ свидѣтелей исчезнувшія культуры, загадки которыхъ еще не разрѣшены, — нѣтъ, — эти

обломки болѣе легкихъ, эфемерныхъ образованій, и, если они разъ разсыпались, они пропали навсегда и никогда болѣе уже не могутъ быть возстановлены!“

Ставя себѣ главной задачей собираніе матеріала и относя его обработку на задній планъ, Бастіанъ въ противоположность своему современнику, Ф. Ратцелю, не стремился дать общаго освѣщенія предмету и избѣгалъ общихъ характеристикъ. Въ этомъ отношеніи характеренъ споръ Бастіана съ Геккелемъ, котораго онъ упрекалъ въ увлеченіи широкими горизонтами и обобщеніями, совлекшими его съ пути чистаго, естественно-историческаго научнаго метода. Однако такая крупная фигура, какъ Бастіанъ, съ громаднымъ опытомъ путешественника, знакомаго со всѣми народами вселенной не только по книгамъ, но и изъ живого общенія, не могъ писать только однѣ замѣтки, копить только матеріалъ для будущихъ поколѣній. Поэтому, быть можетъ, даже помимо желанія, а, такъ сказать, инстинктивно, онъ рѣзко и опредѣленно сформировался въ этнолога-психолога.

Его главное ученіе касалось вопроса объ отношеніи отдѣльной личности ко всему человѣчеству (Verhältniss der Einzelnen zur Gesamtheit), а равно и вопроса о происхожденіи элементарной мысли или „души“ народа (Elementargedanke, Völkerpsyche). Въ первомъ вопросѣ онъ придерживался взгляда на пассивность роли отдѣльнаго индивидуума, который является только отраженіемъ всего общества. Въ этомъ вопросѣ онъ особенно близко сходился и напоминалъ Гербарта.

Болѣе оригинальнымъ онъ является въ ученіи „о психологіи народовъ“. Поразительныя на первый взглядъ сходства въ миѳологіи, культѣ, обычаяхъ, матеріальной культурѣ и т. д., у народовъ, живущихъ другъ отъ друга на громадномъ разстояніи, объяснялись Бастіаномъ общностью человѣческой мысли, являющейся мыслью не „индивидуальной“, а „общественной“ (Gesellschaftsgedanke) или въ видѣ географически ограниченной—мыслью народной (Völkergedanke). Въ началѣ мысль была едина, она развивалась, дифференцировалась и въ результатѣ получились различія въ міросозерцаніи, а вслѣдствіе этого и въ культурѣ народовъ. При своемъ развитіи и ростѣ эта мысль — элементъ—приспособляется къ географически предоставленной ей области. Создаются такъ называемыя географическія провинціи, т. е. области одинаковой культуры. При дальнѣйшемъ ростѣ и распространеніи человѣческія общины соприкасались другъ съ другомъ и заимствовали и передавали

другъ другу свое культурное достоянiе. Съ этого момента, когда географическiя условiя—провинцiя—перестаетъ всецѣло дѣйствовать на судьбы человѣка, когда его развитiе идетъ по точно опредѣленному пути, начинается перiодъ историческiй. Что касается ученiя „заимствованiя", то Бастiанъ относился къ нему крайне сдержанно и допускалъ заимствованiе только въ случаяхъ, гдѣ культурное сходство не могло быть объяснимо ничѣмъ инымъ. Однако онъ не отрицалъ возможности заимствованiй, наоборотъ признавалъ ихъ и находилъ споръ между приверженцами своего ученiя объ „Elementargedanke" и ратцелевскимъ „Entlehnung" безсмысленнымъ: „Такого спора, говорилъ онъ,—я тысячу разъ твердилъ это, вовсе не существуетъ!"

Заимствованiя признаетъ онъ главнымъ образомъ для народовъ, стоящихъ уже на болѣе высокихъ ступеняхъ развитiя. Такъ, по его мнѣнiю, самострѣлъ, разнесенный по Западной Европѣ монгольскими завоевателями, какъ слишкомъ сложный и тонкiй механизмъ, не могъ быть изобрѣтенъ обязательно всѣми народами, употребляющими его одновременно. Его далекое распространенiе объясняется только заимствованiемъ уже готовой формы, возникшей и развившейся въ одной мѣстности въ предѣлахъ одной этнической группы. Болѣе простыя и менѣе сложныя проявленiя культуры, элементы ея не нуждаются однако въ заимствованiи, они могутъ зарождаться одновременно у разныхъ народовъ свободно и независимо другъ отъ друга. Какъ естественно развитiе для защиты острыхъ когтей у хищнаго звѣря, такъ естественно и пользованiе всѣмъ человѣчествомъ для защиты проекцiей своихъ органовъ, въ видѣ примитивнаго оружiя. Въ этомъ отношенiи чувствуется вся глубокая разница между Рихардомъ Андрэ и Бастiаномъ. Несмотря на то, что оба имѣли одну и ту же исходную точку—область единства человѣческой мысли, первый допускалъ въ своихъ „Parallelen und Vergleiche" лишь возможность возникновенiя сходныхъ идей и культуръ у различныхъ народовъ, второй же въ рядѣ своихъ работъ опредѣленно указываетъ на логическую необходимость возникновенiя общихъ элементовъ культуры.— Изъ отдѣльныхъ вопросовъ этнологiи Бастiанъ особенно много поработалъ надъ вопросомъ о матрiархатѣ; цѣнно также его авторитетное указанiе на отсутствiе „безкультурныхъ народовъ" и пр. Отдѣльные вопросы, интересовавшiе энциклопедическiй умъ Бастiана, безчисленны. Къ сожалѣнiю, манера Бастiана писать, особенно съ средины 90-хъ годовъ, принимала все менѣе и менѣе понятныя формы. Чтенiе его послѣднихъ трак-

татовъ представляетъ тяжелый трудъ. Безконечныя цитаты безъ точнаго указанія ихъ источника, сравненія, витіеватые возгласы, цѣлый потокъ отдѣльныхъ, нанизанныхъ безъ связи, мыслей — дѣлаютъ его работы мало понятными. Каждый трудъ его нуждается въ комментаріяхъ, конечно, лицъ, знавшихъ Бастіана лично и много бесѣдовавшихъ съ нимъ. Изслѣдованія этихъ трактатовъ, несомнѣнно, дадутъ богатый и благодарный матеріалъ. Работалъ Бастіанъ до послѣдней минуты: еще за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти въ 1903 и 1904 гг. появился его послѣдній трудъ: „Die Lehre vom Denken".

Подводя въ самыхъ общихъ чертахъ итогъ плодотворной и грандіозной дѣятельности Бастіана, мы назовемъ на первомъ мѣстѣ созданіе имъ Берлинскаго музея народовѣдѣнія и обогащеніе его этнографическими сокровищами, его литературныя работы и путешествія, носившія обыкновенно характеръ экспромтовъ (Бастіанъ никогда не готовился къ поѣздкамъ, боясь всего преднамѣреннаго, програмнаго) и, наконецъ, тѣ геніальныя обобщенія, которыя онъ невольно дѣлалъ. Разработкой этого громаднаго матеріала, завѣщаннаго покойнымъ любимой имъ больше всего наукѣ, должны будутъ заняться этнологи. Образъ неутомимаго и скромнаго Бастіана да послужитъ имъ примѣромъ для подражанія.—Какъ скромно и тихо протекла жизнь Бастіана, такъ же тихо, въ дали отъ родины и во время путешествія, смерть унесла великаго ученаго. Онъ проболѣлъ всего нѣсколько дней, и не приходя въ себя, скончался въ госпиталѣ въ Портъ-офъ-Спэнѣ на Тринидадѣ. Черезъ три недѣли только европейское общество узнало объ его смерти. Ни рѣчей, ни пышнаго погребенія, конечно, не могло быть устроено на чужбинѣ: его личный секретарь взвалилъ простой гробъ на телѣгу, запряженную муломъ, сѣлъ на нее самъ и отвезъ тѣло на кладбище. Въ настоящее время берлинцы мечтаютъ о перевезеніи праха „своего" Бастіана на родину, чтобы похоронить его рядомъ съ Вирховымъ.

Б. Адлеръ.

Фридрихъ Ратцель, какъ этнографъ.

Род. 30 (17) августа 1844 г.—скончался 28 (15) іюля 1904 г.

30 августа н. ст. 1904 г. друзья и почитатели Ратцеля готовились отпраздновать съ своимъ учителемъ и другомъ день его 60-лѣтняго рожденія. Задумана была коллективная работа изъ 28 отдѣльныхъ оригинальныхъ статей, написанныхъ преимущественно учениками Ратцеля, разсѣянными по всему свѣту. Судьба судила иначе: изъ „Festschrift" работа обратилась въ „Gedenkschrift". Ратцель не дожилъ 3-хъ недѣль до своего юбилея: онъ скончался въ Аммерландѣ на Штарнбергскомъ озерѣ, въ В. Баваріи, во время прогулки, отъ разрыва сердца.

Жизнь этого человѣка такъ сильно отличается отъ обыкновенной „карьеры" и „жизни" нѣмецкихъ ученыхъ, что сама по себѣ она представляетъ интересъ и служитъ поучительнымъ примѣромъ безграничной силы воли, соединенной съ благородной мягкостью и рѣдкой деликатностью по отношенію къ человѣческой личности вообще. Эти качества, наряду съ геніальнымъ и пытливымъ умомъ географа-натуралиста, обезпечили Ратцелю при жизни и послѣ смерти одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди географовъ всего міра.

Ратцель не готовился быть присяжнымъ ученымъ. Онъ родился 30 августа 1844 г. въ Карлсруэ и происходилъ изъ бѣдной семьи привратника герцогскаго замка. Дѣтство описано имъ въ полуфантастической формѣ въ запискахъ, вышедшихъ уже послѣ его смерти въ „Grenzboten" и носящихъ названіе „Glücksinseln und Träume". Съ раннихъ лѣтъ, играя на дворѣ своего дома, онъ прислушивался къ біенію пульса природы, которую любилъ инстинктивно: каждая травка, каждый червякъ въ глазахъ мальчика были преисполнены интереса. Однако мечтамъ ребенка не посчастливилось: по окончаніи средней школы, Ратцель былъ отданъ въ аптеку въ сосѣдній городъ. На аптекарскомъ дѣлѣ онъ остановился, не покидая мечты заниматься одновременно естество-

знаніемъ. Онъ работалъ въ трехъ городкахъ: Рапперсвилѣ, Эйгерсгеймѣ и Мёрсѣ. Долгимъ путемъ лишеній и отказа во всемъ, юношѣ удалось скопить небольшія средства, на которыя онъ и поступилъ въ университетъ въ Гейдельбергѣ. Здѣсь онъ занялся зоологіей и работалъ надъ червями. Кромѣ Гейдельберга онъ слушалъ лекціи въ Іенѣ и Берлинѣ. Первою появилась его докторская диссертація на тему „Къ вопросу систематики и анатоміи олигохэтъ“. Для дальнѣйшихъ работъ Ратцель избралъ Францію, гдѣ работалъ у Шарля Мартина. Онъ успѣлъ побывать еще въ двухъ французскихъ университетахъ: Монпелье и Сеттѣ. Занятія зоологіей являлись для молодого ученаго исходнымъ пунктомъ для всей будущей работы. Познакомившись съ зоологіей и занимаясь главнымъ образомъ червями, въ которыхъ онъ видѣлъ низшую ступень сегментаціи, достигшей послѣдней стадіи своего развитія въ позвоночныхъ и въ частности въ человѣкѣ. Ратцель рѣшилъ изучить и ископаемый міръ въ его остаткахъ и съ жаромъ накинулся на палеонтологію, но вскорѣ долженъ былъ оставить эти занятія; недостатокъ средствъ принудилъ молодого доктора принять предложеніе „Cölnische Zeitung“ и въ качествѣ ея корреспондента объѣхать всю Западную Европу (1869 г.). Результатомъ этого перваго путешествія явились въ названной газетѣ „Zoologische Briefe vom Mittelmeer“, послужившія впослѣдствіи матеріаломъ для его инструкціи „Wandertage eines Naturforschers“, въ свое время давшей въ популярной формѣ много полезныхъ указаній для путешественниковъ. Война 1870—71 гг. привела Ратцеля въ качествѣ волонтера въ ряды его родного 14-го Баденскаго корпуса. Пуля не пощадила его, и раненый въ голову, Ратцель долго пролежалъ въ лазаретѣ. Жизнь въ послѣднемъ описана имъ въ „Grenzboten“; описаніе это проливаетъ свѣтъ на духовный обликъ чудной личности Ратцеля. Еле оправившись отъ раны, Ратцель рѣшилъ привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе заняться палеонтологіей и поѣхалъ въ Мюнхенъ, гдѣ сталъ изучать геологію и палеонтологію у Циттеля. Здѣсь онъ особенно близко сошелся съ Морицомъ Вагнеромъ, ученіе котораго о миграціяхъ организмовъ привлекала его своей свѣжестью. Это ученье, которое онъ не разъ называетъ въ своихъ трудахъ „геніальнымъ“, на всю жизнь положило на Ратцеля опредѣленный и неизгладимый отпечатокъ. Однако въ Мюнхенѣ ему не удалось отдаться научной работѣ. Матеріальныя соображенія принуждаютъ его снова принять приглашеніе

„Кельнской Газеты“ и отправиться въ 1872 году въ качествѣ ея корреспондента на этотъ разъ уже въ Новый Свѣтъ. Невиданныя имъ ранѣе страны: Соед. Штаты, Антильскіе острова, Мексика пробудили въ немъ инстинктъ ученаго путешественника. Для большой публики появлялись въ газетѣ фельетоны, а записная книжка съ серьезными наблюденіями разрослась въ двухтомный трудъ его о Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки (Die Vereinigten Staaten von Nord Amerika). Работа эта до настоящаго времени считается по Америкѣ одной изъ лучшихъ. Кромѣ этой двухтомной работы, непосредственно вслѣдъ за возвращеніемъ Ратцеля на родину, появился выше упомянутый трудъ „Die Wandertage eines Naturforschers“. Трудъ этотъ, хотя не серьезный, а скорѣй фельетоннаго характера, въ свое время принесъ пользу. Большой публикѣ вскорѣ стали приѣдаться фельетоны, несмотря на ихъ блестящій слогъ и богатое научное содержаніе,—молодому ученому приходилось подумать о болѣе обезпеченномъ существованіи. Вернулся онъ прямо въ Мюнхенъ и не зналъ, что̀ начать. Въ политехникумѣ въ это время только что скончался отъ холеры Гутэ, и каѳедра географіи оставалась не занятой. Только что вернувшись изъ путешествія, Ратцель не рѣшался начать новое дѣло, но Гюнтеръ, въ то время приватъ-доцентъ математики, посовѣтовалъ ему сдать свою приватъ-доцентскую работу и начать чтеніе лекцій. Ратцель послѣдовалъ совѣту и въ 1875—76 г. занялъ каѳедру географіи. Его пробная лекція была чисто физико-географическаго характера и носила названіе „Ueber das Nordamerikanische Felsengebirge“. Съ того времени онъ проработалъ въ Мюнхенѣ 21 семестръ, два года въ качествѣ экстраординарнаго, а потомъ ординарнаго профессора. Въ мюнхенскій періодъ приходится также и приглашеніе института Юстуса Пертеса въ Готѣ принять завѣдываніе всѣмъ центральнымъ учрежденіемъ германской географіи. Это предложеніе Ратцель отклонилъ.

Съ переходомъ отъ безпокойной жизни путешественника къ спокойной и кабинетной дѣятельности ученаго профессора начинается второй періодъ жизни Ратцеля, періодъ творческой работы, закрѣпленной въ его многочисленныхъ трудахъ. Въ продолженіе всего Мюнхенскаго періода, пока онъ не бюлъ приглашенъ въ 1886 г. въ Лейпцигъ на мѣсто Рихтгофена, ушедшаго тогда въ Берлинъ, Ратцель нащупывалъ подъ собой почву и намѣчалъ вѣхи своей дальнѣйшей работы. Преподавательская дѣятельность въ Мюнхенскомъ политехникумѣ мало удовлетворяла молодого профессора. Программа географіи, при-

наровленная въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ къ практическимъ задачамъ и читаемая будущимъ таможеннымъ чиновникамъ Баваріи, не могла быть особенно полной и обширной. Главнымъ курсомъ, естественно, была коммерческая географія. Подобная работа не могла удовлетворить Ратцеля, и онъ всѣ свои силы отдалъ литературной дѣятельности. Одинъ за другимъ, въ общихъ чертахъ, появлялись его будущіе труды, составившіе впослѣдствіи его славу. Вышли два первые тома перваго изданія (3 тома) его „Народовѣдѣнія", рядъ мелкихъ этнографическихъ работъ, прототипъ его будущей „Die Erde und das Leben" въ видѣ сборника, состоящаго изъ 24 публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Мюнхенѣ и носящаго названіе просто „Erde". Спеціальныя работы (три), посвященныя вопросу эмиграцій китайцевъ, работа „Die Stellung der Naturvölker in der Menschheit" слѣдують одна за другой. Работа о китайцахъ пріобрѣтаетъ въ настоящій историческій моментъ борьбы бѣлой и желтой рассъ особенный интересъ. Еще незадолго до смерти въ еженедѣльномъ журналѣ „Die Woche" Ратцель указалъ на важность желтаго вопроса и подчеркивалъ, что единственнымъ способомъ парализовать эту опасность является обращеніе Россіи на путь западно-европейской цивилизаціи. Въ работѣ о положеніи первобытныхъ народовъ среди человѣчества, онъ указываетъ на отсутствіе на землѣ безкультурнаго человѣка,—есть народы только болѣе и менѣе культурные. Къ тому же періоду относится и 1-ый томъ его антропогеографіи, вышедшей въ Штуттгартѣ, подъ названіемъ „Anthropogeographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte".

Съ этого времени Ратцель становится дѣятельнымъ сотрудникомъ и редакторомъ изданія учебниковъ у Энгельгарта въ Штутгартѣ. Ратцель впервые ввелъ терминъ антропогеографіи и придалъ ему то значеніе, которое вполнѣ проникло въ настоящее время въ науку. Второй томъ „Anthropogeographie" вышелъ черезъ 10 лѣтъ послѣ перваго, а второе изданіе черезъ 12 лѣтъ послѣ появленія перваго тома. Появленіе этой работы, за которой въ скоромъ времени послѣдовалъ большой эскизъ, робкая попытка и прототипъ будущей „Politische Geographie" (подъ названіемъ: „Entwurf einer neuen politischen Karte von Afrika nebst allgemeinen Bemerkungen über politische Geographie — Peterm. Mitth. 1885)—вызвали взрывъ негодованія, нападокъ и злой критики со стороны школы ф. Рихтгофена, который въ то время являлся законодателемъ въ наукѣ о землѣ. Зато политико-экономы, исто-

рики и натуралисты разныхъ оттѣнковъ и направленій привѣтствовали новый трудъ, пытавшійся перебросить мостъ между науками гуманитарными и естественно-историческими. Особенно благосклонно отнесся къ начинающему ученому политико-экономъ Roscher, вліянію котораго и необходимо приписать переходъ Ратцеля въ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ на мѣсто Рихтгофена.

Признавъ себя открыто и опредѣленно противникомъ односторонняго изученія земли, только какъ физическаго тѣла, Ратцель пошелъ по пути, намѣченному уже слегка К. Риттеромъ. Какъ и К. Риттеръ, а затѣмъ О. Пешель, съ которымъ у Ратцеля было очень близкое духовное родство, послѣдній оставался все время географомъ; склонность же найти живую органическую связь между землей и ея обитателями придала и ему ту окраску, которая дѣлаетъ фигуры этихъ трехъ географовъ наиболѣе цѣльными. Однако, отливаясь въ форму антропогеографа, Ратцель въ Мюнхенѣ усердно занимался чтеніемъ лекцій. И тогда уже, несмотря на узость программы, размѣры и число читаемыхъ имъ курсовъ, были очень велики. Онъ читалъ: общее и частное землевѣдѣніе, коммерческую географію, обзоръ главнѣйшихъ географическихъ открытій и путешествій, основы политической географіи и т. п. Къ мюнхенскому періоду относится также рядъ цѣнныхъ и часто цитируемыхъ работъ по физической географіи Альпъ, работы о фіордахъ въ озерахъ, о земляныхъ столбахъ, о снѣжномъ покровѣ въ горахъ, о снѣжной линіи и т. д.

Съ переходомъ въ Лейпцигъ для дѣятельности Ратцеля открылось болѣе широкое и плодотворное поле. Здѣсь онъ читалъ рядъ интересныхъ и богато обставленныхъ, частныхъ и общихъ курсовъ по географіи: общей, частной, сравнительной, по методикѣ землевѣдѣнія, отдѣльныя главы изъ физической географіи, курсъ ландшафтовѣдѣнія, народовѣдѣніе, антропогеографію, политическую географію и, наконецъ, біогеографію. Въ Лейпцигѣ Ратцель засталъ послѣ Рихтгофена, пробывшаго здѣсь лишь 2 года, полное запустѣніе. Ни коллекцій, ни библіотеки, подобной нынѣшней, не было и въ поминѣ. Пешель, умершій въ 1875 г., оставилъ свой „географическій аппаратъ“, впослѣдствіи географическій“ семинарій“ въ зачаточномъ состояніи. Преемника долго не находилось, и лейпцигская каѳедра до появленія Рихтгофена, при Деличѣ и др. переживала тяжелое безвременье. Рихтгофенъ сдѣлалъ въ Лейпцигѣ и для Лейпцига немного, что̀ объясняется его кратковременнымъ пребываніемъ. Ратцель засталъ все въ зачаточномъ видѣ.

Въ то время, какъ періодъ работы Ратцеля въ Мюнхенѣ былъ періодомъ внутренней, творческой, подготовительной работы, періодъ лейпцигскій слѣдуетъ, несомнѣнно, назвать временемъ жатвы на нивѣ литературной и педагогической. Продолжая редактировать „Geographische Handbücher", Ратцель редактировалъ и журналъ „Ausland", слившійся впослѣдствіи съ „Globus'омъ", и велъ научный отдѣлъ Veröffentlichungen d. Vereins für Erdkunde zu Leipzig, состоя въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ лейпцигскаго географическаго общества. Одновременно онъ неустанно трудился надъ окончательной обработкой своего „Народовѣдѣнія", вышедшаго въ Лейпцигѣ въ 2-хъ томахъ, написалъ 2-й томъ „Антропогеографіи" и далъ ея второе переработанное изданіе, выпустилъ „Политическую географію" и за 2 года до смерти, наконецъ, успѣлъ подарить наукѣ научно-популярное сочиненіе „Земля и Жизнь". Эта послѣдняя работа должна была предшествовать давно уже задуманной имъ „біогеографіи", которую онъ мечталъ дать въ строго научной формѣ. Не разъ въ теченіе своего университетскаго преподаванія онъ читалъ курсъ біогеографіи. Слышавшіе его знаютъ, что окончательнымъ заключительнымъ аккордомъ его дѣятельности должна была быть именно эта отрасль землевѣдѣнія, въ которой онъ мечталъ дать картину движенія и распространенія жизни на землѣ.

Въ послѣднее время наряду съ этимъ громаднымъ трудомъ умъ Ратцеля занималъ и рядъ частныхъ, такъ сказать, побочныхъ вопросовъ. Изъ числа ихъ назовемъ увлеченіе его формулировкой понятія о географическомъ ландшафтѣ. Выдѣляя ландшафтъ изъ его исторической оболочки, онъ нарисовалъ передъ глазами читателя картину неприкрашенной чистой природы, съ которой человѣкъ столкнулся при своемъ движеніи на землѣ. Къ этому вопросу онъ подходилъ, однако, и какъ ученый и какъ художникъ,—въ этомъ сила ума Ратцеля. Не рисуя лично самъ, Ратцель былъ тонкимъ знатокомъ живописи разныхъ школъ. Онъ понималъ ландшафтъ не только въ природѣ, но и на холстѣ. Въ цѣлой серіи работъ объ облакахъ, о водѣ, о ландшафтѣ онъ далъ рядъ художественно-научныхъ эскизовъ. Все это объединено въ маленькой книжкѣ „Ueber Naturschilderung", вышедшей уже послѣ смерти автора.

Работы по колоніальнымъ вопросамъ, этнографическія монографіи (о лукѣ, палочномъ панцырѣ и т. п.), этюды по физической географіи (преимущественно о берегахъ), замѣтки по всевозможнымъ вопросамъ слѣдуютъ въ Лейпцигѣ одна за

другой. Масса написаннаго, казалось бы, должна была поглощать все время покойнаго, однако на ряду съ громаднѣйшей корреспонденціей, которую Ратцель аккуратно велъ со своими друзьями и наболѣе близкими учениками, покойный готовился къ *каждой* лекціи. Онъ тщательно записывалъ все и читалъ исключительно по написанному, говоря, что боится сказать слушателямъ хотя долю невѣрнаго. Эта отдѣлка содержанія дѣлала и внѣшнюю форму лекцій крайне поучительной. Курсъ лекцій, читанныхъ Ратцелемъ въ Лейпцигѣ въ теченіе 18 лѣтъ его профессорской дѣятельности поражаетъ обширностью. Назовемъ: антропогеографію, ученіе о снѣгѣ, фирнѣ и глетчерахъ; географію горъ и наблюденія въ горахъ; общее землевѣдѣніе, исторію колонизаціи, политическую географію Европы, полярныя страны, Германію и сосѣдей ея, Альпы, Африку, область распространенія нѣмцевъ, введеніе въ изученіе географіи, Соединенные Штаты; страны Средиземнаго моря; внѣ-европейскія страны; естественный и историческій ландшафтъ, географію воды и климатологію, коммерческую географію; положеніе Англіи и ея политику, біогеографію, главнѣйшіе пути сообщенія, океанографію и т. д. Университетская дѣятельность упрочила за Ратцелемъ извѣстность одного изъ лучшихъ учителей географіи. Его ученики разбросаны по всему свѣту, и многіе изъ нихъ уже сами успѣли создать школы (Hettner, Hassert, Weule и т. д.), имѣющія въ основѣ ученіе самого Ратцеля. Въ послѣдніе годы, когда покойному удалось создать образцовый географическій семинарій, число слушателей его возрасло до 200 человѣкъ, такъ что школа Ратцеля въ Германіи самая многочисленная и сплоченная. Немало и русскихъ географовъ обязано Ратцелю своими познаніями. Методъ преподаванія Ратцеля былъ своеобразный: читая лекціи, онъ особенно подчеркивалъ тотъ или иной вопросъ, какъ бы направляя интересъ слушателей на область, которою онъ считалъ нужнымъ самъ заняться. Кромѣ лекцій онъ занимался со слушателями въ семинаріи. Здѣсь работали только спеціалисты, и главнымъ образомъ лица, желавшія достигнуть степени доктора. Въ назначенный заранѣе день онъ задавалъ вопросъ на объявленныя въ началѣ года темы и самъ разъяснялъ тотъ или иной вопросъ; Впослѣдствіи онъ этотъ методъ измѣнилъ, задавая заранѣе темы, отдѣльнымъ лицамъ и вызывая ихъ затѣмъ на диспуты, въ которыхъ участвовали всѣ слушатели. Плоды преподавательской дѣятельности Ратцеля на лицо: его школа въ Германіи наиболѣе многочисленная. Учениковъ Ратцель вербовалъ не всегда

обычнымъ путемъ,—какъ вообще и самъ онъ шелъ не заурядным..., а всегда своимъ оригинальнымъ путемъ. Вспомнимъ д-ра Шмельца, нынѣ директора Лейденскаго музея, по профессіи простого столяра, котораго Ратцель отыскалъ и въ которомъ инстинктивно угадалъ природнаго этнографа. Его друзья и ученики выбирались имъ изъ разныхъ слоевъ общества. Припоминаю разсказъ, какъ на могилѣ одного изъ незамѣтныхъ школьныхъ тружениковъ, скромнаго нѣмецкаго народнаго учителя лежалъ вѣнокъ отъ Ратцеля.

Смерть мгновенно унесла Ратцеля: сердечный недугъ свалилъ въ мигъ гигантскую на видъ фигуру удивительнаго человѣка. Еще за два года до смерти носились слухи о болѣзни сердца, объ arteria sclerosa, но это были только слухи. Весной прошлаго года Ратцель въ теченіе цѣлаго дня плохо видѣлъ, но припадокъ скоро прошелъ, и ничто не указывало на близость развязки. Усталый отъ работы семестра и экзаменовъ, Ратцель поѣхалъ въ свое лѣтнеее убѣжище, въ Аммерландъ, виллу на берегу Штарнбергскаго озера. Здѣсь ему суждено было во время прогулки найти вѣчное упокоеніе, всего за 3 недѣли до своего юбилея. Небольшая кучка товарищей, друзей, почитателей и учениковъ похоронили любимаго учителя и рѣдкаго человѣка въ сосѣдней деревушкѣ Мюнзингѣ. Задуманная ко дню его рожденія Festschrift обратилась въ Gedenkschrift и вышла въ день рожденія покойнаго. Уже взявъ эту книгу въ руки,можно понять, какъ велика и разнообразна была дѣятельность покойнаго.

Набросавъ въ краткихъ чертахъ біографію Ратцеля, мы остановимся въ послѣдующемъ на личности его, *какъ этнографа*. Ратцель никогда не называлъ себя этнографомъ, антропологомъ и т. п.—онъ всегда подчеркивалъ фактъ, что онъ только географъ. Если же ближе опредѣлить занимаемое имъ положеніе, то онъ антропогеографъ. И между тѣмъ, несмотря на собственное признаніе, Ратцель былъ все-таки этнографомъ. Взявъ сперва его 3-хъ-томное „Народовѣдѣніе“, а затѣмъ 2-хъ томное изданіе его, мы уже по внѣшности видимъ, какъ великъ былъ матеріалъ, которымъ располагалъ Ратцель, какъ велика была его эрудиція (въ то время еще молодого ученаго) и какъ широки были горизонты, открываемые имъ. Это общее сочиненіе доставило автору славу классика-этнографа. Популярная по изложенію, книга быстро разошлась по всему свѣту и переведена на англійскій и русскій языки. Маленькое изданіе въ Meyer's Völksbücher является превосходнымъ экстрактомъ того

же труда. Этими работами не исчерпываются заслуги Ратцеля передъ наукой о человѣкѣ. Не касаясь работъ по разнымъ отраслямъ физической географіи, антропо- и біогеографіи и т. п., гдѣ накоплена и разбросана масса этнографическаго матеріала, мы укажемъ здѣсь только работы, изъ области этнографіи. Вопросу объ эмиграціи китайцевъ посвящено 3 работы, далѣе слѣдуютъ обзоры этнографической литературы съ 1876—78 гг. въ Archiv für Anthropologie, три работы о лукѣ и стрѣлахъ въ Африкѣ, работа о людоѣдствѣ, о переселеніи народовъ и его роли въ созданіи типовъ и рассъ, о происхожденіи арійцевъ съ географической точки зрѣнія, о панцырѣ изъ палочекъ и т. д. Рядъ работъ о географическомъ методѣ въ этнографіи, о связи исторіи, этнографіи и исторической перспективы—составляютъ наиболѣе цѣнный вкладъ въ науку.

Ратцель разсматриваетъ человѣчество какъ нѣчто цѣлое. Главная задача, которую, по его мнѣнію, должна преслѣдовать этнографія, заключается въ доказательствѣ взаимной, генетической связи человѣчества. Для этого необходимо руководствоваться двумя точками зрѣнія: во-первыхъ нельзя упускать изъ виду естественной генетической связи человѣка съ природой, среди которой онъ живетъ и которой онъ принадлежитъ, а съ другой стороны слѣдуетъ, для выясненія темныхъ и запутанныхъ сторонъ связи человѣчества чаще обращаться къ исторіи развитія человѣчества, памятуя, что исторія бываетъ не только письменная, но что слѣды ея находятся и въ культѣ, языкѣ, орнаментѣ, послѣдней чашкѣ и плошкѣ, какъ дикаря, такъ и культурнаго человѣка. Главная задача состоитъ поэтому при использованіи всѣхъ упомянутыхъ выше данныхъ географическаго и историческаго характера въ „указаніи переходовъ и внутренней связи“, а не различій. Наиболѣе оригинальна и своеобразна идея Ратцеля относительно наблюдаемыхъ въ человѣчествѣ различій. Признавая въ полной мѣрѣ важность „элементарной“ мысли (терминъ, введенный А. Бастіаномъ и часто замѣняемый имъ же названіемъ Völkergedanke), Ратцель говоритъ: „*Элементарныя идеи обладаютъ непреодолимой силой распространенія, и мы не видимъ причины, почему онѣ должны были бы останавливаться передъ хижиной кафра или костромъ ботокудо. Для ихъ распространенія существуютъ, однако, безчисленныя препятствія, дѣйствующія задерживающимъ или замедляющимъ образомъ, и, кромѣ того, онѣ измѣнчивы, какъ все живое, будучи порождаемы и распространяемы жизнью. Здѣсь заключается главная причина различій въ человѣчествѣ и*

многія другія задачи народовѣдѣнія. Можно сказать даже, что въ географическомъ распространеніи сперва самихъ народовъ, а затѣмъ ихъ культурныхъ пріобрѣтеній и культурныхъ средствъ, отъ огня до высшихъ идей историческихъ націй, лежитъ ключъ къ первобытной исторіи человѣчества" [1]). Въ приведенной изъ введенія къ „Народовѣдѣнію" выдержкѣ видимъ, какое громадное значеніе придавалъ Ратцель географическому элементу въ народовѣдѣніи и исторіи. Всѣ его стремленія были направлены главнымъ образомъ къ проведенію этого новаго принципа: поэтому ратцелевское „Народовѣдѣніе" понятно только наполовину безъ его „Антропогеографіи". Въ противоположность Бастіану, низводившему человѣческую особь на ступень пассивнаго носителя воли массы—общества, Ратцель отводилъ особи, выдающейся надъ массой, большую роль при проведеніи и распространеніи культурнихъ завоеваній. Въ то время, какъ другіе этнографы его времени дѣлили народъ на этническія группы или рассы по странамъ свѣта и образу жизни, Ратцель ввелъ дѣленіе на „культурные" циклы, имѣющіе сходную культуру. Въ этомъ отношеніи нужно отдать Ратцелю справедливость,—онъ сумѣлъ придать своимъ цикламъ опредѣленный и точно формулированный видъ. Понятіе „ойкумены" подъ его перомъ пріобрѣло установившуюся форму, и безповоротно принято въ наукѣ. Поэтому же и географическія соображенія, въ видѣ границъ, естественныя препятствія въ формѣ горъ, океановъ, рѣкъ и т. п. пріобрѣтаетъ тотъ особенный интересъ, который такъ новъ въ ученіи Ратцеля. То, что̀ онъ намѣтилъ въ общихъ чертахъ въ своемъ „Народовѣдѣніи", мы видимъ въ болѣе детальной разработкѣ и въ его монографическихъ работахъ „объ „африканскомъ лукѣ", о „Stäbchenpanzer'ѣ", о „странствіи арійцевъ", о „географическомъ методѣ въ этнографіи". Это были какъ бы громадныя этюды къ широко задуманной картинѣ появленія, разселенія и дифференцировки человѣческаго рода. На этихъ частныхъ примѣрахъ Ратцель доказывалъ возможность прежнихъ культурныхъ заимствованій негроидовъ, сохраняющихся и на Н. Гвинеѣ и въ самомъ западномъ углу Африки близъ устья Конго (работа объ африканскомъ лукѣ); въ работѣ о „палочномъ панцырѣ" онъ доказывалъ возможность культурнаго вліянія малайо-полинезійцевъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ В. Океана, въ Японіи, Аляскѣ и т. п.

---

1) „Народовѣдѣніе", т. I, стр. 4.

Его направленіе было схвачено наиболѣе полно и притомъ наиболѣе талантливо покойнымъ Генрихомъ Шурцомъ. Работы послѣдняго (помимо его „Исторіи первобытной культуры"), какъ, напримѣръ, объ „африканскомъ метательномъ ножѣ", объ „аинскомъ орнаментѣ", о „глазномъ орнаментѣ" о „деньгахъ" и т. д. всѣ проникнуты ратцелевскимъ духомъ. Поэтому безвременная кончина Шурца, котораго Ратцель по праву считалъ своимъ преемникомъ по духу, хотя и другіе ученики его старались подражать своему великому учителю, произвела на Ратцеля тяжелое впечатлѣніе. Теперь, когда оба, учитель и ученикъ почили вѣчнымъ сномъ, а труды ихъ стали достояніемъ общества, можно безпристрастно оцѣнить заслуги обоихъ. Ратцель былъ провозвѣстникомъ новыхъ вѣяній, новаго направленія, онъ былъ создателемъ цѣлой науки, науки о связи человѣка съ его матерью-землей. Шурцу было приготовлено разработанное поле, на которомъ онъ могъ сѣять зрѣлое и всхожее сѣмя.

Упрекъ, который можно поставить Ратцелю, это увлеченіе слишкомъ широкими перспективами и горизонтами. Увлеченный на этотъ путь, онъ отвлекался иногда отъ строгаго естественно-историческаго метода и превращался на время въ художника и поэта. Въ этомъ, однако, можно видѣть и преимущество его. Громадный умъ его не довольствовался муравьиной работой накопленія сырого матеріала, а искалъ всюду связи и поэтому легко увлекался опасными для средняго ученаго обобщеніями. Повторяемъ, однако, эти обобщенія переходя временами границы, носили все-таки печать генія; всякая простая вещь и обыденное явленіе пріобрѣтали новую интересную окраску. Въ этомъ сила таланта покойнаго.

Потеря Ратцеля незамѣнима. Ни въ одной странѣ на земномъ шарѣ нѣтъ ему преемника въ этнографіи. Настало полное безвременье. Этимъ то періодомъ затишья и желательно воспользоваться для болѣе детальной разработки этнографическаго матеріала, накопленнаго въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы достойный преемникъ Ратцеля на нивѣ уже подготовленной, могъ продолжать дѣло изученія человѣчества.

Б. Адлеръ.

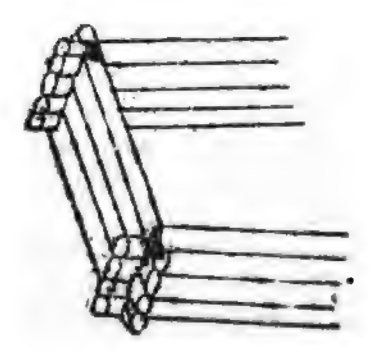
О постройкахъ Бѣлорусскаго крестьянина.

Черниговской губ., Мглинскаго уѣзда: села Росухи, деревни Бородинки и Амелькина хутора.

Всѣ постройки въ данной мѣстности дѣлаются преимущественно изъ лѣсного матерьяла, довольно примитивнымъ способомъ, такъ какъ каждый домохозяинъ—онъ же хлѣбопашецъ, онъ же и строитель своего двора.

Смолоду онъ собственно нигдѣ не обучается строить; но у нихъ первое элементарное упражненіе и подготовка къ плотничеству, это рубка дровъ: подростокъ беретъ топоръ въ руки и упражняется. Если ему удается съ размаху попадать на колодку въ одно и то же мѣсто,—значитъ ужъ начинаетъ владѣть топоромъ, рука наловчилась цѣлить, а это самое важное.

Рис. 1.



Далѣе присматривается онъ, какъ старшіе ладятъ соху, борону и прочія хозяйственныя принадлежности. По мѣрѣ надобности онъ помогаетъ отцу, и, наконецъ, становится такимъ же неискуснымъ плотникомъ какъ и отецъ, не двигаясь впередъ и не помышляя объ усовершенствованіи въ строительномъ искусствѣ.

Здѣсь плотникъ-хлѣбопашецъ строитъ себѣ хаты и амбары, дѣлая срубы „съ углами въ чашку“. Это не что иное, какъ извѣстный способъ великорусскихъ построекъ, въ которыхъ, при скрещиваніи бревенъ на углахъ, вырубленное углубленіе называется „чашка“, отсюда получается терминъ „рубить въ чашку“. Четыре бревна, сложенные такимъ образомъ называются „вѣнцомъ“. Для хаты полагается 10—12 вѣнцовъ (рис. 1).

Свою плотницкую работу дѣлаетъ крестьянинъ очень неаккуратно: несмотря на суровую зиму, бревно къ бревну и углы прилаживаются неплотно. Поэтому всѣ погрѣшности рубки, въ видѣ

довольно большихъ щелей, заполняетъ онъ лѣснымъ болотнымъ мхомъ, который конечно при морозѣ и вѣтрѣ — тоже плохо защищаетъ отъ холода. Во избѣжаніе чего углы хаты, а также „по шпарахъ“ (т. е. въ углубленія при соединеніи бревенъ) залѣпляются красной глиной; отъ чего постройка пріобрѣтаетъ какъ бы недоконченный некрасивый видъ, но у крестьянина одна цѣль—защита отъ холода.

По нѣкоторымъ стариннымъ пѣснямъ народнымъ, возможно предположить время, когда означенная „рублéная хата“ (рис. 1) начинала только входить въ употребленіе, и люди, по всей вѣроятности, жили въ постройкахъ иного какого-нибудь издѣлія. Такъ въ пѣснѣ упоминается, какъ двѣ дѣвчины приходили смотрѣть казака, который:

„Лежалъ убитый,
Укинутъ у жито“.

Но о третьей дѣвчинѣ, главной героинѣ, говорится:

„Вышла дѣвчина
Зъ „рубленыя хаты“.

Здѣсь слово „рубленая“ вовсе не изображаетъ эпитетъ въ родѣ сыра-земля, красна-дѣвица, а показываетъ именно выдающуюся изъ обыденной жизни обстановку.

Въ слѣдующей же пѣснѣ названіе „рубленая хата“ тоже означаетъ несомнѣнно рѣдкую роскошь наравнѣ съ убранствомъ коврами:

„Што у нашаго Иванечки
Да *„рубленая клѣть“*
Позавѣшана коврами
До самыя земли,
Тамъ лежить, лежить
Породильничка...“ и т. д.

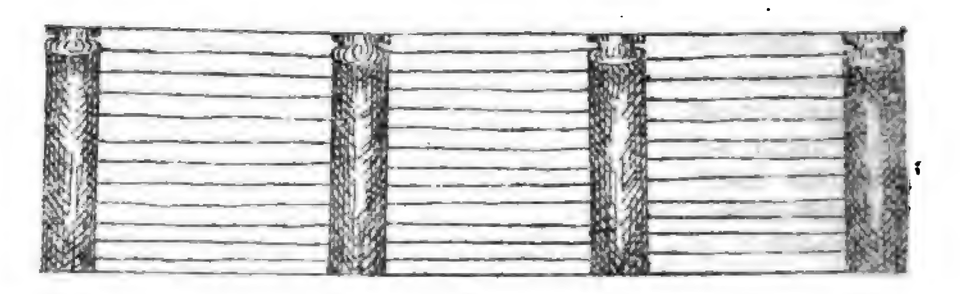
Клѣть есть холодная постройка, выполняющая въ одно и тоже время два назначенія: кладовую и спальню, гдѣ и зиму, и лѣто, несмотря на лютые морозы, спитъ кто-нибудь изъ семьи, по преимуществу молодожоны. Собственно говоря, клѣть, какъ приспособленіе для зимняго ночлега, есть остатокъ древней некультурности и напоминаетъ собой времена, когда вмѣсто печей раскладывали костры.

И такъ, „рубленая хата“ вытѣснила собой какое-нибудь болѣе примитивное устройство жилья: можетъ быть, этотъ пред-

шествующій способъ строить и былъ именно „закидка въ шулаки“, который, въ свою очередь, замѣнилъ шалаши и будки.

Теперь этимъ способомъ (рис. 2) строятъ помѣщенія для скота и нѣкоторыя другія холодныя постройки; онъ состоитъ

Рис. 2.



въ томъ, что по направленію имѣющейся быть стѣны вкапываются въ землю на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, высотой до крыши, дубовые столбы, называемые „шулаки“ или шулы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ продѣлываются во всю длину шулы желобы или „шпары“. Пространство между шулами закладывается горизонтально бревнами, концы которыхъ стесаны, смотря по ширинѣ шпара.

Рис. 3.

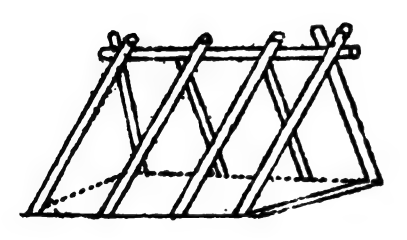
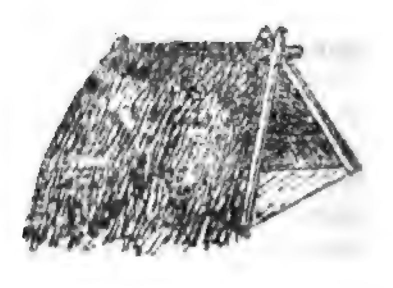


Рис. 4.



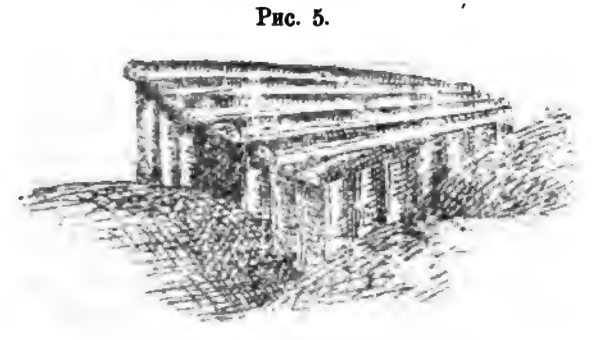
Къ числу остатковъ первобытнаго приспособленія для жилья относится будка. Это родъ двускатной соломенной крыши, устроенной изъ жердей, стоящей прямо на землѣ безъ всякаго фундамента. Ея тыльная сторона тоже защищена соломой, а лицевая остается открытой. Будка эта не высока и приспособлена больше для ночлега или для укрытія отъ непогоды (рис. 3 и 4).

Такая же будка, только еще ниже, устраивается теперь въ лѣсахъ охотниками-любителями, чтобы сторожить тетеревей.

Покрывается она сплошь со всѣхъ сторонъ зелеными вѣтками и оставляется только сбоку небольшая лазейка.

Относительно первобытнаго приспособленія къ зимовкѣ можно сказать вотъ что: не имѣя жилья и ничего готоваго подъ рукой,— чѣмъ могъ человѣкъ прежде всего защитить себя отъ стужи, какъ ни землей?—а потому землянка должна была быть первымъ убѣжищемъ отъ непріязненныхъ стихій. Устраивается она и нынѣ рабочими, которые въ зимніе мѣсяцы сходятся съ ближайшихъ селъ для рубки дровъ въ лѣсныхъ складахъ при полотнѣ желѣзныхъ дорогъ, лѣсопилкѣ и т. п. Очень углубленныхъ землянокъ здѣсь не дѣлаютъ—въ нашей глинистой почвѣ это былъ бы погребъ, поэтому человѣкъ предпочитаетъ устраивать себѣ полуземлянки, куда легче проникаетъ притокъ свѣжаго воздуха. Дѣлаютъ это такъ: выкапывается четырехъ-угольная яма до непромерзающаго слоя земли, до материка, аршина въ полтора глубины. Яма эта обставляется какимъ-нибудь деревяннымъ заплотомъ, высоты въ ростъ человѣка (Рис. 5).

Рис. 5.



Землянка (см. описаніе землянки).

Сверху въ одинъ скатъ накладываются концы какихъ-нибудь досокъ, бревенъ. На этотъ потолокъ наваливается дернъ. Вотъ тутъ-то мать сыра-земля сослуживаетъ человѣку службу: набрасываетъ онъ ее и на потолокъ, и къ стѣнамъ,—и все-то свое зимовье одѣваетъ землицей. А сверхъ всего еще и зима приходитъ на помощь человѣку, укутывая землянку снизу до верху снѣжнымъ одѣяломъ, которое бываетъ подчасъ не менѣе аршина толщины.

При нуждѣ получается убѣжище, изолированное отъ вѣтра, вьюги и мороза.

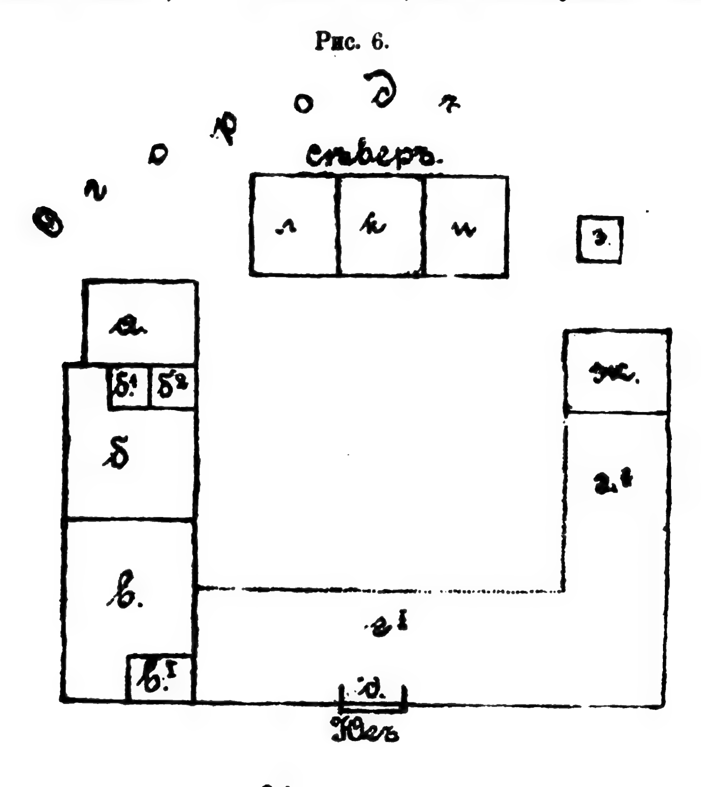
I. Описаніе и планъ двора зажиточнаго крестьянина.

Жилое помѣщеніе во дворѣ, какъ видно изъ рисунка (6), помѣщается отдѣльно, но холодныя постройки идутъ всѣ подъ одну сплошную крышу „глаголемъ“. Крестьянинъ любитъ скучн-

вать свои постройки и при выраженіи высокой похвалы домостроителю скажетъ: „дворъ хорошій щитный, якъ у вѣночку“.

Большое вниманіе обращается при закладкѣ строенія на страны свѣта, и лицевая сторона съ окнами и входными дверями не только въ жильѣ, но и въ помѣщенія для скота ставится на „усходъ сонца“,—т. е. на востокъ, или „на поудень“—на югъ.

Рис. 6.



а—анбаръ, *б*—пуня для кόній, *б*¹—свинарка, *б*²—телятникъ, *в*—каровникъ, *в*¹—овчарка, *г*¹—повѣть, *г*²—повѣть, *д*—ворота, *ж*—клѣть, *з*—погребъ, *и*—хата, *к*—сѣни, *л*—хата.

а) Амбаръ ставится безъ всякаго фундамента, на землѣ, и такъ какъ дерево отъ соприкосновенія съ землей скоро портится, то первый вѣнецъ кладется дубовый. Крыша дѣлается соломенная четырехъ-скатная, въ видѣ пирамидки. Внутри для ссыпки зерновыхъ продуктовъ засѣки (закормы). Амбары большею частью не замащиваются и не запотолачиваются.

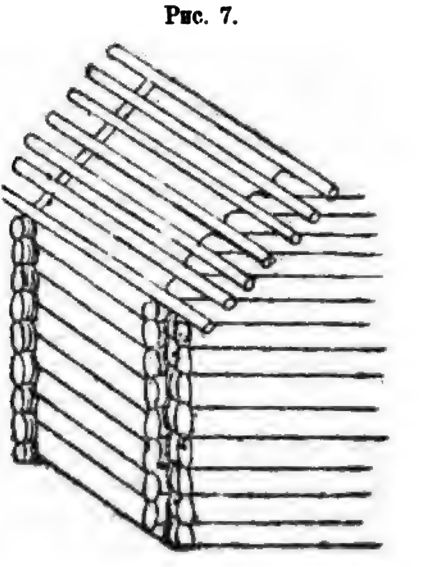
Но неудобство амбаровъ безъ половъ и потолковъ очевидно: въ деревнѣ, между крестьянами найдется два три малоземель-

ныхъ крестьянина, готовыхъ всегда посягнуть на чужую собственность и залѣзть въ амбаръ къ болѣе зажиточному сосѣду. Въ этомъ случаѣ они темною ночью, не входя во дворъ, могутъ подкопаться подъ стѣну немощенаго амбара съ внѣшней стороны двора и вытащить продукты.

А иные злоумышленники предпочитаютъ продѣлывать дыру въ соломенной крышѣ и, спустившись внутрь по веревкѣ, успѣшно вытягиваютъ все, чтò имъ понадобится.

Нужда слѣдовательно указала на необходимость мостовъ и половъ въ амбарѣ. Но для этого потребуются гвозди и доски, а покупные матерьялы хозяину-плотнику не по карману, онъ привыкъ обходиться своими средствами. Поэтому вмѣсто досокъ раскалываетъ онъ тонкія бревна вдоль, или беретъ „абаполки“ [1]); при мощеніи пола онъ ужъ придумаетъ, какъ обойтись безъ гвоздя: одну сторону пола прикрѣпитъ и втиснетъ къ стѣнѣ амбара въ шпары бревенъ, на противоположные концы обаполокъ поставитъ засѣки; словомъ, приспособится такъ, чтобы изъ-подъ амбара нельзя было поднять половицы.

Рис. 7.



Вмѣсто потолковъ устраиваетъ онъ въ амбарахъ крыши „съ покотомъ“, а именно: (рис. 7) докончивши поперечныя стѣны амбара, продолжаетъ рубить изъ тонкихъ бревенъ остовъ двускатной крыши такимъ образомъ: вмѣсто шалёвокъ (т. е. тонкаго теса) кладетъ бревна и, уменьшая ихъ постепенно, сводитъ къ коньку крыши на нѣтъ. Въ то же время, въ концы этихъ „фронтонныхъ“ бревенъ врубаетъ, черезъ одно бревно, концы бревенъ, идущихъ вдоль, по обѣ стороны ската крыши такъ, что между этими послѣдними остается промежутокъ не болѣе $^1/_4$ аршина. Оба ската еще переплетаются лозой и покрываются толстымъ слоемъ соломы и пролѣзть сюда во внутрь трудно, не взорвавши всей крыши.

Слѣдующая холодная постройка для скота (рис. 6, б, в) навы-

[1]) Въ Великоруссіи называются „горбыли“.

вается „ворки, кашáры“ или „пуня“: Одна изъ сторонъ этого сооруженія плотно прилегаетъ вмѣстѣ съ крышей къ амбару *а*, внѣшняя стѣна котораго служитъ также стѣной для пуни (рис. 6).

Въ богатыхъ дворахъ углы вóрокъ дѣлаютъ рубленые, а всѣ стороны закидываютъ въ шулаки. Внутри не полагается ни половъ ни потолковъ, устраиваются только на скорую руку отдѣльныя перегородки — „пуньки“ для мелкаго скота, (рис. 6, $б^1$, $б^2$, $в^1$).

Если вóрокъ поставленъ отдѣльно, то крыша дѣлается четырехскатная. При скученности же построекъ, она является двускатной, такъ какъ остальныя двѣ стороны прилегаютъ и упираются въ сосѣднее зданіе.

Основаніе крыши въ „пуняхъ“ дѣлается проще, чѣмъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, а именно: по срединѣ, на равномъ разстояніи отъ продольныхъ стѣнъ, вкапываютъ вдоль зданія высокія бревна „сбхи“ (рис. 9) съ остатками природнаго развѣтвленій вверху ввидѣ двухъ рогулей. Въ эти-то рогули вкладываются толстыя бревна, называемыя „сбломя“, которыя и служатъ опорой для конька крыши. Конекъ называется здѣсь „царікъ“.

Рис. 8.

Отъ конька крыши на верхнюю наружную часть стѣны спускаются жерди, называемые „крючча“, въ верхнемъ концѣ каждаго изъ нихъ высверливается отверстіе, куда вбивается кусочекъ дерева, чтò и образуетъ родъ крюка, повѣшеннаго на соломя (рисунок. 8).

Затѣмъ вдоль крыши, въ горизонтальномъ направленіи, къ крючкамъ привязываются березовымъ хворостомъ или лозою, жерди, называемыя переплетъ (отсюда — названіе „переплетать крышу“).

Такого рода работа придумана вѣроятно съ давнихъ временъ, когда о гвоздяхъ и помину въ Полѣсьѣ не было.

Повѣть (рис. 6 $г^1$ $г^2$) есть ничто иное, какъ двухскатный навѣсъ, обращенный открытой стороной къ двору, гдѣ его крыша опирается только на столбъ — „на подсошки.“ А съ внѣшней стороны двора, она имѣетъ такія же стѣны „въ шулаки“, какъ и вóрки, она служитъ хозяину для склада громоздкихъ вещей: туда ставятся сани, колеса, телѣги, сохи, бороны, дрова, лѣсной матерьялъ. Кромѣ того повѣть — самое излюбленное

и удобное мѣсто для домашнихъ хозяйственныхъ работъ во время непогоды.

Постройка клѣти (а) ничѣмъ не отличается отъ амбара. Только внутри вмѣсто засѣковъ придѣланъ помостъ изъ

Рис. 9.

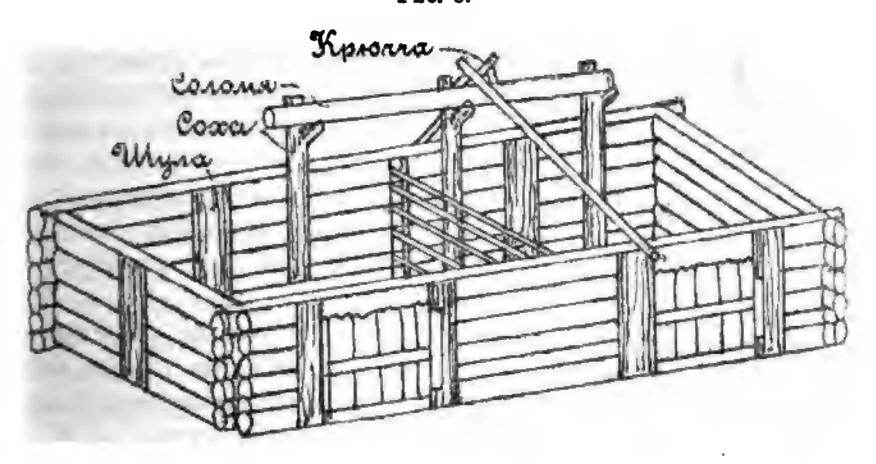
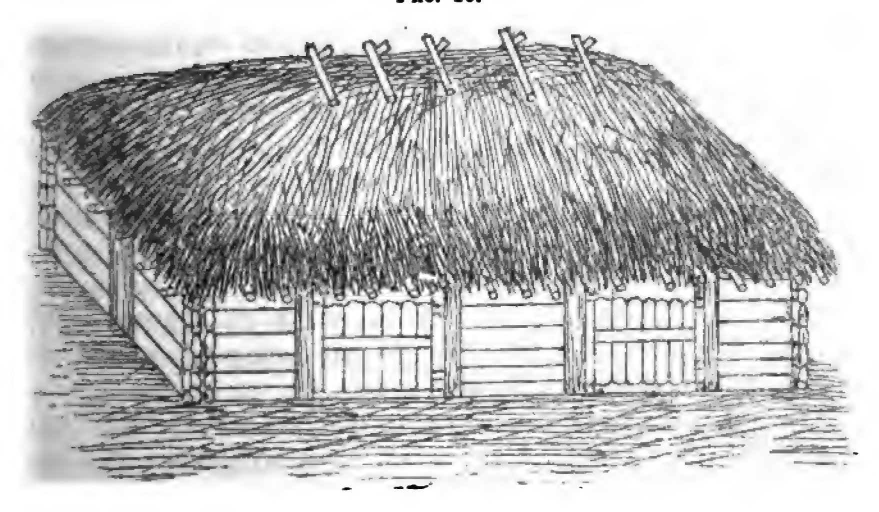


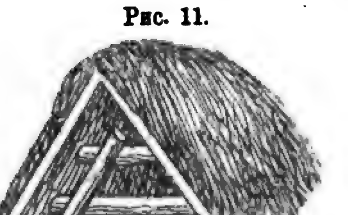
Рис. 10.



обрѣзковъ обаполковъ или старыхъ досокъ и на немъ помѣщается постель. Посреди клѣти, или немного къ сторонкѣ, спускается отъ потолка на веревкахъ висячая горизонтально жердь, на которую взвалена на перевѣсъ праздничная одежда и кожухи.

Погребъ (рис. 11): выкапывается въ землѣ четырехугольная яма не менѣе 4 аршинъ глубины, обставляется дубовыми „плашками“ (колотые куски дерева). Наравнѣ съ поверхностью земли кладется деревянный потолокъ, на который толстымъ слоемъ насыпается земля.

Рис. 11.



Въ потолкѣ оставляется четырехугольная лазейка, обшитая деревомъ, куда приправляются дверцы; отверстіе это называется „жерело“. Черезъ жерело въ погребъ вставляется деревянная лѣстница для входа. Надъ погребомъ ставится двускатный навѣсъ покрытый соломой или (за недостаткомъ ея) „суволокой“.

Двѣ хаты (рис. 6, 12, 13 и, к, л) рубятся и ставятся отдѣльно одна противъ другой, затѣмъ, къ двумъ угламъ этихъ построекъ вкапываются шулаки, куда и закладываются бревна, образующія сѣни (к). Вмѣсто фундамента кладется прямо на землѣ одинъ или два дубовыхъ вѣнца. Когда срубъ готовъ, стѣны скрѣпляются двумя-тремя поперечными брусьями, на которые кладется потолокъ; сверхъ этого надрубливается вѣнецъ, называемый „зьвязь“ затѣмъ еще поперекъ сруба кладутся „балки“, на концахъ которыхъ и утверждаются „кроквы“ или стропилы. Затѣмъ крыша рѣшетится жердями и это называется „переплетъ“. Кроются всѣ постройки соломой безъ исключенія.

Описанная постройка на видъ имѣетъ четырехскатную форму крыши. Между тѣмъ боковые фронтоны крышъ обѣихъ хатъ, обращенныя внутрь сѣней, остаются открытыми (сѣни не запотолачиваются). Другихъ отверстій съ чердака не дѣлается. Чердакъ не имѣетъ особеннаго предназначенія, туда забрасывается только ненужный хламъ.

Называется онъ здѣсь „гора“. Что бы взлѣзть „на гору“ приставляется въ сѣняхъ къ стѣнѣ хаты деревянная лѣстница.

Планъ № 12 представляетъ жилье богатаго человѣка; и коль скоро онъ богатъ — значитъ и многосемеенъ, потому что у крестьянъ богатство зависитъ отъ количества рабочихъ рукъ; значитъ при живыхъ родителяхъ имѣется нѣсколько женатыхъ сыновей, только потому, что тѣсно и негдѣ дѣться, позволитъ онъ себѣ расширять помѣщеніе въ видѣ двухъ хатъ, соединенныхъ сѣнями.

Осмотрѣвъ внимательно постройки стараго домохозяина, вы не замѣтите ни малѣйшаго поползновенія къ украшенію: навѣсъ крыши надъ стѣной устраивается также какъ и въ пунѣ, и носитъ названіе „хатняя стреха“. Оконныя рамы вставлены только въ „лутки и подоконники“ (косяки и подушки въ Великоруссіи) и не обрамлены наличниками (карнизами). Двери—съ очень высокими порогами, при отсутствіи крыльца.

При этомъ нельзя не замѣтить, что вся мысль строителя направлена къ тому, чтобы въ хатѣ было тепло, чего и достигаетъ онъ съ большимъ успѣхомъ: для этого дѣлается низкій потолокъ, аршина въ три съ небольшимъ высоты, окна—въ $^3/_4$ аршина, а окно противъ печи—вдвое меньше прочихъ. Дверь настолько низка, что при входѣ надо обязательно наклониться, чтобы не ушибить голову о „лутку“. Русская печь и лежанка съ отдѣльной топкой занимаетъ почти четвертую часть хаты.

Курныхъ избъ, называемыхъ „ку́ренка“, гдѣ дымъ черезъ хату идетъ въ дверь, дѣлаютъ мало. Теперь по большей части для выхода дыма продѣлываютъ въ сѣни дыру, гдѣ стѣна прилегаетъ къ печи. Вмѣсто вьюшекъ это отверстіе съ сѣней закладывается за́тычкой изъ тряпокъ, что̀ и называется „заткнуть верхъ“.

Внутренность печи, гдѣ кладутъ дрова называется „подъ“, холодная кирпичная площадка спереди печи, (продолженіе по́да) носитъ названіе, „загнетъ“. Дугообразный раздѣлъ между печью и загнетомъ—„челестникъ“ [1]). Черезъ него-то проходитъ дымъ въ первый дымоходъ называемый ко́минъ. При большомъ количествѣ дровъ въ печи вмѣстѣ съ дымомъ тянетъ пламя въ ко́минъ, гдѣ не рѣдко и вспыхиваетъ скопившаяся сажа—причина частыхъ пожаровъ. Внизу печи подпе́чче, куда сажаютъ нестись куръ.

Въ видахъ тойже теплоты и отсутствія досокъ, полъ хаты насыпается землей и утрамбовывается, на $^1/_4$ аршина и болѣе. Снаружи, нижнихъ два вѣнца въ свою очередь обкладываются землей и закладываются въ шулачки деревомъ. Это и есть „загавалены“.

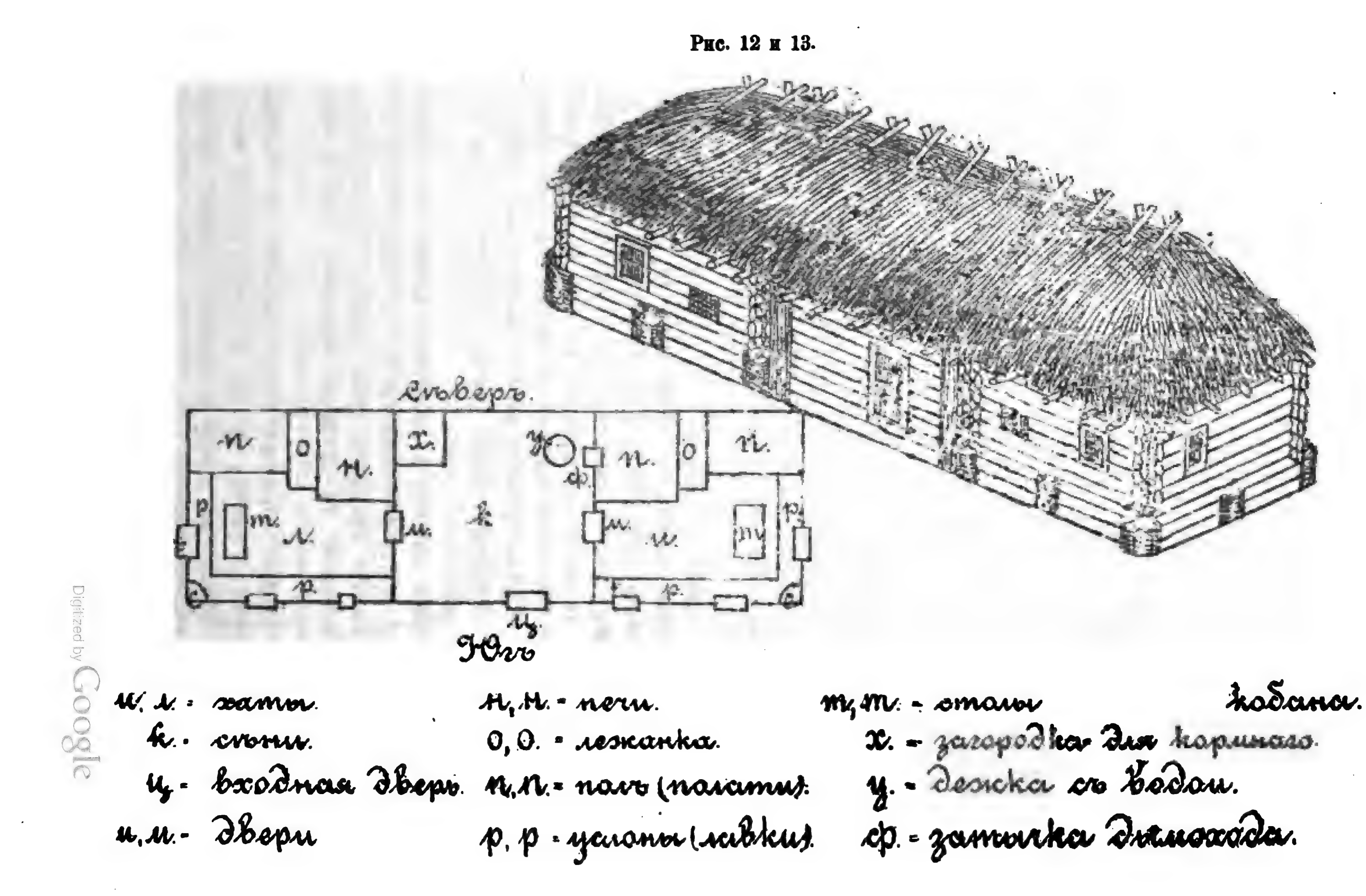
Укупоренная такимъ образомъ хата бываетъ не только тепла, но и жарка; не смотря на то̀, въ семьѣ всегда находятся охотники спать на печкѣ и лежанкѣ. (Самое горячее мѣсто печи называется черѐнъ).

---

1) Отъ слова челюсть. *Авторъ*

А не отъ слова „чело“, какъ въ Великоруссіи? *Н. В.*

Рис. 12 и 13.


Сѣверъ.
Югъ
ш, л. - хаты.
к. - сѣни.
ц. - входная дверь.
и, м. - двери
н, н. - печи.
о, о. - лежанка.
п, п. - полъ (полати).
р, р - услоны (лавки).
т, т. - столы
х. - загородка для кормнаго кабана.
у. - дежка съ водой.
ф. - затычка дымохода.

Внутри хаты всѣ необходимые предметы, составляющіе обстановку, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдняка, занимаютъ одни и тѣ же мѣста: печка всегда у порога къ сѣверной стѣнѣ, рядомъ обязательно „полъ“ для спанья (т. е. полати). Для сооруженія этого помоста необходимы доски, но бѣлоруссъ съ давнихъ временъ умудрялся безъ пилы вытесывать ихъ топоромъ „изъ плашекъ“.

Въ этой мѣстности нѣтъ большихъ селъ: 10—20 дворовъ не болѣе. Какъ улицы такъ и дворы въ Полѣсьѣ весьма не привѣтливы и носятъ на себѣ отпечатокъ жилища лѣсного звѣря; какъ тотъ стремится забраться поглубже въ нору и подальше въ лѣсъ, такъ здѣсь и въ селахъ: хаты стоятъ обязательно въ глубинѣ дворовъ. Если вы проѣзжаете вечеромъ, вы не увидите свѣтящихся огней въ окнахъ, все отвернулось отъ васъ, и улица представляетъ собой сплошныя „повѣти съ воротами„ (см. рис. на стр. 84). Какъ бы ни былъ высокъ заборъ, но въ случаѣ надобности человѣкъ всегда можетъ перелѣзть черезъ него. Въ данномъ же случаѣ, чтобы очутиться во дворѣ при запертыхъ воротахъ, надо взбираться на двухскатную крышу повѣти.

Въ этомъ поползновеніи строитъ барикады у воротъ, создать себѣ крѣпость, хотя бы изъ повѣтя, сказывается боязнь, страхъ безоружнаго хлѣбопашца тѣхъ временъ, когда человѣкъ долженъ былъ (подобно волку) ходитъ съ оглядкой днемъ и не заснуть спокойно на ночлегѣ.

Только за послѣднее десятилѣтіе молодые хозяева при отдѣлѣ отъ стариковъ начали себѣ строить хаты съ окнами на улицу. Въ с. Росухѣ имѣется ихъ три; въ Амелькиномъ хуторѣ и Бородинкѣ усадьбы еще на старый ладъ.

II. Описаніе и планъ двора небогатаго крестьянина.

Какъ весь дворъ, такъ и отдѣльныя постройки небогатаго землевладѣльца отличаются прежде всего малыми размѣрами (рис. 14, 15, 16). Система же устройства вездѣ одинакова.

Небольшое количество построекъ, отсутствіе повѣтей не даютъ ему закрытого вида, а потому этотъ дворъ стоитъ внѣ идеала крестьянина; на его взглядъ это будетъ: „дворъ бѣдненькій, не щитный, семеро ворôтъ, и тыя вси на (о)горôдъ“. Оттого, какъ бы ни былъ бѣденъ хозяинъ этого двора, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ непремѣнно застроитъ его отъ

улицы повѣткой, на остальныхъ пустыхъ пространствахъ тоже устроить такъ, чтобы слить все подъ одну крышу.

Рис. 14.

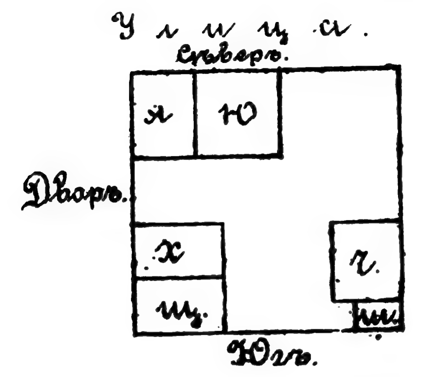
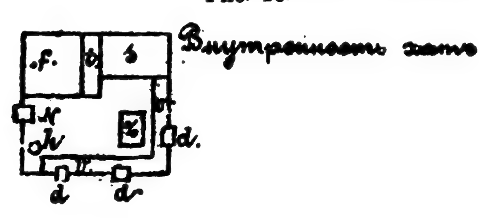


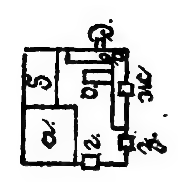
Рис. 15.

Рис. 16.



Въ деревняхъ строятъ себѣ иногда жилье люди совершенно убогіе, не имѣющіе ни клочка своей земли; для этого нани-

каютъ они нѣсколько саженъ общественнаго выпуска въ селѣ, взносятъ за то обществу рубля 2 — 3 въ годъ и живутъ въ своемъ помѣщеніи, зарабатывая лѣтомъ хлѣбъ на зимніе мѣсяцы. Жизнь ихъ, конечно, пополамъ съ нуждой; но эти такъ называемыя „бобыли", любители своихъ собственныхъ угловъ, выражаются такъ: „хоть безъ хлѣба сидѣть, да въ своей хатѣ" (рис. 17, 18).



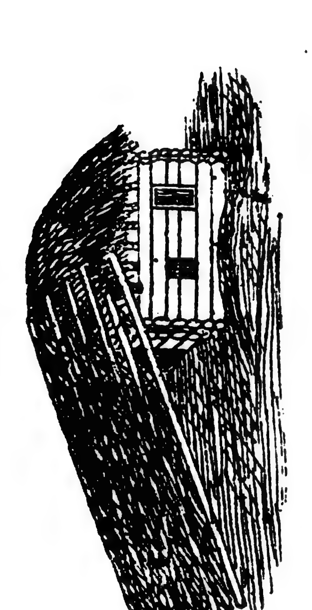


Рис. 17, 18.

а. - печь.
б. - полъ (полати).
в. - услоны (лавки).
г. - дверь.
д, ж, з - окна.
о - столъ.

Величина такой хаты будетъ конечно очень мала: 5—4 аршина не болѣе. Вмѣсто сѣней „припяты" — жерди, прикрытые „суволокой" (суволока — эта волокнистыя растенія, которыя сгребаются съ огородовъ осенью послѣ уборки конопли и употребляются для защиты холодныхъ помѣщеній отъ вѣтра). Срубъ хаты дѣлается обыкновенно; крыша четырехскатная, безъ всякаго отверстія на чердакъ; окна въ поларшина величины. Внутри такое же распредѣленіе предметовъ по своимъ мѣстамъ, какъ и въ богатыхъ помѣщеніяхъ, только все будетъ сдѣлано изъ „ломачча" (ломъ), лавки узкія, вмѣсто стола вкопаны въ землю 4 столбика и на нихъ положены двѣ сбитыя дощечки. Взамѣнъ погреба подъ „поломъ" (полатями для спанья) выкопана аршина въ полтора яма для храненія зимой картофеля и бураковъ.

Печка устраивается всетаки такъ, что дымъ выходитъ не въ хату, а въ отверстіе въ стѣнѣ. Матерьяломъ для отопленія служитъ мелкая сухая „повалъ", которую они всю зиму таскаютъ на плечахъ изъ ближняго лѣса.

Подобное жилье не есть еще послѣдвій видъ бѣдности; напротивъ, оно доставляетъ владѣльцу довольство и душевный покой: „я сама собѣ хозяйка, никто мною не понукаетъ (отъ слова „ну")

говорятъ онѣ. Ей еще и завидуютъ тѣ, которыя принуждены проситься зимовать у кого нибудь и „тереть чужія углы". Мужчина-бобыль никогда не способенъ устроить себѣ такого очага и остается бездомнымъ до конца дней.

Эти представители деревенской нищеты, очутившись въ городѣ, незамедлили бы сдѣлаться, можетъ быть, нетрезвыми обитателями ночлежныхъ пріютовъ, но въ деревнѣ они, при крайне-малыхъ потребностяхъ, остаются до конца симпатичными тружениками и протягиваютъ руку за милостынею только тогда, когда не хватаетъ силъ работать.

Хаты бобылокъ обыкновенно не остаются долго на своихъ мѣстахъ и со смертью владѣлицы перевозятся къ какому нибудь сосѣду, который въ виду интереса полученія хаты, присматривалъ за больной и хоронилъ покойницу.

Примѣчаніе о плотникахъ: настоящимъ плотникомъ среди крестьянъ называется тотъ, кто умѣетъ приладить „лутку въ окнѣ". Такой плотникъ имѣетъ кромѣ топора и „скобля" (кору соскабливать)—поперечную пилу, рубанокъ, долото, сверло и проч. Въ виду малоземельности, онъ „заработываетъ себѣ хлѣбъ топоромъ". Такого-то плотника каждый почти домохозяинъ нанимаетъ присаживать „лутки", вставлять двери, рамки, чтò и называется „прибирать хату". Среди этихъ, такъ называемыхъ, настоящихъ плотниковъ уже проявляется стремленіе украшать постройки. Напримѣръ, сдѣлаетъ онъ, съ согласія, конечно, хозяина, наружный наличникъ у оконъ и прибьетъ вырѣзанную изъ доски фигурку.

Затѣмъ, у молодыхъ хозяевъ, при новыхъ постройкахъ, поставленныхъ окнами на улицу, замѣчается иногда окраска оконныхъ рамъ и наличниковъ въ синій и зеленый цвѣтъ. Это украшеніе является, впрочемъ, только въ тѣ годы, когда въ селѣ происходитъ окраска церковной крыши и остатки отъ маляровъ можно получить чуть-ли не даромъ.

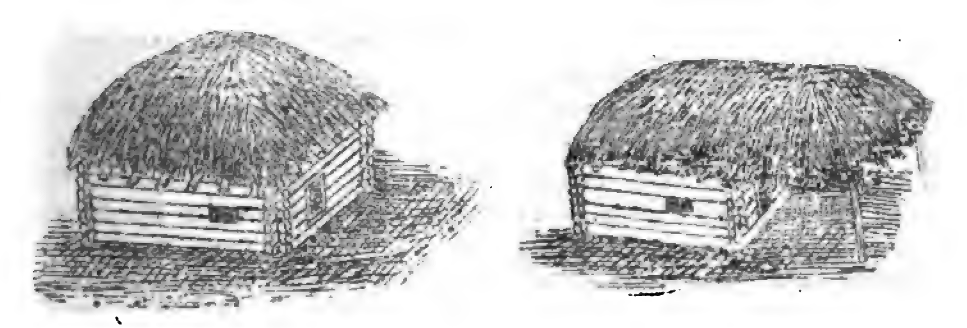
Кромѣ того зажиточные крестьяне теперь нерѣдко нанимаютъ плотниковъ мостить полъ въ свѣтлицѣ: вкапывается въ землю нѣсколько паръ „стояновъ" (столбы), на нихъ кладутъ дубовые длинные по величинѣ хатъ „подмостники" и затѣмъ доски.

„Настоящій плотникъ" — крестьянинъ, когда нанимается на плотницкую работу къ болѣе культурнымъ деревенскимъ обывателямъ: къ священнику, причту, волостному писарю, къ

еврею,—дѣлаетъ въ постройкѣ карнизъ вокругъ крыши, при ея спускѣ къ стѣнѣ, что называется „подшивать коробку“, крылечко или ганки на колонкахъ съ навѣсомъ. Но крестьянинъ хозяинъ не дозволяетъ себѣ такой роскоши, и нанятый имъ плотникъ ограничивается только необходимой „прыборкой хаты“.

Баня ставится преимущественно на общественномъ выпускѣ, возлѣ рѣчки, для того, чтобы было ближе носить воду. Во всякомъ небольшомъ селѣ имѣется 4—5 бань. Кромѣ своего спеціальнаго предназначенія они исполняютъ еще роль сушилки:

Рис. 19. Рис. 20.



тамъ каждую осень сушатъ „прядево“, т. е. ленъ, пóсконни или замашки (волокнистыя растенія), рис. 19, 20.

Баня всегда дѣлается срубомъ „пощитнѣй“, чтобы духъ не выходилъ, съ 4-хъ-скатной крышей, потолкомъ изъ плашекъ, но безъ пола. Взамѣнъ оконъ дѣлается въ стѣнѣ дырка въ квадратную четверть величины; когда моются, ее затыкаютъ затычкой изъ суволоки (рис. 19).

Печка дѣлается аршина въ полтора высоты, безъ всякихъ дымоходовъ, такъ, что дымъ идетъ въ дверь. Форма печи имѣетъ видъ сѣнной копны, пóлой въ серединѣ для вкладки дровъ и для нагрѣванія чугуна съ водой. Сверху — въ большомъ количествѣ кладется булыжникъ, на который чтобы „поддать духу“ вливаютъ нѣсколько корцóвъ (ковшикъ) холодной воды, и баня тотчасъ сверху до низу наполняется густымъ паромъ, такъ что въ двухъ шагахъ ни видно передъ собой человѣка. Чѣмъ больше жару и пару, тѣмъ лучше: „славная баня, говорятъ.

духу много." Въ то же время кладутъ на раскаленный булыжникъ мокрый березовый вѣникъ и на полатяхъ парятъ имъ другъ друга. Мыла не полагается, только голову моютъ щелокомъ. Въ баню безъ всякого спроса идутъ сосѣди, кто только пожелаетъ; набирается иногда цѣлая толпа, и парятся въ потьмáхъ, такъ какъ огонь, въ воздухѣ сильно насыщенномъ пáромъ, гаснетъ...

Большою рѣдкостью и новинкою считается „примыльникъ" т. е. сѣни, гдѣ можно раздѣться; иногда просто дѣлаютъ навѣсъ, подъ которымъ мнутъ пóсконии.

„Гумно" ставятъ всегда на окраинахъ села, среди огородовъ. Горькій опытъ научилъ удалять его отъ жилыхъ построекъ, потомучто во время осени, какъ только начнется молотьба, въ окружности то и дѣло горятъ гумна, наполненныя годовымъ урожаемъ.

Строится гумно на подобіе вóрковъ: углы рубленные, а стѣны закидываются въ шулаки; постройка эта довольно объемиста, не меньше 20 арш. длины и 15 ширины, такъ какъ вмѣщаетъ въ себѣ кромѣ годового урожая, еще и кормовые продукты для скота. Утвердить крышу на такомъ большомъ пространствѣ для крестьянина плотника довольно затруднительно. Дѣлается она тоже какъ крыша на вóркахъ и пуняхъ съ тою разницею, что крыша пуни покоится на „сохахъ" вкопанныхъ посреди зданія (рис. 20).

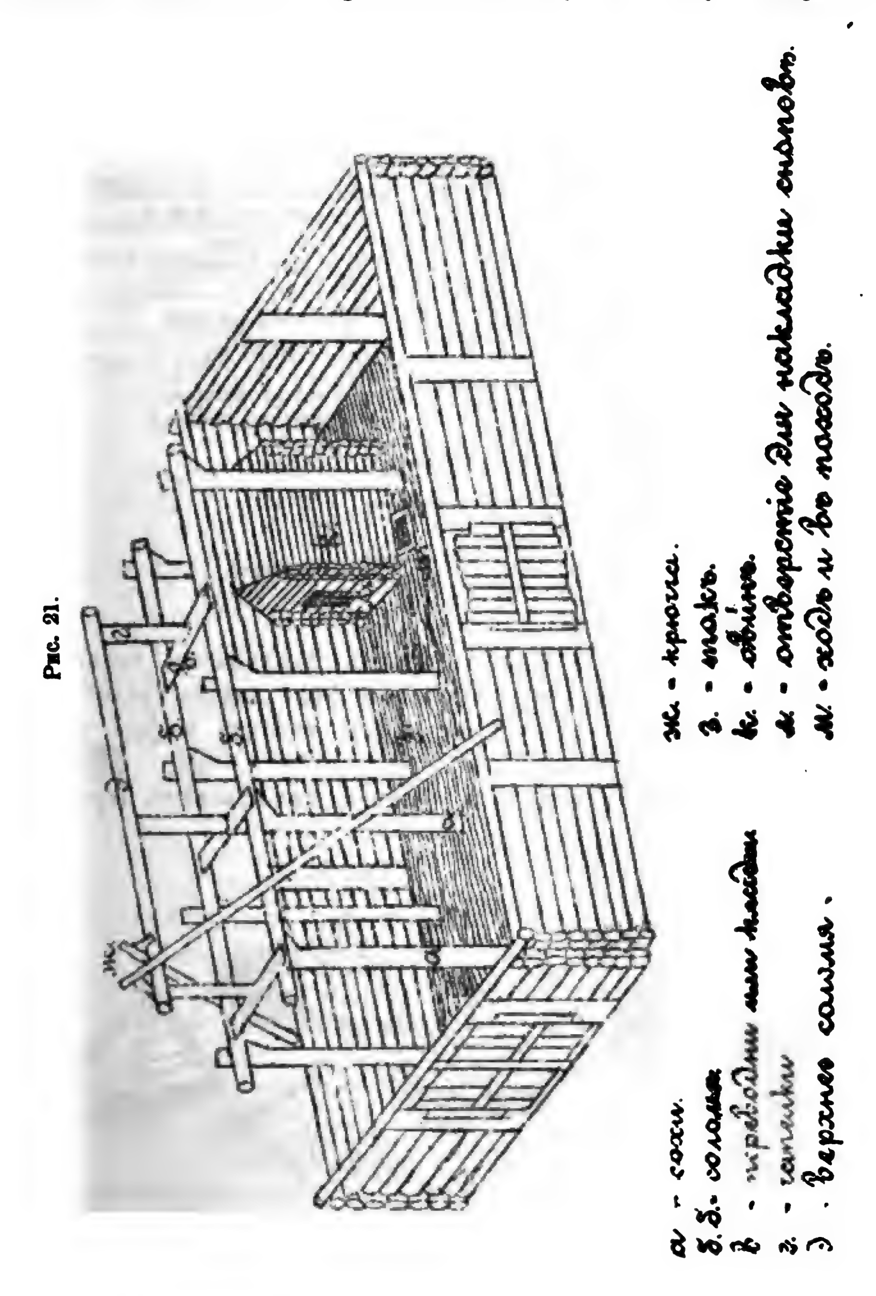
Въ гумнѣ же, середину его занимаетъ „токъ" для молотьбы, а „сохи" съ рогулями ставятся по бокамъ на подобіе аллеи. Между сохами и стѣной складывается въ скирды не молоченный хлѣбъ и ярь (гречиха, ячмень и проч.).

Изъ нижеслѣдующаго рисунка (рис. 21) видно, что крючча вѣшаются также какъ и въ пуняхъ, но на второе „солома", поддерживаемое „чапелками" укрѣпленными въ перéводни или клади. Въ свою очередь нѣсколько этихъ „кладей" помѣщается поперекъ гумна и концами утверждается въ „сóлома", которое состоитъ изъ нѣсколько скрѣпленныхъ концами бревенъ, покоящихся на сóхахъ.

Внутри гумна при концахъ „тóка" помѣщается рубленный овинъ для сушки съ аршиннымъ отверстіемъ, черезъ которое накладываются снопы. Съ боку видна лазейка въ „пóходъ", т. е. въ вырытую 4-хъ — 5-ти аршинную яму, гдѣ подъ са-

нимъ овиномъ кладется большая сушильная печь; дымъ и теплота поднимаются прямо въ овинъ, въ полу котораго

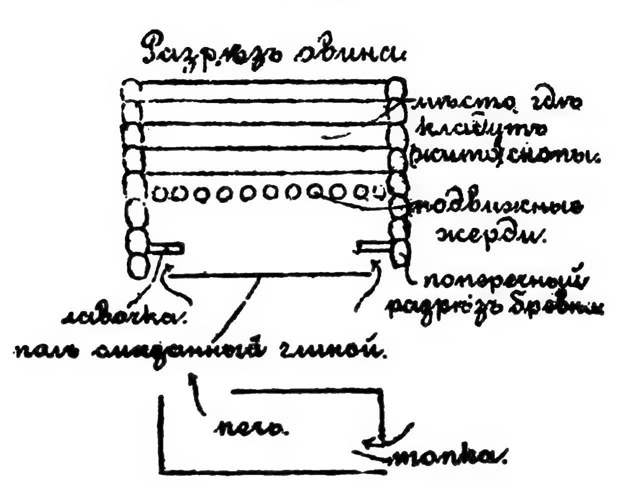
Рис. 21.



у стѣнки оставляется прозоръ въ двѣ-три мостницы (т. е. половицы).

Устройство печи на столько несовершенно, что пламя иногда „шибаетъ черезъ челестникъ“ по овину и производитъ пожары, во избѣжаніе чего сушить овинъ поручается только

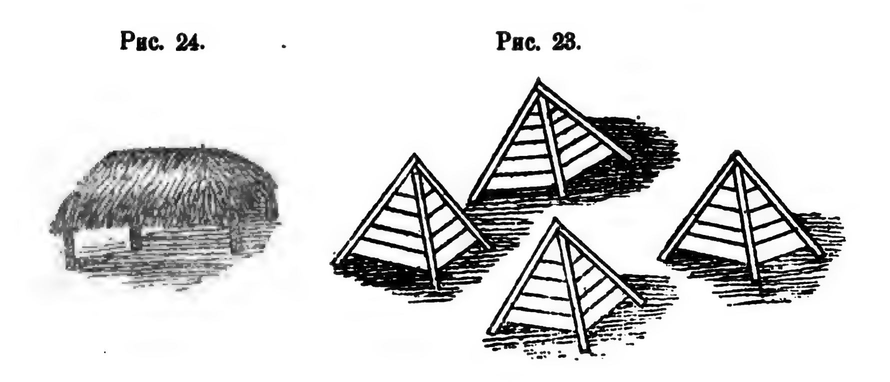
Рис. 22.



опытному человѣку, который долженъ накладывать дрова понемногу. Для окончательной высушки надо „класть тепло“ два-три раза, такъ что рабочій человѣкъ тратитъ на это цѣлый день.

Крышу овина или кроютъ соломой, или обиваютъ берестой,

Рис. 24. Рис. 23.



чтобы задерживалась теплота (оставляютъ конечно не большую щель, для выхода, чтобы дымъ не задерживался внутри). Для той же цѣли и въ крышѣ гумна дѣлаютъ отверстіе въ родѣ слухового окна.

Хлѣбныя ямы, не менѣе 5 арш. глубины и ширины, выложенныя берестой, служатъ зернохранилищемъ и замѣняютъ собой общественные магазины (гамазей) для ссыпки зерна съ осени. Наполненную зерномъ яму замащиваютъ деревомъ, засыпаютъ сверху землей и ставятъ надъ ней четырехскатную пирамидку изъ досокъ (рис. 23).

Крестьяне этого края рѣдко лично нуждаются въ подобныхъ ямахъ по недостатку хлѣба.

Каждый крестьянинъ для своихъ печей работаетъ изъ красной глины самодѣльный кирпичъ-сырецъ, называемый „цэ́гла“. Для сохраненія его отъ дождя устраивается тутъ же у глиняной горы 4-хъ скатный навѣсъ на столбикахъ, носящій названіе „цэгельня“. (рис. 24).

М. Н. Косичъ.

О говорѣ въ мѣстности „Хворостань“

Воронежской губерніи [1]).

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ „*Хворостань*“, расположена въ сѣверо-западномъ углу Коротоякскаго и смежной части Воронежскаго уѣздовъ Воронежской губерніи, по теченію небольшой рѣчки Хворостанки. Заключаетъ она въ себѣ волости: Новохворостанскую, Тресоруковскую, Олень-Колодезскую и части Лѣво-Россошанской, Голышевской и др.

Въ этой мѣстности издавна пролегала „большая дорога“ изъ Воронежа въ Коротоякъ и не такъ давно прошла Козлово-Воронежско-Ростовская желѣзная дорога (въ описываемой мѣстности лежатъ станціи: Давыдовка и Колодезная). Неподалеку живутъ малороссы (ближайшія малороссійскія селенія: слобода Урывъ, слобода Троицкая, — обѣ Коротоякскаго уѣзда).

Населеніе „Хворостани“ исключительно великорусское. Дѣлится оно на двѣ особыхъ группы: 1) цуканы́ и 2) талаган.

По мнѣнію Н. И. Второва [2]), поводомъ къ прозвищу „*цуканы́*“ послужило цоканье, существовавшее нѣкогда среди этой группы населенія. Прозвище же „*талага́и*“ можно связывать со словами: *талала́*—„картавый дурно говорящій“ (Толк. Слов. В. Даля) и *га́ять*—говорить, или же съ словами *талала́кать* [3]) — „картаво, дурно выговаривать“. Такимъ образомъ, оба эти прозвища можно объяснять особенностями мѣстнаго говора.

Возможны однако же и другія объясненія, а именно на основаніи различій въ бытѣ, сохранившихся и до настоящаго

---

[1]) Пользуюсь случаемъ выразить свою признательность уважаемому товарищу *Д. К. Зеленину* за его совѣты и указанія при веденіи мною настоящей работы. *А. П.*

[2]) „О разселеніи Воронежской губерніи“, см. „Воронежск. Бесѣда“, 1861, стр. 265.

[3]) „Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи“,—Д. К. Зеленина въ „Живой Старинѣ“, 1904 г., I вып., стр. 61.

времени. Различія эти касаются одежды. Талагайскіе мужики носять рубахи „полеками“, т. е. узкими надплечными „ташками“ [1]) или „строчками“ [2]), какъ на женскихъ рубахахъ. Эта-то особенность въ одеждѣ и могла послужить основаніемъ къ прозвищу „талагай“. *Талагай* — „верхняя мордовская женская рубаха съ вышивками“. (Сравн. Слов. В. Даля). Мордовскій же костюмъ могъ быть извѣстенъ цуканамъ по мѣсту ихъ первоначальнаго жительства. Слово это они могли примѣнить сначала къ „талагайскимъ“ рубахамъ, а потомъ и къ носящимъ такія рубахи. Что до клички „цуканы“, то она могла образоваться въ зависимости отъ словъ: *чукавый*— „догадливый, смѣтливый“ (Толк. Слов. В. Даля) и *чукан* — „щеголь“ (кур., орл. Толк. Слов. В. Даля). Пришельцы-цуканы оказались культурнѣе, чистоплотнѣе и щеголеватѣе талагаевъ. Передѣлка слова *чуканъ* въ *цуканъ* могла произойти, особенно если цуканы дѣйствительно цокали.

Цуканы живуть въ селахъ, расположенныхъ по верхнему теченію р. Хворостанки („верховскихъ“): Тресоруковѣ, (Трушкиномъ), Дмитревскомъ (Митяевкѣ), Марьиномъ, Почепскомъ, Рождественѣ, Олень-Колодезѣ (Оленьяхъ), Дракинѣ, Давыдовкѣ (Новой-Хворостани) и Солонцахъ — Коротоякскаго уѣзда и Московскомъ, Можайскомъ, Боршевѣ — Воронежскаго уѣзда. Талагайскія же села — въ низовьяхъ указанной рѣчки и ближе къ р. Дону. Къ послѣднимъ относятся села: Старая Хворостань, Машкино, Бодѣевка, Аношкино, Сторожевое, Голышевка и Селявное Коротоякскаго уѣзда.

Талагаи, живущіе по р. Дону, осѣли въ этой мѣстности гораздо раньше цукановъ. Основаніе талагайскихъ селъ: Сторожевого (въ старину „Сторожевой Поляны“), Старой Хворостани (въ старину: „Избыльного“, „Фарсана“, „Ѳоросаны“), Селявнаго (въ старину „Селявной Поляны“), Аношкина восходитъ къ XVII вѣку. Цуканы же пришли сюда уже въ XVIII вѣкѣ, большею частью изъ подъ Москвы. На послѣднее указываютъ названія селъ: Московское, Можайское и пр.

Вполнѣ возможно, что „цуканы“ и „талагаи“ нѣкогда отличались и особенностями въ говорѣ, какъ теперь отличаются особенностями въ битѣ. Но въ настоящее время по „Хворостани“ и талагаи, и цуканы имѣютъ одинъ общій, сильно акающій говоръ.

---

[1]) См. въ прилож. словарѣ.

[2]) Ibidem.

Изъ бытовыхъ отличій рѣзче всего разница цукановъ и талагаевъ—въ одеждѣ. Талагайскій костюмъ лучше сохранился въ селахъ, находящихся на правомъ берегу р. Дона, какъ наиболѣе удаленномъ отъ посторонняго вліянія: Сторожевомъ, Селявномъ и Голышевкѣ.

Цуканскія дѣвушки поверхъ рубахи носятъ сарафаны изъ черной „самодѣльской" шерстяной матеріи, отороченные на рукавахъ и подолѣ кумачемъ, и перевязываютъ высоко грудь подпояскою. Талагайскія дѣвушки, въ старину носившія юбки изъ набойчатой холстины желтаго цвѣта, теперь имѣютъ послѣднія изъ „хранцуской" матеріи краснаго цвѣта съ черными, желтыми и зелеными узорами. „Цуканскія" рубахи у женщинъ имѣютъ узкіе и длинные рукава съ рядомъ „ташекъ" на нихъ и безъ брызжей. Талагайскія женскія рубахи съ богато расшитыми или вытканными „полеками" имѣютъ широкіе рукава съ брызжами или „вошивками". Замужнія „талагушки" и „цуканки" носятъ „панёвы" изъ черной шерстяной, выпряденной ими самими, матеріи въ клѣтку. Клѣтка у цуканскихъ „паневъ" маленькая и при томъ изъ желтоватой или красной и бѣлой шерсти, а у талагайскихъ—клѣтка большая и бѣлаго или зеленаго цвѣта. Кромѣ того, талагайскія „паневы" богаче украшаются на подолѣ: позументомъ, лентами, краснымъ кашемиромъ и блестками.

Въ верхней одеждѣ между талагаями и цуканами почти нѣтъ различій. Исключеніе нужно, впрочемъ, сдѣлать для талагайскихъ селъ за-донскихъ, гдѣ не носятъ обычныхъ шубъ, халатовъ и поддевокъ, а „шушпаны"— нѣчто въ родѣ балахона безъ сборокъ назади. Кокошникъ носятъ и талагайскія и цуканскія замужнія женщины до перваго ребенка. Онъ дѣлается изъ золотого позумента въ видѣ шапки со скошеннымъ задомъ. Сзади къ нему прикрѣпляется рядъ разноцвѣтныхъ лентъ, вымохренныхъ шелкомъ. Ленты съ мохрами называются—„патзатылинь". На уши вѣшаются „пушки", т. е. картонные кружки, обмотанные разноцвѣтными нитками. Въ „пѣсики" иногда втыкаютъ перья изъ хвоста селезня. За послѣднее время, какъ среди талагайскихъ, такъ и цуканскихъ молодыхъ бабъ появилась мода—носить на головѣ вѣнки изъ дешевыхъ искусственныхъ цвѣтовъ. Обычный головной уборъ у талагушекъ и у цукановъ—кичка. У цукановъ она выше и съ болѣе острыми рожками.

Одежда талагайскихъ и цуканскихъ мужиковъ мало различается. Обычно у талагая—бѣлая холстинная рубаха, иногда

набойчатая синяго цвѣта, и порты набойчатые или же „китайчатые“. Цуканы рѣдко носятъ бѣлую рубаху. Чаще всего — она сшита изъ „самодѣльской“ матеріи, вытканной изъ черныхъ и красныхъ нитокъ въ клѣтку. Порты или изъ китайки, или изъ сотканной въ полоску матеріи. Верхняя одежда тѣхъ и другихъ почти вездѣ одинакова: поддевки, халаты и въ послѣднее время „спиньжаки́“. За-донскіе талагаи носятъ лишь шушпаны́—халаты съ кострецами, а не въ сборку́. За-донскіе талагаи носятъ малаха́и, т. е. шапки съ наушниками, а остальные талагаи и цуканы—обычныя низенькія шапки. Послѣднія у цукановъ зачастую изъ каракуля.

Что до занятій, то талагаи живутъ теперь почти однимъ земледѣліемъ. Раньше они уходили на заработки въ качествѣ полевыхъ рабочихъ „на низы“ (югъ), а теперь тамъ не находятъ заработка потому, что въ экономіяхъ завели машины. Цуканы же, кромѣ земледѣлія, занимаются сапожнымъ ремесломъ, разведеніемъ лука, выкормкой гусей и быковъ и развозною мелкою торговлей. Вслѣдствіе того, что среди цукановъ промыслы болѣе развиты, они живутъ зажиточнѣе талагаевъ.

По своему физическому строенію цуканы представляютъ изъ себя рослыхъ, сильныхъ людей и иногда даже слишкомъ высокихъ въ сравненіи съ низенькими, коренастыми талагаями.

Среди цукановъ много старовѣровъ, а среди талагаевъ (особенно въ сс. Аношкинѣ [1]), Старой Хворостани, Бодѣевкѣ)— развита хлыстовщина, проникшая къ послѣднимъ въ 80-хъ годахъ съ „низовъ“ [2]).

[1]) Про Аношкино—центръ хлыстовщины—даже сложилась въ народѣ пѣсенка:

„Аношкино стоитъ въ ямѣ,
Все наполнено хлыстами...

[2]) Наша статья была уже написана, когда мы познакомились съ мнѣніемъ академика *А. И. Соболевскаго*, по которому названіе *цукановъ* „основано на какомъ-нибудь другомъ ихъ признакѣ“, а не на говорѣ („Русск. Филолог. Вѣстникъ“, 1905 г., № 3, стр. 42). Что касается предположенія, высказаннаго акад. А. Соболевскимъ въ той же статьѣ (стр. 46), относительно йотаціи начальныхъ гласныхъ, то мы можемъ подтвердить, что случаи: алтарь (алтарь), ипять (опять)—встрѣчаются и въ обычной разговорной рѣчи.

I. Фонетическія особенности [1]).

1.

Вокализмъ.—*А* подъ удареніемъ звучитъ открыто и иногда переходитъ въ *о*, какъ напр. въ словахъ: плóтять (платятъ), вóля (валитъ), вóря (варитъ), кóтить (катитъ), пóлить (палитъ), сóдя (садитъ), брóнитца (бранится), скóмьи (скамьи), кóминь (камень), башмóкъ (башмакъ).

Неударяемое *а*—закрытое и глухое. Передъ ударяемымъ слогомъ переходитъ въ *и* въ словахъ: ипя́ть (опять), дилêка (далеко), вилêк (валекъ), атчіюћа (отчаюга). Сюда-же: *піять* „пѣть" (изъ *поять*: пою?)?

Въ началѣ словъ иногда *а* = *я*: ялтарь (алтарь); яткрылси угáр—открылся угаръ (изъ пѣсни).

Звукъ *я* рѣдко удерживается, даже подъ удареніемъ. Онъ замѣняется звуками:

1) *и* (или *ju*) — взялсú (взялся), јинтáрь (янтарь), дивáлси (дѣвался), јиравóй (яровой), ты́сичу (тысячу), чижóлай (тяжелый), зáјиц (заяцъ), зáјичій (заячій);

2) *е* — мéчь (мячъ), минé (меня), плимéньница (племянница), јиé (ея, ее);

3) *ё* — пётнушка (пятнышко).

Въ нашей мѣстности сильно развита привычка приставлять *а* въ началѣ словъ, начинающихся съ согласной. Такъ напр.: аћрамáднай (громадный), альлянóй (льняной), асилêтка (селедка), авчирá (вчера). Это дало поводъ къ возникновенью такой шутки: изображая часто икающаго, говорятъ: á (икота)—птêка; á—цильсúн; á—вчирá; á—силêтка [2]).

О неударяемое въ произношеніи не отличается отъ *а*. Такъ напр.: ранúла (ронала), аба мнé (обо мнѣ), падь éю (подъ нею). Изрѣдка неударяемое *о* совершенно опускается — за'синя́ть (заосенять); вóн'на (вонъ она).

Иногда оно переходитъ:

въ *у*: утымáть (отымать), изутьнять (отнять), утьнять (отнять);

въ *ы*: вóн'ынъ (вонъ онъ).

---

[1]) Вслѣдствіе неимѣнія въ типографіи соотвѣтствующаго знака, *ё* съ удареніемъ вездѣ замѣнено *ê*. Надъ нѣкоторыми мѣстными словами нѣтъ ударенія и въ оригиналѣ. *Ред.*

[2]) Точно такую же шутку намъ приходилось слыхать отъ коренныхъ Петербуржцевъ и Костромичанъ. *Н. В.*

Звукъ *е*, какъ на мѣстѣ орфографическаго *е*, такъ и *ѣ*, произносится мягко. Безъ ударенія онъ переходитъ:

1) въ *и* (јн): јие́ (ея, ее), но́јить (ноетъ), мине́ (меня), сире̂т (середь, среди), кру́тинькяй (крутенькій);

2) въ *я*: палячу́ (полечу), но́я (ноетъ), биряжо́к (бережокъ), сярьде́чькя (сердечко), праси́тя (просите), кры́льяф (крыльевъ), ничяво́ (ничего), де̂шава (дешево).

Ударяемое *е* произносится мягко (на мѣстѣ *е* и *ѣ*): швéичькя (швеичка), зе́линь (зелень), де́рива (дерево), дьве́ (двѣ), мине́ (мнѣ), падь јéю (подъ нею), ле́с (лѣсъ).

Орфографическое ударяемое *ѣ* произносится иногда какъ *и*: ји́сть (ѣсть и ѣстъ), ји́сьтюшки (уменьшительное неопредѣленное наклоненіе отъ ѣсть)—ѣсть. си́вирка (холодно) сѣверко;—*пія́ть* (пѣть), вѣроятно изъ поять (по аналогіи съ *пою*); рядомъ формы: піяю, піяшь.

Звукъ *э* рѣдко слышится и замѣняется мягкими *е* или *и*: јéтат (этотъ), ван-э́нтат. јикза́минт или даже јакза́минт (экзаменъ).

Наблюдается при этомъ, что этотъ звукъ замѣняетъ собою: то *о*, то *у*, то *ю*, то *е* — тэ́й (той), аттэ́ля (отсель); пакэда и паке́да (покуда), пакэ́дава (покуда): атцэда (отсюда), пакэль, пакэ́ля (покуда).

И въ началѣ словъ произносится мягко: и́знависьти (внезапно), изуме́ть (сумѣть), ихахо́шки.

Ударное *и*=е (и даже ѐ) въ словахъ: Ке́јива (Кіевъ), каврéһа (коврига), карве́һа (коврига), хвате́ра (квартира), муньде̂ръ (мундиръ).

И, произносимое какъ *ы*, распространено чаще послѣ *р*: скрыпе́ть (скрипѣть), ры́һа (рига), вы́шанья (вишня).

Обратное *ы*=*и* въ словѣ: висо́кай (высокій), висо́чишшай (весьма высокій).

И=*а* въ иностранномъ словѣ: аньтире́с (интересъ).

Ы иногда замѣняется звукомъ *у* (и наоборотъ): бы́тта (будто), со́лнушка (солнышко).

Ы=и въ словахъ: ба́би (бабы); кры́си (крысы—*род. ед.*);
род. ед. ха́ти (хаты), ра́ди (рады—*им. мн.*).

У неударяемое иногда замѣняется черезъ *в*: вда́рил (ударилъ).
у=е въ словѣ сва́шунькя (свашенька),

Въ началѣ словъ *у=ю*: ю́шка (ушка, уха), ю́лица (улица).

Случаи *выпаденія гласныхъ* въ началѣ словъ рѣдки, такъ напр.: питяньѐ (эпитемія).

Чаще его можно наблюдать въ концѣ словъ: јава́ньј[h]іль (евангеліе), бу́рь (буря), о́кал (около).

Въ срединѣ словъ оно встрѣчается часто. Таковы слова: за'синя́ть (заосенять), пол'сава́ть (полосовать), дос'ти (досыта), сильчь (сирѣчь), хто́ знать (кто знаетъ).

Явленія *вставки гласныхъ* наблюдается здѣсь очень часто. Какъ уже упомянуто выше, часто въ началѣ приставляется *а*. Затѣмъ—*и*: изуме́ть (сумѣть), изутьнять (отнять), и'де́ (гдѣ). Въ срединѣ—въ словахъ: пасалты́рь (псалтырь), зачирѐл (зачеркнулъ), тьвѐрит (твердъ), скавaре́ц (скворецъ), ни то́кам (не токмо).

Полногласіе—въ словахъ: прикарати́ть (прекратить), вазварати́ть (возвратить), вазваро́т (возвратъ), па-сарамя́, па-саро́мски (срамно, по срамному), сирѐт (середь, среди), маладе́ницъ, маладе́н'ская (младенецъ, младенческая).

2.

Консонантизмъ.—Звукъ *в* характеренъ по своей неустойчивости: онъ то опускается, то прибавляется, то замѣняется другими звуками. Онъ опускается въ словахъ: зу̑к (звукъ), за́'тра (завтра), за́'трикать (завтракать), с'ирбе́ть (свербѣть), ку'ши́н (кувшинъ), пало́'ник (уполовникъ). *В* приставляется въ началѣ словъ: во́страй (острый), во́гник (огневикъ,—болѣзнь), ву́ха (ухо). Замѣна *в*: черезъ *м*—въ словахъ: басами́к (босовикъ, босякъ), сабра́мшись (собравшись), гамно́, гамѐннай (го . но, го . . нный); черезъ *л*: Алдо́ха (Авдотья), Алдаку́шчиха (Евдокимовна, образ. такъ же, какъ и *Василиха*—Васильевна и проч.), Алдаки́м (Евдокимъ), слабо́днай (свободный), аслабани́ть (освободить); черезъ *й* въ одномъ словѣ—кро́й (кровь), кро́ји (крови).

Что касается до чередованія *в* и *у*, то оно довольно частое явленіе. Чаще наблюдается однако *в=ӯ* (слоговое), чѣмъ *у=в*. Таковы слова: ӯну́к (внукъ), ӯну́чькя (внучка), ӯнутре́ (внутри), ӯку́с (вкусъ), ӯдава́ (вдова), вда́рил (ударилъ). Весь произ-

носится какъ *увѣсь*, Женск. родъ—уся́ (вся); род. ед. муж. р. всяво́ (всего), жен. р.—все́й (*В*—губно—зубное).

Ф — соотвѣтствующій орфографическимъ *ф* и *ѳ* отсутствуетъ. Онъ существуетъ только, какъ замѣна *в*: Пятро́ф (Петровъ), валко́ф (волковъ), вянцо́ф (вѣнцовъ). *Ф* замѣняется черезъ звуки:

1) *Х*—въ словахъ: Хама́ (Ѳома), хла́к (флагъ), Хавро́нья (Февронія), полушто́х (полуштофъ). Яхи́м (Евфимъ), Марху́тка (Марѳутка), штра́х (штрафъ).

2) *к*—въ словѣ: кухва́йкя (фуфайка).

3) *п*—въ словахъ: Апраси́нья (Евфросинія), Стяпа́н (Степанъ).

4) *хв*—въ словахъ: хве́ршалъ (фельдшеръ), ахвице́р (офицеръ), кухва́йкя (фуфайка),

5) *кв*—въ словѣ: каникв́ас (канифасъ).

6) *в*—въ словахъ: прасви́рка (просфора) и прасвирьня́ (просфорня).

Въ произношеніи плавныхъ звуковъ здѣсь нѣтъ особенностей въ сравненіи съ обычнымъ произношеніемъ. *Диссимиляція плавныхъ*—въ словахъ: сталаве́р (староверъ), староверскій—сталаве́рскай, моклай (мокрый)—*Л=Р*. *М* и *н*—въ словахъ: ля́нпа (лампа), анба́р (амбаръ), Микита́ха (Никитка), Мико́ла (Николай), панпу́шка (пампушка), ланпасе́я (монпансье).

Л и *н*—въ словѣ: балабо́нка (у Даля приведено „балабо́лка“), альляно́й (льняной).

Р=л въ словахъ: рыба́льскай (рыбарскій у Даля), ливарве́рт (револьверъ), сильчъ (сирѣчь).

Зубные т, д, з, с. Въ словахъ: парки́ (портки), уме́снай (вмѣстный, половинный)—*т* выпускается, а иногда оно вставляется, какъ напр.: стра́м (срамъ), страмата́ (срамота), истру́н (срубъ), про́тьчій (прочій).

Т=ч—въ словѣ: чижало́ (тяжело), а въ словѣ адда́ть (отдать) оно замѣнилось *д*.

Д—опускается въ словахъ: бе́зьма (бездна), по́зна (поздно), пагля́'ка (погляди-ка).

Ш вмѣсто *с* наблюдалось въ словахъ: шко́рка (скорка), шпи́чьки (спички), шь че́мъ (съ чѣмъ), шь читьвярһа́ (съ четверга).

Ж—произносится твердо. Жо́мка (выжимъ), жы́ла (жила), Жана́ (жена), жультяпа́ (жуликъ).

Ш—тоже въ твердомъ произношеніи: шы́ла (шило), шука́ть (искать).

Ассимиляція Звуковъ *с* и *ш*—въ словахъ: шашá (шоссé), шышнáтцать (шестнадцать), шаштóй (шестой) шшúла (сшила), рашшибý (расшибу).

Двойное *ж*=жж твердому. Кромѣ того *жж* на мѣстѣ *зж, жд*,—тоже въ твердомъ произношеніи: дрóжжы, вóжжы, дажжá (дожди), заважжáть (завозжать), вижжáть (визжать).

Орфографическое *щ* почти всегда замѣняется „*шш*" или „*ш*" произносимыми твердо: шшýка (щука), шшилактáть (щелоктать), шшóки (щеки), тягушшой (тягущой), ишшó (еще), вéшш (вещь), вишшаствó (вещество), тавáриш (товарищъ), борш (борщъ), баршá (борщъ).

Въ нѣкоторыхъ однако мѣстахъ (гдѣ наиболѣе сохранилось вліяніе „талагайскаго"—стариннаго—говора) уцѣлѣло *щ*, произносимое мягко, какъ *щь*—щё (что), пащи (почти).

Ц—звукъ сравнительно рѣдкій здѣсь;—тамъ, гдѣ онъ уцѣлѣлъ, произносится твердо: цы́һан (цыганъ), цы́бар (приборъ у колодца).

Замѣняется онъ (орфографическій) звуками:
1) *ть*: тьвяты́, тьвéт (цвѣты, цвѣтъ).
2) $с_ц$—яйс$_ц$о (яйцо), аһурес$_ц$ (огурецъ [1]), и т. п.
3) *ч*—чирямóнія (церемонія), чáпля (цапля—птица и кухонный приборъ), чиря́бать (царапать), чьвяты́ (цвѣты), блиньчи́ (блинцы), авсичя́ (овсеца), атечь (отецъ).
Ч—произносится мягко, какъ *чь*: чьéрстай (черствый), чьви́кать.

Замѣны звука *ч* черезъ *ц* намъ не приходилось наблюдать ни въ одномъ изъ селъ, гдѣ живутъ такъ называемые *цуканы*. Наоборотъ, мы видимъ ц=ч даже въ такихъ словахъ, какъ напр. авсичя́ (овсеца), блинчи́, атéчь (отецъ). Ц=ч наблюдается особенно *среди старухъ* въ *цуканскихъ* селахъ, что весьма интересно, такъ какъ установилось въ нашей литературѣ неизвѣстно на чемъ основанное мнѣніе, что цуканы произносили и произносятъ ч=ц. Нужно замѣтить, что эта фонетическая особенность нашего говора почти исчезла. Мнѣ удалось записать всего нѣсколько словъ съ приведеннымъ произношеніемъ. Но цоканье мною не наблюдалось. Между тѣмъ, по словамъ Н. И. Второва, цоканье существовало у цукановъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія [2]).

Иногда *ч*=*ш*: папирéшнай (поперечный), паштáрь (почтарь), пашанишнай (пшеничный).

---

[1]) Сц—звукъ „С" съ слабымъ оттѣнкомъ звука „Ц".

[2]) См. статью его: „О разселеніи Воронежской губерніи" въ „Воронежской сѣдѣ" на 1861 годъ.

Х произносится какъ *к* въ словахъ: пáзука и пáзака (пазуха); конечное *х* изъ *h*: хлак (флагъ), уменьш. хлачóк (флажокъ).

Г—спирантъ, равняющійся латинскому *h*: Лантрыhа (безпутный), hалалóбай (лысый), hутарлйвай (разговорчивый), калhанка (чашка, блюдо), hарьнитýравай (шелковый), hорп (горбъ). Смычное *г* совсѣмъ неизвѣстно.

Въ концѣ словъ этотъ звукъ равняется *х*: читьвéрьх (четрвергъ), дрýх (другъ), Бóх (Богъ).

Спирантъ *h* въ иностранныхъ словахъ замѣняется j: jивáньjиль (евангеліе), áньjиль (ангелъ) и анhаль, jинарáл (генералъ), jирóй (герой), Jиhóрій (Георгій).

При этомъ нужно замѣтить, что *j*, замѣняющее *г*, не вполнѣ совпадаетъ съ латинскимъ j. Это j имѣетъ спирантическій оттѣнокъ, равняется какъ бы j^h: jиваньj^{h}иль, аньj^{h}иль.

К—послѣ мягкихъ согласныхъ и *й* въ концѣ словъ прозносится мягко: капéйкя (копейка), рéчькя (рѣчка), малачькê (молочко), сярдéчкя (сердечко), малóдинькяя, кухвáйкя (фуфайка), чайкю (чайку), скамѐйкю, Дýнькя (Дунька), Пáнькя (Панька, Павлушка), малькя́ (родит. пад. отъ слова *малêк*—$^1/_8$ бутылки).

Но: пéтнышка (пятнышко), hармóшка, рякà (рѣка), манькякá (род. пад. отъ слова маяк.).

Переходъ мягкаго *к* въ *т* наблюдется рѣдко и преимущественно среди стариковъ, параллельно съ *кь*: Тéива (Кіевъ) и Кéjива, чайтю (чайку) и чайкю, я́блачтям (яблочкомъ) и я́блачькям.

К=*х* въ словахъ: хтó (кто), хтòзнать (кто знаетъ, неизвѣстно кто). Кромѣ того *к* = *х* въ предлогѣ *къ* передъ словами, начинающимися съ согласной: х дя́ди (къ дядѣ), х читьвярhý (къ четвергу), х цéркви (къ церкви).

II. Морфологическія особенности.

1. Существительныя.

Въ *склоненіяхъ существительныхъ*—слѣдующія особенности:

Въ *род. ед. муж. рода* преобладаетъ окончаніе на *у*, *ю*: изь лéсу, бяз вéтру, ат кра́ю, ат сáду. *Мѣстный* п. Един. ч.—имѣетъ *у*, *ю* и *и*: на биряhý, на атцý, у лясóчькю, на кустòчкю, на бèриhи, в лèси, на кýстики. Въ *Именит.* Множ. ч. нараду съ *ы*, *и* и *а* и *я*: атцы́, браты́, сыны́, виньтиря́, гадá (годы). Иногда вмѣсто именит. множ. употребляется существи-

тельное въ собирательной формѣ: чарвá (черви), дажжá (дожди), мужичьѐ (мужики), сабарьѐ (собаки). *Родит* мн. имѣетъ *ов* (*оф*) на мѣстѣ *ей*—дажжо́ф (дождей), нажоф (ножей) кирьпичеф. Иногда и *разо́ф* (разъ Ско́льки разо́ф—Сколько разъ).

Существительныя *женскаго* рода—въ *родит.* пад. един. ч. имѣютъ *е* (и въ *мѣстномъ* п.): на, ис изьбé (изъ избы) и изъ избы́, аб, ат авцé (отъ овцы) и ат авцы́, на лашадé, пячé, стянé (на лошади, печи, стѣнѣ).

Въ твердомъ склоненіи вмѣсто *ы* иногда *и*: ис хáти (изъ хаты), ат стáрасьти (отъ старосты), ат ты́рьли (отъ тырлы).

Творительный п. имѣетъ ай (аю), яй (яю): кни́шкай, бумáшкаю. Въ *родит.* п. множ. ч., кромѣ *пе́сьняф*, *хáтаф*, *кни́шкаф*, *до́скаў*, имѣетъ *мáтирій*, *до́чирій*.

Мать, *дочь*—Винит. ед. имѣетъ мáтирю, до́чирю. Творит. ед.—*матирій*, *дочирій*.

Це́ркава (церковь)—Винит. ед. це́ркву, Творит. це́рквой, Мн. це́рквы.

Притчія (притча) въ родит. мн. записано при́тьчих.

Средній родъ существительныхъ въ нашемъ говорѣ представляетъ интересное явленіе въ томъ отношеніи, что 1) они почти всегда согласуются съ прилагательными въ женскомъ родѣ: какáя чижо́лая врéмя, багáтая имéнія, ядьрёная яйсцо, чи́стая ћо́рюшка, 2) они имѣютъ падежныя окончанія то мужескаго, то женскаго рода. Окончанія мужескаго рода—во множ. числѣ: Именит. пад.—*о́кны*, *дало́ты*, *вёслы*, (наряду съ ударяемымъ *а* на концѣ летá, пoля́, вримянá). Родит. пад.—вёслаф, имéніяф, о̀кнаф (окнаў). Женскія окончанія—въ Винит. пад. Ед. ч.—лéту (лѣто), по́лю (поле), имѐнію (имѣніе), въ Именит. пад. множ. ч.—имéніи (имѣнія).

2. *Прилагательныя* оканчиваются на *ай* (вмѣсто ый) и *яй* (вмѣсто ій), *ая*, *ія* (ая, яе, ее): до́брай, сми́рнай, лéхкай, го́рькай, горькяя, малю́сичькяй, малю́сичькяя, си́ній, си́нія.

Средній родъ на *ая*, *яя*, *ія*—си́нія акнó (синее окно), ћо́рькяя мáсла (горькое масло).

Мужескій родъ въ единственномъ числѣ имѣетъ *ава*, *ява*, *аму*, *яму*...; не противорѣчитъ обычному склоненію, кромѣ творительнаго падежа—иногда оканчивающагося на *ам* (до́брамъ); Женскій родъ имѣетъ вездѣ суффиксъ *а* на мѣстѣ *о*, даже и въ винительномъ падежѣ—до́браю, малю́сичькяю. Прилагательныя на *ой*—имѣютъ по большей части *уя*—залату́я (золотую), глуху́я (глухую).

Средній родъ въ единственномъ числѣ имѣетъ женскія окон-

чанія въ именит. и винит. падежѣ: дóбрая дéла... Я изьделал хорóшаю вяслó.

Прилагательныя на *ій*, *ія* (синій, синяя) въ единст. числѣ всѣхъ родовъ вмѣсто обычныхъ *е* и *я* имѣютъ *и* (иногда *я*) въ суффиксахъ: синива (синяго), синій (синей)...

Множ. числа именит. и винит. падежи въ твердомъ склоненіи имѣютъ: дóбраи, залатыи, синіи во всѣхъ родахъ. Въ сокращенныхъ прилагательныхъ вмѣсто *ы*—*и*—сыти, һóладьни, рáди (сыты, голодны, рады). Творит. пад.—на *ыми* и *ами*: дóбрами мужиками (вѣроятно, по аналогіи съ существительными).

Сравнительная степень оканчивается на:

1) *ея*, *ей*—добрéя, спялéй, смялéя. 2) *жа*—хýжа (хуже). 3) *я*—тéпля (теплѣе), чижéля (тяжелѣе), бóля (больше), мéня (меньше). 4) *ча*, *ьчи*—жарьча (жарьче), мельча (мельче), громча (громче), лýчьчи (лучше), глубóча (глубже). 5) *ша*, *шы*—тóлша (толще), тóньша (тоньше), дяшéвшы (дешевле), тóньшы (тоньше). 6) *яя* (яй)—скаряя (скорѣе).

Превосходная степень обычно замѣняется прибавленіемъ словъ: „сáмай", „сáмай, што ни на éсть", „сáмай што ни"— самай, што ни на есть злой, сáмай хорóшай, сáмай што ни хýжа; „ис всéх"—ис всéх злóй; повтореніемъ самого прилагательнаго съ прибавленіемъ ко второму „при" — злóй-при-злóй, харóшай-при-хорошай. Иногда превосходная степень оканчивается на *шій*—злюшшій. Въ сравнительной степени иногда „дюжéя" (очень, сильно) прибавляется для усиленія—дюжéя һрóмчи, сильнéя. Превосходная степень на *шій* усиливается прибавленіемъ *„при"*—злюшшій-при-злюшшій.

3. *Мѣстоимѣнія.*—Јон (ёч)—онъ можно слышать весьма рѣдко въ разговорѣ, но въ пѣсняхъ—обычное явленіе. Родит. пад.—явó и һо. Послѣдняя форма рѣдка; можно наблюдать въ селахъ (напр., въ Стороженомъ, Аношкинѣ), наиболѣе удаленныхъ отъ „цукановъ".

Женск. родъ имѣетъ въ родит. и винит. падежахъ—јиé и јиê (ея, ее). Дат. и мѣстн. падежи въ мѣстоимѣніи второго лица и въ возвратн.: табé, сабé (тебѣ, себѣ). Родит. единств. ч.—минé, тибé, сибé (меня, тебя, себя), мѣстн. пад. — ап минé, абь *ём* и абь *нём* (о ней, о немъ).

Тотъ имѣетъ формы — *тэй* въ родит. п. един. ч. и *таè*—въ винит. падежѣ (той, ту).

Увесь (весь) имѣетъ—уся, усё (вся, всё), родит. п.—фсявó, фсей, въ винит. п. ед. ч.—усю (всю), всію (всю), всіè (всю и все), *множ. ч.*: усé, усéх... и вьсé, вьсéх, вьсéм...

Jéтат (этотъ)—въ винит. ед. ж. р. jѐтаю (эту).

Јентат (=онъ, тотъ) употребляется при указаніи на болѣе отдаленный предметъ (=тотъ); склоняется по образцу — „jѐтат."

Каê—что; ко́лькя—сколько; толькя (столько); хто́й-та—кто-то; *хтó знать хтó*—кто-то, aliquis.

Кáжнай (каждый) имѣетъ и сокращенную форму—*кáжин*.

Притяжательное мѣстоименіе 3-го лица — *jи́хаф*, (jи́х), *jи̇ха*, *jи́ха*—ихъ домъ, хата, окно... Склоняется такъ:

Падежи.	Един. число.	Множ. ч.
Имен. .	jи́хаф (jи́х), jи́ха, jи́ха	jи́хи, jи́хи
Родит. .	jи́хава (jи́ха), jи́хай, jи́хай	jи́хих (jи́х), jи́хних
Дат. . .	jи́хаму (jи́ху), jи́хай, jи́хай	jи́хим, jи́хним
Вин. . .	jи́хава (jи́ха), jи́ху, jи́ху-а	jи́хих (jи́х).
Твор. . .	jи́хим (jи́х), jи́хай, jи́хай	jи́хими, jи́хними
Мѣстн. .	jи́хам (jи́х), jи́хай, jи́хай	jи́хихъ, jих

4. *Числительныя* не имѣютъ особаго интереса. Замѣчены формы: отъ *адúн* (одинъ) родит., творит., мѣстн. ед. ч. жен. рода *аднэ́й*, винит. пад. *адныé*; *абóи* (оба, обѣ), *абéм* (обоимъ); *двумú* (двумя); чаты́рих (четырехъ); адинцать (одиннадцать);

Шы́шнатцать (шестнадцать); *ты́ща* (тысяча), *ты́щай* (тысячей) и *ты́сичій*; *милiён* (милліонъ); *аднавá* (однажды); *двóжди*, *двóщи* (у талагаевъ) дважды; *нéскалькя* (нѣсколько).

5. *Глаголъ*. Въ Неопредѣленномъ наклоненіи двойное окончаніе: притúть (притти); итúть (итти).

Суфиксъ *ова* иногда выпадаетъ:

пробовать—имѣетъ—*прóбать*,
совѣтовать „ *савéтать*,
гребовать „ грéбать.

Съ другой стороны — *грéбаваjить* и *грéбаjа* (3 ед. наст. врем.), *трéбаjа* и *трéбаваjа* отъ требовать. Вмѣсто *пить* говорится *піять*: піяю, піjишь и т. д. Плавное *Л* въ глаголахъ въ изъяв. накл. иногда опускается, такъ напр.: трѐпя (треплетъ), кáпя (каплетъ).

К, *г* не смягчаются—тякý, тякéшь (и такêшь) тякé (и тякé), биряһý, биряһéш, биряһéть.

Въ *настоящемъ времени* 3 лицо ед. ч. оканчивается на: е, ё, а, я, еть, ить; такъ напр.: плачу имѣетъ *пла́ча* и *пла́чить*, корю—*ко́ря* и *ко́рить*, варю—*во́ря* и *ворить*,

грызу — { ђрызе̑ и ђрызе́ть, иђрызѐ и ђрызѐть, } зову—заве́, завё и пр.

Третье лицо множ. числа того же времени, кромѣ обычныхъ *ат*, *ят*, *уть*, *ють*, оканчивается, и на *а*, *я*: лежу имѣетъ ляжа̀ (и ляжа̀ть), говорю—ђаваря́ (и ђаваря́ть), ѣмъ—ядя́ (и ядя́ть), гляжу—глядя́ (и глядя́ть).

Какъ можно замѣтить, такое окончаніе имѣютъ тѣ глаголы, которые въ 3 лицѣ ед. ч. того же времени оканчиваются *только на ить* и въ 3 лицѣ множ. числа имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Напр.:—сижу, 3 ед.—сиди́ть, 3 множ. ч. сидя́; стаю́ — стаји̑ть, стаја̀; они же имѣютъ и окончаніе съ ть—стая́ть, сидя́ть.

Въ 1 лицѣ множ. числа чаще слышится *ем*, чѣмъ *ём*, *етя*, чѣмъ *ётя*: падѐмъ, падѐтя (пойдемъ, пойдете), завѐм, заветя (зовемъ, зовете), пабьѐмъ, пабьѐтя (побьемъ, побьете).

Окончанія *шься* = сьси: дирѐсьси, акунѐсьси (дерешься, окунешься); тся, ться=тца: матьнѐтца (мотнется), вазьметца.

Частица ся, сь — переходитъ въ *си*, *сы* (иногда съ удареніемъ на концѣ), такъ напр.—варати̑лсы, пусти̑лси, присни̑лси, пустилси̑, принилси̑.

Въ повелительномъ наклоненіи есть сокращенная форма (наблюдаемая рѣдко): тро́ш (тронь), по́ть (пойди), пало̑ш (положи), ро́пь (робѣй).

Окончаніе дѣепричастія *вши*, *вшись*—передается *мши*, *мшись*: глядѐмши, пасматрѐмши, бро̑симшись, раста́мшись.

Какъ вліяніе малорусскаго языка (населеніе, говорящее на немъ—испорченномъ уже—находится по сосѣдству) нужно отмѣтить черту нашего говора — любовь къ уменьшительнымъ именамъ: сва́шунькя (свашенька); ничаво́хуньки (ничего), гу́люшка (голубь); ничаво́шуньки (ничего).

Особенно это замѣтно отразилось на неопредѣленномъ наклоненіи. Такъ замѣчены формы его:

ји̑сьтюшки (отъ ѣсть),
купа̀нюшки (отъ купать),
гу́люшки (отъ гулять).

Слѣдуетъ еще отмѣтить другую особенность въ говорѣ. Это—замѣна множественнаго числа существительными въ собирательной формѣ. Мною записаны слова:

свино̀та (свиньи); чарва́ (черви),
рибятё̂ш (ребята); зилиня́ (зелени)
мужучье̂ и мужичье̂ (мужики),
дажжа́ (дожди); сабарье̂ (собаки),
листва́ (листья); бабье̂ (бабы).

Остатки члена, когда-то существовавшаго въ русскомъ языкѣ, наблюдаются рѣдко. Фразы съ частицею этою мною записаны слѣдующія:

1) А на́ де́ла-*та* ня к спе́ху.
2) Х чаму̀ ты jе́та спрашиваишь-та? — Што̀? — Пе́сьни-*ты*!
3) Стаканы́-*та* иде́жак (гдѣ-же)?
4) Эй ты, нибразо́ванай, паста́фь hастё̂чькю скаме́йкю-*та*!
5) Иде́ пасу́да-*та*?—Ф карапке́ спря́тана!—То́-*та* са̀мая?
6) Изь диревни-*ты*? 7) Ко́хти-*ты*.
8) Чаво̀, чаво̀, а jе́тава-*та* дабра хвта́ти!
9) Иде́ припа́сы-*ты* на́ши?—Ван те́-*ти*... (вонъ тѣ...).
10) Падымѝ ру́ку-*ту*! 11) Дай суда́ су́мку-*ту*.

Къ описанію талагайско-цуканскаго говора присоединено мною собраніе лексическаго матеріала въ фонетической записи.

А.

абарка́тца—привыкнуть.
аблажи́ть)—выругаться сильно,—„по матерному“.
абнакаве́нья, ньи—обыкновеніе, привычка, обычай (у Даля—„обнакъ“—ряз.), „абнакавеннай“ — обычный, обыкновенный.
абы, абы-абы̀, (союзъ, нар.) — лишь бы, кое-какъ. „Мне́ абы дабратца да Кѐjива“, „Ка́к-живё̂ш?—Абы́-абы́“...
авча́рскай—принадлежащій овчару.
авчира́, (нар.)—вчера.
агарнава́ть—окружить, одолѣть, оборвать.
адры́, о́ф, *м. мн.*—(у Даля—„одръ“) погребальныя носилки.

*) Звѣздочкою отмѣчены слова, имѣющіяся въ словарѣ В. И. Даля, но въ другомъ значеніи.

адьжя́-адьжя́-дьжя́—слово, заимствованное отъ цыганъ, живущихъ здѣсь зимою; употребляется въ плясовомъ „припѣвѣ“.

акра́инцы, цаф (акрайницы) *м.*—проталины на рѣкѣ у береговъ.

ала́харь, я, *м.—(Срв. *алаха, аланя*—Д. I. 8—офенское слово: „пиво, брага“) пьяница, лантрыга, жуликъ.

а́марам, нар.—быстро, моментально.

ама́чькя, и, *ж.—соусъ изъ толченаго сѣмени коноплянаго и пр.

ача́пкатца—(у Даля *очапаться*,—кур.) опомниться, поздоровѣть, просохнуть.

а́синькя (и аюшка)—откликъ въ лѣсу, дома.

аскрётки (plural. tant.), *ак*-—крохи, негодные остатки.

аслабани́ть—освободить.

асьмя́тка, и, *ж.*—недовареное яйцо.

атьчiюhа, и, *м.*—отчаянный, разбойникъ.

атшибо́к, пка́, *м.—отказъ. „Онъ бы ра̀тъ за нiѐ сватàтца, ды байтца атшибо́к палучи́ть“.

Б.

бакави́на, ы, *ж.*—сторона, половина, бокъ.

балабо́нка, и, *ж.—(у Даля—*балаболка*) то, что́ виситъ.

баркава́ть—браковать, брезговать.

барко́вка, и, *ж.*—бракованое что-нибудь, негодное.

бизала́барштина, ы, *ж.—безпорядокъ, безтолочь (корень, вѣроятно, отъ: „алаборъ“—устройство, порядокъ и „безъ“).

бзьнюка, и, *ж.*—пасленъ (solanum nigrum)—у Даля *тамб.*—„*жибзника*“.

бо'зна'када́шнiй, бо'знать када́шнiй неизвѣстнаго времени, давнишнiй. Корень отъ: „Богъ“, „знаетъ“, „когда“.

браньчьли́вай—любящiй ругаться. Въ пѣснѣ свадебной дѣвица спрашиваетъ: „Не браньчьли́ф ли свѐкар-ба́тюшка?..“.

брѐх, а, *м.—врунъ, лгунъ (у Даля—враки).

бряхучiй—лгунъ, злой (о собакѣ).

бузьдя́кать, буздану́ть, бу́знуть ударить сильно, отколотить.

бурда́, *е́, ж.—грязная жидкость.

***бурани́ть**—бро́дить (о квасѣ); говорить „абы-што“ (о пьяномъ человѣкѣ).

буро́бить—сочинять, лгать.
*бути́ть (чаще набутить) — наливать, насыпать не въ мѣру много. У Даля—дѣлать бутъ.

В.

*валаво́дитца—мѣшкать, возиться, связываться, якшаться.
взапра́вду, нар.—истинно.
винапо́лія, и, *ж.*—казенная винная лавка.
винапо́лька, и, *ж.*—водка.
винапо́льшик, а. *м.*—сидѣлецъ въ казенной винной лавкѣ.
вдры́ск (вдры́сх) | в ло́скъ (нар.) | до-пьяна, до крайняго предѣла. „Онъ пьянъ въ ло́ск“; „Јаво́ ababра́ли вдры́ск“.
во́нын, во́нна—этотъ.
вантјётат,-та—тотъ.
во́ратъ, а, *м.*—поворотъ, которымъ повертываютъ верхъ мельницы на вѣтеръ.
*вша, е́ и и́, *ж.*—вошь. У Даля—*псковское*.
*вы́буздать—вырвать, нарвать, выкопать, поѣсть. У Даля—выхлебать.
вы́звалка, и, *ж.*—(кор. вызваля́тца) поправка, подправка, выправка.
вы́камарить—сдѣлать что-нибудь, придумать, „выкинуть фортель“.
вы́трухнуть—вытрусить.
вя́ка, и, *ж*—(дѣтское) человѣческое испражненіе; плохая, негодная вещь.

Г (=h).

hа́врать | hавру́лить | —портить дѣло, браться за что-нибудь не умѣючи.
hалалётка—гололедица.
hалало́бай—лысый.
*hалубо́к, пка́, *м.* | hалу́пчик, а, *м.* | —крестъ, точнѣе—божница въ полѣ.
hарба́тай ме́рин, *м.*—созвѣздіе Большой Медвѣдицы.
hалышѐм, (нар.)—голякомъ, нагишомъ.
hалы́зина, ы, *ж.*—плѣшь, плѣшина, пустое мѣсто (у Даля—*голизна, голина*).
*hалу́бка, и, *ж.*—(у Даля—*голубецъ*) голубая краска.
hама́й, я́, *м* | hамаји́шша, ы, *м.* | —необразованный, москаль (ругательное).

hанадýдарь—слово, повторяемое въ припѣвѣ послѣ куплета нѣсколько разъ, не имѣющее значенія.
hарлапя́тай—горлодеръ, крикунъ, міроѣдъ.
hармóшка, и, *ж.*—уменьшительное отъ сл. *гармонья.*
hармóнь, и, *ж.* / **hармонья**, и, *ж.* }—гармоника. Въ частушкахъ поется:

Ох, мамáша, купи hармóнь,—
А ни кýпиш,—уйду въ Рамóнь.

—

Ох, hармóнья Варанцóва,
Ни мая вóля,—атцóва.

hарьнитýравай / **hаринтýравай** }—шелковый; гарьнитýраваи платки́ у бабъ и дѣвицъ.
hác, а, *м.*—керосинъ.
hасьни́ца, ы, *ж*—посуда для керосина, лампа.
hлáтчишшай—(превосх. степень отъ сл.: глаткай, часто употребл.) жирный, очень жирный.
hлухапя́тай—глухой (передѣлка этого слова „hлухапéрьдя“).
hнидя́вай—(у Даля—*гнидный*) имѣющій много гнидъ, вшивый.
***hóднай**, ава, *м.*—новобранецъ.
hýлюшка, и, *ж.*—голубь.
hундóсай—говорящій въ носъ.
hрак, á, *м.*—грачъ.
***hрóхат**, а, *м.*—1) (у Даля—*грохоты*) рѣдкое рѣшето, 2) смѣхъ до упаду.
***hрахатáть**—смѣяться.

Д.

дакамы́сьлинна—(нар.) хитро, умно.
дакамы́сьлиннай—хитрый, умный, мудрый.
***далдóн**, а, *м.*—тупоумный, дуракъ.
***дéшка**, и, *ж.*—кадка для тѣста (у Даля—дежа).
дили́кать—пѣть: „дили́, дили́“ во время пляски.
дили́канья, и, *ср.*—пѣніе „дили́-дили́“ (припѣва).
дирбулы́знуть—1) ударить, 2) поѣсть, пожрать.
***дирю́шка**, и, *ж.*—ткань, въ которой затканы порванныя на ленты тряпки, служащая одѣяломъ.
дóйминна, нар. (до-нять) вѣрно, подлинно.
'досталь / **'дости** } вдоволь (у Даля—*вдосыть*). „У атца нашава всяво 'дóсталь“.

*дубала́с, за, *м.* дуболазъ, баловникъ.
дубяни́ка, и, *ж.*—твердое.
дуде́ть—играть въ дудку, издавать свистъ.
*душагу́пка, и, *ж.*—маленькая плоскодонная лодка, какъ извѣстно, очень опасная при ѣздѣ въ бурю. Послѣднее—и дало поводъ къ такому имени.
*дра́нь, и, *ж.*—щиты (отъ снѣга) на желѣзнодорожномъ полотнѣ.
дрếпа, ы, *общ.*—ротозѣй, медленный.
*дрючо́к, чькя́, *м.*—колъ, палка.
*дры́һать—спать; очень долго, не въ мѣру спать.
дыбо́шки, ак, *ж.* (Plur. tant.)—стоймя; „Стать на дыбо́шки"—стать на заднія ноги; переносн.: топорщиться, злиться.
ды́к—такъ; „Во́т дык"; „Во́т дык маладе́ц".

Е.

јебулы́знуть (јибулы́знуть)—ударить, сильно побить.
јé́нтат—тотъ.
јерепе̂сс јирипе̂с), а, *м.*—задира, шалунъ.

Ж.

жап—точное значеніе неизвѣстно. „Жап тибе засади!", ругалась одна баба. „Мама, мама!"—„Жа́ба!"—отвѣчала мать на приставанья ребенка.
жадю́ка, и, *общ.*—жадный.
*жадо́ба, ы, *общ.*—жадный.
жа́мка, и, *ж.*—четырех-угольный или круглый пряникъ на сахарѣ или на меду.
*жапчи́тца—жалѣть, безпокоиться.
*жика́ть, жикнуть—ударить,—хворостомъ, разсѣкая воздухъ.
жирếбанай—(у Даля есть *бережая*) беременный, (о лошади).
жистина̀, ы, *ж.*—приволье.
жисте́ннай—привольный.
жмякнуть—повалить на землю кого-либо, ударить.
*жо́мка, и, *ж.*—(у Даля—*выжимъ*) пучекъ чего-либо, связка.
жох, һа, *м.*—1) проигрышъ; 2) при игрѣ въ костяшки („шашки") положеніе кости „ни́зомъ"; 3) пройда, хитрый.
жу́т, а́, *м.*—туго свитый для битья конецъ веревки.
*жу́чить—пробирать, ругать, бить.

З.

за́виртка, и, *ж.*—оглобля у саней.

заве́ска, и, *ж.*—длинный фартукъ у бабъ и дѣвокъ, который бываетъ разныхъ цвѣтовъ и украшается лентами и бахромой (у Даля—*завѣсушка*).

зага́ять—(у Даля—*загайкать*)—кричать за кѣмъ-нибудь вслѣдъ.

зазу́брик, а, *м.*—(у Даля—*зазубра*) крючекъ на удочкѣ.

***закавы́ристай**—(Даль: „выраженіе не совсѣмъ точное"—*человѣкъ хитрый, замышляющій дѣло мудреное*) искусный, мудреный. „Закавы́ристая пѣсня"—слишкомъ хорошая, но трудная для исполненія.

закубри́ть—запрятать, запечатать; загулять, закутить.

замала́живать—1) засинѣть небу, 2) бурлить (о квасѣ молодомъ), 3) молодиться, ухаживать за кѣмъ-либо (о старикѣ).

заману́ха, и, *ж.*—(у Даля—*заманиха*—козни; волж.—глухое русло) опасное мѣсто въ рѣкѣ, глубокое съ крутымъ обрывомъ или водоворотомъ.

'занаро́шки (нар.) } въ шутку; ложно, обманно.
'занаро́шна (нар.) }

занаро́шинскай—шуточный, ложный.

за́пань, и, *ж.*—(у Даля—*запанъ*) длинный фартукъ.

***запой**, я, *м.*—„пропитье" невѣсты, начинающееся вслѣдъ за сватовствомъ въ домѣ невѣсты.

'заправду, нар.—истинно, вѣрно, подлинно, нешутя.

запра́вдускай—истинный, вѣрный, подлинный.

***заро́чья**, и, *ср.*—трудное, хитрое дѣло, чудо.

за'синя́ть—заосенять, захолодать.

***засу́ха**, и, *общ.*—тотъ, кто приворожитъ къ себѣ, влюбитъ, предметъ любви:

„Я засу́ху тваю́ зна́ю
Ат праýлку живé с кра́ю"—

изъ мѣстной частушки.

засусо́лить—(у Даля—*засосуливать*) загрязнить на себѣ одежду и др. слюнями; „сусо́лка"—слюнявый.

засусо́линай—загрязненый слюнями.

захлабыснуть,—тца—захлебнуться, скрыться подъ водой.

заштáннай—находящійся въ штанахъ, портахъ. „Эх, ты, вша заштанная",—ругань.

звягло́, а́, *ср.* (у Даля—*звя́га*) постоянно ругающійся, спорящій изъ-за каждой мелочи, дразнящій.

зьвягучій — ругательный, трескучій, непріятный. „Зьвягучія пѣсьня“—назвала одна старуха новую пѣсню (частушку).

* зéбры, аф, *м.* (Pl. t.)—нижняя челюсть (у Даля орл., тамб., симб.).

зикавàть—(у Даля *зыкаться*) бѣгать, задравъ хвостъ (о скотѣ); бѣситься, бушевать (о человѣкѣ).

* зипу̀н, á, *м.*—талагайская женская одежда въ родѣ балахона, безъ сборокъ назади.

зьвиздану̀ть—сильно ударить.

* зы̀рить—искать глазами что-либо, искать вообще. У Даля—смотрѣть.

И.

* ѝзнависьти, (нар.)— внезапно, неожиданно.

изумéть—сумѣть.

изутьня́ть—отнять.

ихахóшки, ак, *ж*, (Pl. t.)—названіе частушки отъ часто повторяемаго въ припѣвѣ послѣ каждаго куплета „Их—ах—ох—а!“; напр.:

> „Въ Хварастани на платѝнки (плотинѣ),
> Сидя дéвки как картѝнки.
> Их—ах—ох—а, их—ах—ох—а
> Сидя дéвки как картинки“ (с. Хворостань).

К.

* кабарóшка, и, *ж.*—(У Даля *ворон*—тощая скатина) горбъ, спина.

кабёл, бла, *муж.*—кобель, песъ (и ругательное).

кабысть | кабысь | кабыть — какъ будто, какъ бы. „Кабы́сть ты у пярвóй рас“. „Зачéм ты взя́л тапóр, кабыть он тибé нужин?“ „Кабысь паһода праjисьня́итца“. „Анà кабы́ть ничавó“.

* какóшник, а, *м.*—головной уборъ у замужней женщины въ 1—3 года послѣ замужества. „Какошник“ шьется изъ золотого нозумента въ видѣ высокой шапки со скошеннымъ задомъ и плисовымъ дномъ „малиноваго цвѣта“. Къ нему назади прикрѣпляется рядъ разноцвѣтныхъ лентъ, къ ушамъ привязываютъ (къ серьгамъ) кружки картона, обмотанные разноцвѣтными нитками съ пришитыми пуговицами и „пушкомъ“. Кружки эти такъ и называются „пушки“. Иногда къ пушкамъ прикрѣпляютъ еще (за уши затыкая) кучерявыя перья изъ хвостовъ селезня („касѝчьки“).

калга́нка, и, *ж.* (у Даля—калга́, калга́н, калгу́шка, калга́щка)—деревянная или глиняная чашка, по большей части собственной работы.

калату́шашник, а, *м.*—ночной сторожъ, ходящій съ „колотушкой“, предостерегающій обывателей деревни отъ пожаровъ.

камбла, ы, *ж*, палка, къ которой прикрѣпляется конецъ бредня.

камблай—однорогій, безрогій.

каминю́ка, и, *ж.*—увеличительное слово отъ „камень“.

каминю́чка, и, *ж.*—уменьшительное слово отъ „каминюка“.

каньдибббирам, (нар.).—Точное значеніе слова неизвѣстно. Приблиз. знач.: съ шикомъ, отлично. „Сапаћй съ каньдибббирамъ“. „Прайди́сь каньдибббирамъ“.

кандыба́ть—медленно итти, прихрамывать.

каньде́р, а, *м.*—жидкая каша изъ пшена съ саломъ или масломъ, „кулешъ“.

кандзырять—играть въ „кандзырялки“.

кандзырялка, и, *ж.*—тоненькая палочка для игры. Игра состоитъ въ бросаніи палочекъ посредствомъ удара однимъ концомъ (стоймя) о землю. Кто три раза подрядъ броситъ свою палку ближе всѣхъ, того прогоняютъ „сквозь строй“.

ка́нка, и, *ж.*—порода тыквъ, очень маленькихъ, неупотребляющихся въ ѣду,—желтаго цвѣта.

* **капна́**, ы, *ж.*—куча сѣна (около $^1/_2$—$^1/_3$ лѣтняго воза); въ хлѣбѣ „капна“ состоитъ изъ четырехъ „хрестцовъ“ (т. е. кучъ сноповъ, сложеныхъ на-крестъ). „Хрестецъ“ у „цукановъ“=17 снопамъ, а у „талагаевъ“=13 снопамъ. Слѣдовательно, у „талагаевъ“ копна хлѣба=52 снопамъ, а у „цукановъ“=68 снопамъ.

* **капо́к,-пка́**, *м.*—(у Даля—пинокъ ногою) дѣтская игра, состоящая въ томъ, что маленькую палочку („клёп“, „клин“), заостренную съ обоихъ сторонъ, поднимаютъ высоко однимъ концомъ большой палки. Тотъ кто водитъ, долженъ послѣ попадать „клёпомъ“ въ большую палку.

карва́ть, и, *ж.*—кровать.

кара́пка, и, *ж.*—горбушка, край у „коврѐги“ („корве́ги“).

касапу́зай (и „кацапу́зай“)—носящій рубаху съ на́пускомъ впереди; дразненіе, данное „цуканами“ „талагаямъ“ за вышеуказанное. „Цуканы“, носящіе попросторнѣе поясъ (и, слѣдовательно, безъ напуска) называются „талагаями“ „*вислож . . ые*“. Дразненья эти теперь уже рѣдко можно слышать, такъ какъ и тѣ, и другіе теперь утратили эту свою особенность.

кастрю́к, а, *ж.*—ругающійся, задира, во все лѣзущій; человѣкъ непріятный (отъ слова „кастры́ка“—крапива).

касюнё́къ,-нькя, *м.* } ласкательное слово отъ „конь“.
касю́нькя, и, *ж.* }

катиля́ска, и, *ж.*—маленькое колесо (уменьшительное отъ „колесо“).

кулабу́х, кула́бушик, а, *м.*—прѣсная лепешка.

* купаро́сатца—упрямиться, ломаться.

кураһо́т, а, *м.*—хороводъ, толпа вообще.

куржу́пай—(у Даля—*коржавый*), неказистый, недорослый.

кусу́чій—кусливый, кусака.

курья́к, а, *м.*—куриный пометъ.

кухва́йкя, и, *ж.*—безрукавная короткая бабья и дѣвичья одежда изъ китайки или сукна.

кучу́рай—кучерявый.

кучу́рка, и, *ж.*—кучерявая.

качады́х, а, *м.*—(у Даля—*кочедыкъ*), свайка для плетенія лаптей.

* ка́шник, а, *м.*—пышки изъ „малошнай каши“, смѣшанной съ яйцами, поджаренныя въ маслѣ.

кашава́рьня, и, *ж.*—мѣсто на бахчахъ въ видѣ ямы—для варенія пищи.

* каю́к—(у Даля „каюкъ“ *сыв.*—полубарка) конецъ, смерть.

кили́м, а, *м.*—коверъ изъ разноцвѣтной простой шерсти ручной (домашней) работы.

* ки́чькя, и, *ж.*—головной уборъ въ видѣ подушечки съ рожками, надѣвающійся на лобъ; носится подъ платкомъ замужними женщинами. У „цуканскихъ“ бабъ кички выше, чѣмъ у „талагайскихъ“.

* кла́тка, и, *ж.*—(отъ *класть*) выговоренное невѣстою у жениха: деньги (отъ 20—40 р.), поддевка изъ „хвабри́цкава“ сукна, башмаки, серьги.

* князё́к,-ькя́, *м.*—верхняя слега на стропилахъ избы, сарая; самый верхъ избы.

ко́й—кали, (нар.)—кое-когда, иногда.

кри́вка, и, *ж.*—порода яблокъ, мелкихъ и кисловато-сладкихъ.

кро́й,—јн, *ж.*—кровь; это слово въ такомъ произношеніи здѣсь наблюдается нерѣдко.

круте́ль, и, *ж.*—карусель; послѣднее слово, передѣланное для большей понятности.

кыльну́ть—кольнуть, уколоть.

Л.

* **лабёц**, бца́, *м.*—конецъ, смерть.
лакта́ть—локать.
лапасе́я, и, *ж.*—монпансьè.
лапату́шачьки, шачькяф, *м.* (Pl. t.)—лапотки (уменьш. слово); „Ой, лапатки, лапатушачьки,"...—поется въ плясов. пѣснѣ.
* **лапше́вник**, а, *м*—запеченая въ яйцахъ лапша.
* **ластавка**, и, *ж*—четырехугольные клочки (по большей части—красные) вшиваемые у мужскихъ и женскихъ рубахъ подъ мышками.
ливарве́рт, а, *м.*—револьверъ.
лимина́ція, и, *ж.*—(испорч. слово „иллюминація") ругань, брань, перебранка, проборъ. „Я јиму задалъ такую ламинацію, што долга будя помнить".
* **личьма́нистай**—съ круглымъ лицомъ; красивый.
лбдья, и, *ж.*—(то же, что и „лодарь") лежань, бездѣльникъ.
* **лбжник**, а, *м.*—одѣяло изъ оческовъ или тряпья, порваннаго въ ленты (см. дирюшка).
лупцбвка, и, *ж.*—драка, битье.
лупцава́ть—бить, колотить.

М.

мазю́калка, и, *ж.*—неаккуратный, замарашка.
макаву́шачькя, и, *ж.*—маковочка.
маку́ха, и, ж.—вершина у дерева.
макрапайкя, и, *ж.*—(исковерканное въ народѣ слово „непромокайка")—резиновый плащъ.
маладе́ниц, нца, *м.*—младенецъ.
маладе́нская, й, *ж.*—болѣзнь, выражающаяся въ формѣ припадка съ судорогами (родимчикъ).
малёк,—ькя́, *м.*—$^1/_8$ бутылки.
малю́синькяй / **малю́сичькяй** —весьма маленькій; тоже, что „ма́ханькяй".
маладе́шник, а, *м.*—вечеръ (подъ свадьбу) въ домѣ жениха.
мани́ста, ы, *ж.*—полоска матеріи (шириною—$^1/_2$ вершка), ушитая разноцвѣтнымъ бисеромъ и украшенная пуговицами,—съ бисерными же кружевами.
маньяк, а́, *м.*—дерево, оставляемое послѣ порубки лѣса для замѣтокъ (испорч.—„маякъ").

ма́там (нар.). | —матерши́ною, по-матерному; „аблажи́ть
матиркóм (нар). | ма́там“—выругаться по-матерному.
матну́тца, мотнутца—скоро сбѣгать, повернуться, обернуться.
матьня́, и, *ж.*—1) мѣсто соединенія обоихъ портовъ; 2) рукавъ въ бреднѣ съ грузиломъ.
матраси́ть—моросить.
маши́на, ы, *ж.*—валъ съ крыльями на мельницѣ;—иногда и весь верхъ мельницы-вѣтрянки, поворачиваемый воротомъ на вѣтеръ.
мéнтам (нар.)—моментально, скоро, быстро. Иногда и употребляется „мéнт“ (моментъ): „В ади́н мéнт сбѣ́гаю“.
мhá, н, *ж.*—мелкій дождь.
ми́лка, и, *ж.*—милый, милая. Въ частушкахъ употребляется очень часто:

„Страда́й, ми́лка, страда́й ду́шка,—
Ты рассу́кин сын Ваню́шка...
Ми́лка жéнитца, спать ля́жа,
Пра минѐ усé раска́жа.

миндьжјива́ть—мѣнять, мѣняться, дѣлать размѣнъ. Слово, взятое отъ цыганъ, распространенное здѣсь.
музю́калка, и, *ж.*—(У Даля—*музюка*—сосунъ, картавый) невнятно, неразборчиво говорящій.
мулява́ть—рисовать, красить; „намулéванай“—нарисованный, разрисованный, раскрашенный.
* мусóлить—грязнить, пачкать; „замусолинай“—загрязненный.
муцава́ть—рвать, трепать.

Н.

набóйчитай—набивной (о холстинѣ).
на́валачькя, и, *ж.*—рыболовная сѣть для ловли рыбы съ лодки.
навпрати́ (и „наспрати́“) нар.—напротивъ.
наврыски́ (нар.)—быстро, рысью.
накавалéнькя, и, *ж.*—стальной кусокъ, вбиваемый въ дерево для отбиванія косы.
написьня́к | (нарѣч.)—съ пѣснями.
написьняка́ |
начéтиста (нар.)—невыгодно, убыточно.
нéркам (нар.)—(не сокращено ли изъ „ненарóкам“—ненарочно, безъ умыслу?) нечаянно.
нивдамéк (нар.)—не въ догадку.

никчамушній—никуда негодный, ненужный.
нітбкам (нар.)—(? нетбкмо) не только что, ничего.
нихтбшнік } —ненужный, негодный.
нихтбшній }
нутрé, я́ *сред.*—внутренность.
няпитух, а, *м.*—непьющій, трезвый.
няприм, а, *общ.* }
няпримáха, и, *общ.* } —не принимаемый, неподходящій, негодный.
няпримучій }

О.

óбить, ды, *ж.*—(у Даля—*иск.*, *твр.* „ободь" — кругъ, крюкъ, изгибъ) кругъ для колеса, на колесѣ; полукругъ, согнутый для саней, (дуга).
óбидьник, а, *м.* } занимающійся выдѣлкою обедей.
***обóдьник**, а, *м.* }

П.

павсидá } —всегда.
павсядú }
***падаплéка**, и, *ж.*—подкладка у мужской рубахи отъ плечъ до пояса.
***паддужнай**—лошадь, идущая въ корнѣ.
***паддулька**, н, *ж.*—груша немного мельче, чѣмъ „дуля".
падворóтинь, я, *м.* — (у Даля—*подворотня*) закладка (доска, бревно) подъ ворота.
***падвóтка**, и, *ж.*—желто-красный песокъ, употребляющійся для наведенія (для большей красоты) полосъ у оконъ и на стѣнахъ послѣ побѣлки избы.
***падзатылинь**, я, *ж.*—оборка, унизанная черныиъ бисеромъ, проглядывающая напереди изъ-подъ кокошника и подвязывающаяся на затылкѣ.
***падъзéмки**, ак, *ж.* (Pl. tant)—мятель зимняя пó-низу (по землѣ).
***пáдина**, ы, *ж.*—полянка, участокъ земли, покоса.
***паднарят**, да, *м.*—1) подбой кожи въ обуви; 2) небо во рту.
пазалéтась (ся), нар.—позапрошлое лѣто, два года тому назадъ; отсюда прилаг: „*пазалéташній*"—позапрошлогодній.
пáзака (пáзука), и, *ж.*—пазуха.
***паликóвишша**, ы, *ж.*—прозвище по двору, существующее рядомъ съ фамиліей.

палавéнь, ня, *м.*—сарай для складыванія половы, сѣна, обмолоченной соломы.

паминýшка, и, *ж.*—кусочки кренделей, аладьи и проч., разносимые въ церкви (послѣ службы) для раздачи на поминъ объ умершемъ.

папирéжа, нар.—прежде.

папирéшная (пила)—пила большая двухручная—для распиливанія бревенъ.

па-сармя́, (нар.)
па-сарьмя́, (нар.)
па-сарóмски, (нар.) } —срамно, постыдно. „Онъ ругаjитца пасармя́“...

*патдýшник, а, *м.*—кусокъ ленты, пришиваемый напереди около шеи (что-то въ родѣ галстуха).

патбры́ньдить—стянуть, взять, украсть.

пахáбник, а, *м.*—(у Даля—*похабъ*) безстыдникъ, циникъ.

пáхапь, би, *ж.*—(похабь)—срамное, стыдное.

пачéсь
пачéсть } —почти что, почти.

паштáрь, я́, *м.*—общественный извозчикъ для развоза старосты, писаря и для почты.

пéрьник, а, *м.*—первая наволока (нижняя), въ которую зашиты перья, на подушкѣ.

пишшáк, á, *м.*—(у Даля—пищéкъ пи́щикъ) дудка изъ камыша съ нѣсколькими клапанами. Пара (и болѣе) такихъ пищаковъ вкладывается иногда въ рогъ для большей звучности.

питяньé, я́, *ж.*—(исковерк.) эпитемія.

плантавáть—планировать, мѣрить землю.

пóкнуть—ударить, стукнуть.

призря́чистай—прозрачный, ясный, понятный.

призря́чиста, (нар.)—прозрачно, ясно, понятно (у Даля—*прозорóчисто*).

приступачька—порожекъ при печи, для болѣе удобнаго поднятія на печь.

пристрашеннай—престрашный, огромный, большой.

присáдьник, а, *м.*—огороженный около дома небольшой садикъ.

притули́тца—пригнуться, прислониться.

при́тчія, и, *м.*—притча, сказка, басня.

пузы́рь, я́, *м.*—колпакъ, стекло на лампѣ.

пушóк, á, *м.*—картонные кружки, немного болѣе мѣднаго пятака, обмотанные „шлéнкою“ и пухомъ и унизанные бисеромъ и пуговицами, которые носятся бабами надъ ушами.

пу́нька, и, *ж.*—небольшой плетеный сарайчикъ (или „чигинёвай“), предназначаемый для одной супружеской пары въ семьѣ.
пушня́, и́—пучокъ; „За мо́латца лык пушню́“... (свад. пѣсня).
пыжа́гай—пышный, полный красивый (отъ слова: пы́жить—вздувать, взбивать).
пы́халка, и, *ж.*—круглый дождевой грибъ.
пы́сать—мочиться.
пяти́шница, ы, *ж.*—пятирублевая бумажка.

Р.

разбугри́ть—пробрать, поругать.
разля́тый—(у Даля—*разлогій*) расплюснутый; *разля́тиха*—что-нибудь расплюснутое.
разьвихлю́й, я, *м.*—нестройный, нестатный, вялый.
разьдё́шкай, (нар.)—раздѣвшись, безъ одежды.
разьмила́ха, и, *ж.*—милка, милый. Изъ частушки:

> Эх, ты, милка-разьмилаха,
> На нё́мъ шитая руба́ха.

размулё́ванай—раскрашенный, накрашенный, намазанный.
размулива́ть—раскрасить, накрасить, намазать.
*разо́ра, ы, *ж.*—разоренье, бѣда (у Даля общ. рода—разоряющій что, кого).
рвань, и, *ж.*—1) рванье, тряпки и (руг.) 2) самый „послѣдній человѣкъ“, сволочь.
раскаря́ка, и, *общ.*—растопыривающійся (общ. рода).
раса́дьня, и, *ж.*—гряда для выгонки разсады капусты главнымъ образомъ, устроенная на столбахъ.
*ре́ли, ій, *ж.* (Pl. t.)—качели.
рё́пнуть—треснуть, лопнуть, разорваться.
рунду́к, а́, *м.*—дверной порогъ, небольшой помостикъ у порога, устраиваемый для удобства ходьбы.
руни́ть—дѣйствовать скоро (о ѣдѣ—главн. образ.); „Ка́шу уш паруни́ли“ ...—Кашу поѣли.
руняко́м, (нар.)—быстро, скоро (употребляется рѣдко сравнительно).
рыба́льскай—рыбачій, рыболовный.
рыдва́нь, и, *ж.* / рыдва́нка, и, *ж.* (—женск. рода у Даля—отмѣчено, какъ *воронеж.* слово „рыдванъ“)—широкая повозка съ одинаковыми по ширинѣ грядками и невысо-

кимъ кузовомъ. Другой родъ повозки—„телѣга“, у которой задъ выше и уже, а передокъ—низкій и широкій. „Телѣга“ употребляется (у кого, кромѣ нея, есть и рыдванка), такъ сказать, въ торжественныхъ случаяхъ, а „рыдванка“—для обычной работы.

С.

савастóжить—состряпать, сдѣлать, сострoить (употребляется по большей части иронически).
садыкнýть—ударить, рѣзнуть (ножомъ).
саланцавáть—лакомиться соленымъ (селедкою).
*самавáрьничить—пить чай; перен.:—по пусту проводить время. Изъ частушки: „Уш я чайничила,—самаварьничила“.
самапúхам (нар.)—нахально, силкомъ, незванно.
самáн, á, *м.*—огромные кирпичи (квадратной или цилиндрической формы) вырабатываемые *самими* крестьянами изъ глины съ соломою и необжигаемые. Идутъ на постройки дворныя, на хаты — рѣдко. Названіе „самáн“ одинъ крестьянинъ мнѣ объяснилъ тѣмъ, что — кирпичъ дѣлается ими „*самими*“ (?).
саманный—сдѣланный изъ самана, относящійся къ саману.
сьвивáлинь, я, *м.*—широкая тесьма для свиванія ребенка (у Даля—*свивальникъ*).
сигáкнуть,—прыгнуть, перескочить.
сигýшки, ак, *ж.* (Pl. t.)—дѣтская игра въ прыганье.
сильчь—(отъ „сирѣчь“) то-есть.
сирьбярина, ы, *ж.*—(у Даля отмѣчено, какъ *ворон.* „*сирбяринникъ*“)—ягоды шиповника, шиповникъ.
склыкá, и, *жен.*—(у Даля *склыки*—споры) споръ, скандалъ, ругань.
скрóсть—сквозь.
скразнóй—сквозной.
скупéньдьря, и, *общ.*—скупой.
сляшшить—украсть, подтибрить.
смирьтéннай—къ смерти относящійся, напр.: „смирьтéнная рубаха“.
старúнскай—старинный.
стáрьчик, а, *м.*—нищій.
стóйкя, и, *ж.*—мѣсто, гдѣ стоятъ лошади пожарнаго обоза въ селѣ.

стóйщик, а, *м.*—стоящій все лѣто (за деньги) на „стойкѣ" съ лошадью.
страшýчій—страшный, сильный, большой, огромный, ужасный.
страшéннай—страшный, большой, огромный.
страдáть—1) пѣть „страданья" (т. е. „частушки" или „ихахóшки"). Изъ частушки:
Давáй, мúлка, *страдáть* вмéсьти:
Ты ф һармóньи, а я ф пéсьни.
2) любить, изнывать отъ любви. Изъ частушки:
Глянь ка Вáнькя на икóну,
Давáй страдáть по закóну.
страдáнья, ій, *ж.* (Pl. t.)—частушка, ихахóшка. Названье частушка это получила, вѣроятно, или отъ часто повторяемыхъ въ ней: „страдать", „страданье", или же отъ того, что въ ней описывается *страданье.*
страхалюдина, и, *ж,*—страшный, пугало.
страмотá, ы, *ж.*—срамъ, стыдъ.
стýкальщик, а. *м.*—ночной сторожъ, ходящій со стукалкою.
стрыгáч, á, *м.*—(у Даля—нѣтъ) жеребенокъ, уже отнятый отъ матери.
стрóчькя—выстроченная, вышитая разноцвѣтными нитками полоска на полевахъ и пр.
сукаратить—сократить, унять, прекратить.
сукарóт, а, *м.*—укрощеніе, унятіе.
сумáк, á, *м.*—пріятель, знакомый.
суманéк,—нькá, *м.*—сумочка, мѣшечекъ.
суéблка, и, *ж.*—неаккуратный, небрежный.

Т.

тарáбарки, ак, *ж.* (Pl. t.)—треножникъ для вѣшанія котла при варкѣ въ полѣ, или люльки.
тарáнка, и, *ж.* (у Даля—*тарань*) сушеная рыба, т. н. Cyprinus rimba.
тарáнтух, а, *м.*- (у Даля—*тарантулъ -а*) ядовитый паукъ, водящійся въ землѣ.
тарáхтир, а, *м.*—характеръ.
*тáшки, ак., *ж.* (Plur. tant.)—вытканныя самими же крестьянскими бабами полоски краснаго цвѣта, пришиваемыя на подолъ, воротникъ, рукава, „налика".
тéкать—кудахтать.

тигулёвка, и, *ж.*—отдѣленіе при сборнѣ, волости для арестованныхъ; иначе называется „халóдная“.

трúнка, и, *ж.* } —трехрублевка.
трёшница, и, *ж.* }

ты́рла, и, *ж.*—1) мѣсто, куда сгоняютъ коровъ предъ угономъ въ стадо, 2) мѣсто отдыха стада.

тягушшóй—затяжной; протяжный (о напѣвѣ пѣсни послѣдн.).

тяпúнка, и, *ж.*—(у Даля—*тяпецъ* и *тяпичка*) короткая часть цѣпа, которою выбиваютъ зерно.

У.

ужастéннай—ужасный, огромный, страшный.

унутрú—внутри.

ýскарбна (нар.)—скудно, убого.

ýсьпидак, тка, *м.*—пинокъ (у Даля—plural. tant.).

ýтришникъ, а, *м.*—молоко утренняго подоя.

ýтулка, и, *ж.*—втулка въ колесѣ.

утнья́ть—отнять.

ухабóка-и } *общ.*—удалой, ухарь.
ухабáка-и }

Х.

хабóлка, и, *ж.*—побѣгушка, лантрыга (о женщинѣ).

хáзина, ы, *ж.*—строеніе (сравн.: итальян. casino; татарск. *каза*—хлѣвъ, сарай; тульск.: хиза, хизина—сарай, пунька—см. Шейнъ „Великорусъ“, т. I, 2 в., стр. 573) — употребляется почти всегда въ ироническомъ смыслѣ.

халявá, и, *ж.* (собир.)—дѣтвора (иронич.; корень отъ: „холить“—нѣжить, заботиться).

хамутáть—сочинять, лгать, плесть.

хьвитúна, ы, *ж.*—смерть, конецъ, погибель (корень не отъ „хитить“ ли?). „Хьвитúна јавó забирú!“

хлáк, á, *м.*—флагъ.

хлыставáть—быть хлыстомъ (изв. секта).

хрýмтать—ѣсть, жвакать, жевать громко (у Даля—*хрумкать*).

Ц.

*цы́бар, а, *м.*—высокій двурогій дубъ съ перекладиной наверху, на которой поднимается и опускается „слега“ съ привязанной „цыбаркой“, опускающейся въ колодезь.

цыбáрка, и, *ж.*—(нѣмецк. Zuber) ведро, бадья.

Ч.

*чальцо́, а́, *ср.*—отборное зерно въ вороху, при вѣяніи.
*чарпа́к, а́, *м.*—мѣшокъ изъ сѣтки на длинномъ шесту для рыбы въ проруби.
чилёнак, а, *м.* (корень отъ: „чиликать“)—воробей; чилята—воробьи.
чилэ́к, а, *м.*—человѣкъ.
*чири́кнуть—рѣзнуть, зарѣзать.
чиркатца—ругаться „чертомъ“.
чирка́ть—ругать „чертомъ“.
*чи́чир, а, *м.*—мелкій дождь.
чьвёрстай—черствый, твердый, сухой.
чьви́кать—брызгать (водою).
чьви́калка, и, *ж.*—брызгалка (игрушка деревенской дѣтворы, устраиваемая изъ ствола дягиля).
*чува́л, а, *м.*—(у Даля въ значеніи камина, очага, „очелья“ съ трубой) большой („осьминный“) мѣшокъ.
чува́лик, а, *м.*—уменьшительное отъ слова „чувалъ“.
чу́катца—шептаться, шушукаться, входить въ интимныя сношенія.

Ш.

шантрапа́, е́, *ж.*—дрянь, сволочь, никуда негодный,-ая (ругательное слово).
шахтёр, а, *м.*—работающій на каменоломняхъ; иногда ругательное слово—отчаянный, отпѣтый человѣкъ.
шарамы́шка, и, *ж.*—(въ именит. пад. рѣдко—въ смыслѣ „даровщина“) „на шарамы́шку“—„на дурни́чку“.
шаршёпка, и, *ж.*—рубанокъ, которымъ впервые стругаютъ дерево (начерно́), имѣющій закругленную пластинку.
ши́нтар-на-вынтар—шиворотъ-на-выворотъ, наизнанку.
*шко́рка, и, *ж.*—скорка, скорлупа съ деревьевъ, плодовъ.
*шлёнка, и, *ж.*—шерстяныя нитки разноцвѣтныя фабричнаго приготовленія.
*шшилакта́ть—(у Даля приведено, какъ *воронежское*—„шалыктать“, что намъ не приходилось, однако, слышать) щекотать.
шшарба́, е́, *ж.*—уха изъ рыбы.
*шушпа́н, а́, *м,*—женская верхняя одежда изъ домашняго сукна; назади нѣтъ сборокъ, а перехватъ; употребляется только талагаями.

Ю.

*юшка—уха, наваръ вообще.
*юнкарь—военный.

Я.

*яруга, и, *ж.*—участокъ лѣса, земли.
ярьчитца—храбриться, форсить.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Абармот, а, *м.*—оборванецъ; сорванецъ (руг.).
азіят, а, *м.*—употребляется въ ругательномъ значеніи, какъ жестовій, дикій. „Ах, ты, азіятъ!“.
азіятчина, ы, *ж.*—жестокость, дикая расправа, тяжелая жизнь. „Ат јетай азіятчины дай Бох избавитца.“
Бадик, а, *м.*—коромысло, палка для ношенія бѣлья на рѣку.
блукать—блуждать; пропадать безъ вѣсти. „Корова блукаја“.
бōба, ы, *ж.*—рубашка (дѣтское).
бурдовай, бардовай —темнокрасный; испорч. слово „бордо“.
Втюхатца, втюрятца —всадиться, попасть въ просакъ; влюбиться.
hарюша, и, *ж.*—страдающая; влюбленная. „Спрашу у салōвьюшка тужить ли *hарюша* аба мнé“... изъ пѣсни.
hарюшнай—жалобный; „hарюшная песьня“—жалобная пѣсня, въ которой невѣста прощается съ родителями.
hорушка, и, *ж.* уменьшительное отъ „гора“ (пѣсени.). „Да за hорушку салнышка закатилася“.
Дыкштош, дыкштожак —Да! Хорошо. „Ты придиш ныня ка мнé?—Дыкштошъ!“
Жолчій—желтый.
Задвохлай, заморух —чуть живой, слабый, заморенный. „Задвохлай цыпленак“.

за'сё прбста—ходячее выраженіе: 1) легко, не трудно и 2) попросту, безъ церемоніи. „Вы бўдьтя за'сё прбста"; „Јета мбжна зьдѣлать за сё прбста".

Калдыбань, и, *ж.*—яма, ухабъ.

Лётушка, и, *ж.*- проталина, обнаженная отъ снѣга полянка.

ликадёнскай | —испорченное слово „декадентскій". Появилось лихадёнскай | недавно въ деревнѣ въ значеніи „модный", такъ какъ оно пошло въ народъ изъ лавки, гдѣ бабы покупали матеріи въ декадентскомъ вкусѣ. „Юпка из ликадёнскава хранцузà", „Ликадёнскай узор".

Мышлявай—хитрый, со смысломъ. „Тапёря люди *мышляваи* стали; ни то, што папирёжа".

маставáя, ой, *ж.* | маставбй, бва, *м.* | —плата за проѣздъ по мосту.

Нажигія, іи, *ж.* — имущество, имѣніе; дворъ. „У Пётьки-ты никакбй нажитіи нётути"...

Пасбпшица, ы, *ж.*—помощница. „Я табё ни пасбпщица".

парусбсинька, и, *ж.*—сосна (пѣсен.). „Ни дуйтя вётры, маи витярбчьки, ни сдувайтя маю парусосинку"...

Расставанія, ія, *ср.*— разстояніе. „Да Каратаяка от нас *расставáнія* вёрст дватцать бўдя"...

рукамеслб, а, *ср.*—ремесло.

Сликатáрь, á, *м.*—испорченное слово „секретарь"—письмоводитель, секретарь.

спабёдьниинькяй—горемычный, горькій. „Малбтка—малбдушка малодинькяя, Галбвушка твая спабёдниинькяя"... (пѣсня).

сляпушшбнак, нка, *м.*—слѣпой, слѣпецъ.

сбтильнай—сотенный. Сбтильнай билётъ, катяринка — сторублевикъ.

стўть, и, *ж.*—холодъ, морозъ, стужа.

стярвбза, и, *ж.*—стерва (ругательное).

салучйтца—случиться (пѣсенное)... „Как въ һбради *салучйлася* бядá"...

Тра̀хнуть—1) ударить сильно, 2) скоро убѣжать.

Убйвста, и, *ср.*—убійство.

увдбвушка, и, *ж.* вдова (пѣсенное)...

Встань-прасьнися, увдбвушка маладá"... „Сакблики... һаласáми увдбвушку разбудили".

ўтирьній—утренній.

утбпильник, а, *м.*—утопленникъ.

Хлўт, да, *м.*—толстая палка съ приспособленіемъ для ношенія ушата.

храмты́ль, я́, *м.*—хромой; калѣка.
Це́льнай—цѣлый. „Це́льнай день малати́ли, аш спина́ бали́ть“.
Чи́ста, нар.—1) какъ, 2) какъ будто. „Абнаси́лси, чиста лантрыһа“... „Наскачи́л, чи́ста кабе́л“... „Што ты к нам ни ходиш? Чи́ста ни радьня́!“
Ша́нутца—рвануться впередъ, назадъ; удирать; броситься.
швы́тка, нар.—быстро, скоро.
штрахо́вка, и, *ж.*—страховка.

Алексѣй Путинцевъ.

1905 г.

Рѣшеніе споровъ о межахъ.

Одною изъ причинъ крестьянскаго неустройства является неопредѣленность и запутанность границъ разныхъ ихъ земельныхъ угодій. Это явленіе съ особенною силою выразилось въ нашемъ Уломскомъ краѣ, обнимающемъ собою 10 волостей Череповецкаго уѣзда. Всѣ крестьяне Уломскаго края—бывшіе помѣщичьи, за исключеніемъ жителей нѣкоторыхъ обществъ Горской волости, которые принадлежали государству. Помѣщики здѣсь, за рѣдкими исключеніями, не жили. Многіе изъ нихъ, по разсказамъ компетентныхъ старыхъ людей, не имѣли и смутнаго представленія о количествѣ своихъ земельныхъ угодій, потому что большая часть ихъ состояла изъ земель малоцѣнныхъ, а иногда и совсѣмъ ничего не стоющихъ: мхи, болота. Земли одного болота часто не были размежеваны отъ земель другого. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили въ большинствѣ случаевъ всю ту землю, которою они владѣли и при помѣщикахъ. Нормальнымъ надѣломъ здѣсь было по $5^1/_2$ дес. на душу. Остальная земля, за исключеніемъ лѣсныхъ дачъ, крестьянамъ досталась или по дарственной, или по купчей крѣпости, иногда за баснословно дешевую цѣну: по 25, по 50 коп. за десятину. Такихъ земель крестьяне много пріобрѣли отъ князя Голицына и помѣщика Секретарева, самыхъ крупныхъ бывшихъ нашихъ помѣщиковъ. Нерѣдко въ купчихъ крѣпостяхъ и дарственныхъ документахъ можно встрѣтить такія выраженія: продается или уступается въ вѣчное потомственное владѣніе крестьянамъ извѣстной деревни такое-то урочище или угодье, въ которомъ считается столько то десятинъ или сколько окажется. А иногда излишекъ противъ предполагаемаго количества оказывался очень внушительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., крестьяне дер. Коротова покупали у помѣщика урочище „Вершину“ за тысячу десятинъ „или сколько въ ней окажется“, а въ томъ урочищѣ оказалось лишка противъ предполагаемаго болѣе тысячи деся-

тинъ, которыми они и стали владѣть. Возлѣ этого урочища есть еще не одна тысяча десятинъ земли—моховое болото,—которая слыветъ подъ именемъ Боговой. Боговой эта земля называется потому, что ей нѣтъ хозяина. Теперь лѣсомъ изъ этого Богова участка пользуются крестьяне нѣсколькихъ деревень. Неопредѣленность и путаницы границъ въ земляхъ бывшихъ владѣльцевъ помѣщиковъ перешли вмѣстѣ съ землей и къ крестьянамъ. Такъ, напримѣръ, къ упомянутому Богову участку въ нѣсколько тысячъ десятинъ подходятъ владѣнія многихъ деревень, находящихся на разстояніи одна отъ другой на 10, 15 и 20 верстъ. Каждая деревня свои межи отодвинула въ Богову дачу и теперь еще переносятъ границы и захватываютъ изъ дачи, кто сколько можетъ. Подобныхъ Боговыхъ участковъ по нашей мѣстности очень много. Такіе участки земли вначалѣ, послѣ освобожденія крестьянъ, мало представляли для нихъ интереса; мужики даже иногда чуждались, отнѣкивались отъ нихъ. Это, во-первыхъ, потому, что у крестьянъ, при очень рѣдкомъ населеніи, было много такихъ и своихъ земель; во-вторыхъ, потому, что налоги на землю иногда превышали ту выгоду, которую крестьяне могли извлекать изъ этихъ земель; въ-третьихъ, подобныя земли большею частью находятся далеко отъ жилищъ, и пользоваться ими очень неудобно. Такъ, напр., крестьяне деревни Коротова свою тысячу десятинъ моховой земли, доставшейся имъ даромъ, благодаря выраженію „или сколько въ ней окажется", охотно отдавали кому угодно въ собственность, лишь бы ихъ это избавило отъ платежа земскаго налога.

Но времена перемѣнились. Теперь населеніе увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. Въ землѣ сталъ ощущаться большой недостатокъ. Лѣса́, которыхъ у крестьянъ было довольно много, перевели на уголь, благодаря кузнечному промыслу. Мужики стали поглядывать и на болота. Тѣмъ болѣе, что, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, они оказались совсѣмъ не такъ безполезными, какъ о нихъ думали. На очень многихъ болотахъ растетъ небольшой сосновый лѣсъ. Правда, этотъ лѣсъ, хотя онъ росъ, можетъ быть, и сотни лѣтъ, невеликъ, но онъ даровой. Дрова и уголь изъ мохового лѣсу вдвое даютъ больше жару, чѣмъ такія же дрова и уголь изъ лѣса, выросшаго на высокомъ песчаномъ мѣстѣ. Кромѣ того, нерѣдко среди необозримаго мохового пространства, поросшаго мелкимъ соснякомъ, встрѣчаются гривки и островки съ настоящимъ лѣсомъ. По опушкамъ такихъ лѣсныхъ островковъ иногда растетъ по-

рядочная трава, что, при недостаткѣ покосовъ, далеко не лишнее для нашего крестьянина. Поняли крестьяне, что настанетъ время—и оно не за горами,—когда и болота будутъ имѣть большое значеніе, такъ какъ и изъ нихъ можно извлекать большую пользу, и стали болота присоединять къ землямъ надѣльнымъ и покупнымъ. Понятно, изъ-за этого возникали ссоры, тяжбы. Судиться по правамъ, но ни у кого никакихъ правъ нѣтъ на спорныя земли. И выходило, какъ въ баснѣ: „кто одолѣетъ, тотъ и правъ".

Я не буду описывать всѣхъ тѣхъ способовъ, какіе практиковались и теперь практикуются при рѣшеніи споровъ о земельныхъ участкахъ крестьянами разныхъ обществъ, а опишу только болѣе характерные изъ нихъ.

У крестьянъ д. д. Грязливецъ и Харламовской Горской волости было спорное поле. Спорнымъ оно сдѣлалось потому, что, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣленіи ихъ землею, не были точно указаны границы между владѣніями упоминаемыхъ двухъ деревень. Одинъ годъ пріѣдутъ пахать поле грязливецкіе мужики, а харламовскіе всей деревней соберутся и прогонятъ ихъ. Сами отправляются на работу всей деревней вмѣстѣ съ топорами и кольями на случай отраженія, если грязливецкіе вздумаютъ сдѣлать нападеніе. Владѣютъ годъ, другой. Бдительность начинаетъ ослабѣвать у харламовскихъ. Тогда грязливецкіе, вооружившись дреколіями, идутъ всѣмъ обществомъ и прогоняютъ харламовскихъ. Пробовали разобраться по правамъ, но никакіе суды не могли дать толку въ этомъ путаномъ земельномъ спорѣ. Крестьянамъ и самимъ надоѣла судебная волокита: тратись, говорили они, только на адвокатовъ да марки, проводи время, а толку все никакого нѣтъ. Крестьяне обѣихъ деревень рѣшили спорный вопросъ полюбовно. Въ одинъ весенній день передъ посѣвомъ собрались они на спорное поле и предложили кому-нибудь пройти по предполагаемой межѣ съ пластомъ дерна на головѣ. При этомъ обычаѣ проходить съ землей на головѣ не всякому позволяютъ. Человѣку, не пользующемуся довѣріемъ и уваженіемъ, или въ комъ предполагаютъ отсутствіе религіознаго чувства, не позволяютъ указывать межу. Долго никто не рѣшался принять на себя роль судьи и опредѣлить границу, которую и на самомъ дѣлѣ никто точно не зналъ. Наконецъ, одинъ грязливецкій мужикъ снялъ шапку, вырѣзалъ кусокъ дерна, положилъ его на голову и, со словами: „пусть покроетъ меня эта земля, если я неправильно буду показы-

вать“,—пошелъ. По словамъ участниковъ, крестьянинъ, возвращаясь съ обхода, едва дышалъ и былъ блѣденъ. Онъ вскорѣ серьезно захворалъ и померъ. Но Грязливецкое общество теперь пользуется этимъ полемъ безспорно. У тѣхъ же харламовскихъ крестьянъ отняли небольшой участокъ покосу крестьяне деревни Озерковъ. Деревня Озерки больше Харламовской и озерковскіе мужики каждый разъ побивали харламовскихъ, когда тѣ являлись на спорный покосъ. Послѣдніе побились, да такъ и отдали въ вѣчное владѣніе покосъ, который считали своимъ. Рѣшить споръ юридическимъ путемъ они тоже не могли, потому что ни у той, ни у другой деревни не было никакихъ данныхъ для этого. Крестьяне деревни Аннино, Уломской волости, и деревни Хмелины, Самосорской волости, рѣшили вопросъ о спорномъ моховомъ болотѣ, на которомъ попадалось много островковъ съ хорошимъ лѣсомъ, единоборствомъ своихъ богатырей. Спорное болото находится между покупными землями крестьянъ д. Аннино и крест. д. Хмелины. Каждая деревня, когда покупала землю отъ помѣщиковъ послѣ воли, не знала опредѣленно границъ покупаемыхъ участковъ. Долго ни та, ни другая деревня не обращали вниманія на это болото. Наконецъ, хмелинскіе крестьяне, вырубивъ лѣсъ на своей землѣ, стали пользоваться лѣсомъ изъ болота, которое дер. Аннино считала своимъ. Аннинскіе крестьяне стали запрещать хмелинскимъ рубить на болотѣ лѣсъ; тѣ и вниманія не обратили на эти протесты. Тогда и аннинскіе поѣхали и стали изводить лѣсъ начисто. Запротестовали хмѣлинскіе,—и возникъ споръ, который рѣшить судомъ не могли. Начались драки и побоища: то аннинскіе побьютъ хмелинскихъ, то хмелинскіе аннинскихъ. Надоѣло это обѣимъ сторонамъ. Наконецъ, крестьяне деревни Аннина шлютъ въ Хмелину вызовъ: выберите изъ своей деревни лучшаго борца и пусть онъ потягается съ нашимъ. Чей борецъ одолѣетъ, тѣхъ будетъ и мохъ. Хмелинскіе приняли вызовъ. Въ назначенный день они собрались на спорномъ болотѣ, и борьба началась. Долго боролись, но ни тотъ, ни другой не могли повалить другъ друга и начали драться. Но дрались только двое; остальные, согласно уговору, участія въ дракѣ не принимали, а только смотрѣли на тяжущихся. Хмелинскій борецъ, наконецъ, повалилъ своего противника и порядочно его поколотилъ. Отъ дальнѣйшихъ побоевъ борца удержали и защитили не свои деревенскіе, а сторона противная: своимъ очень досадно было, что изъ-за него они проиграли спорное болото. Этотъ спо-

собъ рѣшенія спора напоминаетъ времена Владиміра Красное-Солнышко.

Одинъ петербургскій богачъ, по фамиліи Максимовъ, владѣлъ большимъ участкомъ земли и хорошею лѣсною дачею въ Самосорской и Ольховской волостяхъ. Всю землю и лѣсъ Максимовъ пожертвовалъ на устройство женской общины (теперь женскій Леушинскій монастырь). Лѣсъ вырубили на постройки и другія нужды монастыря. Огромная площадь изъ-подъ лѣсу осталась пустою и никакого значенія для монастыря не представляла. Эту пустопорожнюю землю выпросилъ у настоятельницы общины одинъ мѣстный богачъ. Приложивъ капиталъ къ негодной землѣ, онъ сдѣлалъ ее годною: на одномъ мѣстѣ онъ выкорчевалъ пни, прорылъ канавы и устроилъ покосъ, на другомъ пашню, па третьемъ образовался выгонъ для скота. Денегъ, какъ говорятъ сосѣдніе крестьяне, онъ ухлопалъ тутъ много.

Такъ прошло лѣтъ 10. Въ общину, которая уже была переименована въ монастырь, явилась новая настоятельница бой-баба, какъ о ней отзываются новые крестьяне. Она пожелала возвратить монастырю утраченный земельный участокъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже въ это время представлялъ значительную цѣнность. Фактическій владѣлецъ, понятно, не пожелалъ разстаться съ землей. Она предъявила къ нему искъ, а онъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, просилъ окружный судъ признать за нимъ право на вѣчное владѣніе спорнымъ участкомъ на основаніи десятилѣтняго пользованія землею на правахъ собственности. На церковныя и монастырскія земли десятилѣтняя давность не простирается, но дѣло въ томъ, что монастырь самъ владѣлъ землей отъ Максимова, не по нотаріальной дарственной, а по частной. Такъ „игуменья и съѣла грибъ“, какъ выразился одинъ крестьянинъ, бывшій въ качествѣ свидѣтеля на судѣ по этому дѣлу.

В. Антиповъ.

3 янв. 1905 г.

ОТДѢЛЪ II.

Нѣсколько былинъ и духовныхъ стиховъ въ старыхъ записяхъ (к. 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ гг.)[1]

ПѢСНЯ

про князя Владиміра Кіевскаго.

Было, братцы, во городѣ Кіевѣ
У князя Владиміра,
У солнышка, у Числаева (Лучиславьева)
Пированье, столованье почетное,
Хвально и радостно.
Они пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются,
За собой погибели не знаютъ и не вѣдаютъ,
Что надъ Кіевомъ градомъ за погибель,
Инъ подступила сила жидовская и бусурманская
И подступилъ собака Батый Камановичъ
Со сыномъ со Артусомъ и со зятемъ со Гончугомъ.
Онъ и пишетъ князю Кіевскому: „дай мнѣ поединку,
А не дашь, то я въ Кіевъ-городъ войду
И честны монастыри пожгу,
А чернь порублю,
А тебя князя въ полонъ возьму,
Опраксу Королевишну дамъ на срамъ и поруганье“.
Тогда князь Кіевскій созывалъ князей и бояръ,
Чиновныхъ людей и сильныхъ могучихъ богатырей.
Тогда они въ полсыта наѣдалися
И между себя похвалялися.
Тогда князь Кіевскій былъ въ своей комнатѣ.
И выходитъ онъ, становится средь горницы
И говоритъ рѣчи: „Ой, еси вы, князья-бояре
И честные люди, и могучіе. богатыри!

---

[1]) Въ архивѣ Отдѣленія Этнографіи хранится нѣсколько старыхъ записей былинъ и духовныхъ стиховъ, еще не напечатанныхъ въ изданіяхъ И. Р. Геогр. О-ва Редакція Живой Старины намѣрена по возможности использовать въ этомъ отношеніи Архивъ Отдѣленія.

Какъ бы кто изъ васъ вышелъ противъ собаки
Батыя Камановича?“ Тогда никто не отвѣчаетъ,
Старый прячется за малаго,
А малый за стараго.
Только средь торгу, ярмарки
На государевомъ кружалѣ
Валяется пьянъ Василій Игнатьевичъ, валяется—
Онъ такими рѣчами похваляется:
„Я де бы послужилъ царю Кіевскому вѣрою и правдою!“
Тогда царь Кіевскій посылалъ посла.
Приходитъ къ нему посолъ
И говоритъ: „пьянъ Василій Игнатьевичъ!
Царь бажаетъ тебя предъ себя“.
И отвѣчалъ онъ послу:
„Что глупъ царь и неразуменъ:
Я нагъ и босъ, какъ могу предъ царя итти?“
Тогда приходитъ посолъ,
Спрашиваетъ его царь:
„Что, не привелъ пьяна Василія Игнатьевича?“
Тогда отвѣчалъ ему посолъ:
Что, Ваше Величество, онъ васъ изругалъ,
Что глупъ царь и неразуменъ:
Я нагъ и босъ, какъ могу предъ царя итти!“
Тогда царь Кіевскій
Не посла посылалъ,
Но самъ побѣжалъ,
Скидалъ съ себя шубу соболиную
И шапочку миткалинную,
И сапожки сафьянные,
И штанишки кумашные со напусками,
И надѣвалъ на пьяна Василья Игнатьевича,
И взялъ его за бѣлы руки,
И повелъ его въ свои палаты бѣлокаменны,
И внесъ ему полведра пива пьянаго,
Полведра меду сладкаго
Да полведра зеленого вина.
Добрый молодецъ стростилъ въ одно мѣсто
И выпилъ за единый духъ.
Тогда сталъ поговаривать:
„Ой, еси ты, князь Кіевскій,
Внеси-ка ты мнѣ три стрѣлочки нестрѣлянныхъ
И тугой улукъ нетянутый!“

Тогда взялъ добрый молодецъ
И пошелъ на высоку стремь:
Изъ первой-то стрѣлочки стрѣлилъ,
Да не дострѣлилъ.
А изъ другой-то стрѣлилъ,
Да перестрѣлилъ,
А изъ третьей-то стрѣлилъ,
Да убилъ зятя Гончуга—
Тогда сквозь его стрѣла та прошла,
Да въ камень такъ по уши ушла.
Тогда собака Батый Камановичъ
Со всей своей силой выдергивалъ,
Да не выдернулъ.
И пишетъ грозно царю Кіевскому:
„Ой, еси, князь Кіевскій!
Выдай мнѣ виноватаго,
А не выдашь, такъ я въ Кіевъ градъ взойду
И честны монастыри пожгу,
А чернь порублю,
А тебя князя въ полонъ возьму,
Опраксу Королевишну дамъ на срамъ, на поруганье".
Тогда князь Кіевскій созывалъ всѣхъ князей и бояръ,
И могучихъ богатырей.
И говорилъ царь Кіевскій:
„Что намъ за пьяна Василія Игнатьевича
Стоять, или выдать его?"
Тогда князья, бояре отвѣчали:
„Что намъ за него стоять,
Онъ его только что собаку раздразнилъ!"
Тогда услышалъ пьянъ Василій Игнатьевичъ
И пошелъ самъ въ чистое поле,
Тогда встрѣчалъ его
Собака Батый Камановичъ и говорилъ:
„Ты-ль виноватый?"
Онъ ему сказалъ: „я".
И повелъ онъ его къ стрѣлѣ
И говорилъ: „твоя-ль стрѣла?"
Онъ сказалъ: „моя".
„Нутка выдернешь ли ее?"
Онъ взялъ межъ перстиковъ и выдернулъ.
Тогда собака Батый Камановичъ просилъ его:
„Добрый молодецъ! послужи мнѣ вѣрою и правдою,

Какъ служилъ князю Кіевскому!“
Тогда добрый молодецъ сказалъ:
„Пожалуй, только сдѣлаемъ уговоръ:
Я тебя введу въ Кіевъ градъ на три часа,
Бей князей, бояръ, а до черни дѣла нѣтъ,
А на княжескій дворъ и не гляди“.
Тогда подошелъ добрый молодецъ
Къ каменной стѣнѣ и пехнулъ правымъ чоботомъ,
И повалила сила жидовская и бусурманская
Въ Кіевъ градъ.
Тогда добрый молодецъ сталъ у княжескаго двора;
Кто сунется во дворъ, онъ ему голову прочь.
Тогда три часа проходитъ —
Собака Батый Камановичъ изъ города не выходитъ.
Тогда добрый молодецъ сѣлъ на добра коня
И началъ по улицамъ ѣздить
И басурманску силу бить.
Какъ гдѣ онъ ѣдетъ, такъ ровно улицу дѣлаетъ,
А поворотится, такъ площадь.
Тогда собака Батый Камановичъ видитъ,
Что его силу побиваетъ,
И вышелъ изъ Кіева града,
И вынесъ имѣнія видимо и невидимо,
И дѣлитъ на три груды:
Себѣ груду да сыну груду,
Да зятю мертвому груду.
Тогда говорилъ ему сынъ:
„Кому, батюшка, третья груда?“
Онъ говоритъ, что зятю.
„Да на что мертвому-то?
Лучше бы тому, кто насъ въ Кіевъ ввелъ“.
Онъ ему говорилъ: „э, дуракъ!
Какъ-бы я того человѣка увидѣлъ,
Я бы его мяса наѣлся“.
Тогда онъ, пьянъ, лежалъ подъ повозкой
И услышалъ эти рѣчи,
И взялъ изъ-подъ повозки-то ось,
И взялъ ихъ остальныхъ всѣхъ перебилъ,
И досталось ему все ихъ имѣнье.

Записалъ св(ященникъ) М. Малининъ въ с. Папинѣ Нижегор. губ., Горбатовскаго уѣзда.

БЫЛИНА
о битвѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

(Записана въ Землянскомъ уѣздѣ Воронежской губ.)

Какъ то было за Днѣпромъ рѣкой:
Стояли заставы немалыя,
Заставушки немалыя—великія.
Былъ на за́ставахъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Былъ Алеша Поповичъ,
Еще были два брата родимые
Лука да Матвѣй, дѣти боярскіе.
Утромъ то было ранны́мъ рано,
На зарѣ то было на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
На свои балконы широкіе;
Онъ смотрѣлъ во чисто поле,
На всѣ четыре стороны;
Ничего нѣтъ въ полѣ хорошаго,
Ни худаго, ни добраго,
Все въ полѣ по старому,
Подъ востокомъ лишь морочить [1]) стало.
Спускается старой Илья Муромецъ ко быстру Днѣпру,
Изъ быстра Днѣпра умывается,
Шитой ширинкой утирается,
Самъ смотритъ во чисто поле,
Видитъ: ѣдетъ богатырь, торопится
Ко старо́му козаку Ильѣ Муромцу.
Ѣхалъ то Добрыня Никитичъ младъ.
Подъѣзжаетъ онъ къ Ильѣ Муромцу,
Говоритъ ему таковыя слова:
„Ой ты, гой еси, старо́й Илья Муромецъ,
Проѣхалъ богатырь мимо меня,
Мимо меня, мимо моей заставы,
Подъ нимъ до́брый конь, что лютый звѣрь,
Самъ богатырь на конѣ храбро́ сидитъ,
На право́мъ плечѣ тяжка палица,
На лѣвомъ плечѣ сидитъ бѣлъ кречетъ,
По стременью бѣгутъ сѣры выжлыки."
Говоритъ Добрынѣ Илья Муромецъ:

---

[1]) Мрачить, меркнуть, темнѣть.

„Поѣзжай ты, Добрыня, за богатыремъ,
Не бери съ собой тяжкой палицы,
Не бери съ собой сабли вострыя,
Сабли вострыя, копья мурзамецкаго.
Спроси ты богатыря про дѣдину,
Про дѣдину, про отчину,
Коего города, какой земли!“
Ѣдетъ Добрыня Никитичъ за богатыремъ,
Наѣзжаетъ Добрыня на богатыря,
Сталъ кричать ему зычнымъ голосомъ,
Говорить ему языкомъ русскіимъ:
„Гой ты еси, добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь,
Ты скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
Коего города, какой земли?“
Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь:
„Отлейся ты, какъ вода вешняя,
Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
Отлети, ворона перелетная,
Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
Не хочу съ тобой слова говорить“.
Отворачивалъ Добрыня своего коня,
Ѣхалъ къ старому Ильѣ Муромцу,
Говорилъ ему Добрыня таковы слова:
„Богъ тебя суди, старой казакъ,
Богъ тебя суди, Илья Муромецъ,
Не велѣлъ ты мнѣ брать тяжку палицу,
Сабли вострыя, копья мурзамецкаго.
Обзывалъ меня богатырь:
Отлейся ты, какъ вода вешняя,
Отъѣзжай, мужикъ, деревенщина,
Отлетай, ворона перелетная,
Не хочу я съ тобой рѣчей вести,
Не хочу я съ тобой слова говорить“.
За бѣду стало старому Ильѣ Муромцу,
За великую досаду показалося,
Его сердце разгоралося,
Его кровь раскипалася,
Говорилъ Добрынѣ Илья Муромецъ:
„Ой ты, гой еси, Добрыня Никитичъ младъ,
Я поѣду за богатыремъ,
Ты же поѣзжай въ стольный Кіевъ градъ,
На улочку на съѣзжую,
На площадку на схожую;
Ни къ чему ты коня не привязывай,
Никому ты его не приказывай,
Самъ ступай во Божій храмъ
Ко свѣтлой Христовой заутрени,
Ставь свѣчи мѣстныя
Іисусу Христу, Божьей Матери,

Третью свѣчу Михаилу Архангелу,
Стой, молися Богу милостивому,
Клади поклоны до сырой земли,
Проси у Бога милости.
Когда свѣчи станутъ обливатися,
По ту пору стану я воеватися".
Скрутно [1]) они тутъ сряжалися,
На добрыхъ коней садилися,
Другъ съ дружкой распростилися:
Добрыня поѣхалъ въ стольный Кіевъ градъ,
Илья Муромецъ въ чисто поле.
Не стукъ стучитъ во чистомъ полѣ,
Не громъ гремитъ во раздольицѣ:
Ѣдетъ старой Илья Муромецъ, торопится,
Его вѣрный конь разсержается,
По чисту полю разстилается,
Мелкіе лѣса промежду ногъ бросалъ,
Мелки рѣчки, ручьи пескомъ засыпалъ.
Услыхалъ тутъ добрый молодецъ,
Сильный, могучій богатырь,
Топоту конинаго, голосу богатырскаго—
Подъ нимъ добрый конь сталъ спотыкатися.
„Что ты, конь мой, спотыкаешься?
Аль неслыхивалъ топоту конинаго?
Аль неслыхивалъ голосу богатырскаго?"
Спускалъ добрый молодецъ
Съ лѣва плеча бѣла кречета:
„Полети, бѣлъ кречетъ, во чисто поле,
Побѣгите, сѣры выжлыки, во темны лѣса,
Мнѣ теперь не до васъ пришло..."
Наѣзжалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Съѣзжалисъ они во чистомъ полѣ,
Стали битися—рубитися.
Долго билися богатыри,
Тяжки палицы поломалися,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ другой разъ,
Долго билися-рубилися,
Сабли вострыя призабилися,
А другъ дружку не поранили.
Съѣзжались они въ третій разъ,
Скочили съ добрыхъ коней
И схватилися въ рукопашную.
У богатыря была уловка недобрая:
Онъ бралъ Илью Муромца на косой носокъ,
Бросалъ его на сырую землю,
Разстегалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище-булатный ножъ
И хотѣлъ вспороть его бѣлу грудь,

[1]) Поспѣшно.

Какъ въ локтѣ рука застоялася.
Онъ заноситъ её во другой разъ,
Но въ локтѣ рука застоялася.
Онъ заноситъ её во третій разъ,
Но рука опять застоялася.
Говоритъ тутъ добрый молодецъ:
„Что жъ это за диковина:
Не могу я вспороть груди бѣлыя.
Аль ты въ родствѣ, али во племени?
Скажи мнѣ про дѣдину, про отчину,
Коего города, какой земли?“
Взговорилъ старо́й Илья Муромецъ:
„Охъ ты, Боже мой милостивый,
Іисусъ Христосъ, Матерь Божія!
Я стоялъ всегда за вѣру православную,
Православную Русь, христіанскую,
Былъ я на семи бояхъ,
На семи бояхъ, на семидесяти,
Все мнѣ старому удавалося.
А нынѣ Господь Богъ прогнѣвался:
Сидитъ богатырь на моей груди
И не можетъ вспороть груди бѣлыя.
Когда бъ я былъ на его грудяхъ,
Не спросилъ бы про дѣдину и отчину“.
Спускались съ неба два ангела,
Шептали Ильѣ Муромцу во правое ухо:
„Встрепенись, встрепенись, старой Илья Муромецъ,
Какъ трепещется на синемъ морѣ сизой орелъ“.
Встрепенулся старой Илья Муромецъ,
Какъ трепещется на синемъ морѣ сизой орелъ,
Онъ сбрасывалъ богатыря съ бѣлой груди,
Улета́лъ богатырь выше дерева стоячаго.
Взбѣгалъ на богатыря старой Илья Муромецъ,
Не разстегивалъ его груди бѣлыя,
Выдергивалъ чингалище—булатный ножъ,
Хватилъ богатыря во бѣлу грудь,
Но сгибался булатный ножъ до черена.
Удивлялся тутъ: что жъ это за диковина?
Разстегалъ у богатыря грудь бѣлую,
Увидалъ на немъ крестъ серебряный,
Сталъ спрашивать про дѣдину, про отчину:
„Ты скажи мнѣ, удалой молодецъ,
Коего города, какой земли,
Какого отца и матери?“
„Матери польки я, отца Ильи Муромца“.
Бралъ старой богатыря за бѣлы руки,
Становилъ его на ноги рѣзвыя,
Цѣловалъ въ уста саха́рныя.
„Ужъ ты здравствуй, дитя мое милое,
Я отецъ твой Илья Муромецъ“.
Садились они тутъ на добрыхъ коней,

Ѣхали въ стольный Кіевъ градъ
Ко Солнышку, ко Владиміру.
Встрѣчалъ ихъ Солнышко Владиміръ-князь
Съ честію, радостію,
Выкатилъ Солнце бочку вина сорокъ ведръ,
Наливалъ чашу въ полтора ведра,
Подносилъ ее къ Ильѣ Муромцу.
Были всѣ тутъ веселы, радостны
Богатыри храбрые, поляница[1]) удалая,—
Гуляли они, потѣшалися
Не много, не мало—два мѣсяца.

(Изъ бумагъ покойнаго А. И. Селиванова † 1865, библіотекаря Воронежской публичной библіотеки, члена Воронежскаго статистическаго комитета и сотрудника московскаго Археологическаго Общества. См. о немъ „Воронежскій Листокъ", 1865, № 85 (некрологъ) и „Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" I. Состав. Н. В. Воскресенскій. Воронежъ 1888—1890, стр. XI и XXVIII, гдѣ указаны нѣкоторые изъ его трудовъ, посвященныхъ исторіи, археологіи и этнографіи Воронежской губерніи).

В. Жуковскій.

„Жаль, что не помѣчено, отъ кого эта былина слышана и записана, въ ней будто есть кое-гдѣ что то дѣланное". *Ред.*

---

[1]) Воины, сражающіеся въ полѣ.

СТАРЫЕ РУССКІЕ СТИХИ [1]).

Пѣсни стихарей

Къ числу драгоцѣнныхъ памятниковъ старой русской народной поэзіи принадлежатъ пѣсни слѣпцовъ, встрѣчающіяся въ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій и сохраняющіяся еще въ памяти народа. До сихъ поръ, несмотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, эти пѣсни или стихи, какъ ихъ обыкновенно называютъ слѣпые стихари, переходятъ изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію; они извѣстны по всей Россіи и поются нищею братіею во время храмовыхъ праздниковъ въ монастыряхъ, по селамъ и деревнямъ. Нельзя однако не замѣтить, что въ послѣдніе годы число стихарей уже значительно уменьшились и со временемъ совершенно исчезнетъ; самыя эти произведенія народнаго духа перерождаются и уступаютъ мѣсто виршамъ позднѣйшаго изобрѣтенія, отличающимся безсмыслицей [2]). Поэтому уже давно пришла пора обратить вниманіе на собираніе этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ старины; оно уже, правда, начато покойнымъ Кирѣевскимъ; но далеко еще не исчерпано, потому что, хотя циклъ этой поэзіи, если можно такъ выразиться, и не отличается богатствомъ содержанія, зато съ другой стороны представляетъ обиліе и богатство формъ языка. Одна и та же пѣснь или стихъ, напр. стихъ

---

[1]) Въ архивѣ Отдѣл. Этнографіи имѣется между неизданными въ трудахъ Общества нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ матеріаловъ. Предлагаемые духовные стихи записаны покойнымъ учителемъ Новгородской гимназіи И. Отто. Превосходныя его записи были извѣстны покойному И. И. Срезневскому, но, сколько мнѣ извѣстно, не были имъ вполнѣ использованы въ приложеніяхъ къ Изв. II Отд. И. Ак. Н., а въ изданіяхъ И. Р. Г. Общ., куда были доставлены авторомъ, г. Отто, еще въ началѣ 1850-хъ гг., когда извинительно было назвать собирателю эти стихотворенія *„древними“*, „памятниками *древней* русской народной поэзіи“. Конечно, теперь, когда уже принято, и вполнѣ правильно, *древній* періодъ русскаго языка и словесности, русской исторіи доводить до конца XIV в., и вмѣсто *древнихъ* стихотвореній слѣдуетъ называть ихъ старыми или старинными.

Ред.

[2]) Для образца можно привести здѣсь извѣстный стихъ „За здравіе“ который обыкновенно поютъ витебскіе и псковскіе нищіе, извѣстные въ народѣ подъ именемъ поляковъ:

А мы нищая братія,
Мы убогіе люди;
Мы должны Бога молить,
Христа милости просить
За Миколаево здоровье,
За его долю, за счастье,
Спаси его, помилуй,
Самъ Христосъ, Царь Небесный,
Мать Пречистая Царица,
Богородица Мать Божья,
Воскресеніе Христово,
Вознесеніе Святое,
Живоначальная Троица
И со духами святыми
Нареченная Пятница и т. д.

о Голубиной книгѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ Человѣкѣ и т. д., представляетъ, смотря по мѣстности, особые оттѣнки и колоритъ, вліяніе извѣстнаго нарѣчія и проч.; одинъ и тотъ же стихъ поется разными стихарями различно: онъ у одного короче, у другого подробнѣе,—что составляетъ и составляло всегда особенность и отличительную черту народной поэзіи. Эти древнія пѣсни, сохраняемыя въ памяти народной, слѣдуетъ изучать въ живомъ родникѣ, изъ устъ народа: онѣ могутъ представить много данныхъ для изслѣдованій ученыхъ, могутъ внести новые факты въ область отечественной филологіи. Высокаго и важнаго интереса заслуживаетъ исторія этого рода поэзіи; но для разъясненія ея необходимо глубокое изученіе: нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ носятъ печать отдаленной старины, другія же распространились у насъ позже, заимствованы изъ польскихъ губерній и не утратили въ устахъ народа признаковъ и колорита своего происхожденія. Весьма важно было бы показать, какъ проникли онѣ къ намъ и въ какой степени измѣнились подъ вліяніемъ народности. Это вліяніе болѣе или менѣе замѣтно въ каждой пѣснѣ, но, по нашему мнѣнію, особенно должны быть важны тѣ изъ нихъ, въ которыхъ народной элементъ преобладаетъ, которыя сложились въ устахъ народа и запечатлѣны и дышатъ истинною красотою и прелестью поэзіи.

Вообще говоря, характеръ этого рода поэзіи отличается мрачностью, аскетическимъ духомъ, проникнутъ глубокою грустью, которая вѣетъ въ каждомъ стихѣ. Стоитъ только внимательно прислушаться къ пѣснямъ слѣпой нищей братіи, жалобно и тоскливо поющей гдѣ-нибудь у святыхъ воротъ монастырскихъ или у какой нибудь старой деревенской часовни, осѣненной столѣтними елями или березами—и напѣвъ, и содержаніе пѣсенъ, главною и любимою темою которыхъ бываетъ страшный судъ и муки грѣшниковъ, произведутъ на васъ какое-то особенно грустное впечатлѣніе. Эти пѣсни можно сравнить съ произведеніями древней живописи, представляющими адъ со всѣми аттрибутами,—съ произведеніями, въ которыхъ видите болѣе мрачныхъ тѣней, чѣмъ свѣта.

Предлагаемыя пѣсни составляютъ часть коллекціи, собранной нами въ разныхъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи и записанной со словъ слѣпыхъ. Мы не имѣли возможности повѣрить и сличить ихъ съ пѣснями того же содержанія у Кирѣевскаго, думаемъ, однако, что онѣ во многомъ отличаются и имѣютъ особыя отмѣты. Одинъ изъ стиховъ „Объ Алексафіи“ былъ уже напечатанъ въ IV-омъ томѣ Извѣстій Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Про змѣю въ Рахлейскомъ царствѣ“, читатели могутъ сравнить оба варіанта. Стихъ „Про удачу добраго молодца“, представленный нами въ двухъ спискахъ, пользуется особенною популярностью, онъ составляетъ отрывокъ изъ недавно найденнаго произведенія народнаго „О Горѣ-злосчастіи“. Предлагаемыя стихотворенія мы старались по возможности записывать съ соблюденіемъ мѣстнаго говора.

Н. Отто.

Голубиная книга.

(по двумъ варіантамъ).

Изъ-подъ той страны изъ-подъ восточныя
Выставала туча темна, грозная;
Да изъ той изъ тучи грозной, темныя
Выпадала книга голубиная.
На славную она выпала на Ѳаворъ-гору,
Ко чуду кресту къ животворящему,
Ко тому ко камню, во бѣлатырю,
Ко честной главы ко адамовой.
Ко этой книги голубиныя
Собирались къ ней, соѣзжалися
Сорокъ царевъ, все царевичи,
И премного князей, много князевичей;
Изъ нихъ было пять царевъ набольшихъ:
Былъ Исай царь, другой царь Костянтинъ,
Былъ Василей царь, сынъ Акульевичъ,
Волотоманъ царь былъ Волотомановичъ,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ.
Возговоритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:—
„Государи! братцы, сорокъ царей,
„Хто изъ насъ, братцы, гораздъ по памяти,
„Хто прочелъ бы намъ книгу голубиную:
„Какъ бы узнать намъ во книгѣ что написано,
„Въ голубиной напечатано?"
Тогда всѣ цари тутъ пріумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,

Какъ съ-подъ той страны съ-подъ восточныа
Уставала туча темна, грозная;
Изъ-подъ тоя тучи темной, грозныя
Выпадала книга голубиная
И на славную на Хаворъ-гору,
Ко чудному кресту животворящему,
Ко тому ко камню, ко бѣлатырю,
Ко честной главы ко адамовой.
Какъ къ этой книгѣ голубиныя
Собиралися князи, соѣзжалися,
Сорокъ царей, сорокъ царевичей,
Премного князей, много княжевичей;
Ино пять царей всѣхъ набольшіе:
Былъ и царь Іисай, другой Костянтинъ,
Былъ Василей царь Сенакурьевичъ,
Былъ Волотоманъ царь Волотомановичъ,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ.
Взговорилъ царь Волотоманъ Волотомановичъ:—
„Ино кто жъ бы съ насъ, братцы, по памятч,
„Кто прочелъ бы намъ, братцы, про бѣлый свѣтъ,
„Чтобы знать во книгѣ что написано,
„(Въ) голубиной книгѣ напечатано".
Оны всѣ цари тутъ пріумолкнулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:
„Государи! братцы, сорокъ царей,
„Я вамъ такъ скажу, братцы,
по памяти!
„По памяти, какъ по грамоты,
„Про этую книгу голубиную.
„Великая книга голубиная!
„Вдолину книга сорока локотъ,
„Поперегъ книга тридцати локотъ,
„Въ толщину книга десяти локотъ.
„Не узнать намъ во книгѣ что̀
написано;
„На рукахъ держать намъ книгу,
не удержать будéтъ;
„Умомъ намъ сей книги не сосмѣтити
„И очамъ намъ книгу не обозрити.
„Великая книга голубиная!
„Писалъ этую книгу святъ Исай
пророкъ,
„Читалъ этую книгу Иванъ Богословъ.
„Онъ читалъ эту книгу ровно
три года,
„Прочиталъ во книгѣ только три
листа."
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь,
премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ.
„Хорошо сказалъ, государь, намъ
по памяти.
„Ты еще. государь нашъ, намъ
про то скажи:
„Отчего начался у насъ бѣлый
свѣтъ,
„Отчего у насъ солнце красное,
„Отчего у насъ младъ свѣтелъ
мѣсяцъ,
„Отчего у насъ звѣзды частыя,
„Отчего у насъ зори свѣтлыя?"
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:

„Государи, и вы, братцы, сорокъ
царей,
„Не узнать вамъ, братцы, что̀
написано,
„(Въ) голубиной книгѣ напечатано.
„Я вамъ такъ скажу, братцы, по
памяти:
„Великая книга голубиная!
„Намъ читать, всей книги не
прочесть будéтъ;
„На рукахъ держать, не судержать будéтъ,
„Намъ очамъ всей книги не
обозрити,
„Намъ умомъ всей книги не
восмѣтити.
„Великая книга голубиная!
„Какъ удоль есть книга сорока
локовъ, (sic)
„Поперегъ есть книги тридцати
локовъ,
„Толщиною есть книги десяти
локовъ.
„Писалъ эту книгу свѣтъ-Исай
пророкъ,
„Читалъ эту книгу Иванъ Богословъ.
„Онъ читалъ іо̀ну ровно три
года,
„Прочиталъ въ книгѣ только
три листа.
„Великая книга голубиная!"
Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ, нашъ
премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ
Авсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по
памяти
„Намъ про эту книгу голубиную;
„А яще ты, сударь, намъ про то
скажи:
„Отчего начался у насъ бѣлый
свѣтъ,
„Отчего ли у насъ солнце красное,
„Отчего ли у насъ младъ свѣтелъ
мѣсяцъ,
„Отчего ли у насъ звѣзды частыя
„Отчего у насъ зори свѣтлыя,
„Зори утренніи, зори вечерніи?"

„Начинался бѣлъ свѣтъ отъ свята Духа,
„Отъ Святаго Духа, самого Христа,
„Самого Христа, Царя Небёснаго.
„Солнце красное—отъ лица Божьй,
„Младъ свѣтелъ мѣсяцъ—отъ грудей Божьйхъ,
„Звѣзды частыя—оны отъ ризъ Божьйхъ,
„Зори свѣтлыя—отъ очей Божьйхъ,
„Самого Христа, Царя Небёснаго."
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, намъ по памяти
„Про этую книгу голубиную.
„Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
„Отчего цари зачадилися
„И отчего князья со боярами,
„Отчего крестьяны православные"?
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Зачадились цари со царицами
„Отъ честной главы отъ адамовой;
„Зачадились князья со боярами
„Отъ честныхъ мощей отъ адамовыхъ;
„Завелось крестьянство православное
„Отъ того колѣна отъ адамова".
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
„Про этую книгу голубиную.
„Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
„Который у насъ городъ городами (sic) мать

Оны вси цари тутъ пріумолкнулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:
„Государи и вы, братцы, сорокъ царей,
„У насъ начался бѣлый свѣтъ отъ Свята Духа,
„Отъ Святаго Духа, отъ самого Христа,
„Отъ самого Христа Царя Небёснаго,
„Младъ свѣтелъ мѣсяцъ—отъ груди Божѣй,
„Солнце красное—отъ лица Божьй,
„Звѣзды частыя—отъ ризй Божѣй,
„Зори свѣтлыя—отъ очей Божйхъ,
„Самого Христа, Царя Небёснаго."
Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
„Отчего цари у насъ зачадилися,
„Отчего князье у насъ со боярами,
„Отчего крестьянство православное?"
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:
„Государи и вы, братцы, сорокъ царей,
„Зачадились цари со царицами
„Отъ частной главы отъ адамовой;
„Въ насъ пошло князье со боярами
„Отъ тыихъ отъ мощей отъ адамовыхъ;
„Въ насъ пошло крестьянство православное
„Отъ того колѣна отъ адамова".
Ему вси цари тутъ поклонилися:

„И которая церква надъ церквями мать,
„И который царь всѣмъ царями царь“?
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь:
„Іерусáлимъ городъ — городамъ мать!
„Почему Іерусáлимъ городъ городамъ мать?
„А стоитъ Іерусалимъ городъ посреди земли,
„Посреди земли — во ней пупъ земной.
„Во начальномъ градѣ, во Іерусáлимѣ —
„Тутъ состроена церковь соборная,
„Во этой церквы во соборныя,
„Въ ней содержится гробница Господняя:
„Она на воздусяхъ, сама на вознесяхъ.
„Тутъ темьянъ и ладонъ рядомъ курятся,
„Свѣча теплится неугасимая—
„Потому Іерусáлимъ городъ городамъ мать,
„Потому этая церква надъ церквямъ мать,
„А нашъ бѣлый царь всѣмъ царями царь.“
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
„Про этую книгу голубиную.
„Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
„Которая у насъ земля всѣмъ землями (sic) мать
„И которая гора всѣмъ горамъ мать,
„И которое древо всѣмъ древамъ мать?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
„Который у насъ городъ городамъ отецъ,
„Которая церква всимъ церквамъ отецъ,
„Который у насъ царь всимъ царями царь?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:
„Государи, и вы, братцы, сорокъ царей,
„Іерусáлимъ у насъ городъ городамъ отецъ.
„Почему Іерусáлимъ городъ городамъ отецъ?
„А стоитъ Іерусáлимъ посреди земли,
„Посреди земли, середь свѣту бѣлаго,
„Подъ имъ держится, подъ имъ пупъ земной—
„Потому Іерусáлимъ городамъ отецъ.
„Во славномъ градѣ Іерусáлимѣ,
„Тамъ сотвóрена церква соборная;
„Какъ да въ той во церкви во соборныя,
„Тамъ содержится гробница Господняя,
„Самого Христа, Царя Небёснаго,
„И на воздусяхъ и на легостяхъ,
„Тамъ темьянъ и ладонъ рядомъ курятся,
„Свѣча топится тамъ неугасимая—
„Потому тая церква всимъ церквамъ отецъ.
„А нашъ бѣлый царь всимъ царями царь.

Нашъ премудрый царь Давидъ
Евсѣевичъ:
„Государи, братцы, сорокъ царей!
„Свята Русь-земля всѣмъ землямъ (sic) мать.
„Почему свята Русь-земля всѣмъ землямъ мать?
„Изукрашена свята Русь-земля Божьимъ церквямъ,
„На ней строются церкви соборныя—
„Потому она всѣмъ землями мать.
„А Ѳаворъ-гора всѣмъ горамъ мать.
„Почему-жъ Ѳаворъ-гора надъ горами мать?
„На славной было на Ѳаворъ-горы
„Преобразился на горы самъ Іисусъ Христосъ
„Со двумъ-на-десятями со апостоламъ—
„Потому Ѳаворъ гора надъ горами мать.
„Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать.
„Почему-жъ кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать?
„Изъ того изъ древа кипариснаго,
„Изъ него былъ вырѣзанъ пречудный крестъ;
„На томъ крестѣ животворящіимъ,
„На немъ былъ роспятъ Самъ Іисусъ Христосъ—
„Потому кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мать."
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, государь нашъ, намъ по памяти
„Про этую книгу голубиную.
„Ты еще, государь нашъ, намъ про то скажи:
„Которое у насъ море надъ морями мать.
„И которое озеро озерамъ мать,
„Почему нашъ бѣлый царь всимъ царями царь?
„Какъ у нашего царя бѣлаго,
„Въ его царстви вѣра благувѣрная,
„Благувѣрная, благучестивая;
„Высокая его рука царьская
„По всей земли, всей подселенныя—
„Потому нашъ бѣлый царь всимъ царями царь."
Оны вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
„Которая земля у насъ всимъ землямъ отецъ,
„Которая у насъ гора всимъ горамъ отецъ,
„Которое у насъ древо всимъ древамъ отецъ?"
Они вси цари тутъ пріумолкнулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:
„Государи и вы, братцы, сорокъ царей,
„Свѣтла Русь-земля всимъ землямъ отецъ.
„Почему свѣтла Русь-земля землямъ отецъ?
„Сокрашена земля Божьимъ церквямъ,
„По ней строятся церкви соборныя,
„По усей земли, всей подселенныя—
„Потому свѣтла Русь-земля всѣмъ землямъ отецъ.
„А Хаворъ есть гора всимъ горамъ отецъ.
„Почему Хаворъ-гора всимъ горамъ отецъ?
„А на славной было на Хаворъ-горы,

„И которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мать?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„У насъ Кіянь-море всѣмъ морямъ мать.
„Почему Кіянь-море надъ морямъ мать?
„Обошло Кіянь - море вокругъ земли,
„Вокругъ земли, всей подселенныя—
„Потому Кіянь-море надъ морямъ мать.
„А Ильмень озеро надъ озера́мъ мать.
„Да не тотъ Ильмень, кой надъ Новы́мъ-Градо́мъ,
„И не тотъ Ильмень, кой во большой Орды,
„А есть тотъ Ильмень, кой въ Турецко́й земли.
„Изъ того Ильменя, изъ озера
„Протекаетъ матушка Іордань-рѣка—
„Потому Ильмень озеро озерамъ мать.
„А Іордань-рѣка надъ рѣкамъ мать.
„Во славной матушки, во Іордань-рѣки
„Окрестился въ ней самъ Іисусъ-Христосъ—
„Потому Іордань-рѣка надъ рѣкамъ мать.“
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
„Которая у насъ рыба надъ рыбамъ мать
„И которая птица надъ птицамъ мать,
„Преубразился тамъ самъ Іисусъ Христосъ,
„Со двумъ ангеламъ, свѣтъ-апостоламъ—
„Потому Хаворъ всимъ горамъ отецъ.
„Кипарисо-древо всимъ древамъ отецъ.
„Почему кипарисо-древо всимъ древамъ отецъ?
„А на славномъ древѣ кипарисовомъ,
„Тамо вырѣзанъ былъ пречудный крёстъ,
„И на томъ кресту животворящіимъ,
„Тамъ распятый былъ самъ Іисусъ Христосъ—
„Потому кипарисо всимъ древамъ отецъ.“
Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
„Которое море всимъ морямъ отецъ?“ [1])
„У насъ Кіянъ-море всимъ морямъ отецъ.
„Почему у насъ Кіянъ всимъ морямъ отецъ?
„Обошло Кіянъ вокругъ земли,
„Вокругъ земли, всего свѣту бѣлаго—
„Потому Кіянъ всимъ морямъ отецъ.
„А Ильмень есть озеро озерамъ отецъ.
„Почему Ильмень озеро озерамъ отецъ?
„Да не тотъ Ильмень, кой надъ Новы́мъ градо́мъ,
„Да не тотъ Ильмень, кой у Большой Орды,

[1]) Очевидно, здѣсь пропускъ, какъ видно изъ отвѣта Давида Авсѣевича.

„И который звѣрь надъ всѣмъ звѣрями звѣрь?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„У насъ китъ-рыба̀ надъ рыбамъ мать.
„Почему-жъ китъ-рыба̀ надъ рыбамъ мать?
„На трехъ китахъ—на рыбинахъ,
„На тридцати было на малыихъ,
„Основана на нихъ вся сыра земля
„И содержается вся подселенная—
„Потому китъ-рыба̀ надъ рыбамъ мать.
„А Стрефилъ-птица надъ птицамъ мать.
„Почему-жъ она надъ птицамъ мать?
„Сидитъ Стрефилъ-птица посредѣ моря,
„Она плодъ плодитъ во сине море,
„А полетъ сама держитъ по поднéбесью.
„Послѣ полуночи, во второмъ часу,
„Какъ Стрефилъ-птица—она трепехнется,
„Запоютъ куры у насъ по всей земли,
„Просвѣщается тогда вся вселенная—
„Потому Стрефилъ-птица всѣмъ птицáмъ мать.
„Единорогъ-звѣрь всѣмъ звѣрями звѣрь.
„Почему Единорогъ всѣмъ звѣрями звѣрь?
„Живетъ Единорогъ-звѣрь во Святой-горы,
„Онъ проходъ имѣетъ по подземелью,
„Прочищаетъ всѣ ключи источные.
„Когда Единорогъ-звѣрь поворотится,
„А есть тотъ Ильмень, кой (въ) Турецкой земли.
„Какъ изъ того Ильменя, да изъ озера,
„Протекла, прошла мать Іордань-рѣка—
„Потому что тое озеро озерамъ отецъ.
„Мать Іордань-рѣка всимъ рѣкамъ отецъ.
„Почему Іордань всимъ рѣкамъ отецъ?
„А крестился въ рѣки самъ Іисусъ Христосъ,
„Утвержалась вѣра христіаньская
„По усей земли, всей подселенныя—
„Потому Іордань всимъ рѣкамъ отецъ.“
Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
„Которая у насъ рыба всимъ рыбáмъ отецъ,
„И которая у насъ птица всимъ птицáмъ отецъ,
„И которой у насъ звѣрь всимъ звѣрями (sic) звѣрь?“
Они вси цари тутъ пріумолкнулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ·
„Государи, и вы, братцы, сорокъ царей,
„У насъ китъ-рыба̀ есть всимъ рыбáмъ отецъ.
„Почему у насъ китъ всимъ рыбáмъ отецъ?
„На трехъ рыбинахъ, на китенышахъ,
„И основана у насъ мать сыра земля,

„Воскипятъ ключи всѣ подземельные—
„Потому Единорогъ-звѣрь всѣмъ звѣрями звѣрь“.
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь!
„Хорошо сказалъ сударь по памяти.
„Ты еще, сударь, намъ про то скажи:
„Который у насъ камень каменямъ мать
„И которая трава всѣмъ травамъ мать,
„И которымъ грѣхамъ покоянье есть,
„И которымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ?“
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Бѣлатырь камень каменямъ мать.
„Почему Бѣлатырь каменямъ мать?
„На томъ камнѣ Бѣлатырѣ,
„На немъ бесѣдовалъ самъ Іисусъ Христосъ
„Со двумъ-на-десятями со апостоламъ,
„Утвержали вѣру Христіанскую,
„Роспущали книгу голубиную
„По всей земли-подселенныя—
„Потому Бѣлатырь каменямъ мать.
„А Плакунъ-трава надъ травамъ мать.“
„Почему Плакунъ-трава надъ травамъ мать?
„Когда былъ роспятъ самъ Іисусъ Христосъ,
„Тогда шла Мать Пресвятая Богородица
„Ко своему Сыну ко роспятому,
„Она ронила свои слезы пречистыя
„На матушку на сыру землю.
„Отъ еёныхъ слезъ отъ пречистыхъ
„И содержится вся подселенная—
„Потому у насъ китъ-рыба всимъ рыбамъ отецъ.
„А Стрепелъ же птица всимъ птицамъ отецъ.
„Почему Стрепелъ всимъ птицамъ отецъ?
„А сидитъ Стрепелъ посреди моря
„И наплодъ плодитъ въ синѣ мори,
„А полетъ держитъ по поднебесью.
„Послѣ полуночи, во второмъ часу,
„Какъ Стрепелъ же птица вострепехнется,
„Запоютъ у насъ куры по усей земли—
„Потому Стрепелъ всимъ птицамъ отецъ.
„Единоръ (sic) есть звѣрь всимъ звѣрями звѣрь.
„А живетъ Единоръ-звѣрь во Святой горы,
„Проходилъ звѣрь самъ по подземелью,
„Прочищалъ ручьи вси восточные;
„Когда Единоръ-звѣрь поворотится,
„Воскипятъ ключи вси подземельные—
„Потому единоръ всимъ звѣрями звѣрь.“
Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную.
„А яще ты, сударь, намъ про то скажи:
„Который у насъ камень каменямъ отецъ,
„Которая у насъ трава всимъ травамъ отецъ,

„Зарождалась на земли Плакунъ-трава.
„Изъ того коренія изъ плакунова
„Вырѣзаютъ у насъ въ Руси креста чудные,
„Ино тѣмъ у насъ люди спасаются:
„Всѣ монахи и старцы, и всѣ юноши—
„Потому Плакунъ-трава надъ травамъ мать.
„Братцы, всѣмъ грѣхамъ покоянье есть,
„А этымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ:
„Который бранитъ, братцы, Свята Духа
„И который бранитъ отца со матерью,
„И который во утробы плодъ запарчиватъ,
„И кой грѣшитъ кумъ со кумой крестовою—
„Этымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ".
Ему всѣ цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь!
„Хорошо сказалъ сударь по памяти
„Намъ про этую книгу голубиную".
Возговоритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
„Государи, братцы, сорокъ царей!
„Что случилося во моемъ во чистомъ полѣ:
„Быть два зайчика ссбѣгалися—
„Одинъ сѣренькій былъ, другой бѣленькій,—
„И промежду собой оны подралися,
„Быть какъ сѣрый бѣлаго пріобидѣлъ же.
„Пошелъ бѣленькій во чисто поле,
„Пошелъ сѣренькій во темны лѣса."
Тогда всѣ цари пріумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
„Которымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ,
„Которымъ грѣхамъ покоянье есть?"
Они вси цари тутъ пріумолкнулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:
„Государи, и вы, братцы, сорокъ царей,
„Бѣлолатырь камень каменьямъ отецъ.
„Почему Бѣлолатырь камень каменьямъ отецъ?
„И на славномъ камнѣ на Бѣлатырѣ,
„Тамъ бесѣдовалъ самъ Іисусъ Христосъ,
„И распущали книгу голубиную, (sic)
„И утверждали вѣру Хрестіанскую
„По усей земли, всей подселенныя—
„Потому Бѣлолатырь-камень каменьямъ отецъ.
„Почему Плакунъ-трава всимъ травамъ отецъ?
„Какъ распятый былъ самъ Іисусъ Христосъ,
„Тамъ ишла Матерь Божія Богородица
„Ко своему ко Сыну ко распятому
„И роняла слезушки пречистыя
„И на матушку на сыру землю.
„Какъ же съ тыхъ же слезушекъ пречистыихъ
„Зародилась у насъ на земли Плакунъ трава.—
„Потому Плакунъ-трава всимъ травамъ отецъ.
„Ино всимъ грѣхамъ покоянье есть,
„Только тымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ,
„Который бранитъ, братцы, Свята Духа.

Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Это не зайчики въ полѣ собѣгалися:
„Тутъ сошлася кривда со правдою
„И промежду собою оны подралися.
„Нонѣчь кривда правду пріобидѣла,
„Пошла правда она на вышнія нéбеса,
„А кривда оставалась на сырой земли,
„По всему народу православному.
„Она пала намъ всѣмъ на ретиво сердцѐ—
„Оттого у насъ въ мірѣ, стало правды нѣтъ,
„Стали беззаконія великія."
Ему вси цари поклонилися:
„Тебе спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти."
Возговоритъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
„Государи, братцы, сорокъ царей,
„Мнѣ ночесе-ночь мало спалося,
„Мнѣ предивный сонъ во снѣ превидѣлся:
„Быдто во моемъ саду во зеленыимъ
„Выростало тутъ древо сахáрное;
„На мое на древо на сахáрное
„Прилетала пташечка маленька,
„Роспущала перья до сырой земли.
„Ино кто сказалъ бы, братцы, про мой дивный сонъ,
„Я-бъ того, сударь, много пожаловалъ."
Тогда всѣ цари пріумолкнули.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Евсѣевичъ:
„Отъ моей царицы отъ благувѣрныя
„Только тымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ,
„Который бранитъ, братцы, отца со матерью;
„Только тымъ грѣхамъ покаянья нѣтъ,
„Который грѣшитъ кумъ со кумой крестовою
„Да который во утробѣ плодъ запарчивалъ—
„Только тымъ грѣхамъ покоянья нѣтъ."
Ему вси цари тутъ поклонилися:
„И спасетъ Богъ, свѣтъ-сударь, премудрый царь,
„Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ!
„Хорошо сказалъ, сударь, по памяти
„Намъ про эту книгу голубиную."
Взговорилъ Волотоманъ царь Волотомановичъ:
„Государи, и вы, братцы, сорокъ царей!
„Что въ моимъ во полѣ солучилося:
„Быть два зайчика собѣгалися—
„Одинъ сѣренькій, другой бѣленькій—
„И, сошедшися, оны подралися,
„Сѣрый бѣлаго превзабидилъ же.
„Пошелъ бѣленькій во темны лѣса,
„Пошелъ сѣренькій во чисто поле."
И оны вси цари тутъ пріумолкнулись.
Имъ отвѣтъ держалъ на то премудрый царь,
Нашъ премудрый царь Давидъ Авсѣевичъ:
„Государи, и вы, братцы, сорокъ царей,
„И не зайчики тутъ сходилися:
„Сходилася тутъ кривда со правдою
„И, сошедшися, оны подралися.
„Нынѣ кривда правду пріубидила,
„А правда пошла и на небеса,
„Къ самому Христу, Царю Небесному,

„Народится сынъ, царь Салбмонъ:
„А отъ его царицы отъ благочестивыя
„Нарóдится дочь Саломонидія.
„Мому сыну, царю Солóмону,
„На его на дочери быть женитися.
„Через тридцать лѣтъ этотъ сонъ розсудится.“
„А кривда оставалась у насъ на земли,
„По всему по міру православному,
„Она пала намъ на ретиво сердце—
„За то нынѣ, стало, правды нѣтъ,
„Беззаконія стали великія.“

Стихъ про Егорьевы мученія.

При томъ царѣ при Ѳедорѣ—
У его была царица благувѣрная,
Благувѣрная, благучестивая.
Спородила царица она три отрока:
Два отрока—отроковицы,
Третьяго отрока—Егорья храбраго.
Изъ того-ли изъ града изъ Китаева
Подымался невѣрный царь Диклитіанище,
Іерусалимъ, святый городъ, весь повыгубилъ,
Онъ князей и бояръ всѣхъ подъ мечъ склонилъ,
А онъ Божьи церквы всѣ на дымъ пустилъ,
Святыихъ образовъ подъ коней послалъ.
А благовѣрнаго царя Ѳедора—
Онъ взялъ его невѣрный царь за желты кудри,
Отводилъ его далече въ чисто поле,
Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
А Егорья, отрока премлáдова—
Онъ мучилъ его мукамъ всякіимъ, разныимъ:
Онъ пыталъ Егорья батожьемъ стегать,
Батожьемъ стегать все зелѣзныимъ.
Не взяло Егорья батожьемъ стегать:
Батожья отъ Егорья всѣ преломалися,
Мастеровыя руки опущалися,
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть,
Не взяло Егорья колесомъ тереть:
Колесо все отъ Егорья извертѣлося,
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья и пиламъ пилить—
Не взяло Егорья и пиламъ пилить:
Вси пилы отъ Егорья преизгибалися,
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и топорамъ рубить,
И не взяло Егорья и топорамъ рубить:
Топоры всѣ отъ Егорья преломалися,
Мастеровыя руки опущалися,
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.

Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья во смолы варить,
Не взяло Егорью во смолы кипѣть.
Онъ пыталъ Егорья и на воды топить,
Не взяло Егорью и на воды тонуть:
Онъ противъ воды Егорій гоголемъ плыветъ.
Гоголемъ плыветъ, самъ стихи поетъ,
Онъ стихи поетъ, Егорій, херувимскіе,
Херувимскіе поетъ по архангельски.
Онъ презлой, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ беретъ Егорья за бѣлы руки,
Отводилъ далече его во чисто поле,
На славную гору Сорочинскую;
Приказалъ онъ выкопать ему глыбокъ погрéбъ,
Глыбиною былъ погребъ сорока саженъ;
Посадилъ онъ свѣта-Егорья во глыбокъ погрéбъ,
Задвигалъ онъ его рѣшетками все зелѣзныимъ,
Засыпалъ онъ песками рудожелтыимъ,
Онъ дубьемъ и кольемъ заворачивалъ,
Онъ самъ, невѣрный царь, приговаривалъ:
„Не бывать теперь Егорью на бѣломъ свѣту,
„Не видать Егорью солнца краснаго,
„Не слыхать Егорью повелѣнья Божьяго“.
Самъ пошелъ онъ, невѣрный царь,
Во свой (во) Китай-городъ,
Во свое во царство беззаконное.
Онъ Егорьевыхъ двухъ милыхъ сестеръ,
Онъ побралъ, проклятый, во полонъ къ себѣ,
Заставлялъ онъ ихъ пасти стада звѣриныя:
Звѣрей разныихъ, разноличныихъ.
Миновало тому время ровно три года,
Подымалися, вѣтра буйные
На славную гору Сорочинскую—
Всѣ дубья, колодья разворачило
И песка желтыи всѣ поразвѣяло,
Раскрывалися рѣшетки всѣ зелѣзныя,
Выходилъ Егорій вонъ изъ погреба,
Помолился Егорій на образа Спасителя,
Пошелъ Егорій храбрый онъ въ Іерусалимъ городъ.
Іерусалимъ, ихный городъ, весь повыгубленъ,
Только оставши во святомъ градѣ, въ Іерусалимѣ,
Единая полата бѣлокаменная
Его батюшки, царя Θеодора,
Да еще былъ оставши второй Давыдовъ домъ.
Взошелъ Егорій храбрый въ свои палаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ держалъ Егорій по писáнному,
Онъ поклонъ поклонялся до сырой землѣ
Своей матушкѣ Софьѣ, царицы благувѣрныя:
„Здраствуй, родимая, родная матушка,
Софья царица, мать благувѣрная!“
Возговоритъ Егорью родная матушка:

„Ровно три года солнце не пѐкло
„На мои полаты бѣлокаменныя,
„Но топерь мнѣ солнце вовсіяило (sic)
„Во моихъ полатахъ бѣлокаменныхъ".
Онъ началъ Егорій просить у матери благословленія:
„Благослови, родимая, родная матушка,
„Меня иттить ко злому царю Диклитіанищу,
„Отплатить ему дружбу прежнюю,
„Отлить мнѣ кровь сваво батюшки".
Возговоритъ Егорью родная матушка:
„Мое дитятко ты премла́дое,
„Гдѣжъ тебѣ иттить ко злому царю Диклитіанищу".
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
„Благословишь,—пойду, и не благословишь,—пойду".
Благословила Егорья родная матушка,
Благословила его святыимъ образомъ.
Выходилъ Егорій изъ палаты вонъ,
Онъ пошелъ Егорій на конюшенъ дворъ,
Выводилъ коня Егорій самолучшаго
И садился свѣтъ-Егорій на коня хвраго,
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій къ царю Диклитіанищу.
Ну, на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Напущалъ онъ Диклитіанъ на Егорья сѣрыхъ волковъ.
Возговоритъ Егорій звѣрямъ сѣрымъ волкамъ:
„Разойдитеся вы на всѣ четыре стороны:
„По степямъ, по лѣсамъ, по чистымъ полямъ;
„Пейте и ѣшьте вы мое повелѣнное,
„Егорьево благословенное".
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій храбрый къ царю Диклитіанищу.
Опять на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Посреди пути-дороженьки лежитъ тутъ змѣя горюница.
О двѣнадцати змѣя была головахъ,
О двадцати-четырехъ хоботахъ.
Тутъ Егорій храбрый пріужахнулся,
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый мечъ,
Онъ возговоритъ Егорій змѣи горюницѣ:
„Отойди, змѣя, ты съ пути долой".
Предъ нимъ змѣя она попротивилась—
Онъ разсѣкъ змѣю на мелки части,
Самъ поѣхалъ Егорій храбрый къ царю Диклитіанищу.
Пріѣзжалъ Егорій во Китай городъ
Ко тому дворцу, ко царскому,
Закричалъ Егорій своимъ громкимъ голосомъ.
Узналъ царь Диклитіанъ гласъ Егорьевскій,
Выходилъ Диклитіанъ царь на свой на крутой крылецъ,
Онъ поклонъ поклонялся Егорью понизешеньки.
Возговоритъ Егорій царю Диклитіанищу:
„Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,

„Ты состроишь ли во своемъ градѣ три церквы соборныя?"
Диклитіанъ царь нашему Богу не повѣровалъ.
Онъ беретъ Егорій храбрый свой вострый мечъ,
Отрубилъ Егорій храбрый царю буйную голову:
А онъ ихное все царство беззаконное
Привождалъ во вѣру христіанскую.

Стихъ объ Олексафіи, царской дочери.

Посторонъ святаго града Іерусалима
На земли было три царства беззаконныихъ:
Первое царство былъ Содомъ-городъ,
А второе царство былъ Гоморъ-городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконіе великое
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть:
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь земли прослалъ,
А на этое третье царство на Рахлинское
Напущалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго.
Давали они съ города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе
И ко пещерскому на прожреніе—
Во градѣ скота у нихъ мало осталося.
Давали они съ городу по головы,
По головы человѣческой
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе—
Во градѣ людей у нихъ мало оставалося.
Собиралися всѣ жители Рахлинскіе
Къ самому оны царю на широкій дворъ,
Метали они жеребьемъ самоволжевымъ
Со самымъ царемъ, со Агапіемъ,
Но жеребье царю доставалося:
Ко лютому змѣю иттить на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговоритъ ему царица Рахлинская:
„Не кручинься, царь, и не печалуйся—
„У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися:
„У насъ есть съ тобой дитя единое,
„Она единая, дочь немилая:
„Она вѣруетъ вѣру все не нашую,
„Богу молится она роспятому.
„Отдадимъ мы Олексафію
„Ко лютому змѣю на съѣденіе
„И ко пещерскому на прожреніе".
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ онъ въ полаты бѣлокаменны
Ко своей ко дщери къ одинокія,
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый
Уговаривалъ онъ дочь, обманывалъ:

„Ты, прекрасная Олексафія Агапеевна,
„Ты вставай-ко, Олексафія, изъ утра ранешенько,
„Умывайся, дѣвица, бѣлешенько
„И снаряжайся, Олексафія, хорошохонько:
„Изъ утра я буду тебя за мýжъ давать,
„Ты въ которую вѣру вѣруешь“.
Срадовалася Олексафія, взвеселилася,
На ложницу она спать не ложилася,
Всю темную ночь она Богу молилася,
Молилася она Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью свѣту храброму—
Между тѣмъ дѣвицы и утро пришло.
Вставала Олексафія ранешенько,
Умывалася она бѣлешенько,
Снаряжалась она хорошохонько,
Выходила Олексафія на крутой крылецъ,
Взглянула Олексафія на широкій дворъ.
Посреди двора было царскаго—
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Припряжены кони неученые,
Посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ.
Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она обливалася:
„Не на то меня мать спородила,
„Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
„А на то меня мать спородила:
„Отдаетъ меня батюшка ко люту змѣю,
„Ко люту змѣю на съѣденіе,
„Ко пещерскому на прожреніе“.
Повели Олексафію со крута крыльца,
Сажали Олексафію въ корету черную,
Повезли Олексафію ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилась Олексафія на крутой бéрéгъ,
Ко тому ко морю ко синему.
Уѣзжалъ дѣтина въ платрѣ травурномъ,
Оставалась Олексафія единешенька;
На листу у Олексафіи было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафія Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью Свѣту Храброму.
Услышалъ Господь Богъ ея моленье,
Посылалъ Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храненія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
Пріѣхалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзалъ съ коня храбраго,
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
„Богъ-на-помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!“
Давалъ Егорій храбрый свой шелковъ поводъ

Олексафіи дѣвицы на бѣлы руки:
„Подержи ты", говоритъ, „Олексафія, моего коня,
„А больше того смотри сама на сине море.
„Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
„Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися —
„Ты тогда меня, дѣвица, ото сна сбуди".
Онъ возговорилъ, Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волна стала колыбатися,
Изъ пещеръ змѣя лютая стала появлятися,
Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячимъ слезами она обливается,
Начала дѣвица Егорья ото сна будить,
Не могла она Егорья ото сна сбудить,
Она жалко Олексафія сама росплакала(сь),
Покатились у Олексафіи горячи слезы
На Егорьево на бѣло лице.
Оттого Егорій ото сна возсталъ,
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
Ко тому къ восходу во змѣиному,
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище:
„Ты будь, змѣя, и кротка, и смирна;
„Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
„Олексафіево благословенное".
Распоясалъ Егорій свой шелковъ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи наскрозь прожорище,
Онъ давалъ Егорій, самъ наказывалъ:
„Поведиткась, Олексафія, змѣя лютаго
„Во свое во царство во Рахлинское,
„Скажи батюшкѣ царю Агапію:
„Пущай повѣруетъ вѣру христіанскую,
„Пусть сострoитъ онъ три церквы соборныя.
„Ежель не повѣруетъ онъ вѣры христіанскія,
„Ты пусти змѣю на свою волю.
„Потребитъ змѣя ихъ всѣхъ до единого,
„Не оставитъ имъ людей на сѣмены".
Повела Олексафія змѣя лютаго
Во свое царство во Рахлинское,
Становилась Олексафія посреди града,
Закричала Олексафія женскимъ голосомъ:
„Ты услышь, мой отецъ, Рахлинскій царь,
„Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
„Ты состроишь ли три церквы соборныихъ?
„Ежель ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
„Я пущу змѣю на свою волю,
„Потребитъ змѣя васъ всѣхъ до единого,
„Не оставитъ вамъ людей на сѣмены".
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
„Я сострою три церквы соборныихъ:

„Церковь Матери Божьей, Богородицы,
„Еще Троицы Живоначальныя
„И святому Егорью свѣту храброму.
„Я не разъ Егорью буду въ году вѣровать,
„Я не разъ ему въ году—два раза“.

Стихъ о милостивой женѣ, милосердой.

Милослива жена, милосердная
Топила во градѣ свою келью,
Держала своего чада на ручахъ.
Къ милосливой къ жены, милосердныя
Идетъ сама Дѣва Пресвятая,
Несетъ самого Христа на ручахъ:
„Милослива жена, милосердная,
„Бросай ты свое чадо въ огонь и пламя,
„Ты бери самого Христа на руци:
„Бѣгутъ жйды-супостаты
„Съ оружіемъ и съ вострыми копіямъ,
„Хотятъ Христа Бога убити“.
Милослива жена, милосердная
Бросила свое чадо въ огонь и пламя,
Брала самого Христа Бога на руци.
Жиды-супостаты набѣжали
Съ оружіемъ и съ вострыми копіямъ,
Милосливую жену да спрошали:
„Милослива жена, милосердная,
„Ты давноль Христа Бога видала?“
Милосливая жена имъ отвѣчала:
„А вы, жйды-супостаты,
„Я топерь Христа Бога поймала,
„Я въ огонь, во пламень его вогнала“.
Жйды къ огненной печи приходили.
Во печи младенецъ стрепехнулся,
Показалъ жидамъ онъ руци и ноги.
Жиды-супостаты срадовались:
„Мы топерь Христа Бога поймали,
„Мы въ огонь, во пламя его вогнали!“
Мѣдныимъ заслонямъ заслоняли,
Желѣзныимъ подпорамъ подпирали,
Жиды прочь отъ печи отходили.
Милосливая жена, милосердная
Не могла Христа Бога содержать,
На его на свѣтлость наглядѣться.
Не стало Христа у ней на ручахъ—
Милосливая жена, милосердная
Къ огненной ко печи приходила:
„Ужоль тамъ сгорѣло мое чадо?“
Зелѣзныи подпоры отпирала,
Мѣдныи заслони отслоняла:
Во печи трава выростала,
На травы цвѣты росцвѣтали,

Во цвѣтахъ младенецъ играетъ,
На емъ риза солнцемъ возсіяетъ,
Евангельскую книгу самъ читаетъ,
Небесную силу прославляетъ
И со ангелами, съ херувимы
И со всею небесною силой.
Милосливая жена, милосердная—
Она первая въ раю пребываетъ.
Аллилуя, аллилуя, аллилуя! Мы славимъ тебе, Христа Бога!

Стихъ о грѣшной душѣ.

По морю по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ ка́рабли.
Во этыхъ карабляхъ святые ангелы сидятъ,
Настрѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ,
Самъ Небесный Царь,
Сталъ онъ въ (у) ангелахъ (ловъ) выспрашивать и ввупытывать:
„Святые ангели, архангели, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
„Что слышивали, что виживали?“
„Самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!
„Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
„Много слышали, много видѣли,
„Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася,
„Разставши, душа сама прочь пошла
„И, отошедши, душа взворотилася,
„Со своимъ съ бѣлымъ тѣломъ попростилася:
„Ты прости, тѣло бѣлое мое,
„Прости, беззаконіе мое!
„Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
„Червамъ, тѣло, на источеніе;
„Вы, кости, земли на преданіе,
„А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе“.
Настрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
„Почаму же ты, душа, грѣхи угадываешь?
„Потому я, душа, грѣхи угадываю,
„Что я жила на вольномъ на свѣту,
„Середы и пятницы не пащивалась,
„Ѳеликаго говлѣнія не гавливалася,
„Зоутрени, вечерни просыпывала я,
„Въ воскресный день обѣдни прогуливала,
„Въ полюшкахъ, душа, много хаживала,
„Не по-праведну землю раздѣливала:
„Я межку черезъ межу перекладывала,
„Съ чужой нивы земли украдывала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась
„И отцу духовному не сказывала,
„Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Не по-праведну покосы я роздѣливала,
„Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
„Чужую полосу позакашивала.—

„Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась
„И отцу духовному не сказывала. [1])
„Еще душа Богу сбгрѣшила:
„Въ соломахъ я заломы заламывала,
„Со всякого хлѣба споръ отнимывала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ [1]) . . . .
„Еще душа Богу сбгрѣшила:
„Я во поляхъ, душа, много хаживала,
„Проворы во поляхъ пораскладывала,
„Скотину въ поле понапущивала,
„Я добрыхъ людей оголаживала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ [1]) . . . . . .
„Еще душа Богу сбгрѣшила:
„Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
„Во сырое коренье я выдаивала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ [1]) . . . . . .
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Смалешеньку дитя своего проклинывала,
„Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
„Въ утробы младенца запарчивала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ [1]) . . . . . .
„Еще душа Богу сбгрѣшила:
„Мужа съ женой я поразваживала,
„Золотые вѣнцы поразлучивала—
„Въ эвтихъ во грѣхахъ . . . . . .
„Еще душа Богу согрѣшила:
„По улицамъ душа много хаживала,
„По подоконью душа много слушивала:
„Хоть не слышала, скажу—слышала,
„Хоть не видѣла, скажу—видѣла—
„Въ эвтихъ грѣхахъ [1]) . . . . . .
„Еще душа Богу сбгрѣшила:
„По свадьбамъ душа много хаживала,
„Свадьбы звѣрьями оборачивала—
„Въ эвтихъ грѣхахъ [1]) . . . . . .
„Еще душа Богу согрѣшила:
„По игрищамъ душа много хаживала,
„Подо всякія игры много плясывала,
„Самого сотану воспотѣшивала—
„Въ эвтихъ грѣхахъ [1]) . . . . . .
„Еще душа Богу согрѣшила:
„Напилася душа зеленаго вина,
„Отъ зеленаго вина душа пьяна была“.
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ попа безъ духовнаго;
Провалилася душа въ преисподній адъ.
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое великое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

---

[1]) Повторяются каждый разъ три строки, набранныя курсивомъ (см. стр. 29).

Стихъ про удачу добраго молодца.

(по двумъ варіантамъ).

Напущалъ Господь Богъ на сыру землю
Жары жаркіе, тучи грозныя.
И со тыхъ со тучъ со грозныихъ
Какъ пошли дожди, дожди дробные.
Со тыхъ дождевъ да со дробныихъ
Протекла рѣка Смородыня.
Возлѣ той рѣки, возлѣ Смородыни
Тутъ жила была молода вдова.
Да у этой у вдовы былъ единый сынъ,
Онъ единый сынъ, самъ любимый былъ,
Онъ по мостичку сынъ похаживалъ,
Самъ себя онъ молодецъ восхваливалъ:
„Не бывать удачи-доброму-молодцу
„Ни въ горюшкѣ, ни въ кручинушкѣ,
„Ни въ нужды мнѣ не быть, ни въ печалюшкѣ".
Со того слова съ молодецкаго
Наказалося, навязалося
Къ ему горюшко, горе горькое—
Изъ-подъ мостичку горе съ-подъ калиноваго,
Изъ-подъ кустышка съ-подъ ракитоваго,
Во отопочкахъ горе во лозовенькихъ,
Во оборочкахъ горе во мочальненькихъ,
Мочалой горе пріопутавши,
Оно лыкомъ горе опоясавши.
„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ пе сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати".
Молодецъ отъ горюшка во чисто поле,

Какъ были жары жаркіе...
Со тѣхъ жаровъ, со жаркіевъ
Заходили тучи грозныя,
Выпадали дожди дробные,
Протекала рѣчышка Смородушка.
На той на рѣчышкѣ, на Смородушкѣ,
Тамъ былъ мостичекъ калиновой.
За той за рѣчкой, за Смородовкой,
Тамъ жила, была молода вдова.
У вдовушки, у сиротушки
Былъ одинъ сынокъ, добрый молодецъ.
Онъ по мостичку похаживалъ,
По калиновому самъ погуливалъ,
Онъ самъ себя выхваливалъ:
„*Нѣту ни ростѣу, ни приюстѣу*,(?)
„Нѣту молодцу горюшка и кручинушки".
Гдѣ ни взялося къ ему горюшко:
Съ-подъ бѣлаго съ-подъ камешка,
Съ-подъ ракитоваго съ-подъ кустышка,
Во отопочкахъ идетъ горе подобувши,
Мочаленой подпояхавши.
Молодецъ отъ горя въ старцы пошелъ,
За имъ горе съ шалгуномъ идетъ
и костылекъ несетъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати".
Молодецъ отъ горя во темны лѣса,
За имъ горе съ топоромъ идетъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати".

А горе за нимъ со буйнымъ вѣтрамъ:
„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати".
Молодецъ отъ горюшка въ темны лѣса,
А горе за нимъ съ топоромъ идетъ:
„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати".
Молодецъ отъ горюшка въ ковыль траву,
А горе за нимъ съ косой идетъ,
Онъ съ косой идетъ за нимъ со вострою:
„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати".
Молодецъ отъ горюшка въ солдаты идетъ,
А горе за нимъ ружье несетъ:
„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати".
Молодецъ отъ горюшка въ постелю слегъ,
А горе ему изголовье кладетъ,
Изголовье кладетъ и его одѣетъ:
„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати".
Молодецъ отъ горюшка переставился,
А горе у его въ головахъ стоитъ:
„Постой, удача добрый молодецъ!
„Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати".
Молодецъ отъ горюшка въ Божью церкву,
А горе за нимъ со свѣчей идетъ:
„Постой, удача добрый молодецъ!
Молодецъ отъ горя въ шелкову траву,
За имъ горе со косой идетъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати".
Молодецъ отъ горя въ быструю рѣку,
За имъ горе съ неводомъ идетъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати".
Молодецъ отъ горя во солдатушки,
За имъ горе со ружьемъ идетъ и ранецъ несетъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати".
Молодецъ отъ горя во царевъ кабакъ,
За имъ горе съ кошелькомъ бѣжитъ и грошамъ брячитъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати".
Молодецъ отъ горя во застоичекъ,
За имъ горе со стаканчикомъ со хрустальнымимъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати".
Молодецъ отъ горя винца выкушалъ

„Никуды отъ горюшка тебѣ не сбѣгати,
„Великаго горюшка не смыкати“.
Молодца отъ горюшка хоронить несутъ,
А горе за нимъ съ заступамъ идетъ,
Съ заступамъ идетъ и съ лопатами:
„Спасибо тебѣ, удача добрый-молодецъ,
„Сносилъ горюшко ты ни въ печалюшкѣ,
„Ни въ печали ты и ни въ кручинушкѣ“.
И съ того винца во хворо́бу слегъ,
За имъ горе въ головахъ сидитъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати“.
Молодецъ отъ горя переставился,
За имъ горе на погостъ идетъ и поповъ ведетъ,
И съ ладономъ идетъ и кутью несетъ:
„Ты постой, удача добрый молодецъ!
„Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
„Горя горькаго вѣчно не смыкати“.
Молодецъ отъ горя — во сыру землю,
За имъ горе съ лопатамъ идетъ,
Передъ имъ горе низко кланяется:
„Ты спасибо, удача добрый молодецъ,
„Что носилъ горе, не кручинился и не печалился.
„Пошелъ молодецъ во сыру землю,
„А твое горюшко по бѣлу́ свѣту́—
„По вдовушкамъ и по сиротушкамъ,
„И по бѣднымъ по головушкамъ.
„Горю слава во вѣкъ не минуется!“

Народныя апокрифическія сказанія, записанныя въ Ярославской губерніи.

I.

Свитокъ Ерусалимскій, знаменіе Господа Іисуса Христа къ людьми посланное.

„Послушайте, люди мои,
Моего божественнаго писанія
И наказанія, и вразумленія,
И истинныхъ моихъ словъ послушайте!
Во святомъ, божественномъ царствѣ
Гласъ невидимый глагола
И спаде камень съ небесе,
И тяготы его никто-же можетъ вѣдать.
А спаде тотъ камень въ первомъ часу дни
И подпись на томъ камни.
Патріархъ же Ерусалимскій со всѣмъ соборомъ
Началъ пѣнье.
Пѣли по три нощи и по три дня,
А на четвертый день развалился тотъ камень надвое,
И обрѣли въ ономъ списокъ, Богомъ написанъ.
Такъ глаголетъ Господь Богъ Вседержитель:
„Послушайте, людіе мои, моего писанія и наказанія,
Разумѣйте моихъ истинныхъ словъ и слушайте!
Въ воскресные и праздники—дни нареченные не работайте,
Аще кто въ воскресный день трудъ прилагаетъ
И хощетъ себѣ прибытку,
И тотъ человѣкъ получитъ:
Погубитъ всѣ шесть дней (труда),
Что прежде работалъ,
И собираетъ на главу свою огнь вѣчный—
Воскресенье и праздники Господь далъ намъ на упокой.
Среду и пятокъ почитайте,
Матерныхъ словъ не бранитеся:
Православному человѣку, христіанину, браниться—
Въ церковь не ходить и Креста, и Евангелія не цѣловать,
А Причастія отнюдь не вкушать!
Но лучше смолу кипящую пить,
Нежели матерно браниться—
И удобнѣе верблюду сквозь игольны уши пройти,
И въ царство Небесное взойти.
Аще который человѣкъ при смерти своей помянетъ
И попросить прочитать (сіе сказаніе),

И самъ съ вѣрою послушаетъ,—
Аще сколько можетъ имѣть грѣха на себѣ,
Яко на древѣ листья, или въ морѣ песку,
Или на небѣ звѣздъ—
То все прощено будетъ (ему),
Царство получитъ
И ему честь во вѣки вѣковъ!"

II.

Сонъ Пресвятой Богородицы.

Опочивала Пресвятая Богородица въ землѣ Бреданской,
На горѣ Олевной;
И пришелъ къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ,
Спаситель всего міра, и рече ей:
„О, Преблагословенная Мати Марія,
Пресвятая Богородица!
Что во снѣ видѣла, повѣдай Мнѣ?"
Глагола Пресвятая Богородица:
„Сыне возлюбленный!
Видѣла Тебя, Господа Царя Славы,
У садовъ поимана
Во апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ восьмомъ-надесять-числѣ;
Поимана и связана,
И приведена къ Понтійскому Пилату, игемону́,
И на древѣ кипарисѣ распята:
Руцѣ твои и нозѣ гвоздемъ пригвоздиша ко кресту
И терновъ вѣнецъ на главу Твою святую возложиша,
Тростію главу Твою пробиша
И во уста̀ Твои святыя желчью напоиша,
И въ ребра Твои святые копіемъ прободоша,
И изъ ребръ Твоихъ святыхъ изыде кровь и вода,
Потекоша на исцѣленіе всѣмъ христіанамъ,
На спасаніе душамъ нашимъ.
И съ Тобою два разбойника повѣшена,—
Одинъ одесную, а другой ошую страну.
Одинъ получилъ прощенье и глаголя:
„Помяни мя, Господи, помяни мя,
Егда пріидеши во царствіи Твоемъ!"
А другой за охуленьемъ погубилъ себя.
И въ то время земля потрясеся
Съ верхняго краю до нижняго,
Каменныя горы распадеся,
Луна и солнце преложися
И бысть тьма по всей земли
Отъ шестого часу до девятаго.
А жиды начали мыслить [1]) Сына Божія,
А чаяли пророка.
И придоша нощію Осифъ съ Никодимомъ къ Пилату,

[1]) Признавать.

Моляся и кланяяся, и прося у Пилата:
„Дай намъ святое тѣло Іисуса Христа!“
Никодимъ-старецъ Тѣло Твое святое съ креста снемъ,
Благообразный Іосифъ плащаницею чистою обви,
И во гробѣ новѣ положиша, и покры.
И погребенъ былъ и въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ
И всему міру дарова животъ вѣчный,
И раздра рукописаніе Адамово“.
И рече Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій:
„О, Мати возлюбленная,
Пресвятая Богородица!
Воистину сонъ твой не ложенъ, а праведенъ!
Аще кто въ путь съ собой возьметъ
И въ чистотѣ носить будетъ,
Къ тому человѣку не прикоснется ни дьяволъ, ни злой человѣкъ,
Отъ меча не посѣченъ будетъ
И скорое избавленіе получитъ.
Аще который человѣкъ сонъ твой при смерти воспомянетъ,
Велитъ прочитать,
А самъ съ вѣрой послушаетъ,
Тотъ человѣкъ избавленъ будетъ вѣчныя муки,
Огня негасимаго:
Ангели Божіи возьмутъ душу его честную,
Донесутъ до Отца Небеснаго
И дадутъ Аврааму, Исааку въ рай во вѣки вѣковъ.
Аще кто сонъ твой спишетъ,
Въ домѣ у себя въ чистотѣ держитъ,
Къ тому дому ни діаволъ, ни тать, ни разбойникъ,
Ни злой человѣкъ и нечистый духъ не подойдутъ
Къ Господню рабу и рабынямъ:
Здравы сіи поживутъ
И въ земныхъ плодовъ въ изобиліи,
Въ здравіи и скотина (ихъ).
Аще кто молвитъ, что ложно сіе писаніе,
Тотъ человѣкъ будетъ седмижды проклятъ,
Пріиметъ муку вѣчную, смерть горькую.
Небо и земля мимо йдутъ,
А словеса мои мимо не йдутъ!
Во имя Отца и Святого Духа. Аминь.

III.

Слово о мукахъ, заповѣданныхъ Пресвятой Богородицѣ Архангеломъ Михаиломъ.

И рече Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу:
„Поведи мя, гдѣ мнози народи мучатся“.
И приведе я Михаилъ Архангелъ ко древу желѣзному—
И тутъ мнози народи мучатся[1]).

---

[1]) Здѣсь пропущено описаніе муки и вопросъ Пресвятой Богородицы.
Н. В.

Отвѣща ей Михаилъ Архангелъ:
„Сіи люди были неправедны и криво судили:
Праваго винили, а виноватаго правили".
И рече Пресвятая Богородица:
„Поведи мя ко иной мукѣ".
И приведе я Михаилъ Архангелъ къ рѣкѣ ко огненной
Отъ востока и до запада:
Тутъ многи народы мучатся,
Стоя посреди огня по колѣна—
То есть (суть) дѣти отцевъ и матерей не почитали.
Стоятъ по поясъ въ огнѣ—
Тò есть (суть) блудъ дѣвицы съ отроками
И мужи съ чужими женами,
А жены съ чужими мужьями.
Стоятъ по груди въ огнѣ—
То есть отцы своихъ дѣтей учили браниться (себя и другихъ),
За тò они стояще вопіяху неутишимо.
А иные стоятъ по горло въ водѣ—
То есть отцевъ своихъ духовныхъ бранили и не почитали,
За тò они и мучатся.
И рече Пресвятая Богородица:
„Приведи мя ко иной мукѣ".
Приведе я Михаилъ Архангелъ къ большой рѣкѣ и тяжкой—
Въ ней вопль стоитъ великій.
И рече Пресвятая Богородица:
„Сіи люди отъ какихъ дѣлъ въ мукахъ мучатся?"
Отвѣща ей Михаилъ Архангелъ:
„Поста не имѣли,
Среду и пятокъ не постилися,
Отца духовнаго не имѣли,
Тѣла и Крови Христовой не принимали,
За то они и мучатся".
И рече Пресвятая Богородица:
„Приведи мя ко иной мукѣ".
И приведе я Михаилъ Архангелъ къ рѣкѣ ко огненной—
И тутъ мнози народи мучатся,
Аки въ бѣлыхъ ризахъ:
То были митрополиты и епископы,
И прочихъ священныхъ и монашескихъ чиновъ,
За то они мучатся:
Видя свѣтъ, а во тьму идутъ,
Заповѣдемъ Господнимъ не радили,
Дѣтей своихъ духовныхъ бранили и не почитали,
За то они и мучатся—
Оставили свѣтъ, а тьму возлюбили,
Тѣмъ себѣ Царство Небесное затворили.
О, горе умѣющему грамотѣ!
Устами своими чтутъ,
А на сердцѣ зло мыслятъ!
И рече Пресвятая Богородица:
„Поведи мя, Михаилъ Архангелъ, ко зміямъ лютымъ".

Зубами они скрежещуть тѣло человѣческое.
И спроси Пресвятая Богородица:
„О какихъ грѣхахъ (сіи) мучатся?“
Отвѣща Михаилъ Архангелъ:
„Милости не творили
Сиротамъ, вдовицамъ
И странныхъ въ домъ не пускали,
И въ темницахъ сидящихъ не посѣщали,
За то они и мучатся“.
И рече Пресвятая Богородица:
„Поведи мя ко иной муцѣ“.
И приведе я Михаилъ Архангелъ къ рѣкѣ ко огненной—
И тутъ мнози народи мучатся.
И спроси Пресвятая Богородица:
„Сіи люди о какихъ дѣлахъ мучатся?“
Отвѣща ей Михаилъ Архангелъ:
„То были цари и князи,
Напрасно и безвинно рабовъ своихъ мучили,
За то они и мучатся“.
И прослезилась Пресвятая Богородица,
Видя (какъ) множество народа мучатся.
Се, горе ворамъ и разбойникамъ,
И скоморохамъ, и плясунамъ,
И тѣмъ, кои смущаютъ къ играмъ и игрищамъ,
И кто смущаетъ бѣсовскимъ пѣснямъ и игрищамъ—
Тѣ пріемутъ отъ меня смерть горькую,
И трудъ (страданіе) ихъ будетъ не милостивъ!

IV.

Плачъ Богородицы.

Во мартѣ во мѣсяцѣ, во послѣднихъ днахъ страшныя недѣли,
Во пятничный день,
Во святомъ градѣ Ерусалимѣ
Плакала, ходила святая Дѣва,
При ней были три мироносицъ женъ.
Во градѣ, имъ навстрѣчу
Идутъ два жидовина.
Восплакала, спросила Святая Дѣва:
„Гдѣ вы, жиды, были, куда грядитё?“
Что возговорятъ Дѣвѣ два жидовина:
„Живемъ мы теперича въ Ерусалимѣ,
А мы были, мучили Исуса Христа.
Бивши, мучивши, въ темницу всадили,
Въ шестомъ часу, въ пятницу распяли Его,
Ноги и руки прибивши гвоздями;
Вѣнецъ на главу Его возложили,
Мученій и ранъ Его невозможно исчесть;

Іисуса копіемъ въ ребра прободали,
Земля обагрилась отъ Его крови".
Услышала слова ихъ Святая Дѣва,
Она была безъ памяти и больше часа,
Ударилась о землю, едва была жива...
Застонетъ, восплачетъ Пресвятая Дѣва,
Въ горести речетъ:
„Увы, мать-сыра-земля, возьми меня къ себѣ!
Сыне мой возлюбленный, надежда моя,
Почто не послушался матери своей?
Нынѣ вижу, Сыне, поругаема,
Какое Ты дѣло жидамъ сотворилъ?
О, злые ругатели, беззаконные,
За какое вы дѣло Іисуса біете?
Вчера не хотѣла отпустить Тебя,
И пойде, Чадо, на крестную смерть.
Плачьте и рыдайте, солнце и луна,
Стоните и рыдайте, вдовы и сироты—
Наставникъ-учитель покинулъ васъ всѣхъ!
Сыне мой любезный, надежда моя,
Волей терпишь страсти и крестную смерть.
Нынѣ сердце мое терзается,
Составы плоти разсыпаются,
Кровью уста запекаются,
Горестью гортань заграждается.
Сыне мой любезный, утѣха моя,
Пошто оставляешь едину мя здѣсь,
Вкупѣ-бы вкусила съ Тобою смерть!
Кто нынѣ утѣшитъ отъ горькихъ мя слезъ?
Нынѣ Симоново пророчество сбывается,
Во-истинну глаголы его:
Со страха великаго и ужаса
Сокрылися, бѣжали апостолы всѣ,
Одну меня оставили здѣсь плакати...
Кто мнѣ, Сыне, поможетъ въ слезахъ?
Архангелъ Гавріилъ, помоги ты мнѣ:
Радость моя сошелъ во гробъ".
Господь проглаголетъ матери своей:
—„Любезная Мати, не плачь обо мнѣ!
Я въ третій день воскресну,
Прославлю тебя—
И радости твоей не будетъ конца".
У Божіей церкви, у царскихъ дверей
Надвое завѣса раздиралася,
Древа къ землѣ преклонялися,
Рыданье слезъ услышалъ Господь:
Начали трястися небо и земля,
Солнце и мѣсяцъ перестали свѣтить
Отъ шестого часу до девятаго.
Со страху великаго и со страсти
Жиды припадали ничкомъ на землю,

Внѣ ума лежали четыре часа—
Они, окаянные, не покаялись,
За то ихъ осудилъ Господь въ вѣчную тьму,
Мукамъ ихъ не будетъ конца.

V.

Дашь мнѣ, Господи, о своихъ грѣхахъ поплакати!
Плачу я о нихъ день и ночь,
Слезами умываюся.
Плакать мнѣ надо,
Во своихъ грѣхахъ покаяться,
Что приходитъ пора-времячко
Отправляться въ путь-дороженьку,
Въ путь-дорожку незнакомую,
Въ тую самую прискорбную.
По меня посланы посланники
Отъ Царя-то отъ Небеснаго,
Отъ Пресвятыя Богородицы.
Я дѣломъ-то непоправная,
Тамъ вопросы будутъ грозные,
У меня отвѣты неготовые.
Посмотрю я, многогрѣшная,
На восточную сторонушку,
Не увижу-ли, многогрѣшная,
Своего я друга вѣрнаго,
Ангела хранителя,
Повсечастнаго свидѣтеля:
Не поможетъ-ли моей бѣдѣ,
Не попроситъ ли прощеньица
У Царя да у Небеснаго,
У Пресвятыя Богородицы,—
Не возьмутъ-ли меня, грѣшную,
Что ко стаду ко избранному,
Ко престолу ко Господнему.

VI.

Ужъ литятъ-то, литятъ святы ангелы...
Ужъ вы гдѣ были, куда летали?
„Ужъ мы были, ужъ мы летали,
Гдѣ душа съ тѣломъ разставалася,
Что пошла душа на круту гору,
На крутой горѣ, на высокоей,
Тутъ горитъ огонь, разгорается,
Тутъ смола кипитъ, раскипается.
Ужъ какъ тутъ душа устрашилася,
Со своихъ путей душа воротилася,
Со своимъ тѣломъ распростилася:

„Ты прости-ко, прости, тѣло грѣшное,
Тѣло грѣшное, беззаконное!
Что тебѣ, тѣло, въ землѣ лежать,
Ужъ какъ мнѣ, душѣ, на судъ будетъ итти!“

VII.

Плачъ Адама передъ раемъ.

Расплачется Адамъ передъ раемъ:
„Стоишь ты, раю мой, рай прекрасный!
Мене ради рай сотворенъ былъ,
Еввы ради рай заключенъ былъ.
Евва согрѣшила и меня прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала отъ раю святого...
Увы, намъ грѣшнымъ, увы окаяннымъ!
Уже мы не слышимъ архангельскаго гласа,
Уже мы не видимъ райскія пищи“.
Проговоритъ Евва Адаму:
—„Адаме, Адаме, ты, мой господине!
Не велѣлъ намъ Господь жити во прекрасномъ раю,
Сослалъ насъ Господи на трудную землю,
Намъ правдою жить—Богу не грубити,
Намъ хлѣбъ съѣдати отъ потнаго лица“.
Господь породился—
Адамъ свободился.
Во Ерданѣ крестился—
Весь міръ освятился.
Мы, друзи и братья,
Прибѣгнемъ ко церкви,
Прольемъ мы слезы
Ко Вышнему Творцу,—
Онъ насъ избавитъ
Отъ вѣчныя муки.
Накормимъ мы гладныхъ,
Напоимъ мы жадныхъ (жаждущихъ),
Одѣнемъ мы нагихъ,
Введемъ мы въ домъ странныхъ,
Посѣтимъ больныхъ,
Проводимъ мы мертвыхъ до Божія церкви—
Насъ Господь помянетъ,
На Престолѣ сѣдя
Всегда и во вѣки.

VIII.

На томъ же злобномъ мѣстѣ
Стояла святая соборная апостольская церковь.
Во той же соборной церкви,
Тутъ лежалъ тружденный Божій,
Руками и ногами не владѣетъ.

Пришла къ нему Пресвятая Богородица:
„Поди ты, тружденый, по народу,
Извѣщай ты всему міру,
Чтобы середы, пятницы постились,
Воскресный день Богу молилися,
Другъ друга чтобы почитали,
Братьевъ возлюбляли,
По матерному слову не бранились:
Отъ матернаго слова погибаемъ,
Мать Божію прогнѣвляемъ.
Дѣти отцовъ, матерей почитали,
Отцы и матери дѣтей не проклинали,
Жидамъ дѣтей не называли—
Жиды у Христа прокляты,
Жиды Христа Бога распинали,
Святую кровь Его проливали,
Святое лицо Его заплевали.
На второмъ, на будущемъ пришествіи
Изыдетъ Господь съ Михаиломъ, Гавріиломъ,
Вострубятъ они въ трубы золотыя:
„Ставайте, живые и мертвые,
Возставайте вы, праведныя души,
Ставайте вы лицемъ на востокъ—
Вотъ вамъ уготовано царство!
А вы, грѣшныя души,
Ставайте вы лицомъ на западъ,
Не миновать вамъ муки вѣчныя
И огня негасимаго,
И зубного скрежетанія!"
Ничто моей душенькѣ не поможетъ,
Ничто душенькѣ моей не подсобитъ—
Ни богачество, ни мірская душѣ слава,
Только душенькѣ моей поможетъ,
Только душенькѣ моей подсобитъ:
Тихомирное моленье,
Тайная плачь, попеченіе
И святая душѣ милостыня.

IX.

Горе мнѣ, увы мнѣ,
Во младой юности не знаю я, какъ на свѣтѣ жить!
Хочется пожить, не знаю какъ быть:
Мысли побиваютъ, къ грѣху приклоняютъ.
Кому возвѣщу печаль мою,
Кого призову со мною горько плакати?
Горе мнѣ, увы мнѣ, во младой во юности!
Во младой во юности борютъ многи страсти,
Плоть моя хощетъ больше согрѣшати,
Душа моя желаетъ Царство Божье получити.

Юность моя, юность, младое ты время!
Какъ я съ тобой буду законъ сохраняти?
Быстро ты стрекаешь, грѣхи собираешь,
Душу погубляешь:
Очи много видятъ,
Ноги много ходятъ,
Руки много грабятъ,
Гдѣ-бы и не надо,
Вездѣ поспѣваютъ—
На все, по все побуждаешь, младая ты юность.
Юность ты, моя юность, безбожное ты время!
Сижу я, юность, на тебѣ, какъ на борзомъ конѣ:
По горамъ ты стрекаешь,
Въ ровъ глубокій низвергаешь,
Въ немъ творишь мя пребывати,
Вконецъ Бога забывати,
Бога забывати—грѣхи смертны содѣвати,
Грѣхи содѣвати—плоти угождати.
Плотское угожденье—Бога отступленье,
Бога отступленье—душѣ моей погибель.
Человѣческому роду положилъ Богъ двѣ дороги:
Заповѣдалъ Господь людямъ путемъ узкіимъ ходити,
Имъ-же Богу угодити, царство Божье получити.
Люди-же самовластны,
Преступаютъ законъ Божій,
Въ преступленіяхъ закона
Исполняютъ свою волю;
Свою волю совершаютъ,
Законъ Божій нарушаютъ;
Законъ Божій оставляютъ,
Путь прискорбный забываютъ,
Вѣчной жизни себя лишаютъ.
Юность, моя юность, младое ты время!
Къ Богу ты лѣнива,
Ко грѣху спѣшлива.
По тебѣ мнѣ жити,
Бога прогнѣвити,
Въ томъ-бы не постигла
Смертная кончина.
Юность ты, моя юность!
Въ себѣ ощутився,
Когда въ разумъ приходила,
Тогда слезно говорила:
„И кто себѣ худа пожелаетъ,
Развѣ злой соперникъ, добру ненавистникъ“.
Сижу я на борзомъ конѣ,
И тотъ не обузданъ.
Обуздать его нужно,
Но начать весьма трудно.
Стану я Бога въ помощь призывати,
Да какъ-бы юность обуздати:

„Пріими мя, Боже, яко заблудшаго.
Приведи мя во свою ограду,
Дай мнѣ вѣчную отраду“.

X.

Чудная Царице, Богородица,
Услышь молитвы рабъ своихъ,
Пріими наши слезы теплыя,
Не лиши насъ Царства Небеснаго,
Избави насъ муки вѣчныя!
Земля еси, земля сырая, матерая,
Всѣмъ еси, земля, отецъ и мать!
Гробы вы, гробы, колоды дубовыя,
Всѣмъ вы намъ домы вѣчные!
Черви вы, черви неусыпающіе,
Всякому человѣку встрѣча первая (на томъ свѣтѣ)!
Мука ты, мука вѣчная,
Не меня ради мука сотворена,
Сотворена она сатаны ради и дьяволовъ.
Этого человѣкъ не разсудитъ:
Мало жить, а долго мертву быти,
Быть великому богатству остатися;
Не замѣна отъ смерти богатство,
Не замѣна отъ смерти друзья сердечные,
Ни слезами о смерти,
Не оплакаться моленіемъ—
Отъ смерти не отмолишься.
Пора тебѣ, человѣче, покаяться,
Призвати отца духовнаго,
И вся своя злая дѣла исповѣдати,
Воззрѣти на образъ Создателевъ,
Просити отпущенія своимъ злымъ дѣламъ.
Создатель-человѣколюбецъ милостивъ,
Пріиметъ рыданіе слезное,
Покрыетъ грѣховъ множество,
Избавитъ муки вѣчныя.
Аще-ли ты, человѣче, хощешь получить Царствю Небесное,
Отрѣшися міра сего прелестнаго,
Иди въ пустыню дальную,
Постригися въ ризы черныя,
Призови Бога на помочь;
А хощешь претерпѣти до конца,
Будешь наслѣдникъ Царства Небеснаго.
Не лжетъ Божественное Писаніе:
На семъ свѣтѣ не долго жить,
Долго будетъ во-вѣки мучиться.
Уже животъ твой, человѣче, скончевается
И страшный судъ готовится,
Престолъ Господень поставляется

И святыя книги разгибаются,
И тайныя дѣла наши обличаются.
Душа съ тѣломъ разстается,
Очи твои затворяются
И суставы съ костямъ разсыпаются,
Съ головою умъ прощается,
Лѣпота лицу измѣняется,
Любезные и друзи оставляются:
День къ вечеру приближается,
Солнце идетъ къ западу,
Сѣкера лежитъ близъ древа корени;
Уже время торгу содѣвается
И купля минуется,
И граду врата затворяются—
Приходятъ времена послѣдняя,
Нашему житію конецъ.
Идетъ горе человѣку отъ смерти безъ покаянія,
И возмутъ душу ангелы немилостивы,
Пронесутъ въ мытарства многія
Покажутъ Царство Небесное,
Потомъ покажутъ муки вѣчныя,
Грѣшникамъ плачи неутѣшные,—
Показавъ, посадятъ въ мѣста темныя
До страшнаго суда, до второго пришествія.
А въ послѣднее время будетъ антихристово пришествіе
И отступныхъ его ангеловъ,
И будетъ его царство въ полчетверта года,
И тутъ сотона сотворитъ всѣ дѣла свои,
И тогда исполнится вся земя беззаконія,
И сойдутъ съ небеси пророки Илія и Енохъ
И станутъ христіаномъ глаголати,
Чтобы не вѣровали во антихристово ученіе,
И обличатъ злое его ухищреніе.
И всѣ люди узнаютъ,
Что антихристъ—сынъ погибели.
Тогда приступятъ бѣсы темные
И побіютъ пророковъ Божіихъ;
И, послѣ убіенія пророческа,
Загорится повелѣніемъ Божіимъ вся земля
За многое наше беззаконіе.
Тогда святіи вси возрадуются радостью великою,
Угодившіе праведніи
И всѣ, не пріемшіе печати его,
Антихриста лукаваго и нечестиваго.
И ведомъ будетъ мучитель связанъ отъ ангеловъ
Со всѣми демоны предъ судилищемъ Христовымъ.
И ведомы будутъ вкупѣ съ нимъ
Пріемшіе печатъ его скверную
Вси грѣшники и нечестивые связаны,
И дастъ Царь на нихъ осужденіе
Въ вѣчныя муки въ огнѣ негасимомъ.

А вси, не пріемшіе печати антихристовы
И прелести его не принявшіе,
И (которые) побѣгоша въ пустыни и горы,
И въ пропастяхъ земныхъ плачутся [1]),
И тѣ съ женихомъ возрадуются,
И радости ихъ не будетъ конца.

Интересно бы знать происхожденіе приводимыхъ ниже двухъ стиховъ, невольно обращающихъ на себя вниманіе изящной формой изложенія. Стихи эти весьма распространены между старообрядцами. Въ первомъ изъ нихъ подъ символомъ пастыря и агницы изображенъ Христосъ, ожидающій обращенія души грѣшника.

XI.

„Гдѣ ты, агница, сокрылась—
Та, которую люблю?
Отъ пастыря ты отлучилась,
О душѣ ея скорблю.
Всѣ луга, лѣса и рѣчки,
Рцыте къ Вышнему Творцу,—
Не видали-ли овечки,
Гдѣ овечку я взыщу?
Агница моя, найдися,
Пастырь ищетъ тебя твой
И къ Тому ты возратися,
Съ неба сшелъ Кто за тобой!
Кто стези твои направилъ,
За Собой велитъ итти,
Тя во-вѣки не оставитъ
Безутѣшну на пути.
Не могу уже съ тобою
Долго я въ разлукѣ быть:
Возратись къ тому Началу,
Ты изъ коего течешь,
Радость вѣчную не малу
Кромѣ Меня не найдешь!
Коль тебя мой вопль не тронетъ,
Раздающійся въ лѣсахъ,
Иль не чувствуешь, какъ стонетъ
Пастырь на крутыхъ горахъ?
Зри, какъ агницы другія
Всѣ пасутся у меня,
Провождаютъ дни златые,
Не вздыхая, не стеня.
Ты не будешь услажденна
Внутреннею тишиной,

[1]) Прячутся?

Коль не будешь сопряженна
Сердце искренне со мной.
Утружденныхъ я покою
И болящимъ жизнь даю—
Соединись скорѣй со мною,
Тѣмъ спасешь ты жизнь свою!“
Агница моя не внемлетъ,
Тѣмъ смущаетъ весь мой духъ...
— Кто зоветъ ко стаду нынѣ?
Знать, что это пастырь мой.
Возвратиться онъ вѣщаетъ—
Видно я не на пути.
Все крушитъ меня, смущаетъ...—
„Стану кликать я тебя,
Ты доколѣ не преклонишь
Сердце, пастыря любя.
Приклонись, простру я руки,
Къ персямъ я тебя прижму,
Всѣ твои скончаю муки,
На плещи тебя возьму!“
— Я на гласъ твой поспѣшаю,
О, любезный пастырь мой!
Всю себя тебѣ вручаю,
Сколь призывъ пріятенъ твой!
Со святыми ты другими
И меня совокупи,
Со избранными другими
Славить тебя укрѣпи!—

XII.

Умоляла мать родная
Свою милую дитя,
Предъ кончиною рыдала,
О судьбѣ ея грустя:
„Распростись со мной навѣки,
Ненаглядный мой цвѣтокъ!
Скоро будешь сиротою
Цвѣсти въ полѣ ты одна:
Мнѣ минута наступила
Тебя на вѣкъ спокидать,
Скоро хладная могила
У тебя отыметъ мать.
Ты, звѣзда моя, денница,
Пожалѣй своей красы,
Не сгуби себя, дѣвица,
Не плети ты двѣ косы [1])!
Не мѣняй волю златую

[1]) т. е., не выходи замужъ: косы плетутъ на двое замужнія женщины.

На прелестные цвѣты,
На богатство, честь земную,
На заботы, суеты.
Ты теперь хошь не богата
И въ народѣ не славна,
Навѣкъ птичка ты крылата,
Безпечальна и вольна.
Не забудь сего, дѣвица,
Твой женихъ—небесъ Творецъ.
Вовѣкъ будешь, какъ дѣвица,
Съ Нимъ ты пойдешь подъ вѣнецъ—
Въ рай пресвѣтлый на востокѣ,
Вѣчной радости страна,
Незамѣченнымъ въ порокѣ
Будешь дѣвамъ отдана.
Лучше царскихъ тамъ палаты,
Вертограды и сады,
Терема, чертоги златы,
Въ садахъ дивные плоды,
Въ рощахъ съ чудными древами
Всегда ангелы поютъ,
Плавно катятся тамъ рѣчки,
Чище слезъ водны струи—
Ты вселишься тамъ навѣки,
Дочь любимая моя.
Тамъ не жди бѣды, напасти
И печали никакой,
Всѣ погибнутъ наши страсти,
Но лишь радость и покой.
Ты, звѣзда моя, денница,
Пожалѣй своей красы,
Не губи себя, дѣвица,
Не плети ты двѣ косы!
Ты люби, люби себя-же,
Дочь любимая моя,
Не забудь сего, дѣвица,
Ты послушай свою мать!
Рай пресвѣтлый сего свѣта,
Я тебя тамъ буду ждать".
Мать послѣдній разъ вздохнула,
Оградившися крестомъ,
На дѣвицу разъ взглянула
И уснула вѣчнымъ сномъ.
Не забыла дѣва слова,
Помнитъ материнъ совѣтъ,
Безъ препятствія земного
Она жизнь свою ведетъ.

Слѣдующій стихъ содержаніемъ имѣетъ „воспоминаніе пребо-лѣзненное объ озлобленіи кафоликовъ"—воспоминаніе о жестокихъ

преслѣдованіяхъ старообрядцевъ со стороны правительства въ первыя времена раскола.

XIII.

По грѣхамъ нашимъ, на нашу страну
Попусти Господь такову бѣду:
Облакъ темный всю осѣни,
Небо и воздухъ мракомъ потемни;
Солнце въ небеси
Скры своя лучи
И луна въ нощи
Свѣтлость потемни,
И дневной свѣтъ преложися въ мракъ.
Тогда твари вси
Ужаснушася,
Но и бездны вси
Содрогнушася,
Егда адскій звѣрь [1])
Узы разрѣши,
На закланье твердыхъ
Нагло искочи.
О, коль яростно
Испусти свой ядъ
Въ кафолическій
Славный Петроградъ.
Зѣло злобный врагъ
Тогда возревѣ,
Кафоликовъ родъ,
Мучить повелѣ,
Святыхъ пастырей
Вскорѣ истреби,
Увы, жалости,
Огнемъ попали.
Четы иноковъ
Уловляхуся,
Злымъ казненіямъ
Предавахуся—
Всюду вѣрніи
Закалаеми,
Аки класове
Пожинаеми.
Тогда вѣрніи
Горько плакаху,
Зѣло жалостно
Къ Богу взываху:
„Время лютости,
Боже, сократи,
Отъ мучительства

[1]) Діаволъ.

Злаго исхити.
Аще не твоя
Помощь сохранитъ—
Избранныхъ всѣхъ
Адскій звѣрь [1]) прельститъ.
О, увы, увы, благочестіе!
Охъ, увы, увы, скорбныхъ оныхъ дней!
Охъ, увы, увы, лютыхъ тѣхъ временъ!
Како лютый звѣрь
Садъ нашъ погуби,
Вся древа сія
Вскорѣ попали.
Аще помянемъ мы благочестіе
И пресвѣтлое правовѣріе,
Егда процвѣталъ кринъ церковный,
Зѣло облисталъ чинъ священный,
То не можемъ быть безъ рыданія
И безъ скорбнаго воздыханія:
Охъ, увы, увы, благочестіе,
Увы, древнее правовѣріе!
Кто лучи твоя вскорѣ потемни,
Кто блистаніе такъ измѣни?
Десятророжный звѣрь сіе погуби,
Седьмиглавый змій тако учини,
Весь церковный чинъ звѣрски преврати,
Вся преданія злобно истреби:
Церкви Божія осквернишася,
Тайнодѣйствія вси лишишася,
Но и пастыри поплѣнишася,
Жаломъ новшества умертвилися.
Зѣло новшества непотребны намъ!
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы, бѣдные, сокрушаемся,
Что всѣ пастыри посмрадилися,
Въ еретичествѣ потопилися.
Оле, бѣдствія намъ безъ пастырей,
Оле, лютости, безъ учителей!
По своимъ волямъ вси скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдніи утѣсняемся,
Отъ отечества изгоняеми.
За грѣхи наши днесь родилися,
Въ таковы бѣды попустилися.
Почто въ юности мы не умрохомъ,
Въ самой младости мы не успохомъ?
Избѣжали-бы сихъ плачевныхъ дней,
Не видали-бы лютыхъ сихъ временъ.
И мы горце вси выну плачемся,
Преболѣзненно сокрушаемся:

---

[1]) Діаволъ.

Увядаетъ днесь благочестіе,
Процвѣтаетъ же нечестіе,
Лжеучители почитаются,
На каѳедрахъ вси возвышаются;
Вѣрныхъ собори истребляеми,
Сонмы мерзостей умножаеми.
Вавилонская любодѣйца
И скверная чародѣйца
Представляетъ всѣмъ чашу мерзости
Подъ прикрытіемъ малой сладости;
И мы, слабые, тѣмъ лишаемся,
Сластолюбіемъ уловляемся.
Вся пророчества сбываются,
Предсказанія скончеваются,
А чего еще хощемъ ожидать,
Посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія скончевается,
И день Судный приближается.
Ужаснись, душе, Суда Страшнаго
И пришествія всеужаснаго,
Окрылись, душе, крылы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести,
Ты пойди, душе, въ чащи темныя,
Отъ мірскихъ суетъ удаленныя,
Постигай, душе, вѣрныхъ малъ соборъ,
Укрывающихся посреди холмовъ;
Не страшись, душе, страху тлѣннаго,
Но убойся ты огня вѣчнаго;
Изливай, душе, рѣки слезныя,
Посылай къ Богу мольбы многія,
Крѣпко на Него всегда уповай,
Во-вѣки вѣкомъ Его прославляй!

Такимъ образомъ, еще въ первыя времена раскола среди старообрядцевъ явилось убѣжденіе, что для спасенія необходимо уйти изъ среды людей и міра „прелестнаго", въ которомъ царствуетъ грѣхъ, удалиться въ тайныя мѣста—дебри и пустыни. Впослѣдствіи, когда попытки образовать свою церковь—„съ полнотою таинствъ и священства" оказались тщетными и привели къ раздѣленію старообрядцевъ на множество толковъ и сектъ, число сторонниковъ указаннаго убѣжденія все увеличивалось, и, наконецъ, было выработано ученіе въ защиту такой жизни: „по пророчествамъ" видимой церкви въ гонительное антихристово время не будетъ, вѣрные будутъ скрываться въ вертепахъ и пустыняхъ; поэтому для спасенія души необязательно будетъ исполненіе церковныхъ предписаній, возможное только при спокойной, нормальной жизни церкви. Въ этомъ отношеніи интересно весьма распространенное среди старообрядцевъ „Сказаніе" нѣкоего Захаріи, „пророчески" изображающее жизнь людей „въ гонительное время". Въ немъ особенно ясно выражено

отрицательное отношеніе автора къ усвоенію русской интеллигенціей европейскаго образа жизни, несогласнаго съ строго-христіанскими убѣжденіями старообрядцевъ. Такъ, напр., въ то время, какъ единственной заботой христіанина должно быть угожденіе Богу, русскія женщины, по обычаю „проклятыхъ нѣмецъ", мажутъ волосы „вонями", въ угоду людямъ и на соблазнъ ихъ; костюмъ, сдѣланный въ угоду модѣ, мѣшалъ колѣнопреклоненію и т. д. Полный заголовокъ сказанія: *„Слово отъ старчества инока Захаріи ко ученику своему Захарію, изъ славной обители въ горахъ, отъ града Тактора три поприща, близъ подьлія, нарицаемаго „Макоимесъ"*. Содержаніе „слова" такое: „Азъ пріидохъ, по обычаю, къ старцу и побесѣдовахъ на многъ часъ о пользѣ душевной и воспомянухъ азъ отцу моему: „отче, повѣждь ми, како сіе будетъ — объ антихристѣ и прелести его и о воинствѣ его"? Старецъ, вздохнувъ, рече: „виждь сіе извѣстіе, реченное пророкомъ Даніиломъ, когда будетъ мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и исполнится число звѣрино „666", *и разсыплется рука людей священныхъ, и иноческій чинъ истребится, пѣнія и чтенія явнаго нигдѣ-же слышится.* Тогда будетъ царство антихристово явно. Будутъ брани ратныя на землѣ, не яко-же нынѣ — копіи и стрѣлы и палицы желѣзныя: будетъ оружіе огнепальное, о немъ-же страшно и рещи. И не будетъ воинство нарицатися „воинство", но названіе какое страшное имя „солдаты", и брады имущи обрити, яко жены, уста-же имуще, яко львови; изъ устъ исходитъ дымъ смердящъ [1]). Одѣяніе имутъ носити короткое, обтянуто, и хвостъ [2]) имутъ носити на главахъ и орла (о немъ-же Ездра пророкъ писа); сверху конскіе опаши". И вопросихъ азъ: „повѣждь ми, како христіане спасутся отъ тоя прелести"? Воздохнувъ, старецъ рече ми: „чадо, малыи нѣцыи, неовязавшіеся суетами, и въ плачахъ безчисленныхъ, тіи спасутся. Аще ли гдѣ обрящется общее житедьство, то изо ста единъ спасаемыхъ будетъ, а въ міру (едва-ли) гдѣ изъ тьмы [3]) единъ спасаемыхъ обрящется; зане-же будутъ пастыріе и овцы, но не будутъ овцы имѣть повиновенія; и мнози будутъ струпы грѣховные, а данныхъ имъ епетемъ [4]) износити не будутъ, и мнози грѣхи ни во что вмѣнятъ. Мнози отъ христіанъ впадутъ въ растлѣніе, житіе примутъ елинскихъ проклятыхъ нѣмецъ, имутъ носити короткіе выше колѣну штаны, натянуты чрезъ рамена, и немощи имъ колѣнопреклоненія творити. Жены-же многія отъ христіанъ, насрамився, будутъ имѣть бѣсовскій образъ—главы непокровенны; на главахъ будутъ носить роги [5]) скотскіе—уподобятся бѣсомъ; лица будутъ мазать и волосы вонями на прелесть поганыхъ; одѣяніе будутъ носити необычайно—мечтанія блудническая, обычай проклятыхъ нѣмецъ,—съ перетяжками [6]), на погибельную блудницѣ прелесть. И возлюбятъ конское ристаніе, бѣсовскія игры и пѣсни, и плясанія сатанинская. Еще, по оному, возлюбятъ

[1]) Куреніе табаку.
[2]) Султанъ.
[3]) 10.000.
[4]) Эпитимій.
[5]) Гребенки.
[6]) Вѣротно, корсеты.

несытое лакомство, безмѣрное питіе [1]) отъ травы, идолопарственное кропленіе зміинымъ жиромъ, изыдетъ (это лакомство) отъ Еллинъ, которые змію поклоняются. И еще ко оному будетъ составлена отписка [2]) костей мертвечныхъ нечистыхъ, дабы никто не избѣжалъ отъ руки его (антихриста). Будутъ піюще утри и въ вечеръ, и въ полудни, и честь дѣюще, и не вмѣнятъ въ грѣхъ; зато мнози снидутъ во адъ, прельстившимся имъ. Аще-же кто въ то время сохранитъ себя ото всѣхъ соблазновъ, вящей и первый мученикъ обрящется во-вѣки вѣкомъ".

Такимъ образомъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ „послѣднія времена" такъ и быть должно—„истребится рука священниковъ и иноческій чинъ, пѣнія и чтенія явнаго не будетъ", многія старообрядцы искали спасенія въ пустынѣ. Явилась особая поэзія, изображающая пустынную жизнь, хотя и полную матеріальныхъ лишеній, но ничѣмъ не отвлекающую отъ заботъ о личномъ нравственно-религіозномъ самоусовершенствованіи; таковы напримѣръ:

Хвалебный гимнъ пустыни.

I.

О, прекрасная пустыня!
Самъ Господь пустыню похваляетъ,
Отцы въ тебѣ, пустыня, скитаются,
Ангелы отцамъ помогаютъ,
Апостолы отцовъ ублажаютъ,
Пророки отцовъ прославляютъ,
Мученики ихъ величаютъ,
Всѣ святые похваляютъ.
Отцы въ тебѣ скитаются,
Изъ проточины воды испиваютъ,
Древа въ пустыни выростаютъ,
Разноличные цвѣты расцвѣтаютъ,
Птицы по древамъ прелетаютъ,
На кудрявыя вѣтки посѣдаютъ,
Онѣ райскія пѣсни воспѣваютъ,
Отцовъ въ пустынѣ утѣшаютъ.

II.

О, прекрасная пустыня,
Пріими мя въ свои частыни,
Въ вѣрныхъ овчатъ стадо,
Въ тихость-ли безмолвную,
Въ палату-ли своевольную.

---

[1]) Чай.
[2]) Метрическія при церквахъ книги для записи умершихъ.

Любимая моя мати (пустыня),
Всегда тебя хощу знати,
Устамъ сердца цѣлуючи,
Въ день и ночь милуючи.
Царскія всѣ полаты,
Отнюдь ихъ не хочу знати.
Древа и кусты кедровые,
И листіё зелёное,
Отъ вѣтреннаго малаго духа трясущіеся,
Твои воздуха будили.
Оставивъ тотъ злобный міръ,
Одинъ въ пустынѣ бѣгаючи,
Всегда въ ней скитаючись,
Покоевъ и полатъ златыхъ, людей мірскихъ
Во свое младыя лѣта отлучился;
Отъ свѣта—отъ скверной той блудницы
Утекаю я въ пустыню.
О, прекрасная пустыня,
Съ любовію пріими мя!
Не страши мя своимъ страхомъ,
Да не разсыплюсь я прахомъ;
И пойду-ли я въ твои луги,
Отложивши всѣ недуги,
Видѣти твой зеленый садъ
И живущихъ въ ней твоихъ чадъ.
И долженъ плакать я, мой Боже,
Кто мнѣ бѣдному поможетъ
Въ далёкой пустынѣ, въ глубокой долинѣ?
О, преподобный отце Варлааме,
Моли Бога непрестанно,
Да и меня Господь сподобитъ
Со святыми ликовати
И со ангелы Бога воспѣвати всегда и во-вѣки!

III.

Время радости настало,
Я въ восторгѣ себя зрю;
Мое сердце встрепетало,
Изъ очесь слёзъ токи лью:
Прощай весь міръ со страстями
И со прелестью на-вѣкъ,
Я отъ васъ ужъ удаляюсь,
Гдѣ согласнѣй, я вселюсь.
Тамъ пещеры темноваты
Заставляютъ слезы лить
И не царскія палаты
Могутъ душу веселить;
Вмѣсто всякаго напитка
Ключевая тамъ вода,
Текутъ рѣчки безъ убытка—
Я имѣю ихъ всегда.

IV.

Стихъ про Іоасафа царевича.

Боже, отче Всемогущій,
Боже, Сыне Присносущный,
Боже, Душе Параклете,
Свѣтозарный міру свѣте,
Въ тріехъ лицахъ пребывай,—
Къ Тебѣ я, грѣшный, приступаю,
Многи слезы проливаю:
Благоволи меня пріяти,
Дабы Тебѣ работати.
До чего я буду жити,
Хощу Твой рабъ вьну быти,
Тебя ради міра лишаюсь,
Царство, други оставляю.
Златъ вѣнецъ мнѣ ни во что-же,
Тебя ради, Христе Боже;
Нѣсть ми воля царствовати,
Много богатство содержати,
Во уметы все вмѣняю,
Тебѣ, Христе, работаю.
Нищъ, убогъ я хощу быти,
Да съ Тобою могу жити;
Въ лѣсы темны изъ полаты
Иду свѣтлы обитати,
Изъ града ко граду, въ пустыню,
Любя зѣло ея густыню.
Да мя сей міръ не прельщаетъ,
Любви къ Тебѣ не лишаетъ,
Ты ми изволь помощь дати
Во пустынѣ обитати.
Яко Твоя воля будетъ,
Да Твой рабъ въ ней пребудетъ,
Тебѣ вьну работая,
Въ совершенство поступая.
Ты сей путь мой Самъ направи,
Да живу Ти, Самъ настави:
Вся надежда моя въ Тебѣ,
Ты спаси мя, Живый въ небѣ.
Вы-же, дебри и пустыни,
Пріими мя во густыни,
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу Живу послужити.
Иду внутрь тя обитати,
Ты ми буди, яко мати,
Питающи древесъ плоды,
И дивными былій [1]) роды.

[1]) Растеній.

Сладки чаши оставляю,
Токмо твоихъ водъ желаю,
Да возмогу отъ тѣхъ пити,
Отъ очей слёзъ токи лити,
Грѣхи мои омывая,
Бога въ милость преклоняя.
Міра славу, сребро, злато
Я вмѣняю, яко блато.
Только то намъ есть и треба,
Что хранитъ намъ Господь въ небѣ,
Того хощу всегда искати,
Въ скорбяхъ, нуждахъ злострадати,
Труды многи положити,
Чтобы въ небѣ съ Тобой жити.
Путемъ тѣснымъ итти тщуся,
Да въ пространныхъ водворюся,
Въ свѣтлы неба, въ нихъ-же сладость,
Безконечна всегда радость.
Звѣрей дивныхъ боюся,
Но на Христа надѣюся,
Яко имать укротити
И подастъ мнѣ мирно жити.
Тѣ мнѣ больше лютыхъ звѣрей
Страшны, иже злы безъ мѣры,
Ибо душу убиваютъ,
Когда они во грѣхъ прельщаютъ.
Но и отъ тѣхъ мнѣ есть Спаситель,
Христосъ Богъ и Защититель,
На Него я уповаю,
Всего себя Ему вручаю.
Желаю зрѣти Варлаама,
Дабы жити купно нама:
Онъ мя къ Богу примирилъ,
Свѣтомъ правды просвѣтилъ;
Онъ мнѣ жизни вождь да будетъ,
Съ нимъ мой выну духъ пребудетъ,
Съ нимъ вѣкъ жити здѣсь желаю,
Съ нимъ по смерти жити чаю.
Даждь мнѣ, Христе, получити
Съ Варлаамомъ мнѣ здѣсь жити,
Да съ нимъ Тебѣ пою,
Въ свѣтломъ небѣ Бога славлю,
Бога-Отца величаю.

V.

Я въ пустыню удаляюсь,
Отъ мірскихъ бѣгу суетъ
И въ томъ мыслью занимаюсь,
Что спасенья въ мірѣ нѣтъ.

Живучи въ уединеньи,
Къ Богу всёй душой стремлюсь,
Всё мое въ томъ попеченье—
Со страстями я борюсь.
Побѣдить тѣлесну сладость,
Превозмочь грѣховну лесть—
То душѣ прямая радость,
Утѣшенье, слава, честь.
На Творца я уповаю,
Стремлюсь духомъ въ небеса
И спокойно ожидаю
Себѣ смертнаго часа.

VI.

Что за чудную превратность
И премѣну зрю въ глазахъ?
Прощай міра вся пріятность,
Не хочу я зрѣть на васъ;
Утѣхъ вашихъ удаляюсь,
Во пустынѣ хочу жить,
Моимъ духомъ восхищаюсь,
Чтобы вѣкъ Богу служить.
Вмѣсто прелести и славы,
Зрю я въ темные лѣса;
Поминутно, вмѣсто сласти,
Взоръ вперяю въ небеса;
Вмѣсто музыки и пѣсенъ
Меня птицы веселятъ,
Міра суетнаго славу
Забывать минѣ велятъ.
Гдѣ кокушка воскокуетъ
На пустынныхъ древесахъ,
Она духъ мой возбуждаетъ
Помнить Бога въ небесахъ.
По пустынѣ текутъ рѣки
Повелѣніемъ Творца
По предѣлу ихъ навѣки,
До всего міра конца.
И журчаньемъ водъ текущихъ
Утѣшаюсь я всегда,
Мірскихъ прелестей влекущихъ,
Чтобъ не помнить никогда.
Поля злачны и долины
Здѣсь блистаютъ красотой—
Всѣ пріятны мнѣ и милы,
Но считаю я мечтой.
Міръ мнѣ суетный не зрится,
Нѣтъ и прелести въ глазахъ,

Но лишь худъ [1]) мой веселится—
Умъ летаетъ въ небесахъ.
Хотя часто онъ тревожитъ,
Но считаю я мечтой,
И о томъ мнѣ Богъ поможетъ,
Что всегда Онъ есть со мной.
Что я міру поругался,
Но и прелесть всю попралъ
И подъ власть Отцу отдался,
Жизнь небесную избралъ—
И блаженъ теперь считаюсь,
Что духъ мой достигъ покой,
Повсечасно утѣшаюсь
Я при радости такой.
Хвали, сердце мое, въ вышнихъ,
Хвали Бога въ небесахъ,
Воспой пѣснь Ему приличну,
Самъ ходя подъ древесамъ!
Воспой гласомъ, воспой духомъ,
Воспой милость всю Его,
Ударь въ гусли тонкимъ звукомъ,
Прославь Бога своего,
Что извелъ тя изъ напасти,
Изъ житейскія мечты,
Удалилъ Онъ тя отъ страсти,
Отъ житейской суеты
И привелъ тя во ограду,
Гдѣ пасетъ своихъ овецъ!
За сія Его щедроты
Ты прославь, душе моя,
Что у Бога милости много,
Невозможно изрещи:
Онъ и гнѣвъ Свой утоляетъ,
И лишаетъ вредныхъ мечтъ,
И грѣхи Онъ всѣ прощаетъ,
И изводитъ выше звѣздъ.

Бываютъ, впрочемъ, случаи, что человѣкъ, переживши въ пустынѣ всѣ искусы молодости, въ совершенныхъ лѣтахъ уходитъ въ міръ, заразившись его прелестью, какъ показываетъ приводимый стихъ:

VII.

Братія, внемлите, всѣ друзья мои,
Внятно приклоните ушеса свои:
Я стишочекъ вамъ *спою*
Про судьбину про свою,

---

[1]). Тѣлесная природа.

Про житье жестоко,
Про младые годы.
На восемнадцатомъ годѣ жизни своея,
Въ юношескомъ цвѣтѣ,
Возгнушался сему міру
И послѣдовалъ въ пустыню;
Желая спастися,
Съ суетою распростился.
Младыя тамъ лѣта
Мирно проживалъ,
Прелестей, навѣта
Я во снѣ не зналъ.
Отъ печалей былъ свободенъ
И художествомъ [1]) доволенъ
Въ пищѣ и одеждѣ,
Въ потребахъ тѣлесныхъ.
Вѣрой ограждался,
Въ нуждахъ не скорбѣлъ,
Любовью питался,
Съ надеждой терпѣлъ.
Не роскошно тамъ я жилъ:
Болотную воду пилъ,
Хлѣбъ ѣлъ ячменной,
Иногда съ корой—
Вкушалъ я безъ роптанья
Отъ трапезы той.
Не внималъ страданьямъ,
Въ книгъ во чтеньи упражнялся,
Отъ прелестей отвращался,
Видъ имѣлъ степенный,
Взоромъ былъ смиренный,
Воздыхалъ сердечно
О душѣ своей
И думалъ такъ вѣчно
Прожить безъ страстей...
Лѣта млады миновали,
Совершенныя (лѣта) настали,
Сталъ я немощнѣе,
Гораздо слабѣе—
Почувствовалъ страсти,
Сталъ отъ нихъ страдать,
Житейскія сласти
Началъ познавать.
Сталъ я духомъ колебаться,
Понемногу уклоняться
Отъ поста и молитвы
Къ суетной жизни.
Грустно мнѣ наединѣ,

[1]) Худой жизнью.

Безмолвное житіе въ пустынѣ
Наскучило мнѣ.
Я съ пустыней распростился,
Въ жизнь мятежну возвратился,
Овязался мечтою, мірской суетою.
Чего я гнушался—случилось со мной,
Чего отвращался—вижу надъ собой:
Сталъ я частенько умываться,
Въ кафтанъ синей наряжаться,
Лѣстовку [1]) оставилъ,
На крючекъ повѣсилъ.
Братія, явите милости своя:
Себя не блазните, зря грѣхи моя.
Прошу, впрочемъ, извинить,
Что горѣлочку сталъ пить—
Я, вѣдь, не до пьяна,
Только для здоровья;
Пьянъ не напиваюсь,
Свой законъ храню,
А хошь что и случится,
Въ томъ можно извиниться,
Что я, вѣдь, не архангелъ,
Даже не безплотный.
А кто позволяетъ брату своему
И не осуждаетъ, я скажу тому:
„Мнѣ за всѣхъ не умолить,
Прошу самимъ честно жить,
На меня не надѣйтесь—
Я вамъ не ходатай“.

Но какъ бы ни крѣпко хранилъ себя въ пустынѣ отшельникъ-старообрядецъ, всетаки иногда у него можетъ явиться сомнѣніе въ спасительности созданнаго самими ученія о жизни внѣ церкви, разъ ученіе въ томъ видѣ не засвидѣтельствовано единственно-убѣдительнымъ для старообрядца авторитетомъ святыхъ:

VIII.

Человѣкъ живетъ, какъ трава цвѣтетъ.
Ужъ человѣка ровно цвѣтъ цвѣтетъ:
Поутру цвѣты цвѣтутъ,
А къ вечеру опадутъ;
Къ вечеру человѣкъ веселится,
А поутру мертвъ ложится,

[1]) Чотки.

Руки приложивъ къ ретиву сердцу.
Вы (родные) ночто меня водою омываете:
Не омылся я слезами предъ Господомъ;
Вы почто меня во гробъ полагаете:
Не имѣлъ я отца духовнаго,
Не имѣлъ я при себѣ пастыря добраго;
Вы почто меня во саванъ облекаете:
Не облекся я во одежду новобрачну [1]);
Вы начто надъ тѣломъ свѣчу возжигаете:
Не возжегъ я свѣтильника души своей;
Вы начто надъ тѣломъ службу совершаете:
Не имѣлъ я у себя поста и моленія.
Ровно утлая ладья на морѣ плаваю,
Она тѣло потопитъ,
А душу не топитъ.
Не перенная стрѣла не прямо летитъ—
Не слыхаючи писанья,
Не спасется человѣкъ.

Въ заключеніе сообщаемъ о способѣ распространенія стиховъ между старообрядцами. Стихи эти обыкновенно поются на общихъ собраніяхъ старообрядцевъ въ воскресные и праздничные дни. Благодаря этому, многіе знаютъ ихъ наизусть, что̀, между прочимъ, значительно облегчаетъ дѣло собиранія и записи ихъ.

Яковъ Ильинскій.

[1]) На церковномъ языкѣ означаетъ крещальныя одежды.

ЗАГАДКИ

въ Кокшеньгѣ Тотемскаго уѣзда.

Помѣщаемыя здѣсь загадки записаны мною всѣ въ деревнѣ Рыкаловской Спасской волости, главнымъ образомъ отъ подростковъ парней и дѣвушекъ, большею частью неграмотныхъ, и только незначительная часть—отъ пожилыхъ людей; при записи я старался тщательно опредѣлить источникъ, изъ котораго загадка взята, чтобы не помѣщать тѣхъ, которыя были вычитаны изъ книгъ, и, если сюда включены нѣкоторыя изъ общераспространенныхъ, то потому лишь только, что онѣ изстари загадывались и здѣсь. Записывая, я старался точно также сохранить (отмѣтить) главнѣйшія особенности мѣстнаго говора.

Кокшеньга, 1905 г.

Мих. Едемскій.

1. Безменъ.

Самъ худъ,
А голова съ пудъ.

2. Блины.

а) Бéреги прикрýты,
Вода дорога,
Рыба бéзъ кости.
(Растворъ блиновъ въ квашнѣ).

в) Сѣрой котъ
Матрену трётъ,
Матрена ревитъ
Да прибавить велитъ [1]).

с) Курица золѣзна,
Зобъ овсяной,
Хвос(т)ъ деревя́нной [2]).

[1]) При печеніи, когда растворъ блиновъ выливается на сковороду, послѣдняя верещитъ.

[2]) На желѣзной сковородѣ съ деревянной ручкой пекутъ блины.

3. Блоха.

Черненько маленько
Царя шевелитъ.

4. Брёвно въ стѣнѣ.

На улицѣ краюшка,
Въ избѣ—ломотокъ [3]).

5. Бура́къ или пестéрь [4]).

Скрипитъ, хлопочетъ,—
На бабу хочётъ.

6. Ви̯никъ (вѣникъ).

По полу гудокъ
Да и по лавкамъ гудокъ,
Тотъ же гудокъ
Да и сѣў въ уголокъ.

[3]) Снаружи круглое, внутри отёсанное.

[4]) Большая корзина изъ дранки, съ одною ручкою жгутомъ, употребляемая бабами для ношенія изъ гумна корму для скота; корзину несутъ на спинѣ, придерживая за перекинутую черезъ плечо ручку-жгутъ.

7. Вúникъ и полъ въ избѣ.

Кабы не батюшко
Шантю́къ-пантю́къ,
Дакъ заросла бы вся у матушки
Шантя-пантя.

8. Вонь.

(В)кругъ носу вьетце,
А въ руки не даетце.

9. Воронцы́ (балки, брусья) у печки.

Два вóрона литятъ,
Одну голову идя́тъ.

10. Vul.

Идётъ,—жуётъ,
Стои́тъ,—моўчитъ;
Нагнéтсе,—сміетце.

11. „Высаживаніе" сноповъ съ овина на доло́нь.

Изъ дыры—да на плѣшь.

12. Вши въ головѣ.

Стои́тъ кочь,
На кочѣ трава-повилиця,
А въ травѣ-повилицѣ
Ягода-жаравлиця.

13. Глазъ.

Книга-роздвига,
По краямъ волоса,
А въ серединѣ чюдеса.

14. Горохъ.

Катúлисе катóчьки
По лúпову мостóчьку;
Увидѣли зóрю,—
Свалилисе въ воду [1]).

[1]) Передъ варкой горохъ откатываютъ на рѣшетѣ (об. липовомъ), очищая т. обр. и сортируя его.

15. Горшокъ.

Ес(т)ь ли таковъ,
Какъ Иванъ Пятаковъ:
Сѣў на конь
Да и поѣхаў въ огонь.

16. Гребень.

Широкъ-коротокъ
Побѣжаў въ болото
Свиней гонеть.

17. Грибъ.

Маў-малышёкъ
Въ землю ушбў,
Красну шапочьку нашёў.

18. Доéньё коровы.

а) Сѣла баба на сгибень,
Промежу ноги бубень,
Въ обѣ руки тарабуки,
Зачяла играть въ бубень.

в) Возьму я сохáчь за рогáчь,
Промежъ ноги бубéнь,
А въ руки жúловатикъ.

с) Чётыре сестрицы
Въ одну лунку сцятъ.

19. Дорóга.

Кабы стаў, кабы стаў,—
Дакъ бы до неба достаў;
Кабы руки да ноги,—
Я бы вóра связаў;
Кабы ротъ да глаза,—
Я бы все розсказаў.

20. Дровни.

Петь-петь Ивановъ
Да петь огибановъ,
Марья да Дарья
Да двѣ Палагіи [2]).

[2]) Копылья по 5 на кажд. полозѣ. вязки, полозья и „нащапы".

21. Жаравлика (клюква).

На тоненькомъ деревцѣ
Животци наши качеютце.

22. Жёна Лотова.

Хто въ ветхомъ завѣтѣ родиусе, а не умёръ, не живетъ?

23. Жукъ.

Лититъ по-птичью,
Говоритъ по-бычью,
На землю падётъ,—
Въ колѣно землю орётъ.

24. Замокъ.

Маленька собачька
Свернуласе лёжитъ;
Не лаётъ, не кусаетъ
И въ домъ не пускаётъ.

25. Замокъ и ключъ.

Стоитъ ссбра
Середи поля;
Прилитѣу куликъ
И говоритъ:
„Ссора, ссора,
Дай стоя!"
— Нѣтъ, куликъ,—
У тебя великъ,
У мня дырка болитъ!

26. Зубы, ротъ.

Поуно подпольё
Гусей-лебедей.

27. Зыбка съ робенкомъ.

Стоитъ городъ
Не на землѣ, не на водѣ;
Въ томъ городѣ
Нѣмъ воевода.

28. Йич/цё (яйцо).

Чёво на спицьку не повиситъ?

29. Капуста.

а) Семьдесятъ одёжёкъ,
Всѣ безъ застёжекъ.

в) Стоитъ попикъ
Не высокъ не низокъ,
На ёмъ семьдесятъ ризокъ.

30. Колоколо (церковное).

Живецъ мертвеца бьетъ,
Мертвецъ вопіетъ,
Народъ ссывающе
И спасающе.

31. Колье въ угородѣ [1]).

Два братця одвѣмъ пояскомъ подпоясались.

32. Колодецъ и черпаніе изъ него воды.

Хай да махай
Да въ серёдку пехай,
Тычь да мачи
Да подверхъ волочи.

33. Копна (скирда) съ хлѣбомъ.

Кругомъ хобото,
А въ серёдкѣ золото.

34. Ключь и замокъ.

На повитѣ
Прямо клити
Парень дѣвку
Еберзитъ.

---

[1]) Колья въ изгороди, связанные „перевичьками".

35. Крючекъ у дверей.

Днемъ виситсе,
А ночью—въ дырку опеть.

36. Кўнпаў [1]) на церквѣ.

Стоитъ Егорей
Въ полу-угорѣ.

37. Курица.

У нашей у Маши
Семьдесятъ рубашёкъ,
Вышла на улицю
И ж . . . гола.

38. Лапти плететъ.

Въ лѣсъ идётъ,—
Клѣточьки кладётъ;
Изъ лѣсу идётъ,—
Перекладываётъ.

39. Ложки во время ѣды.

Около пролўбки
Скачютъ голўбки.

40. Лу̇къ (?).

За́гону загадку,
За́брошу за грядку;
Пус(т)ь моя загадка
Въ годъ пойдётъ
Годови́къ возьмётъ.

41. Лукъ.

Сидитъ баба на грядкахъ,
Вся въ заплаткахъ;
Хто не (в)глянетъ,—
Всякъ заплачётъ.

42. Лыка (лыки).

Корова въ лисѣ,
А черёва здисе [2]).

[1]) Куполъ.
[2]) Т. е. дерево, съ котораго дерутъ лыки,— въ лѣсу, а лыки или издѣлія изъ нихъ—дома.

43. Малина.

а) Росло—повыросло,
Изъ щановъ повылѣзло,
Красно залупилосе,
По рукамъ покатилосе.
(Вар. послѣдн. стиха:
Краснымъ дѣвушкамъ полюбилосе).

b) Ци́почька би́ленька,
Пи . . а кра́сненька.

44. Молотило (цѣпъ).

Криво—криво мотовило
По-нѣмецки говорило,
По-тотарьски лепетало.

45. Мяўка для льна:

Сухая м . . . .
Все кос(т)ьё переглодала.

46. Ножъ въ кож. ножнахъ.

Шёў прохожей,
Несъ подъ кожей,
Выхвати́ў изъ-подъ полы́—
Четверти поуторы́.

47. Огоро́дъ [3]) (изгородь), зелень посѣва.

—Криво-лукаво,
Куда побѣжало?
—Зелено-кудряво,
Тебя стерегчи!

48. Оземь подъ снѣгомъ.

По́дъ мостомъ подъ я́русомъ
Лежитъ кафтанъ подъ гарусомъ.

[3]) По-кокшеньгски часто: угоро́дъ.

49. Пе́ньё.
Лѣтомъ дивици,
Зимой молодици [1]).

50. Печь, пламя, дымъ.
Мать тоуста́,
Дочь красна́,
Сынъ хороберъ
Подъ небёса ушёў.

51. Пи́сьма.
Въ Питерѣ дрова рубятъ,
А къ намъ щепки литятъ.

52. Поварёнка [2]).
Торонтокъ за локотокъ,
А торонтушка съ горсточьку.

53. Поло́зьё дровéнь [3]), саней и пр.
a) Два́ воўка бѣжатъ,
Оба на́ небо гледятъ.

b) Два во́рона литятъ,
Оба на́ небо гледятъ.

54. Помело.
a) Выскочиў юрнўко изъ-подъ печки:
—Станёмъ, бабуша, юрить
Да въ одну дырочьку гудить [4]).
b) Що въ избѣ медвѣжья лапа?

55. Попъ съ крестомъ.
Вышёлъ дѣдъ
Семидесяти лѣтъ,
Вынесъ внука
Себя старяе.

[1]) Макушки пней зимою покрываются шапками снѣга, напоминающими „борушки" (родъ кички) замужнихъ женщинъ (молодицъ).
[2]) Кухонная ложка.
[3]) Полозья дровней.
[4]) Мѣтить, попадать.

56. Потолокъ.
Сорокъ братьевъ
На одномъ сголовьѣ спятъ.

57. Пѣтухъ.
Не кщёнъ [5]) не рож(д)ёнъ,
А во свя́ты попаў.

58. Робёнокъ.
Тѣшу,—въ путь нейдетъ,
И нѣжу,—въ путь нейдетъ;
Повалю да запехну—
Дакъ и въ путь пойдетъ.
(т. е. чтобы успокоить, надо положить въ постельку и дать соску).

59. Розбойникъ (евангельскій).
Хто прежде Христа
Въ рай (в)ступиў.

60. Рукомойка.
Ви́ситце боўта́итце,
Всякъ за ёво́ хвата́итце.

61. Рѣпа.
a) Ви́кину клубко́мъ,
Выростаётъ подъ зелёненькимъ платко́мъ.

b) Въ землю крошка,
А изъ земли лепёшка.

62. Самоваръ.
У дѣвушки у сиротки
Загоралосе въ середкѣ,
У доброво молодця
Покапало изъ конця.

[5]) Не крещенъ.

63. Сапоги праз(д)ничные обуваётъ.

Парень молодой
Въ праз(д)никъ годовой
Суётъ—пехаётъ,
Щобы далѣ шло.

64. Свитильно (свѣтецъ).

Стоитъ Тимошка
На одной ножкѣ,
Крошенинку крошитъ.

65. Сер(д)цевина дерева.

Въ лисѣ оно,
Съ лѣсомъ ровно,
Изъ-за лѣсу
Не видно ёво.

66. Серпъ.

Маленькой горбатенькой
Всё поле оббѣжаў,
Всѣ загоны сосчитаў.

67. Скамейка для доенія коровъ и доеніе.

Пó двору хожу,
Ширыхаўки ищў—
Ширыхатьце хочю.

68. Скобы въ дверяхъ.

У насъ да у васъ
Поросёночёкъ увязъ.

69. Сковорода и подмазка,

У тя чёрнó
И у мня чёрнó,
Пойдемъ въ куть—
Потычимсе.

70. Смерть.

Середи поля стоитъ дубъ,
На дубу сидитъ воронъ;
Онъ лис(т)ьё срываётъ;
Въ колоду бросаётъ:
Въ колодѣ не прибываётъ
И съ дуба не убываётъ.

71. Сокъ деревьевъ (сосны).

Выйду на горушку,
Обдеру телушку;
Мясо съѣмъ,
А кожу брошу.

72. Соха и пашня.

Старъ да матёръ
По колѣно затёръ,
Забиў до мошни,
Солодиў до весны.

73. Соўнышко (соб. луч. с.).

Цёво въ коробейку
Не *запреть*?

74. Спаньё на лавкѣ, на печѣ и на палатяхъ.

Лёжитъ—рокочетъ,—
На бабу хочётъ;
На бабѣ-то (в)спотѣў,
Дакъ на дѣвку захотѣў.

75. Стёкла оконныя зимою.

На улицѣ—Петровъ-день,
Въ избѣ—Рожёс(т)во [1]).

[1]) Отпачивая извнутри, стекла оконъ зимою покрываются слоемъ инея (снѣга и льда), напоминая зиму, время около Рождества, а съ наружной чисты, какъ лѣтомъ (петровки).

76. Стремя и лошадь.

Лѣзу, лѣзу
По золѣзу [1])
На мясную гору.

77. Стоў (столъ).

Чётыре братця
Подъ одной кровелькой стоятъ.

78. Сукъ въ стѣнѣ.

Що въ избѣ медвѣжей глазъ?

80. Сѣнокосъ.

Прилитѣў *тень*
На Петровъ-день;
Сѣў тень на́ пень,
Стаў тень плакать [2]):
Волосы вянутъ,
Дуброва шумитъ.

81. Тёртуха́ (тёртка).

Бѣжитъ свинья
Изъ Питёра,
Вся она
Истыкана.

82. Тканьё („тоця").

Ногами скётъ,
Брюхомъ прётъ,
Росщеперитъ
Да и пехнетъ.

83. Топоръ за опояской.

Въ лѣсъ идётъ—
Домой гледитъ,
Изъ лѣсу идётъ—
Въ лѣсъ гледитъ.

84. Ушатъ.

Весь лѣсъ—въ обрѣзъ,
Два деревця выше всѣхъ.

85. Уша̀тъ и „коромысло" [3]).

Дыра прямо дыры,
На середкѣ-то бѣда:
Надо (в)су́нуть, надо вло́жить,
Надо вынуть не забыть.

86. Хмель на тычинахъ.

Пётельки — перепётельки,
Утельки—переўтельки,
Тюрики́ вверху́,
Тереби́ сверху́.

88. Це́рква (церковь).

Плеть плетёна́,
Вверхъ ведёна
О ста углóвъ,
О тысечѣ рублёвъ.

89. Шипи́ця [4]).

Цвѣточьки андельськiе,
А кокти дьявольскiе.

90. Щи́ли (щéли) колютсе.

Що само робитце?

---

[1]) По желѣзу.
[2]) Отбиванiе косы (точенiе).

[3]) Шестъ около сажени длиною съ подвѣшенной въ срединѣ палкой—„Клецёмъ", приспособленнымъ для вкладыванiя въ уши ушата.
[4]) Шиповникъ.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

(Новг. г. Черепов. у.).

Бѣдный разоряется, а богатый радуется.

Богатому рай, а бѣдному адъ.

Богатый на конѣ, а бѣдный на парѣ.

Въ Сибири тѣ же люди, только воля не своя.

Сколько въ людяхъ не жить, а дома не выжить.

Хорошо бы въ людяхъ жить, да воля не своя.

Хорошо жить по людямъ, да тяжело грудямъ.

Въ Питеръ съ котомочкой, а изъ Питера съ ребеночкомъ.

Хоть сухая корка, да своя волька.

На кошкѣ пахать, на козѣ боронить, на собакѣ бревна возить.

Сорокъ лѣтъ, коровы нѣтъ, а масломъ отрыгаетъ, на дворѣ копыта нѣтъ, курица лягаетъ [1]).

Тонко, да звонко, и толсто, да пусто.

Дома корочекъ поѣла, на работѣ пѣсни пѣла, а въ людяхъ чаю напилась, я слезами облилась [2]).

Вода спитъ, а квасъ гулять ушелъ.

Нѣтъ молока, такъ подой быка.

Онъ старый волкъ-то, знаетъ толкъ-то.

Свой хлѣбъ лучше чужого калача.

Богородица Покровъ, дай мнѣ смирную свекровь. [3])

Мужъ съ женой ругаются, только тѣшатся.

Кто пьетъ, тотъ не богатство и наживетъ.

Въ семьѣ согласно, такъ идетъ дѣло прекрасно.

Хорошо богатство, а согласье лучше.

Хорошая слава шагомъ плетется, а худая вскачь несется.

„Будетъ ему старому чужой вѣкъ заѣдать, на томъ свѣтѣ давно его съ фонарями ищутъ" — говорятъ про того человѣка, который долго зажился на этомъ свѣтѣ.

„Сущее наказаніе Божіе" составляютъ нѣсколько человѣкъ дѣтей въ бѣдной семьѣ. [4])

Живетъ, да несыто жуетъ.

Нѣтъ такого дружка, какъ родимая матушка.

---

[1]) Извѣстная во многихъ мѣстностяхъ „частушка". *Н. В.*

[2]) Тоже самое. *Н. В.*

[3]) Вторая половина извѣстной „частушки". *Н. В.*

[4]) Авторъ слишкомъ суживаетъ смыслъ этой поговорки. *Н. В,*

Хватилъ горя, что сирота.

Кто сироту обидитъ, тому Богъ вчетверо отомститъ.

Кто сиротою не бывалъ, тотъ до-сыта не плакивалъ.

„Это черту баранъ", говорятъ про самоубійцъ.

Судъ да дѣло собаку съѣло.

У хлѣба не безъ крошекъ, у торговли не безъ урону.

„И Богу свѣчка и черту кочерга"—знач., человѣкъ на всѣ руки.

„Двое ведутъ, третій ноги переставляетъ"—этимъ опредѣляется высшая степень опьяненія.

Нарушишь обѣтъ, наживешь не мало бѣдъ.

Уговоръ дороже денегъ.

Данное слово должно, какъ дубъ стоять, а не гнуться, какъ былинка.

Слово безъ скрѣпы (не подкрѣпленное письменнымъ обязательствомъ), все равно, что колесо безъ чеки—живо съѣдетъ.

Слово можно дать, его и назадъ можно взять.

Не слово хозяинъ хозяину, а хозяинъ слову хозяинъ.

Лады ладили, да поладили, видно дѣло невпопадъ: всѣ лады пошли въ разладъ.

„Пустить безъ портокъ" — знач., разорить до крайности.

Уговоръ совершилъ, такъ и дѣло порѣшилъ.

„Съ лица не воду пить"— значитъ, не нужно обращать вниманія на красоту.

Незнайка на печкѣ лежитъ, а знайка по дорожкѣ бѣжитъ.

Слово—олово, а молчаніе—серебро.

Доказчику-свидѣтелю—первая палка.

Покажешь на другого, покажутъ и на самого.

Лучше дважды промолчать, чѣмъ однажды показать.

„Душой покривить" — неправду показать на судѣ.

Какъ ни кинь, все клинъ.

Куда не ступи, все въ яму попадешь.

Какъ не повернись, все тѣсно.

„Вотъ те святая икона!" и „не сойти мнѣ съ мѣста!"—клятвы.

„Заткнуть глотку"—заставить замолчать при помощи взятки [1]).

Не пугай волка большимъ поросенкомъ.

Мальчикъ родится на подмогу, а дѣвочка на потѣху.

Съ сыномъ домъ наживешь, а съ дочкой остатки проживешь.

„Сынъ въ карманѣ притащитъ, дочь въ подолѣ принесетъ",—говорятъ про сына и дочь, уходящихъ на посторонніе заработки.

„Принести въ подолѣ"—родить или забеременѣть на сторонѣ.

Растить дочку, что воду лить въ дырявую бочку.

---

1) См. предыдущее примѣчаніе.

Сынъ хоть не хлѣбомъ, а плюхами, да все накормитъ, а дочь послѣдній кусокъ унесетъ.

Вѣсъ не попова душа, не возьметъ барыша.

Мѣра не поповъ карманъ: дно имѣетъ.

Вѣсъ и мѣра не поповская совѣсть: не обманутъ и лишка не возьмутъ.

Прямо-то ворона летала, да и то домой не попадала.

Баринъ пьетъ, пока хочетъ; попъ пьетъ, пока чай красный; купецъ пьетъ, пока потъ прошибетъ; а мужицкій аппетитъ, сколько воды хозяйка накипятитъ.

„Топоту до̀ поту, а спору нѣтъ“,—говорятъ про человѣка старательнаго, но у котораго мало толку.

Пусти умѣло копѣйку въ ходъ, она двѣ съ собой приведетъ.

Пьянъ не напивайся, съ бабой не ругайся, дѣтокъ поводи и скотинку береги.

„Затылкомъ наволочки стирать“—лежать, лѣниться.

Потеряй стыдъ, такъ будешь сытъ.

До Ильина дня въ сѣнѣ пудъ меду, а съ Ильина дня пудъ навозу.

„Какъ не изъ тучи громъ“—неожиданно.

Зайцу да воробышу, а третьему пріемышу—нѣтъ житья на свѣтѣ хуже.

„На нашемъ товарѣ не наживешь рубль на рубль, а хоть бы копѣечка на копѣечку пришла, — и то слава Богу“— можно услышать отъ коробейника.

Мужъ и жена—одна сатана.

Отъ звѣря еще спасешься, а отъ лихого человѣка не убережешься.

Семья вся въ одну точку: матка въ дочку, сынъ въ отца, отецъ во пса, и вся порода собачья.

Учи дѣтей, пока поперекъ лавки лежатъ, а вдоль лягутъ—учить некогда.

Нужда заставитъ слѣзть съ печи и научитъ изъ мякины дѣлать калачи.

Потеряется межа, такъ не достанется и кола.

Не пойдешь на межу, такъ забудешь и свою полосу.

Какъ загородишь загороду, не возьмутъ тебя за бороду.

Межа не стѣна, а перелѣзать нельзя.

Пьяная баба — чужая баба.

П...а хоть и дырява, лишь бы морда не корява.

„Одно приданое шито-крыто, а другое на люди открыто“,—такъ говорятъ про дѣвушку невѣсту, которая хоть честности не сохранила, но кое-что пріобрѣла.

Говорятъ, что и хлѣбы варятъ, а щи пекутъ, да и вѣрь пожалуй.

Парень женится—любую беретъ; вдовецъ женится—кто за него пойдетъ.

Крута горка да забывчива.

Не говори лишняго, а то разгнѣвишь Всевышняго.

Языкомъ гордишься, а дѣломъ никуда не годишься.

Много знаешь, да мелко плаваешь: ж...у знать.

Зналъ твой дѣдъ, да съ вилой померъ.

Тѣхъ же щей, да побольше влей.

Наливай полнѣе, чтобы было сердцу веселѣе.

Кто куритъ табачекъ, тотъ Христовъ мужичекъ, кто нюхаетъ табакъ, тотъ хуже собакъ.

Выбирай коровушку по рогамъ, а дѣвушку по родамъ.

Выбирай быка по рогамъ, а мужика (мужа себѣ) по м....ъ.

„Тебя надо учить, хорошій х.й всучить; пошатывать да добывать, тогда и будешь понимать,“—говорятъ безтолковой женщинѣ.

„Скорѣе найдешь во мху земляницу, чѣмъ у насъ честную дѣвицу“—говорятъ про дѣвушекъ, одной мѣстности [1]), откуда ихъ много уходитъ на посторонніе заработки въ Петербургъ и въ Москву.

Пошла въ люди, узнала и м..и.

Не на то п...а и шита, чтобы сыпать туда жито, а на то Богъ уродилъ, чтобы х.й туда ходилъ.

„Остатки сладки,“ — говорятъ про вдову, выходящую замужъ.

1) Не мѣшало бы точнѣе обозначить мѣстность. *Н. В.*

Улита ѣдетъ, что-то будетъ.

Голова то мала, а много ума.

Этотъ парень башковатъ—уменъ будетъ: вишь какая голова-то большая.

У него, должно быть, не мозги въ головѣ, а сѣнная труха.

У него, вмѣсто головы-то, видно ж..а.

Что поѣшь, то и поработаешь.

Пища для силы, а кровь для тепла.

Мужику не наносить и мѣшкомъ, что баба натаскаетъ горшкомъ.

На свѣчку денегъ нѣтъ, а на вино все найдутся.

Чужое добро въ прокъ не пойдетъ.

Найдешь, да не отдашь—все равно, что украдешь.

Живи своимъ трудомъ, а не чужимъ добромъ.

Нашедшій находку радуется, а потерявшій—плачетъ.

Даютъ—бери, а бьютъ—бѣги.

Отъ добра не отказывайся.

Что не велятъ—не тронь, а что даютъ—въ карманъ положь.

Чужого не надо собирать, да и своего не надо сѣять.

Отрѣзаннаго ломтя не приставишь.

Брань на вороту не виснетъ.

За дѣло побьютъ—повинись да пониже поклонись.

Отъ худого человѣка, какъ отъ худой собаки—не убережешься.

Пьяный да богатый—люди тароватые.

Пьянаго хоть въ рай и не пустятъ, да и въ адъ не возьмутъ.

Съ міру по ниткѣ—голому рубаха, съ міру по грошу—старшинѣ кафтанъ.

Міръ не мытьемъ, такъ катаньемъ донять можетъ.

Кто много судится, тотъ никуда не годится.

Кто судится, тотъ нудится.

Съ міромъ не шути: міръ можетъ въ дугу согнуть, можетъ и выправить.

Сперва поговорятъ, а потомъ и бросятъ.

Грамотнаго въ деревнѣ не найдешь, а пьяницу въ каждомъ домѣ встрѣтишь.

Вдовѣ въ каждомъ мужикѣ седьмая доля.

Хорошій пьяница семь дней валяется.

Не такъ трудно воровать, какъ концы въ воду дѣвать.

Не тотъ воръ, кто воруетъ, а тотъ воръ, кто концы умѣетъ хоронить.

Въ одно ухо влѣзетъ, а въ другое вылѣзетъ и человѣкъ не услышитъ.

„Между глазъ носъ унесетъ, и человѣкъ не замѣтитъ"—такъ говорятъ про вора—знатока своего дѣла.

Гдѣ что плохо лежитъ, тамъ у вора и брюхо болитъ.

Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто видѣлъ, тотъ не обидѣлъ.

У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Дѣвушка на поводку ходитъ, а вдова разнуздана гуляетъ.

Родительское благословеніе домъ созидаетъ, а материнская клятва до основанія разрушаетъ.

Передъ воюетъ, а задъ горюетъ.

За грѣхи караетъ Богъ, а за вину судитъ законъ.

Наша хата съ краю: ничего не знаю.

Богъ за грѣхи прощаетъ, а законъ не милуетъ.

Слово дѣлу родной племянникъ.

Не будь матокъ, не было бы и дѣтокъ.

Горбатую березу распаришь, да поправишь, а дурного человѣка хоть парь, хоть май—все такимъ останется.

Утро вечера мудренѣе: кобыла мерина удалѣе.

Солдатъ безъ шпаги хуже бабы.

Голодному Ѳедоту и щи въ охоту.

На языкѣ медъ, а подъ языкомъ ледъ.

Тятька да мамка, ступайте домой: были паны, да уѣхали.

На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ.

По Сенькѣ и шапка, по Ванькѣ колпакъ, по Ефиму кулакъ.

Пей винцо, какъ суслицо; пей да ума не пропивай.

Не будь тороплив, будь памятливъ.

Пословица говорится: жена мужа не боится.

Зять любитъ взять; тесть любитъ честь, а шуринъ глаза щуритъ.

Спереди не суйся, да и сзади не оставайся.

„Горе, горе, гдѣ живешь"? — Въ кабакѣ за бочкой! — „Горе, горе что жуешь?" — Сухари съ примочкой! —

Не смѣйся вода: сама молода; не чванься квасъ: не лучше насъ; не ершися горохъ: не лучше бобовъ.

Плѣшивый да лысатый бываютъ богаты.

Береги яичко ко дню Христову, а сыръ къ Петрову.

В. Антиповъ.

С. Улома,
27 февр. 1902 г.

НИЗОВАЯ „ЧАСТУШКА“.

Побѣда частушки, „короткой пѣсни“, надъ старинной пѣсней („долгой“, какъ ее называетъ народъ) несомнѣнно грустный отрицательный фактъ современной народной жизни, свидѣтельствующій объ упадкѣ народнаго творчества. Слѣдуетъ печаловаться о томъ, что народъ забываетъ лучшіе образцы своей поэзіи и предпочитаетъ мучительно-однообразный, бѣдный по содержанію мотивъ „частушки“ широкому, размашистому напѣву старой пѣсни, но считаться съ этимъ явленіемъ—повсемѣстнымъ въ нашемъ отечествѣ—поневолѣ приходится всякому изслѣдователю народной жизни. Игнорировать „частушку“, какъ временное, наносное явленіе, по меньшей мѣрѣ странно, а между тѣмъ это такъ: съ грустію приходится отмѣтить крайнюю бѣдность нашей литературы о „частушкѣ“, не смотря на то, что за послѣдней признается всѣми огромное значеніе въ дѣлѣ изученія народной психики. Кромѣ нѣсколькихъ десятковъ короткихъ отрывочныхъ статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ въ разныхъ старыхъ журналахъ и газетахъ, насколько помнится, у насъ нѣтъ ни одного обстоятельнаго труда по этому вопросу. Очень вѣроятно, что такая скудость литературы объясняется отсутствіемъ нужныхъ для того матеріаловъ: не существуетъ ни одного болѣе или менѣе полнаго сборника народныхъ „частушекъ“ по данной мѣстности. Отсутствіе нужнаго матеріала исключаетъ возможность авторитетнаго сужденія о причинахъ, породившихъ „частушку“ и убившихъ богатую по своей музыкальности и содержанію старинную пѣсню. Выводъ изъ всего сказаннаго можетъ быть лишь тотъ, что во чтобы то ни стало *нужно собирать какъ можно больше „частушекъ“ и систематизировать ихъ по какому-либо однообразному плану*. Это тѣмъ болѣе необходимо, что „частушка“—продуктъ извѣстнаго настроенія; смѣнилось одно настроеніе другимъ—пропала прежняя „частушка“, уступивъ мѣсто новой, лучше выражающей народную думу объ извѣстномъ явленіи. Не нужно забывать, что разъ „частушка“ не записана во время, она пропала, сгинула, народъ уже забылъ про нее и возстановить ее невозможно. Поэтому *нужно собирать и накоплять*: только этимъ путемъ, путемъ усиленнаго и непрестаннаго собиранія и накопленія мы, современники, можемъ облегчить трудъ будущему историку народной жизни, поможемъ нарисовать ему полную картину этой жизни, точнымъ отраженіемъ которой является „частушка“.

Пишущій эти строки, конечно, не можетъ претендовать на то, что онъ, сообщая собранныя имъ частушки, заполняетъ въ значительной мѣрѣ существующій пробѣлъ—напротивъ, онъ прекрасно

понимаетъ, что заполнить этотъ пробѣлъ—задача непосильная для одного собирателя, что записанныя имъ случайно „частушки“ — капля въ морѣ современнаго народнаго творчества. Задача его очень скромная и сводится только къ тому, чтобы принести посильную ничтожную лепту въ дѣло изученія жизни родного народа и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать подражаніе со стороны другихъ и, такимъ образомъ, накопленіе необходимаго печатнаго матеріала.

Прежде чѣмъ ознакомить читателей „Живой Старины“ съ своимъ собраніемъ „частушекъ“, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, гдѣ, какъ и у кого онѣ собирались и записывались. Всѣ помѣщаемыя ниже „частушки“ записаны въ низовьяхъ Волги (именно въ Царицынѣ, Саратовской губ.) минувшимъ лѣтомъ со словъ чернорабочихъ и судовыхъ матросовъ. Контингентъ рабочихъ, сообщавшихъ ихъ, состоялъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ (крестьянъ Царицынскаго уѣзда) и пришедшихъ на заработки крестьянъ сосѣдней Пензенской губ. (преимущественно Нижне-ломовского уѣзда). Провести рѣзкую грань и отдѣлить „частушки“ мѣстныя отъ принесенныхъ изъ другой губерніи не представлялось возможнымъ: пришлые рабочіе (вышедшіе изъ среды землеробовъ) легко подпадали вліянію мѣстныхъ условій жизни большого торговаго центра и, чувствуя превосходство въ развитіи мѣстнаго рабочаго, старались не отстать отъ него въ своихъ привычкахъ, „играя“ одинаковыя съ нимъ пѣсни. Тѣмъ не менѣе я все же счелъ нужнымъ, дабы сохранить оттѣнки, отмѣтить въ концѣ каждаго записаннаго куплета его происхожденіе. Тамъ, гдѣ стоитъ въ скобкахъ буква С, нужно понимать, что „частушка“ записана отъ саратовца (уроженца Царицынск. у.), а гдѣ буква П, то, значитъ, частушку сообщилъ пензенецъ (преимущественно Ниж.-ломовск. у.). Удалось еще записать нѣсколько куплетовъ у костромичей, они отмѣчены особо.

Любопытно то обстоятельство, что „играя“ постоянно однѣ „частушки“, народъ уже начинаетъ забывать мелодію прежней пѣсни. На нашу просьбу „поиграть“ намъ какихъ-нибудь „прежнихъ, старыхъ пѣсенъ“, мы обыкновенно получали такой отвѣтъ: *„знаемъ короткія, а дóлгія не наведемъ на голосъ, не сыграемъ“*.

Пѣніе „частушекъ“ въ Царицынѣ всегда соединяется съ игрой на гармоникѣ и ударами въ бубенъ, при чемъ группа поющей молодежи или садится на берегу Волги, или же (что̀ гораздо чаще) катается на лодкѣ. Въ праздники можно видѣть массу лодокъ, взятыхъ у мѣстныхъ рыбаковъ или же нанятыхъ у нихъ за деньги, съ катающимися молодыми парнями, изрѣдка между ними попадаются и дѣвушки. Съ каждой лодки несутся звуки гармоники, бубна и пѣнія. Обыкновенно одинъ или двое изъ сидящихъ въ лодкѣ 5—6-ти человѣкъ поютъ куплетъ, затѣмъ слѣдуютъ удары въ бубенъ и „переборъ“ гармоники, затѣмъ опять поютъ куплетъ и т. д. Иногда же куплеты чередуются не только руладами гармоники и звуками бубна, а какимъ-либо припѣвомъ, напримѣръ:

Шишь, мышь, подъ камышъ!
Куда парусомъ бѣжишь?
„Я бѣжала парусомъ
„Въ Астрахань за гарусомъ!

Мотивъ „частушки“, какъ уже сказано выше, крайне однообразный и очевидно не имѣетъ никакого отношенія къ ея содержанію, которое очень часто исчерпывается риемованнымъ наборомъ словъ, причемъ куплеты, поющіеся подъ рядъ другъ за другомъ, не имѣютъ между собой никакой связи. Очень часто, занятые „играньемъ“ частушекъ, поющіе создаютъ новые куплеты, которые, варьируясь до безконечности, дѣлаются затѣмъ общимъ достояніемъ.

Огромное большинство „частушекъ“ поетъ про любовь. Въ созданіи *любовныхъ частушекъ* участвовали какъ мужчины, такъ и женщины и потому мы рѣшили ихъ подраздѣлить на двѣ половины. Ознакомившись съ ними, мы видимъ, что женская частушка отличается большей нѣжностью и большей глубиной чувства, между тѣмъ, какъ мужская обыкновенно рѣзко разнится отъ нея своимъ грубымъ тономъ.

Женскія любовныя частушки.

1) Ты припой, кавалеръ,
На Саратовскій манеръ.
Я бывало припѣвала,
Теперь голосу не стало (П.).

2) Милый мой по лѣсу пасется,
Тонокъ голосъ раздается.
Прощай, лѣсъ, прощай, зеленатый,
Прощай, милый, неженатый (П.),

3) Черезъ быстру рѣченьку
Подай, милый, рученьку (П.).

4) Мой миленокъ везетъ сѣно,
А я рядомъ съ нимъ сѣла (П.).

5) Зеленые—яровые,
У насъ ребята холостые.
Зеленая рощица,
Съ милымъ гулять хочется (П.).

6) Милый мой лежитъ въ садочкѣ,
Подъ яблоней въ холодочкѣ (С.).

7) Милый мой, миленочекъ,
Федя—голубеночекъ.
Миленочекъ, не пей водку:
Пожалѣй меня сиротку (молодку) (С.).

8) Вотъ колечко съ пробою,
Подарилъ Петя дорогою;
Вотъ колечко тонко-звонко,
Подарилъ ремонтщикъ Семка(П.).

9) Сосѣдъ милый, кто тебя
Могъ обидѣть безъ меня? (П.)

10) Милый мой уѣхалъ верстъ за двѣсти,
Мое сердце не на мѣстѣ.
Милый уѣхалъ во Рязань,
А мнѣ строго приказалъ.
Не послушала приказу,
Полюбила троихъ сразу (П.).

11) Ой, ой, падаю,
Поднимите пьяную.
Не вино меня качаетъ,
Меня Саша огорчаетъ (П.).

12) Вы скажите мому Петѣ,
Я снялася на патретѣ.
Вы скажите Алексѣю,
Я любить его не смѣю (П.).

13) Вы скажите мому Пашкѣ,
Записалась я въ монашки;
Во монахи, въ монастырь
Ко ребятамъ холостымъ (П.).

14) Я любила Ваньку нѣмца,
Не видамши, болитъ сердце;
Я любила хохла Степку,
Мать узнала, дала трёпку (С.).

15) Нѣту, нѣту у меня
Фартука бордоваго!
Нѣту, нѣту у меня
Кости черноброваго (П.).

16) Я любила, ты отбила:
Тебѣ гробъ, а мнѣ могила!
Вотъ тебѣ гробъ со цвѣтами,
А мнѣ могила со слезами (П.).

Рабская женская доля также нашла себѣ пріютъ въ частушкахъ:

1) Съ неба звѣздочка скатилась,
Разнесчастна дѣвка породилась;
Одна выше поднялась,
Вотъ эта дѣвченка въ няньки нанялась (П.),

2) Гуляй, дѣвка, до разсвѣту:
Сама мать пойдетъ къ отвѣту.
Гуляй, дочка, мать велѣла,
А людямъ какое дѣло! (П.)

Мужскія любовныя частушки.

1) Вы послушайте, ребята, что гармонья говоритъ,
Намъ жениться не велитъ:
„Не женитесь-ка ребята,
„Холостыми лучше жить:
„Холостого дѣвки любятъ,
„А женатаго въ шею дуютъ (П.).
2) Она моя припаётъ
На лавочкѣ у воротъ (П.).
3) Шелъ я верхомъ, шелъ я низомъ,
У Матаньки домъ съ карнизомъ.
Я взглянулъ на конекъ,
Тамъ виднѣлся огонекъ.
Она перву чашку наливаетъ,
За милымъ Петей посылаетъ (П.).
4) Она моя припаётъ,
Не боится, мать побьётъ (С.).
5) Она моя милка-душка,
Изъ Погромнаго[1]) хохлушка;
Она меня припѣть можетъ,
Мое сердце растревожитъ (С.).
6) Дѣвочка-дѣвченочка,
Поцѣлуй тихонечко (С.).
7) Милыя сосѣдочки—
Што сладкія конфеточки (П.).
8) Я пилъ водочку, не брагу;
Любилъ дѣвочку, не бабу.
Она моя, солнце ясно,
Помереть со мной согласна.
Давай, милка, купимъ бубенъ,
По всей ночи гулять будемъ (С.).
9) Мы на лодочкѣ катались,
Подъ лодочкой вода.
Милка юбку намочила,
На миломъ вся бѣда (С.).
10) Въ Царицынѣ—въ городѣ
Дѣвченочки дороги;
Въ Царицынѣ на базарѣ
Продаютъ дѣвокъ возами;
Въ Царицынѣ на толчкѣ
Продаютъ дѣвокъ въ пучкѣ (С.).
11) Вотъ Сашу бравую
Везутъ ее парою;
Вотъ Сашу бойкую
Везутъ ее тройкою (П.).
12) На площадкѣ, на углу
Чернобровую люблю,
Черноброву-черноглазу,
Я влюбился въ нее сразу (П.).
13) У гармошки мѣдны ножки,
Позолочены мѣхи.
Возьму замужъ богомолку
Замолитъ всѣ мои грѣхи (П.).
14) Шли мы улицей курили,
Дѣвки окна растворили;
Шли мы улицей свистали,
Дѣвки спали, услыхали (П.).
15) Вы скажите моей Оксѣ,
Я любить ее зарёкся.
Моя милочка коварна,
Не стоитъ со мной попарно (П.).
16) Шелъ я лѣсомъ, припѣвалъ,
Громко раздавался;
На посидочки пришелъ,
Моя милка зазнавалася (П.).
17) На горѣ стоитъ аптека,
Любовь сушитъ человѣка,
Любовь сушитъ, любовь крушитъ,
Любовь съ милочкой разрушитъ! (П.).
18) Я кормилъ-поилъ Матаньку,
Считалъ за свою,
Досталася Матанька
Товарищу моему (П.).
19) Чрезъ хорошую Матаню
Всѣ товарищи грозятъ,
Всѣ товарищи грозятъ,
Знать побить меня хотятъ—
„Не придется побить вамъ,
„Распроклятымъ кобелямъ!" (П.)

[1]) Названіе села.

20) Я свою сопатую
По башкѣ лопатою;
Я свою красивую
По башкѣ бахилою (П.).
21) Она меня колетъ вилкой,
Заставлятъ любить насилкой.
Я насилкой не люблю,
Либь зарѣжу, аль убью (П.).
22) Прощай лавочка съ товаромъ:
Не торговецъ въ лавкѣ я.
Прощай, милка чернобровка,
Не товарищъ тебѣ я (Костром. г., Юрьев. у).
23) Тятька съ мамкой, дай жену,
А то печку столкону.
Тятька, продай жеребца,
Жени меня молодца.
Тятька съ мамкой меня ждутъ,
Припасли ременный кнутъ (П.).

„Пинжакъ", гармошка вошли въ обиходъ крестьянской жизни, пріобрѣли права гражданства. Частушка отмѣчаетъ и эти культурныя пріобрѣтенія:

1) Вотъ коротків пинжачишка,
Уважительный мальчишка;
Вотъ коротків пинжачекъ,
Держитъ шапку на бочекъ (П.).
2) Тятька мерина продастъ,
На гармошку денегъ дастъ (П.).
3) Тятька съ мамкой, вотъ овесъ,
Я тальяночку привезъ (П.).
4) Тятька съ мамкой ѣшь картошку,
А моя доля на гармошку;
Тятька съ мамкой ѣшь мякину,
Я тальяночку не кину (П.).
5) Шелъ я лѣсомъ, попалъ въ ямку,
Раскололь гармонь-тальянку (П.).
6) Конфеточки, булочки
Довели до сумочки.
Тятька, тятька мой,
А я пахарь твой родной (П.).
7) Изъ-за той несчастной бл...
Пинжаки лежать въ закладѣ (С.).
8) У дубовскихъ[1]) у шутовъ
Сапоги по семь пудовъ.
У царицынскихъ ребятъ
Сапожки новые скрипятъ (С.).

О животномъ царствѣ, о природѣ частушка почти что молчитъ. По крайней мѣрѣ, намъ удалось записать только 3 номера, относящихся сюда, которые здѣсь цѣликомъ приводимъ:

1) Залетѣла пташка въ садъ,
Да не вылетитъ никакъ (С.).
2) Соловей, залетна пташка,
Распотѣшь горе мое (Костр. губ., Юр. у.).
3) У мово дружка, у Миши
Соловьи поютъ на крышѣ.
У мово дружка, у Вани
Соловьи поютъ на банѣ (С.).

Даже вѣчная красавица Волга, вдохновлявшая когда-то низовую вольницу и породившая цѣлый циклъ разбойничьихъ пѣсенъ, почти не затрогиваетъ поэтической жилки нынѣшняго поколѣнія. Удалось записать только одну частушку о ней:

Какъ по Волгѣ, по рѣкѣ
Лодочка мыряла.
Мы катались въ лодкѣ
На кормѣ бутылка водки (С.).

Зато на смѣну разбойничьей пѣсни явилась пѣсня хулиганская:

1) Мы, балканскіе, отпѣты,
Кандалы на насъ надѣты.
На Балканахъ[2]), на краю
Покончаю жизнь свою (С.).
2) Всѣ Бутырки мы пройдемъ,
Кровь балканскую прольемъ.
По Бутыркамъ мы ходили,
„Духовыхъ" не находили (С.).

---

[1]) Посадъ Дубовка, Сарат. г.

[2]) Балканы и Бутырки—пригороды Царицына, въ которыхъ почти каждый день безобразничаютъ „духовые" (мѣстное названіе хулигановъ).

Много вниманія отводитъ частушка рекрутчинѣ:

1) Мамашинька, выйди въ сѣнцы,
Здѣсь гуляютъ ополченцы.
Мамашинька, выдь сюда,
Здѣсь гуляютъ рекрута (С.).
2) Повели меня въ пріемъ,
Вся семья идетъ за мной,
А дѣвченка стороной—
Заливается слезой (С.).
3) Повели его въ пріемъ,
Вся семья идетъ за ёмъ,
Вотъ жененка стороной—
Заливается слезой,
Слезой заливается,
Платкомъ утирается (П.).
4) Мнѣ не жалко тотъ платочекъ,
Жалко вышитые уголочки:
Вышивала семь недѣль,
Изорвала въ одинъ день (П.).
5) У пріемной на порогѣ
Затряслися руки-ноги;
У пріемной у дверей
Растетъ травонька пырей (С.).
6) У пріема, у суда
Милашка плачетъ безъ стыда (С.).
7) Вотъ пріемки домъ крашоной,
Стоитъ милый припашоной;
Вотъ пріемки домъ метеной,
Стоитъ милой невеселой (П.).
8) Вотъ въ пріемкѣ за дверями
Стоитъ чашка съ жеребьями.
Вынулъ сто второй,
Закричали: столбовой!
Вотъ забрили молодца,
Одинъ сынъ былъ у отца (П.).
9) Привели меня въ пріемъ,
А я думалъ въ пивной домъ;
Посадили меня брить,
А я думалъ водку пить (С.).
10) Вынулъ жребій двадцать пятый,
Закричали: я принятой.
Какъ сказали, меня взяли,
Милку замертво подняли (С.).
11) Вотъ въ пріемкѣ на порогѣ,
Затряслися руки-ноги;
Вотъ вынулъ жребій сто тридцатой,
Закричали: онъ принятой! (П).

Отхожіе промыслы, работы на рыбныхъ ватагахъ также нашли свое мѣсто въ частушкѣ:

1) Мы не пьяницы, не глоты,
Мы сейчасъ пришли съ работы (П.).
2) Вишь ты, милка, какъ картинка,
А я, лодырь, какъ бурлакъ,
Пришелъ безъ копейки, безъ рублевки
Домой такъ (С.).
3) Ты, родима моя мать,
Собери котомку:
Собирается сынокъ
На чужу сторонку (Костр. губ., Юрьев. у.).
4) Морякъ въ морѣ сѣти рветъ,
Што добудетъ, все пропьетъ (С.).
5) Морякъ по морю рыбачитъ,
А морячка дома плачетъ;
Морякъ въ морѣ потонулъ,
Про морячку вспомянулъ (С.).
6) Надоѣло въ морѣ жить,
Соленую воду пить.
Въ морѣ лодочки суются,
На горѣ-жъ шмары (?) смѣются.
7) Въ морѣ тоненькій ледокъ,
Погоди, Алеша, жениться годокъ.

Сообщилъ *Н. Работновъ*.

Ярославль.
25 декабря 1904 г.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей, этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины" (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи"), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи, помѣщаемыя въ III отдѣлѣ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Томъ семьдесятъ пятый. Спб. 1904.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности нашей Академіи Наукъ въ послѣдніе годы дѣятельно издаетъ свои „Сборники".

Въ 75 томѣ „Сборника" многое имѣетъ отношеніе къ этнографіи. Такъ, въ немъ находимъ статьи:

В. Чернышевъ. „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ". Въ приложеніи: I. Пѣсни, записанныя въ Клинскомъ и Московскомъ уѣздахъ. II. Замѣтки о народныхъ пѣсняхъ (1. Гдѣ сложена народная пѣсня? 2. Народныя и ненародныя пѣсни. III. Указатель варіантовъ и книжныхъ источниковъ приведенныхъ пѣсенъ).

„Отчетъ о четырнадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина 1901 года", гдѣ напечатанъ обстоятельный разборъ книги *Н. Гальковскаго*: „Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ. Сумы, 1897". Рецензентъ, П. А. Ровинскій, одобрительно отзывается о трудѣ г. Гальковскаго, представляющемъ переводъ на русскій языкъ многихъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ изъ собранія Вука Караджича и Гильфердинга, преимущественно такихъ, которыя еще не переведены на русскій языкъ.

Е. Ѳ. Карскій. „Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ". Выпускъ IV.

Матеріалы содержатъ въ началѣ наблюденія самого проф. Карскаго надъ болѣе интересными мѣстностями Гродненской и Сувалкской губерній и дополненія къ раньше описаннымъ имъ говорамъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи.

Затѣмъ приведенъ цѣнный списокъ отступленій въ удареніи, замѣченныхъ среди воспитанниковъ учительской семинаріи въ г. Несвижѣ Минской губ. Наблюденія производились больше десяти лѣтъ учителемъ приготовительнаго класса П. А. Введенскимъ.

Напечатанные далѣе матеріалы по бѣлорусскимъ говорамъ разнообразны и интересны.

Е. Ѳ. Карскій. „Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ (Полѣсье). Выпускъ II“.

Здѣсь такъ же, какъ и въ предыдущей статьѣ, редакторъ сопровождаетъ иногда печатаемые матеріалы своими замѣчаніями.

И. В. Бессараба. „Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губ.“

Сообщеніе автора — огромный трудъ (VII+324 страницы), въ которомъ дано подробное описаніе родного для автора Ломазскаго „бѣло-малорусскаго говора, народныхъ обычаевъ и повѣрій этой мѣстности“. Замѣтимъ, что г. Бессараба напрасно присоединяетъ къ своему говору эпитетъ „бѣлорусскій“, такъ какъ характерныя черты бѣлорусскихъ говоровъ въ немъ отсутствуютъ. Трудъ автора нужно признать тѣмъ болѣе цѣннымъ, что онъ даетъ свѣдѣнія о нарѣчіи и бытѣ одной изъ русскихъ окраинъ и знакомитъ съ малорусскимъ нарѣчіемъ, для котораго не имѣется еще и программы.

„Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1901 году“.

Здѣсь помѣщена рецензія академика Соболевскаго на „Словарь Областного Олонецкаго нарѣчія“ г. Куликовскаго. Рецензентъ ставитъ въ вину г. Куликовскому, что онъ мало воспользовался печатными источниками для своего словаря; рецензентъ съ подозрѣніемъ относится къ орѳографіи словаря и объясненіямъ значеній словъ, указываетъ на смѣшеніе г. Куликовскимъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей съ словарными. Находя, что „Словарь г. Куликовскаго не представляетъ выдающихся достоинствъ и во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ совершенства“, академикъ Соболевскій не отрицаетъ въ немъ научной и практической пользы и находитъ его заслуживающимъ поощренія.

Мы, съ своей стороны, не можемъ не высказать сожалѣнія о томъ, что трудъ г. Куликовскаго, потребовавшій исключительнаго интереса къ живому языку, большого труда и времени, являющійся лишь вторымъ словаремъ опредѣленнаго мѣстнаго нарѣчія, поощренъ только почетнымъ отзывомъ, который не дастъ автору возможности продолжать своихъ полезныхъ занятій по собиранію сокровищъ родного слова.

В. Чернышевъ.

Pohádkoslovné studie Napsal Jiři Polívka. U Praze 1904, 8°, XXVIII+211 (Národopisný sborník, zvazek X. seš. 2).

Главную часть этой книги извѣстнаго фольклориста, профессора Чешскаго университета въ Прагѣ, Юрія Поливки, составляетъ сравнительный анализъ трехъ сказокъ: 1) „Храбрый портной“; 2) „Несмѣяна“, 3) „Стоптанные бальные башмачки“ и трехъ легендъ: 1) о чертѣ, 2) о мстительномъ святомъ и 3) о справедливой смерти. Изслѣдованію предпослана интереснѣйшая статья „О направленіяхъ въ изученіи народныхъ традицій и его цѣляхъ“. Прежде всего авторъ дѣлаетъ въ ней критическій обзоръ различныхъ мнѣній о сущности и задачахъ фольклора, высказанныхъ въ послѣднее время разными учеными. Проф. Поливка несогласенъ безусловно ни со скептиками, утверждающими, что изслѣдовать происхожденіе сказочныхъ мотивовъ значитъ „искать вѣтра въ полѣ“, ни съ учеными, старающимися вывести извѣстные мотивы изъ художественной литературы, ни съ антропологической школой, объясняющей сходство сказокъ одинаковыми психологическими условіями и одинаковымъ развитіемъ соціальной и этнической среды, ни даже съ теоріей „миграціи“ или „странствованія“ сказокъ, хотя къ этой послѣдней и принадлежатъ его личныя симпатіи. По его мнѣнію, всѣ четыре теоріи одинаково правы въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и потому въ настоящей работѣ онъ сравнивалъ „различныя версіи сказочныхъ мотивовъ совершенно объективно, изслѣдовалъ ихъ взаимную зависимость, выяснилъ ихъ происхожденіе и родину безъ всякаго апріорнаго теоретическаго воззрѣнія“. Соединяя версіи сказокъ въ отдѣльныя группы по мѣсту ихъ происхожденія, по различнымъ культурнымъ центрамъ, автору удалось установить три довольно-рѣзко ограниченныхъ, территоріи ихъ распространенія 1) западно и среднеевропейскую, 2) восточно-европейскую и 3) юго-восточно-европейскую. Къ послѣдней принадлежитъ малорусская литература и еще въ большей мѣрѣ бѣлорусская. Непосредственныхъ сношеній между всѣми тремя территоріями было очень мало, но, во всякомъ случаѣ, Западъ гораздо сильнѣе вліялъ на Востокъ, чѣмъ Востокъ на Западъ. Юго-восточная (балканская) территорія подверглась сильнѣйшему восточному вліянію, причемъ турки играли роль посредниковъ между обоими мірами. Сказочныя традиціи переносились съ одной территоріи на другую, подобно тому какъ сѣмена разносятся вѣтромъ, но, какъ и сѣмена, они только тогда пускали ростки, когда благопріятна была почва, въ которую они попадали. А такую почву и представляли разные культурные центры, по своему перерабатывавшіе и ассимилировавшіе ихъ. Пріурочивая оригинальныя особенности композиціи извѣстной сказки къ опредѣленному культурному центру, мы и подходимъ къ рѣшенію вопроса о ея происхожденіи. При этомъ, только въ случаѣ болѣе или менѣе полнаго сходства деталей сказокъ можно говорить о заимствованіи одной изъ нихъ; въ противномъ случаѣ, приходится ставить вопросъ, не возникли-ли онѣ самостоятельно, вслѣдствіе одинаковаго психическаго настроенія ихъ сочинителей.

Г. Ильинскій.

Чтенія въ Имп. О-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1905 г., кн. I (212).

Здѣсь: **„Болгарскія народныя пѣсни“**, собранныя *Любеномъ Каравеловымъ.* Изданныя подъ наблюденіемъ *П. А. Лаврова.* Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ пѣсни, по большей части принадлежащія Ѳракіи. Кѣмъ и гдѣ записаны пѣсни—обозначено въ концѣ каждой изъ нихъ. Въ сборникъ вошло всего 199 пѣсенъ, которыя авторъ распредѣлилъ по рубрикамъ: 1) женскія; 2) мужскія; 3) праздничныя; 4) пастушескія; 5) хороводныя; 6) припѣвки; 7) шуточныя и 8) дѣтскія. Собиратель къ нѣкоторымъ пѣснямъ даетъ примѣчанія и варіанты.

Въ I книгѣ помѣщены женскія и мужскія пѣсни.

Въ отдѣлѣ V. Смѣсь. *С. С. Поповъ* сообщаетъ два письма, проливающія свѣтъ на одно темное мѣсто въ біографіи *К. Ѳ. Калайдовича,* именно относительно столкновенія его съ властями Владимірской губерніи во время поѣздки его въ Владиміръ и Суздаль для собиранія книгъ, бумагъ и рѣдкостей. Изъ писемъ видно, что все сводится къ столкновенію съ полиціею изъ-за открытаго листа, подорожной и изъ-за поведенія Калайдовича („Къ біографіи К. Ѳ. Калайдовича. 1815 г.“, Смѣсь, стр. 76—79).

Свѣтловъ, В. (сообщ.). Новый списокъ хронографа Дороѳея Монемвасійскаго (Смѣсь, стр.73—76).

Здѣсь же: *Отчетъ о восьмомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова.* Рецензія *С. Середонина* на *„Лаппо, И. П.* Великое княжество Литовское за время отъ заключенія люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586 г.). Спб. 1901“.

Кн. 2 (**213**). *Каравеловъ, Любенъ (собр.).* Болгарскія пѣсни (окончаніе). Послѣ пѣсенъ помѣщены: 1) Списокъ именъ мужскихъ и женскихъ, встрѣтившихся въ сборникѣ Каравелова. 2) Имена народныя и географическія. 3) Гдѣ и кѣмъ записана пѣсня. 4) Оглавленіе, и 5) Послѣсловіе *П. Лаврова,* изъ котораго видно, что этотъ сборникъ былъ доставленъ въ О-во еще въ 1866 г. Хотя послѣ и было издано много народныхъ пѣсенъ (между прочимъ и самимъ Каравеловымъ въ „Знаніи“), все же собраніе Каравелова цѣнно, какъ старшая запись.

Бѣлокуровъ, С. (сообщ.). Сказанія о Павлѣ, епископѣ Коломенскомъ († 1655 г.), числомъ три (Смѣсь, стр. 31—52).

Мрочекъ-Дроздовскій, П. Списокъ трудовъ проф. И. Д. Бѣляева (Смѣсь, стр. 65—88).

Здѣсь же кстати, въ дополненіе къ сборнику Каравелова, мы отмѣтимъ и нѣкоторые другіе сборники болгарскихъ пѣсенъ:

Богоевъ. Бѫлгарски народни пѣсни и пословицы. Кн. I. Пешта. 1842.

Татаръ-Позарджичанинъ, Н. I. Нови Болгарски Народни Пѣсни. Београдъ. 1851.

Безсоновъ, С. (съ помощью *С. Филаретова*). Сборникъ болгарскихъ пѣсенъ. Временникъ Московск. О-ва Ист. и Древн. 1855 (кн. 21 и 22).

Миладиновы, *К и Д*. Бѫлгарски Народни Пѣсни. Загребъ. 1861.
Верковичъ, *С*. Народне Пѣсне Македонски Бугара. Книга прва. У Београду. 1860.

Караджичъ, *В*. Додатак к С.-Петербурским сравнительним рjечницима, свijу jезика и нарjечиjа, с особитим огледима бугарског jезика. У Бечу. 1822 (на стр. 37—47—пѣсни).

Помѣщались также болгарскія пѣсни въ: *Цареградскомъ Вѣстникѣ*, *Българскихъ книжицахъ*, *Дунавскомъ Лебедѣ*, *Kolo*, *Москвитянинѣ* (*1845*, *VI*), *Братскомъ Трудѣ* (*1860—61* и въ *Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ*.

Н. В—въ.

Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. XVII. №№ 3, 4 и 5. Тифлисъ. 1904.

№ 3. Въ этомъ номерѣ въ статьяхъ г.г. *К. А. Сатунина* („Очеркъ природы долины р. Куры отъ Елисаветпольскаго уѣзда до Сальянъ") и *К. И. Подозерскаго* („По Черноморской губерніи") нѣтъ почти ничего прямо относящагося къ программѣ нашего журнала. Можно лишь отмѣтить въ первой статьѣ—указанія на этнографическій составъ населенія описываемой мѣстности и типы построекъ; во второй статьѣ—характеристику черкесовъ, краткое описаніе черкесской свадьбы, фактъ похищенія невѣстъ и нѣкоторыя другія мелкія бытовыя замѣтки.

Въ статьѣ г. *Е. А. Лалаянцъ* собраны „Народныя преданія о животныхъ у армянъ Елисаветпольской губерніи". Всего указано семнадцать преданій съ варіантами. На ряду съ общераспространенными („Комаръ и ласточка", „Мышь, змѣя, ласточка, вошь и блоха", „Голубь" и др.) встрѣчаются и новыя, очень интересныя. Въ значительной части преданій разрабатывается сюжетъ превращеній.

Довольно подробно описываетъ г. *Н. С. Державинъ* „Свадьбу у анатолійскихъ грековъ", отъ сватанья до послѣдней пирушки черезъ недѣлю послѣ свадьбы.

Въ статьѣ *того-же автора*: „Матеріалы по этнографіи казачьяго населенія Кубанской области" приводится: 240 пословицъ и поговорокъ, 2 дѣтскія сказочки, 4 застольныхъ пѣсни и 2 заговора (отъ кашля „дубоглота" и отъ зубовъ) и нѣсколько мѣстныхъ словъ и выраженій. Оригинальнаго мало.

№ 4. Въ статьяхъ *П. Я. Максимовича-Васильковскаго* („Поѣздка въ Персію") и *К. Н. Смирнова* („Поѣздка въ Сѣверный Курдистанъ") встрѣчаются лишь нѣкоторыя указанія на этнографическій составъ населенія, отмѣчаются кое-какія бытовыя черты и приводятся (у *К. Н. Смирнова*) легенды, связанныя съ названіемъ мѣстности.

№ 5 (и послѣдній). *К. А. Сатунинъ*, въ описаніи своей „Поѣздки къ истокамъ Куры" для зоологическихъ изслѣдованій юго-западнаго Закавказья, попутно даетъ нѣсколько краткихъ, но обстоятельныхъ свѣдѣній о жилищахъ грековъ и курдовъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ останавливался на ночлеги.

Небольшая статейка *А. П. Мегаворіанъ*—„Къ вопросу объ этнографическихъ условіяхъ развитія народностей Чорохскаго бассейна" касается омусульманенныхъ христіанскихъ народностей области

города Батума. Народности эти: 1) грузины-гурійцы, извѣстные подъ именемъ аджарали; 2) грузины-мингрельцы, извѣстные подъ именемъ лазы; 3) греки, извѣстные подъ именемъ офли, и 4) армяне, извѣстные подъ именемъ хамшинли. Отмѣтивши, что каждый изъ этихъ народовъ подъ вліяніемъ новой вѣры измѣнилъ національныя черты своего характера и быта, авторъ даетъ краткую психологическую характеристику этихъ четырехъ народностей, указывая черты характера, прямо противоположныя ихъ собратьямъ, оставшимся христіанами. Это измѣненіе чертъ національнаго характера подъ вліяніемъ перемѣны религіи крайне любопытно и заслуживаетъ серьезнаго научнаго изслѣдованія.

Дирръ, А. М. „Кавказское языковѣдѣніе и его будущія задачи“. Трудно отыскать на поверхности нашей планеты другой клочекъ земли, величиной съ Кавказъ, на которомъ бы говорили на стольких же различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Выраженіе относительно Кавказа—„гора языковъ“ имѣетъ полное право на существованіе. Въ своемъ сообщеніи г. Дирръ перечисляетъ всѣ кавказскіе языки и дѣлитъ ихъ на двѣ группы: a) языки, имѣющіе родичей въ другихъ частяхъ свѣта (неэндемическіе) и b) языки изолированные, настоящіе кавказскіе, рѣзко отличающіеся отъ другихъ (эндемическіе). Въ концѣ статьи помѣщена и таблица кавказскихъ языковъ. *Н. В—въ.*

Извѣстія штаба Кавказскаго военнаго округа, 1904, № 2. Здѣсь: *Шелковниковъ, Б.* «Происхожденіе и современный бытъ сирохалдейской народности“. Въ статьѣ „Округъ Сассунъ“ (извлеченіе изъ статьи неизвѣстнаго автора, напечатанной въ армянскомъ журналѣ hайреник—отечество) даны свѣдѣнія о наименѣе извѣстной части Турецкой Арменіи.

Записки Семипалатинскаго Подотдѣла Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О-ва. В. II. Семипалатинскъ. 1905.

Зобнинъ, Ф. „Семипалатинскіе авантюристы“. Статья отмѣчаетъ нѣкоторыя любопытныя черты изъ быта киргизовъ (статья эта перепечатана изъ „Сибирской Жизни“).

Герасимовъ, Б., свящ. „Поѣздка на Барлыкскіе минеральные источники въ 1905 году (путевые наброски)“. Авторъ описываетъ свою поѣздку по Семирѣченской киргизской степи и попутно отмѣчаетъ картины быта киргизовъ-кочевниковъ. На стр. 11 находится описаніе „домбры“; на стр. 18—19—импровизація пѣвца-киргиза про султана Кенесару; на стр. 37—своеобразное лѣченіе киргизомъ раны отъ укуса ядовитаго „кара-курта“ (паукъ); на стр. 49—характеристика „джетачества“.

Плотниковъ, В. „Пѣсни казаковъ Сибирскаго казачьяго войска. I. Пѣсни военныя или походныя“. Всего 24 пѣсни,—по большей части передѣлки общерусскихъ или искусственныхъ.

Коншинъ, Н. „Замѣтки объ одномъ киргизскомъ джутѣ“ (нѣкоторыя черты быта).

„Отчетъ о дѣятельности Семипалатинскаго Подотдѣла... съ 1 января 1904 г. по іюль 1905“.

Н. В—въ.

Научно-Литературный Сборникъ. Повременное изданіе „Галицко-русской Матицы". Подъ редакціей *Б. А. Дѣдицкаго.* Т. IV, кн. 2 и 3. Львовъ, 1905. Здѣсь: *Петрушевичъ, А. С.* „Русская земля и ея жители въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ". Въ статьѣ въ алфавитномъ порядкѣ собраны прозвища, поговорки и пословицы, характеризующія русскую землю и ея обитателей. Древнѣйшимъ памятникомъ этого рода является характеристика народовъ содержащаяся въ рукописи XI—XII в.в. и напечатанная П. I. Шафарикомъ въ книгѣ „Slowanské starožitnosti". W Praze. 1837. При составленіи своей статьи г. А. С. Петрушевичъ пользовался русскими сочиненіями Даля и Номиса, польскими—Адлерберга и М. Руча, а также и лично записанными пословицами и поговорками.

Н. В—въ.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1903 года по 1-ое октября 1904 г. Годъ 9-й. Кіевъ. 1904.

Въ неоффиціальной части: 1) „Изъ этнографическихъ матеріаловъ", 10 южно-русскихъ пѣсенъ, собранныхъ и поясненныхъ *А. Степовичемъ,* съ приложеніемъ напѣвовъ (стр. 1—10).

Материяли до українсько-руської етнольогії. Видане етнографичної Комисиї за редакцією *Хр. Вовка.* Т. VI. Львив. 1905.

Здѣсь находятся слѣдующія статьи:

Вироби передмікенського типу у неолїтичних становищах на Україні, *Хр. Вовка.*

Годівля, купно і продаж овець у Мшанцї старосамбірського пов., *М. Зубрицького.*

Гончарство у с. Опошні у Полтавщинї, *М. Русова.*

Вироби з дерева у с. Груні у Полтавщинї, *М. Русова.*

Гребінництво у с. Груні у Полтавщинї, *М. Русова.*

Олійниця у с. Землянцї Глухівського пов. на Черниговщинї, *Литвинової Бартош.*

Олійнї у північно-східній Галичинї, *А. Веретельника.*

Виріб олїю на Волинї в Галачинї, *М. Шишкевича.*

Народня медицина у Ровенському пов. на Волинї, *В. Доманицького.*

Золотарство у старобільському пов. у Харківщинї, *Ол. Радакової.*

Народний календар Валуйського пов., *М. Дикарева.*

Вахушти, царевичъ. Географія Грузіи. Введеніе, переводъ и примѣчанія *М. Г. Джанашвили.* Тифлисъ. 1904 (Записки Кавказск. Отд. И. Р. Г. О-ва. Кн. XXIV, в. 5).

До сихъ поръ еще не имѣлось полнаго изданія этого очень важнаго труда, хотя по частямъ онъ вошелъ въ работы Д. Бакрадзе, М. Броссе и проф. Д. Чубинова. Но сравненіе изданныхъ всѣми этими лицами частей труда Вахушти съ его собственноручно переписаннымъ оригиналомъ показываетъ, что въ эти изданія вкралось очень много погрѣшностей, ошибокъ и даже искаженій текста.

Въ настоящемъ изданіи Кавказск. Отд. трудъ царевича Вахушти помѣщенъ почти цѣликомъ. Онъ распадается на два отдѣла: 1) Исторію Грузіи до распаденія ея на три царства и пять княжествъ,

и 2) на Исторію и Географію грузинскихъ царствъ и княжествъ съ 1469 г. до конца первой половины XVIII в. „Трудъ Вахушти всегда пользовался заслуженнымъ вниманіемъ ученыхъ. „Географія“ царевича Вахушти, по мнѣнію Броссе, имѣетъ такое же значеніе для Грузіи, какъ топографическія замѣтки Гомера для Греціи; сравненіе же его картъ съ картами Кавказск. Воен.-Топограф. Отдѣла обнаруживаетъ несомнѣнную точность Вахуштіевой работы“.

Вахушти можно упрекнуть лишь за излишнее пристрастіе къ филологическимъ толкованіямъ, почти всегда крайне неудачнымъ.

Читатель найдетъ здѣсь хотя и краткое, но обстоятельное описаніе нравовъ и обычаевъ грузинскаго народа, основанное на первоисточникахъ (см. „Введеніе“, стр. XII и XV). Въ „Приложеніи къ этнографическому отдѣлу географіи Вахушти“ М. Г. Джанашвили сообщаетъ: 1) Преданіе о первоначальной родинѣ грузинъ; 2) Преданіе картвельцевъ о сотвореніи міра, солнца и луны, и 3) Перечень языческихъ боговъ грузинъ.

Н. В—въ.

Чурсинъ, Г. Ф. Народные обычаи и вѣрованія Кахетіи. Тифлисъ. 1905 (Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О-ва. Кн. XXV, в. 2).

Настоящій очеркъ является первой попыткой дать хотя сколько-нибудь цѣльную картину народныхъ воззрѣній и обычаевъ обитателей Кахетіи, характеризующихъ ихъ со стороны религіи и быта. При этомъ „въ видахъ объясненія происхожденія и первоначальнаго смысла наблюдаемыхъ въ Кахетіи вѣрованій и обычаевъ, авторъ счелъ полезнымъ обратиться къ сопоставленію ихъ съ аналогичными фактами, отмѣченными у другихъ народовъ, преимущественно кавказскихъ“. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы собранныхъ матеріаловъ было достаточно для полнаго освѣщенія всѣхъ ступеней развитія религіозныхъ и бытовыхъ представленій современнаго катехинца.

Н. В—въ.

Марковичъ, В. В. На ледникахъ Дигоріи. Изв. Имп. Русск. Геогр. О-ва, т. XXXIX, вып. I.

Свѣдѣній о Дигоріи въ литературѣ очень мало. А между тѣмъ, по словамъ В. Марковича, „изслѣдователь Кавказа, не побывавшій въ Дигоріи, будетъ имѣть о немъ неполное представленіе“. И хотя авторъ—спеціалистъ ботаникъ—и работѣ своей придалъ преимущественно ботаническій характеръ, однако въ его трудѣ и этнографъ найдетъ достаточно матеріала. Вся первая глава посвящена краткому описанію пути въ Дигорію, характеристикѣ дигорскихъ жилищъ, особенностямъ, отличающимъ дигорцевъ отъ ироновъ (восточной группы осетинъ), особенностямъ, выражающимся не только въ языкѣ, но и въ образѣ жизни, промышленности и т. д. Въ четвертой главѣ есть замѣчанія о сословныхъ отношеніяхъ въ Дигоріи.

Н. В—въ.

Витте, Е. де-. Лѣто 1903 года. Путевыя впечатлѣнія и Историческіе очерки. Чехія. В. 1-й. Кременецъ. 1905.

Путешественница по славянскимъ землямъ, Е. И. де-Витте въ данной книжкѣ съ увлеченіемъ и любовью описываетъ города Чехіи, ихъ окрестности, памятники древности, исторію, культуру и населеніе страны. Въ виду того, что въ Россіи сравнительно мало книгъ, въ которыхъ вѣрно описаны славянскія земли, книжка г-жи Е. де-Витте принесетъ свою долю пользы, способствуя ознакомленію и сближенію двухъ родственныхъ народовъ. [1])

Н. В—въ.

Сказаніе объ Едигеѣ и Токтамышѣ. Киргизскій текстъ по рукописи, принадлежавшей *Ч. Ч. Валиханову*, издалъ проф. *П. М. Меліоранскій*. Спб. 1905 (Записки И. Р. Г. О-ва по Отд. Этнографіи. Прилож. къ т. XXIX).

Кромѣ киргизскаго текста—стр. 1—16—содержитъ предисловіе издателя къ тексту „былины". На стр. 17—18 указана библіографія даннаго сюжета. Стр. 19—23—„Глоссарій", составленный при участіи г. *Ж. Сейдалина*.

Мартыновъ, С. В. Печорскій край. Очерки природы и быта. Населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905.

„Архангельская губернія, благодаря своей обширности, ничтожному населенію, труднымъ, а частью вовсе первобытнымъ путямъ сообщенія и отдаленности отъ центровъ умственной жизни Россіи,—еще очень недостаточно извѣстна", а нѣкоторыя ея части даже до сихъ поръ ждутъ благосклоннаго вниманія какого нибудь изслѣдователя. Къ одной изъ наименѣе извѣстныхъ областей губерніи относится Печорскій край, описанію и изслѣдованію котораго и посвящена работа С. В. Мартынова.

Административно высланный въ Архангельскую губернію (по дѣлу Воронежскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности) С. В. принялъ участіе въ экспедиціи для изслѣдованія Печерскаго края, снаряженной лѣтомъ 1903 года управляющимъ казенною палатою А. П. Ушаковымъ. Программа работъ экспедиціи намѣчена была очень широко: на ряду съ экономическимъ изслѣдованіемъ этого края должно было вестись изученіе этнографическихъ его особенностей, культурно-бытовой жизни населенія, санитарныхъ условій жизни вообще,—жилища, промысловъ и питанія въ частности.

Во время работъ по вопросамъ этого изслѣдованія авторъ велъ дневникъ, переработанныя записи котораго и дали настоящее произведеніе.

---

[1]) Болѣе подробный разборъ этой книги см. въ работѣ проф. *Т. Д. Флоринскаго* „Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по Славяновѣдѣнію". Университетскія (Кіевскія). Извѣстія, 1905. XI.

Не смотря на нѣсколько одностороннюю цѣль экспедиціи и спеціальность автора, книжка составлена очень обстоятельно и съ разныхъ сторонъ освѣщаетъ жизнь аборигеновъ Печерскаго края. И просто любопытный читатель, и человѣкъ интересующійся нашимъ Сѣверомъ, въ особенности этнографъ, найдутъ для себя очень много достойнаго вниманія.

Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые вопросы имѣющіе особый интересъ для этнографа: въ главѣ *I Общія свѣдѣнія о Печорскомъ краѣ.* Населеніе и его этнографическія особенности. Старообрядцы. Ижемцы. Самоѣды; въ гл. *II Условія жилища и питанія населенія.* Деревни. Крестьянскій домъ. Деревни Ижемскаго района. Скотный дворъ и соединеніе его съ избой. Особенности питанія... въ гл. *III Бытъ населенія и его культурный уровень.* Положеніе дѣтей... Положеніе женщины въ семьѣ и въ хозяйствѣ... Кругозоръ населенія и его умственное развитіе... Отрицательныя стороны духовной жизни населенія. Колдуны и еретницы. Напусканіе икоты. „Дикость". Вѣрованія въ нечистую силу и способы предохраненія отъ порчи. Заговоры и заклинанія... Одежда... Вся глава *IV. Экономическія условія жизни населенія.* Главы V и VI посвящены промышленности (настоящей и будущей) Печорскаго края. Въ VII гл. *Заболѣваемость. Организація врачебной помощи. Народная медицина и акушерство*— должно отмѣтить:.. Икота. Ея симптомы и демономаническій характеръ. Напусканіе икоты среди женщинъ... Народная медицина. Гипнотическіе методы леченія. Баня. Леченіе переломовъ и вывиховъ. Лекарственныя средства. Народное акушерство...

Прочитавши книгу, нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ автора, который въ предисловіи пишетъ: „Можно только пожалѣть, что недостатокъ средствъ и краткость времени, а, главнымъ образомъ, архаическій способъ передвиженія ставили экспедицію въ крайне стѣснительное положеніе и не только не позволяли произвести правильное изученіе края, но даже посѣтить наиболѣе отдаленныя его мѣста, почему настоящая работа, представляетъ собою только матеріалъ для будущаго описанія Печоры".

Но такого рода описанія едва ли можно скоро дождаться, такъ какъ до сего времени еще есть на Печорѣ такія мѣста, куда не ступала нога человѣка, и даже устья самой Печоры не изслѣдованы въ точности. Поэтому книга С. В. Мартынова является очень цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу о крайнемъ Сѣверѣ.

Н. В—въ.

Труды Вятской Ученой Архивной Коммиссіи.

Вып. I, II, III. Вятка. 1905.

28 ноября 1904 года открылась въ Вяткѣ давно ожидаемая здѣсь Губернская Архивная Комиссія и съ слѣдующаго же года приступила къ періодическому изданію своихъ „Трудовъ“. Изъ шести обѣщанныхъ въ годъ выпусковъ „Трудовъ“ три уже вышли.

Мѣстная исторія имѣетъ еще болѣе точекъ соприкосновенія съ этнографіею, какъ съ „живою стариною“, нежели исторія общая. И наши Архивныя Комиссіи вообще не опускаютъ изъ виду, вмѣстѣ съ историческимъ, и этнографическаго изученія своей родины. Такъ, напримѣръ, Костромская Комиссія произвела даже маленькую этнографическую анкету, давшую немало интересныхъ матеріаловъ. Надѣемся, что и Вятская Комиссія не будетъ пренебрегать этнографіею, тѣмъ болѣе, что предсѣдатель ея, Н. А. Спасскій, въ качествѣ редактора „Памятныхъ Книжекъ Вятской губерніи“ (въ продолженіе 26-ти уже лѣтъ) зарекомендовалъ себя человѣкомъ, которому дороги интересы русской этнографіи.

Вятской Архивной Комиссіи предстоитъ очень почтенная задача, одинаково интересная и для историковъ, и для этнографовъ,—разрѣшить вопросъ о ходѣ русской колонизаціи въ Вятскій край.

Задача, въ виду недостаточности источниковъ, не легкая. Но Архивная Комиссія, имѣющая въ своей средѣ, между прочими, маститаго мѣстнаго историка А. Г. Верещагина, которому русская историческая наука обязана критикою извѣстной лѣтописной легенды о новгородскихъ ушкуйникахъ 1174 года на Вяткѣ, надѣемся, справится съ этими трудностями.

Какъ и слѣдовало ожидать, Вятская Комиссія начала съ изданія источниковъ, касающихся судебъ мѣстнаго края. Въ первомъ выпускѣ „Трудовъ“ перепечатаны извлеченія изъ русскихъ лѣтописей, относящіяся къ исторіи Вятскаго края. Во второмъ выпускѣ напечатанъ съ рукописи вятскій „Временникъ“, писанный въ XVII и началѣ XVIII в.; главнымъ источникомъ этого Времянника служилъ, согласно изслѣдованію издателя, одинъ изъ хронографовъ третьей редакціи (по дѣленію А. Н. Попова), т. е. составленныхъ послѣ 1620 г., съ

заимствованіями изъ хронографовъ второй редакціи 1617 года (стр. 75, вып. II). Въ III-мъ выпускѣ напечатана „Повѣсть о странѣ Вятской“ по двумъ спискамъ (XVIII в.)—Толстовскому и Миллеровскому, съ указаніемъ разночтеній изъ прочихъ списковъ.—Всѣ эти изданія сдѣланы редакторомъ „Трудовъ“ А. Верещагинымъ.

Въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ къ изданію этихъ источниковъ дается описаніе каждаго изъ нихъ, замѣчанія о времени написанія ихъ, о писцахъ и пр.

Въ послѣсловіи къ „Повѣсти о странѣ Вятской“ издатель ударился въ критику этой „повѣсти“, повторяя, впрочемъ, большею частію уже прежде имъ же напечатанное въ разныхъ изданіяхъ. Въ этой критикѣ мы считаемъ умѣстнымъ указать на методологическую ошибку издателя, доказывающаго хронологическую дату (конецъ XIV в.) поселенія русскихъ на Вяткѣ отсутствіемъ въ писцовыхъ и дозорныхъ книгахъ вятскихъ собственныхъ именъ типа Грихно (Григорій) и Давша (Давидъ),—имена, „употреблявшіяся въ Новгородѣ и въ Заволочьѣ въ XII—XIV вѣкахъ“ (стр. 74). Авторъ, видимо, считаетъ подобныя имена чѣмъ-то спеціально Новгородскимъ и притомъ свойственнымъ только XII—XIV вѣкамъ, и, конечно, ошибается. По замѣчанію академика А. И. Соболевскаго, этимъ типамъ уменьшительныхъ именъ нужно приписать общерусскую или даже общеславянскую древность („Живая Старина“, 1893 г. стр. 449 и 451). Имена въ родѣ Ивахно встрѣчаются и у малороссовъ (Н. Ѳ. Сумцовъ, малорусск. географич. номенклатура: „Кіевск. Старина“. 1886 г., стр. 13 отд. оттиска); въ Полтавской губ. есть названіе селеній Ильяхновскій, Грихновка, Махновка, Михновка и др. подобные („Списки насел. мѣстъ“). Имена же типа Петьша, Кирша и подобн. въ большомъ употребленіи и по сіи дни на Уралѣ и въ Сибири (см. В. Г. Богоразъ, Колымское... нарѣчіе: сборн. II отд. Акад. наукъ, т. 68, Сборникъ Кирши Данилова, подъ редакціею Шеффера, стр. XXVIII, прим. 1, и др.[1]). Дѣлать же какія-либо заключенія изъ того обстоятельства, сохранились или не сохранились въ данной мѣстности тѣ или иныя особенности старины, конечно, никакъ нельзя.

Помимо указаннаго выше главнаго содержанія „Трудовъ“, здѣсь мы находимъ протоколы засѣданій комиссіи и рядъ мелкихъ извѣстій и замѣтокъ, большею частью перепечатан-

[1]) Подробнѣе см. нашу замѣтку въ „Вятскомъ Вѣстникѣ“, 1905 г. № 7.

ныхъ изъ разныхъ изданій. Въ этомъ отношеніи намъ представляется совершенно излишнею пространная полемика редакціи, по поводу разныхъ мелкихъ неточностей, съ... „Вятскою Газетою“ (земское изданіе для народа), „Міромъ Божіимъ“ и т. п. (вып. I, стр. 27—29). Если уже пошло на то, такъ достаточно просто указать на неточность, а не полемизировать.

Д. Зеленинъ.

Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Липскій, В. И. Горная Бухара. Результаты трехлѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 1897 и 1899 году. Часть III. Хребетъ Гиссарскій и Восточная Бухара: хребетъ Дарвазскій, Мазарскій и Петра Великаго. 1899. Изд. И. Р. Г. О-ва, подъ редакціей *Ю. М. Шокальскаго.* Спб. 1905 (Съ приложеніемъ 1 карты и XXXIX картинъ).

Отчетъ по Минусинскому мѣстному Музею и общественной библіотекѣ за 1904 годъ. Минусинскъ. 1905. 22 стр. Приложенъ портретъ † Н. М. Мартьянова, основателя музея [1]).

Коропчевскій Д. А. Времена года. Географическія картинки. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1906. Стр. 143.

Виноградовъ Н. Взгляды народа на пчеловодство. Мѣстное описаніе пчеловодства. (Суевѣрія, заговоры, народныя средства)· Кострома. 1905.

Его-же. Царь Максемьянъ и его непокорный сынъ Одольфъ. Старый текстъ и нѣсколько словъ по поводу текста. Спб. 1905.

Орбели, Д. I. Сванетія. Зобъ и кретинизмъ. Спб. 1904.

Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Подъ редакц. *Н. И. Веселовскаго.* Спб. 1905 (Зап. И. Р. Г. О-ва по Отд. Этнографіи. Т. XXIX).

Записки Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. IV, в. 2. Хабаровскъ. 1905 г. Здѣсь „Отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1908 и 1904 гг. (извлеченія, см. „Хроника“ стр. 20).

---

[1]) † **Мартьяновъ,** Николай **Михайловичъ,** 30 ноября 1904 г. Покойному извѣстный Минусинскій Музей обязанъ своимъ учрежденіемъ и процвѣтаніемъ.

Статьи о покойномъ см.: Клеменцъ, Д. А. въ Спб. Вѣд. № 331; Пальмовъ. Енисей, № 136; „Отчетъ по Минусинск. мѣстн. Музею... за 1904 г. Минусинскъ. 1905.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Обрядъ „повиванья“ въ Курской губ.

Когда невѣста придетъ отъ вѣнца, немедленно начинается обрядъ „повиванья“.

Надъ невѣстой бабы растягиваютъ платокъ, зажигаютъ двѣ свѣчи и держатъ ихъ по сторонамъ.

Двѣ „свашки“ начинаютъ завивать волосы въ особую шишку, съ припѣвами:

Мѣсяцъ каже: „я зайду,“
Солнушко каже: „я съ тобою!..“
Макаръ каже: „спать пойду,“
Устинья каже: „я съ тобою!..“
Макаръ каже: „клѣтка мала,“
Устинья каже: „устанемся!“
Макаръ каже: „кроват мала,“
Устинья каже: „уляжемся.“ *).

Поютъ также:

— Свашенька гаголушка,
Не плутай головушку!
— Я не курва, повью кругло.

Летѣли гуси-лебеди черезъ садъ,
Ударили золотымъ крыломъ о теремъ:
Пора тебѣ Устиньюшка съ терема долой!
Ой не дѣло, подруженьки мои, до того,
Есть у меня родный батюшка дле того.
Коли велитъ благословитъ, я сойду...

Послѣ повиванья молодая одѣваетъ на голову золотую „сороку“, высокій головной уборъ въ видѣ колпака; съ этимъ убо-

---

*) Сравн. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“ стр. 25, изд. 1881 г. (Полное собраніе стихотвор. въ одномъ томѣ):

Иванъ кричитъ: „я спать хочу,“
А Марьюшка: „и я съ тобой!“
Иванъ кричитъ: „постель узка,“
А Марьюшка: „уляжемся!“
Иванъ кричитъ: „ой холодно!“
А Марьюшка: „угрѣемся!“

ромъ, а также съ сарафаномъ чернаго цвѣта изъ шерстяной матеріи домашняго изготовленія, молодая женщина не разстается никогда, даже во время тяжелыхъ полевыхъ работъ въ жаркую пору. Разрѣшается иногда золотую сороку замѣнить будничнымъ „шлыкомъ“, но оставлять волоса открытыми нельзя: „потому—волосъ вѣнчанный“...

(Записано въ с. Березовѣ, Новооскол. у. Курск. губ.).

Ив. Абрамовъ.

Пережитки трупосожженія.

Минувшимъ лѣтомъ по порученію СПБ. Археологическаго Общества мнѣ пришлось раскапывать курганы въ с. Веденьѣ Смоленской г., Порѣчскаго уѣзда.

При моихъ работахъ присутствовалъ мѣстный діаконъ о. Чернявскій.

Когда мы выкопали погребальную урну, наполненную полусожженными костями, діаконъ припомнилъ слѣдующій мѣстный обычай, который можетъ служить отдаленнымъ намекомъ на древній обрядъ трупосожженія.

Всякій разъ, какъ только вынесутъ мертвеца за село, родственники умершаго разбиваютъ о землю заранѣе припасенный глиняный горшокъ и при этомъ зажигаютъ сѣно или солому. Обычай требуетъ, чтобы обрядъ этотъ былъ непремѣнно исполненъ.

Ив. Абрамовъ.

МЕЛОЧИ
историко-литературныя и этнографическія.

I.

Во второй книжкѣ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“, въ статьѣ проф. Евгенія Боброва „Мелочи изъ исторіи русркой литературы“ сведенъ цѣлый рядъ замѣтокъ біографическаго и литературнаго характера. Здѣсь, между прочимъ, въ замѣткѣ „II. Народная пѣсня Н. М. Ибрагимова“ авторъ сообщаетъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ извѣстномъ преподавателѣ казанской гимназіи, потомъ профессорѣ казанскаго же университета, Николаѣ Мисаиловичѣ Ибрагимовѣ, учителѣ С. Т. Аксакова, и о сочиненной имъ пѣснѣ: „Вечеркомъ красна дѣвица“..., получившей широкое распространеніе въ народѣ.

Сдѣлавши нѣсколько замѣчаній о происходящемъ *иногда* на литературной почвѣ взаимодѣйствіи между культурными классами и народной массой, проф. Бобровъ указываетъ, что и пѣсня Н. М. Ибрагимова „(безъ имени автора) съ момента появленія широко гуляла по матушкѣ Россіи, принося удовольствіе разнымъ кругамъ русскаго общества,—и даже дожила въ народѣ до нашихъ дней, какъ мы усмотрѣли изъ прекрасной книги о Сахалинѣ В. М. Дорошевича, т. I, стр. 362“. И нѣсколько далѣе онъ продолжаетъ: „... пѣсня Ибрагимова сразу стала народной; народъ воспринялъ ее такъ, какъ если бы она возникла въ его средѣ, и бережно хранитъ ее до сихъ поръ“.

„Любопытно, что пѣсня Ибрагимова, какъ настоящая народная пѣсня, породила даже *варіанты*“ [1]). Далѣе приводятся два варіанта третьяго куплета.

Съ своей стороны и я могу отмѣтить *большую* распространенность этой пѣсни въ губерніяхъ Костромской, Ярославской, Владимірской и Вологодской. Но среди народа, въ данномъ районѣ, она широкимъ распространеніемъ не пользуется.

---

[1]) Курсивъ проф. Евгенія Боброва.

Кое-гдѣ ее поетъ и народъ, но мало. Съ особеннымъ же удовольствіемъ распѣваетъ эту пѣсню, „такъ называемая“, сельская интеллигенція, духовенство (кажется,—всего охотнѣй), мелкое городское чиновничество и мѣщане.—Вѣрнѣе всего, что и на каторгу, на Сахалинъ, она попала не черезъ крестьянъ, а при посредствѣ лицъ изъ вышеупомянутыхъ сословій.

Въ указанномъ районѣ пѣсня поется нѣсколько по своему, непохоже на печатный текстъ и указанныя въ „Русск. Филолог. Вѣстн.“ варіанты:

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ со стадомъ [1]) шла
Черноглаза круглолица
Такъ гуськовъ домой гнала:

Припѣвъ:

Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой!
Тега, тега, тега, тега,
Гуси сѣрые домой!

Не ищи [2]) меня богатый,
Ты не милъ моей душѣ,—
Что мнѣ, что твои палаты?—
Съ милымъ счастье въ шалашѣ!
Прип.: Тега, тега... и т. д.

Съ нимъ одной любви довольно,
Чтобы вѣкъ счастливо жить,
Но сердечку очень больно
Черезъ злато слезы лить!
Прип.: Тега, тега... и т. д.

Но констатируя распространенность этой пѣсенки, мы никакъ не можемъ согласиться съ другими положеніями г. проф. Евгенія Боброва. Такъ,—онъ *варіацію* произведенія считаетъ какъ будто однимъ изъ главныхъ признаковъ его народности. Онъ пишетъ: „*Любопытно*, что пѣсня Ибрагимова, какъ *настоящая народная* [3]) пѣсня, породила даже *варіанты* [4])“.

На нашъ же взглядъ тутъ даже и *любопытнаго* ничего нѣтъ, такъ какъ всякое произведеніе,—будь то пѣсня, сказка, былина, стихотвореніе, молитва и т. д.—въ устной передачѣ будетъ варіироваться. Это легко прослѣдить при заучиваніи наизусть стихотвореній и молитвъ въ любой начальной школѣ и при постепенномъ распространеніи ихъ среди окрестнаго населенія.

Затѣмъ,—авторъ пишетъ: „Дорошевичъ полагаетъ, что пѣсня нравится изъ-за *припѣва* [4]). Но намъ кажется, что дѣло тутъ не въ одной „тигѣ“, но и въ содержаніи. Въ пѣснѣ очень ясно, хотя и наивно, выражается право на свободу сердца, на свободу выбора въ любви. Эта тема очень близко подходитъ къ темамъ, разрабатываемымъ въ настоящихъ народныхъ русскихъ пѣсняхъ. И вотъ почему пѣсня Ибрагимова сразу стала

---

[1]) Съ гусями...
[2]) Ты не жди...
[3]) Курсивъ нашъ.
[4]) Курсивъ проф. Евгенія Боброва.

народной; народъ воспринялъ ее такъ, какъ если бы она возникла въ его средѣ и бережно хранитъ ее до сихъ поръ“.

А мои долговременныя и въ разныхъ мѣстахъ произведенныя наблюденія говорятъ нѣсколько иное. По моему мнѣнію, пѣсню эту любятъ за очень легкій и веселый *мотивъ*. Съ нее обыкновенно на вечеринкахъ начинается пѣніе, чтобы распѣться и прочистить горло, а затѣмъ перейти къ болѣе труднымъ, болѣе сложнымъ мотивамъ. „Запѣвайте, барышни,—„Вечеркомъ красна-дѣвица“... — Пѣсенка веселая и мативчикъ страсть хорошій!“ говорятъ кавалеры, когда надоѣстъ играть въ фанты и танцевать. „Будетъ вамъ ныть-то,—хоть бы „тегу“ спѣли!“ замѣчаютъ старики, когда молодежь ужъ слишкомъ усердно выводитъ „Море синее“, „Подъ вечеръ осенью ненастной“ и тому подобныя заунывныя пѣсни.

За увлеченіе мотивомъ, а не содержаніемъ пѣсни, говоритъ и тотъ фактъ, что пѣсня эта имѣетъ, обыкновенно, продолженіе, совсѣмъ неподходящее. Въ пѣснѣ всего три куплета, а мотивъ пришелся очень по вкусу; исполнители и слушатели желаютъ большаго удовольствія. Надо удлиннить пѣсню. И вотъ съ одной стороны начинается свободное творчество въ данномъ направленіи, съ другой стороны механическое удлинненіе пѣсни посредствомъ подходящихъ по размѣру куплетовъ, хотя бы по содержанію они и не подходили къ пѣснѣ.

Попытокъ перваго рода, мнѣ помнится, было нѣсколько; иные пытались продолжить пѣсню создавая такіе, напримѣръ, куплеты:

Не пойду въ твои палаты,
На арканѣ хоть тащи,
Лучше съ милымъ въ бѣдной хатѣ
Буду ѣсть пустыя щи!

или:

Любви золотомъ не купишь,
Какъ меня ты не прельщай;
Отъ меня лишь носъ получишь,
Вотъ тебѣ отвѣтъ. Прощай!

Но обыкновенно желаніе послушать веселенькій „мативчикъ“ удовлетворялось тѣмъ, что пѣлись какіе попало куплеты изъ очень распространенныхъ въ провинціи альбомныхъ стишковъ. По большей части послѣ третьяго куплета исполняется:

Далѣе:

Сколько мнѣ не притворяться,
А пришлось открыть себя,
Шутки бросить и признаться:
Ангелъ мой люблю тебя!

Долго, долго я старался
Угадать характеръ вашъ;
Разъ пятнадцать ошибался,
А теперь узналъ я васъ.

И даже:

Какъ вамъ, барышни, не стыдно
Ариѳметики не знать!
Такъ учиться—не годится,
Я васъ долженъ наказать.

Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ вмѣстѣ съ другими пѣвцами пропѣвать, по общему желанію, до конца на тотъ же мотивъ Пушкинское стихотвореніе „Буря мглою небо кроетъ"..., имѣющее свой собственный (и по моему гораздо лучшій) мотивъ Очевидно,—тутъ дѣло не въ содержаніи [1]).

Ужъ вѣрнѣе же мнѣніе г. Дорошевича, что „пѣсня нравится изъ-за *припѣва*", такъ какъ онъ исполняется всегда съ особеннымъ воодушевленіемъ, даже азартомъ. Да и самая пѣсня называется часто по припѣву: „тега". Но самый припѣвъ поется почти такъ же какъ и текстъ лишь съ небольшими музыкальными украшеніями.

Итакъ, по нашему мнѣнію: I. Пѣсня Н. М. Ибрагимова дѣйствительно пользуется широкой популярностью, хотя преимущественно и не въ народной средѣ. II. Пѣсню эту любятъ не за содержаніе, а за мотивъ.

II.

Въ слѣдующей замѣткѣ: „III. Обрывокъ народной пѣсни въ латинскомъ переводѣ" проф. Бобровъ приводитъ изъ романа И. Калашникова „Камчадалка" (Спб. 1833, ч. II, стр. 97 и 99) то мѣсто, гдѣ говорится о томъ, какъ „образованный" дьячекъ, за вольнодумство сосланный на Камчатку... „запѣлъ во все горло на латинскомъ языкѣ извѣстную (?) русскую пѣсню: Между дубомъ и березой рѣка протекала". Приведя затѣмъ латинскій текстъ пѣсни авторъ продолжаетъ: „Быть можетъ, въ Камчаткѣ и въ то время (изображается конецъ XVIII вѣка) эта пѣсня и считалась извѣстною: но мнѣ она показалась совершенно неизвѣстною. Желая провѣрить себя, я обратился къ самому новому и полному собранію: „Великорусскія пѣсни", изданныя А. И. Соболевскимъ. Пѣсни этой я не нашелъ, но кое-что похожее на начало ея отыскалось". Далѣе проф. Бобровъ выписываетъ текстъ пѣсни (изъ IV т., № 377) изъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, за исключеніемъ 6—7 словъ, со-

1) Есть даже основаніе думать, что содержаніе и смыслъ пѣсни игнорируется, лишь бы мотивъ нравился. Сплошь и рядомъ на любимый мотивъ поютъ наборъ безсмысленнныхъ словъ, или даже звуковъ. А кромѣ того мнѣ припоминается и такого рода факты: одно время среди сельской интеллигенціи была очень распространена пѣсня „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла"... Молодежь (особенно барышни) распѣвали ее постоянно. Затѣмъ — какъ отрѣзало... Если кто и предлагалъ спѣть, то краснѣли, отнѣкивались и старались замять предложеніе. А все вышло изъ за того, что однажды кто-то, не зная пѣсни буквально, попытался пересказать ее. Только тогда понята была ея крайняя неприличность (по взглядамъ „общества"). Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась—и пѣсню перестали пѣть. Было и еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ.

всѣмъ не похожей на латинскій переводъ. Мы должны замѣтить, что здѣсь авторъ ошибается. Въ „Великорусскихъ пѣсняхъ“ А. И. Соболевскаго указано нѣсколько подходящихъ пѣсенъ.

Такъ въ III томѣ, на стр. 460—464 приведено семь варіантовъ этой самой пѣсни [1]). Ее поютъ въ Архангельской, Ярославской, Курской, Казанской, Пермской губерніяхъ и въ Сибири. Для сравненія выписываемъ латинскій текстъ (камчатскій) и наиболѣе подходящій русскій изъ сборника А. И. Соболевскаго:

№ 569.

Jnter querquum et betulam	...Промежъ дубу и березы
Flumen promanavit,	Рѣка протекала,
Flumen, flumen promanavit,	Рѣка, рѣка глубокая,
Aqua frigida.	Вода студеная.
Nemo potest aqua bibi [2])	Нельзя воды пити,
Nec illam hauriri.	Нельзя почерпнути.
Apud virum seniorem	Какъ у стараго у мужа
Femina formosa.	Жена молодая.
Castigari negat uxor,	Нельзя жену бити,
Neque maculari;	Нельзя поучити.
Castigabat una hora,	Я билъ жену единъ часъ,
Flevit hebdomade.	А плакалъ недѣлю...

Такимъ образомъ, русскій и латинскій тексты почти совпадаютъ, за исключеніемъ того, что въ русскомъ текстѣ, въ началѣ и концѣ есть по двѣ строчки, не приведенныхъ по-латыни у И. Калашникова.

Кромѣ того, не далѣе, какъ два года тому назадъ, въ Костромской губ., Костромскомъ уѣздѣ мы слышали отрывокъ такой пѣсни:

Изъ подъ дубу изъ-подъ вязу
Рѣка протекала;
Рѣчка, рѣчка протекала
Вода холоднáя;
Водка, водка холоднáя,
Чиста ключевая
Никто воды не почéрпнетъ
Чистой не изб́пьетъ...

Какъ видно изъ сравненія текстовъ вполнѣ подходятъ и содержаніе и размѣръ стиха. Къ сожалѣнію всей пѣсни я не

---

[1]) Въ только что вышедшей изъ печати 4-й книжкѣ „Русск. Филолог. Вѣстн.“ г. В. Чернышевъ, отмѣчая ошибку проф. Е. Боброва, даетъ всетаки невѣрныя указанія (м. б. опечатка?): „У А. И. Соболевскаго нѣсколько такихъ пѣсенъ находится въ III томѣ подъ №№ 578—574“ (?). На самомъ дѣлѣ, у А. И. Соболевскаго эти пѣсни помѣщены подъ №№ 568—574.

[2]) Этотъ стихъ и послѣдующій проф. Евгеній Бобровъ исправляетъ такъ

...aquam bibere
Nec illam haurire...»—

записалъ и достать въ настоящее время не могу. Конецъ пѣсни также хорошо сохранился въ моей памяти:

...Билъ жену одинъ часочикъ,—
Недѣлюшку плакалъ.

Тоже почти полное тождество текста. Такимъ образомъ теряютъ свое значенiе и заключительныя слова проф. Боброва: „...пѣсня, которую въ латинскомъ переводѣ приводитъ въ своемъ романѣ Калашниковъ, въ настоящее время, повидимому, по крайней мѣрѣ, въ этой редакцiи утрачена“.

Николай Виноградовъ.

„Новыя вѣянiя въ народной поэзiи“.

Нынѣшнимъ лѣтомъ (1905 г.) молодой провинцiальный писатель, г. Афанасьевъ, случайно попавшiй въ Петербургъ (въ качествѣ запасного), передалъ намъ нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ отъ запасныхъ солдатъ. Одна изъ нихъ, (которую мы приводимъ ниже) представляетъ любопытный образчикъ народныхъ пѣсенъ новой формацiи,—перiода перелома въ народномъ мiросозерцанiи и перехода отъ коллективной пѣсни къ индивидуальной. Новому складу жизни, новому мiропониманiю сталъ тѣсенъ узкiй кафтанъ стариннаго пѣснотворчества—и онъ треснулъ по всѣмъ швамъ, хотя еще и не нашлось новой одежды. Старая форма, прежнее содержанiе перестаютъ удовлетворять современный людъ, и изъ-за старинной пѣсни неудержимо рвется на волю новая, молодая. Пусть она неудовлетворительна по формѣ, узка по содержанiю. Такъ и должно быть въ перiодѣ перелома, когда рушатся старые алтари, а новое еще только намѣчается. Эта пѣсня переходъ къ художественной пѣснѣ [1]). А та въ свою очередь зазвучитъ по всей матушкѣ Руси,

„Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ“...

Н. В—въ.

[1]) Съ этимъ трудно согласиться. Ред.

„Мы изъ Вязьмы два громилы,
На суду всегда мы милы,
Тра-ра-рай, рай, рай, рай, рай,
На суду всегда мы милы.
Если нравимся мы вамъ,
Приходите въ тюрьму къ намъ.
Припѣвъ [1]).

Мы гуляемъ всегда парой:
Онъ съ сумой, а я съ гитарой.
Другъ на друга мы похожи,
У обоихъ толсты рожи.
Мы отправились гулять,
Захватили съ собой б.....
Не успѣли мы кутнуть,
Фигаря ужъ тутъ какъ тутъ.
Тутъ насъ взяли, замели
И въ сыскное привели;
А съ сыскного-то тутъ насъ
Отправили прямо въ часть;
А изъ части насъ потомъ
Въ предварительный, слышь, домъ.
Въ предварительномъ попрѣли:
По полгоду отсидѣли;
Повѣстки въ руки намъ вручили
И судиться потащили.
Вотъ приводятъ въ большо зало,
Тамъ судей сидитъ не мало,
А направо прокуроръ,
Онъ на рожу точно воръ;
Предсѣдатель весь сѣдой
И съ медалью золотой;
Секретарь сбоку сидитъ
И въ бумажку все глядитъ.
Вдругъ защитникъ нашъ явился,
Суду низко поклонился,
Всѣмъ кивнулъ онъ головой—
Видать: парень дѣловой!
Прокуроръ насъ обвиняетъ,
А защитникъ защищаетъ...

---

[1]) Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ строчекъ.

Прокуроръ съ мѣста встаетъ,
Онъ такую рѣчь ведетъ:
„Вы, присяжны господа,
Эти воры хоть куда!
Много было у нихъ проказъ,
Они судились много разъ“.
Долго пѣлъ онъ, напѣвалъ,
Наконецъ и замолчалъ,
Обтеръ плѣшь свою платкомъ
И сѣлъ съ судьями рядкомъ.
  Вотъ защитникъ нашъ встаетъ
  И такую рѣчь ведетъ:
  „Вы, присяжны господа,
  Хоть украли—не бѣда,
  Хоть украли, да ушли—
  Точно кладъ они нашли.
  Виноватъ онъ, предсѣдатель,
  Какъ Іуда онъ предатель:
  Зачѣмъ плохо онъ кладетъ—
  Онъ людей на грѣхъ ведетъ,
  Они чисты, какъ вода,
  И прошу васъ, господа,
  Грѣха на душу не брать—
  И прошу ихъ оправдать.
Тутъ присяжные смутились,
Совѣщаться удалились.
И прошло время такъ съ часъ,
Оправдали они насъ.
Бирки на руки вручили
И на волю отпустили,
И на радости такой
Загуляли мы съ тобой.
Пріѣзжаемъ въ ресторанъ,
Ванька бухъ опять въ карманъ!
  Карасей [1]) пару купилъ,
  Боченки [2]) ражіе срубилъ...
  Вотъ мы сѣли за буфетъ:
  Человѣкъ, подай котлетъ!

---

[1]) Два кошелька.
[2]) Часы.

Ты, буфетчикъ-старина,
Дай получше намъ вина!
Вотъ мы пили, вотъ мы ѣли,
Черезъ часъ опять сгорѣли...
За отличную гульбу
Посадили насъ въ тюрьму...

Записалъ *К. Афанасьевъ* въ казармахъ 91-го запасного баталіона отъ крестьянъ Новгородской губерніи.

Новый словарь якутскаго языка.

Академія Наукъ приступила къ печатанію „Словаря якутскаго языка“, изданіе котораго было временно пріостановлено. Редактированіе его принимаетъ на себя самъ составитель Э. К. Пекарскій, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ Якутской области. Попавши „по независящимъ обстоятельствамъ“ въ мѣста столь отдаленныя, г. Пекарскій все время своего пребыванія въ Якутской области (1881—1905 г.) употребилъ на собираніе матеріаловъ по языку, быту и народной словесности якутовъ. Въ теченіе 24 лѣтъ накопился богатый матеріалъ, всесторонне охватывающій жизнь якутовъ.

Одинъ словарь якутскаго языка заключаетъ въ себѣ свыше двадцати тысячъ словъ (вопреки утвержденіямъ о бѣдности якутскаго языка, основаннымъ на данныхъ якутско-нѣмецкаго словаря академика Бетлинга, гдѣ приведено только около 3.000 словъ. Словарный матеріалъ захватываетъ, главнымъ образомъ, говоры Ботурусскаго, Баягантайскаго, Мегинскаго и Дюпсюнскаго улусовъ Якутскаго округа и говоры Верхоянскаго и, отчасти, Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ. Относительно каждаго слова, по возможности, приводятся: его производство или этимологическій составъ, различное произношеніе (по говорамъ), сравненіе со сходно звучащими словами, сравненіе съ монголо-бурятскимъ и тюркскими нарѣчіями (отчасти и съ маньчжурскимъ языкомъ) по звуковому сходству, общее коренное значеніе слова (съ указаніемъ слова съ противоположнымъ значеніемъ), синонимическія и сходныя по смыслу слова, фразеологія, второстепенныя значенія (также съ указаніемъ синонимовъ, сходныхъ по значенію словъ и поясняющихъ примѣровъ), сложныя слова (названія растеній, птицъ, живот-

ныхъ, мѣстностей, прозвища, сказочныя и миѳологическія имена), особыя выраженія изъ устной словесности якутовъ и изъ живой рѣчи, не поддающіяся буквальному переводу, замѣчательныя въ какомъ-либо отношеніи особенности флексіонныхъ формъ имени, мѣстоименія и глагола и, наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ, мѣстность, гдѣ записано слово, или источникъ, изъ котораго само оно или его другое произношеніе заимствовано". Уже одна эта программа словаря, намѣченная самимъ авторомъ, указываетъ на содержательность и обширность работы. Весь трудъ г. Пекарскаго Академія Наукъ предполагаетъ издать въ 20 выпускахъ, по 15—20 листовъ каждый.

Первый выпускъ этого словаря былъ изданъ въ Якутскѣ въ 1899 г. и будетъ перепечатанъ вновь. Безъ сомнѣнія, этотъ словарь и собранные г. Пекарскимъ матеріалы будутъ цѣннымъ вкладомъ въ литературу о якутахъ.

Подробнѣе о семъ, см. „Записка о „Словарѣ Якутскаго языка" и „Перечень источниковъ „Словаря Якутскаго языка" въ Извѣст. И. А. Н. 1905, февраль, т. XXII, № 2.

Н. В—въ.

Народонаселеніе Россіи по народностямъ.

Согласно сообщенію „Правительственнаго Вѣстника" (1905 г., №№ 61 и 66), помѣстившаго нѣкоторыя извлеченія изъ данныхъ первой всеобщей переписи населенія въ 1897 г., изъ 125.640.021 человѣкъ населенія Россійской имперіи было:

	русскихъ . . .	83.933.567	чел. (обоего пола).
изъ нихъ:	великоруссовъ . . .	55.667.469	" " "
	малоруссовъ . . .	22.380.551	" " "
	бѣлоруссовъ . . .	5.885.547	" " "
изъ другихъ народностей:			
	поляковъ . . .	7.931.307	" " "
	латышей . . .	1.435.937	" " "
	литовцевъ . . .	1.210.510	" " "
	жмудиновъ . . .	448.022	" " "
	болгаръ . . .	172.726	" " "
	чеховъ . . .	50.385	" " "

Данныя переписи о народностяхъ основаны на показаніяхъ о родномъ языкѣ. Но показанія эти не могли быть точны и указанныя цифры могутъ считаться лишь приблизительными.

Игры дѣтей на островѣ Сахалинѣ и въ С.-Петербургѣ.

Въ статьѣ г. *О. К.* „На Сахалинѣ передъ войной“ [1]), имѣющей вообще бытовой характеръ, мы нашли нѣсколько строкъ, показавшихся намъ очень любопытными. Авторъ описываетъ *игры дѣтей:*

— „Ты,—говорилъ маленькій Петька крохотному Сашкѣ,—бродяжничай, а я поймаю тебя и буду пороть.

„Съ дѣвочками игры измѣнялись и заключались въ томъ, что дѣвочка должна была измѣнить своему сожителю, а тотъ ее за это въ наказаніе убивалъ“...

Здѣсь мы воочію видимъ, какъ жизнь, обстановка и разговоры старшихъ производятъ соотвѣтствующее вліяніе на психику дѣтей, ярко проявляясь въ единственно возможной для сахалинскихъ дѣтей формѣ—въ играхъ.

Совершенно аналогичное явленіе пришлось мнѣ наблюдать нынѣшней зимой въ Петербургѣ.

Почти ежедневно (въ теченіе октября, ноября и декабря 1905 г.) проходилъ я черезъ ограду церкви Благовѣщенія на Васильевскомъ островѣ и постоянно встрѣчалъ тамъ цѣлыя кучи играющихъ дѣтей. На ихъ шумъ и крики я долго не обращалъ вниманія, пока не наткнулся въ упоръ на толпу ребятъ. Бѣжавшій во главѣ толпы гимназистъ лѣтъ 12—14, съ палкой въ рукѣ, наткнувшись на меня, взялъ подъ козырекъ и, крикнувъ: „предводитель черной сотни!“, побѣжалъ далѣе. Заинтересованный я сталъ наблюдать. Оказалось слѣдующее.

Всѣ дѣти раздѣлялись на двѣ партіи. Въ одну отбирались болѣе рослые и здоровые съ прутьями и палками – это „черная сотня“. Въ другую болѣе мелкіе и слабосильные, безъ всякаго вооруженія; иногда здѣсь встрѣчались и дѣвочки. Эту партію звали „бунтовщики“, „студенты и курсистки“ и пр. Затѣмъ обѣ партіи расходились по обѣ стороны церкви и шли одна навстрѣчу другой. „Черная сотня“ шла съ пѣніемъ „Боже, Царя храни!“ или „Спаси, Господи, люди твоя“... „Бунтовщики“ пѣли: „Вставай, подымайся, рабочій народъ!“... и пр. Обѣ партіи сталкивались и начиналась свалка. Въ концѣ концовъ „черная сотня“ брала верхъ, „бунтовщики“ разбѣгались. Тогда выскакивала партія „казаковъ“ и хлестала убѣгавшихъ; часть „бунтовщиковъ“ захватывалась въ плѣнъ и отводилась въ кутузку. Такъ забавляются дѣти въ Петербургѣ.

Н. В—въ.

---

[1]) „Русь“. Вечерній вып. Четвергъ, 29 сентября, № 63.

Разводъ по обоюдному соглашенію.

— Въ екатеринославскій окружный судъ представленъ договоръ о разводѣ между супругами, совершенный въ волостномъ правленіи по обоюдному соглашенію сторонъ.

Крестьянинъ Черкасской волости, Славяносербскаго уѣзда, Ѳедоръ Травянко, проживъ со своею женою около 14 лѣтъ, вздумалъ развестись съ ней.

Мотивъ къ разводу—болѣзнь жены.

По совѣту сельской администраціи, Травянко явился въ волостное правленіе вмѣстѣ съ своею женою, гдѣ волостной писарь составилъ имъ договоръ въ томъ смыслѣ, что Лукерья Травянко въ виду ея болѣзни разрѣшаетъ своему мужу жениться на другой и что препятствовать этому не будетъ.

Съ своей стороны Ѳедоръ Травянко обязанъ матеріально обезпечить свою больную жену.

Документъ этотъ, какъ сообщаетъ „Приднѣпровскій Край", за подписью волостного старшины и писаря, съ приложеніемъ казенной печати, выданъ былъ на руки Ѳедору Травянко, который въ свою очередь представилъ эту сдѣлку на утвержденіе мѣстнаго окружного суда.

Хроника.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1904 г.

(Спб. 1905 г.).

Извлекаемъ данныя, касающіяся преимущественно дѣятельности Отдѣленія Этнографіи, состоящаго подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, при помощникѣ предсѣдателя Н. И. Веселовскомъ и секретарѣ Ѳ. И. Щербатскомъ.

При Обществѣ существуютъ также постоянныя комиссіи: а) по собиранію народныхъ пѣсенъ съ напѣвами и б) по собиранію народныхъ юридическихъ обычаевъ.

Къ 1 января 1905 года въ спискахъ Общества числилось: почетныхъ членовъ — 27; членовъ-соревнователей — 23; иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ — 34; дѣйствительныхъ членовъ — 985 и членовъ-сотрудниковъ — 197.

Изъ умершихъ членовъ общества работали, между прочимъ, и по этнографіи: А. Н. Пыпинъ, Н. М. Мартьяновъ, Д. В. Поггенполь, Н. В. Латкинъ и лейпцигскій профессоръ географіи Фридрихъ Ратцель.

Переходя къ краткому описанію экспедицій, мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что на средства и при поддержкѣ О-ва были совершены двѣ спеціально этнографическія экспедиціи: 1) Поѣздка А. А. Макаренко въ Енисейскую губернію, продолжавшаяся пять мѣсяцевъ, имѣла своей задачей изученіе народной медицины, въ связи съ другими этнографическими изысканіями.

„За это время зарегистровано до тридцати старинныхъ пѣсенъ: однѣ между прочимъ, воспѣваютъ Стеньку Разина, другія Ивана Васильевича Грознаго, Петра Алексѣевича, Суханко Тумановича и т. д. Сдѣланы описанія дѣтскихъ игръ и „игрищъ“ деревенской молодежи, какъ-то хороводовъ, вечерокъ и т. д.

Записаны подробно свадебные ритуалы, наговоры и пѣсни въ трехъ волостяхъ (Казачинской, Пинчужской и Кежемской).

Собраны свѣдѣнія о способѣ врачеванія народомъ своихъ недуговъ, записаны наговоры, заговоры, привороты, отвороты и простонародныя медицинскія средства, что является существеннымъ дополненіемъ къ имѣющейся въ печати монографіи А. А. Макаренко: „Матеріалы по народной медицинѣ Ужурской волости, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи" („Живая Старина", 1896—97 гг.).

Собранъ матеріалъ также и по народной ветеринаріи.

Сдѣланъ перечень праздникамъ за цѣлый годъ, съ поясненіемъ обрядовъ и повѣрій, связанныхъ съ почитаемыми народомъ днями (по программѣ Имп. Общ. Люб. Еетеств., Антроп. и Этнографіи, 1887 г., кн. VII).

Опредѣлены основныя черты семейныхъ нравовъ, обычаевъ и другихъ національныхъ особенностей приангарскаго населенія (по программѣ Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр., 1887, кн. VIII).

Выяснены нѣкоторыя стороны вѣрованій и повѣрій ангарцевъ о лѣшемъ и т. п.

Собраны примѣты, пословицы (болѣе 100), поговорки, загадки и задачи.

Обслѣдованы нѣкоторыя отрасли народной технологіи и важнѣйшихъ занятій.

Провѣрены вновь опубликованныя изслѣдованія данныхъ „О промыслѣ красной рыбы на рѣкѣ Ангарѣ" (1902 г.) и собраны по тому же вопросу новыя свѣдѣнія въ необслѣдованномъ еще участкѣ по р. Енисею (отъ Казачинской вол., до г. Енисейска).

Пріобрѣтено для Русскаго Музея Императора Александра III до 70 предметовъ; въ томъ числѣ имѣются: „досельныя", т. е. старинныя одежды русской народности, головные уборы и деревянная посуда (скобкарь, братина, ковши и ковшики), занесенные въ Енисейскую губернію несомнѣнно жителями сѣверныхъ губерній Европ. Россіи; доставлено вооруженіе и костюмы ангарскихъ звѣропромышленниковъ мѣстнаго происхожденія и заимствованные отъ сосѣднихъ тунгусовъ; сдѣланы модели нѣкоторыхъ ловушекъ и станковъ, а также куплены и оригинальные рыболовные орудія и снасти.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ разныхъ мѣстностяхъ были воспроизведены фотографіи типовъ, бытовыхъ сценъ и т. п."

2) Членъ-сотрудникъ Николай Евгеньевичъ Ончуковъ, занимаясь этнографическими изученіями Сѣвера, посѣтилъ Олонецкую губернію, гдѣ побывалъ въ уѣздахъ: Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ и Повѣнецкомъ, а также съѣздилъ опять въ Поморье. Поѣздка лѣта 1904 года была особенно продолжительна, съ половины мая до октября и захватила большой районъ изслѣдуемыхъ мѣстностей.

„Задачи, поставленныя экскурсантомъ, были: 1) Записываніе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ, легендъ, вообще произведеній народнаго творчества; 2) пріобрѣтеніе рукописей для библіотеки Имп. Академіи Наукъ, и 3) пріобрѣтеніе коллекціи костюмовъ для Этнографическаго Отдѣленія Музея Александра III; 4) Пріобрѣтеніе старинныхъ и древнихъ вещей вообще, какъ-то: иконъ, посуды, утвари, печатей, орудій каменнаго вѣка, и 5) осмотры всѣхъ церквей, попадающихся на пути, съ цѣлью выясненія въ нихъ наличности старины вообще, въ особенности же наличности рукописей. Задача, поставленная въ параграфѣ 1-мъ, была исполнена не такъ удачно, какъ въ поѣздку Ончукова на Низовую Печору... Въ библіотеку Имп. Академіи Наукъ за обѣ поѣздки сдано въ общемъ 147 рукописей; кромѣ того туда же поступятъ нѣкоторыя иконы. Въ Этнографическое Отдѣленіи Музея Александра III сдано свыше 100 предметовъ, въ числѣ которыхъ, главнымъ образомъ, костюмы, но есть и посуда, утварь и др. предметы обихода. Нѣсколько предметовъ каменнаго вѣка поступятъ въ Императорскую Археологическую Комиссію. Общія наблюденія во время поѣздки обработаны Ончуковымъ въ формѣ доклада „Старина и старооб-

рядцы", который напечатанъ въ „Живой Старинѣ". Описаніе церквей и рукописей въ нихъ, въ Поморьѣ и Заонежьѣ, поступило въ распоряженіе 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ и напечатано въ 2 и 3 кн. „Извѣстій Отд. р. яз. и сл." за 1905 г.

Изъ изданій О-ва, отпечатанныхъ въ теченіе года, отмѣтимъ:

Извѣстія О-ва, т. XL;

Живая Старина, кн. I—IV,

Записки по Отдѣленію Этнографіи:

Т. XXV, в. 1. *Балтрамайтисъ, С.* Сборникъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, права, статистики и этнографіи Литвы.

Т. XXIX. *Валихановъ, Чоканъ Чингисовичъ.* Сочиненія. Подъ ред. Н. И. Веселовскаго.

Т. XXX. *Ончуковъ, Н.* Печорскія Былины;

Липскій, В. И. Горная Бухара. Т. II.

Печатается [1]) въ „Запискахъ по Отдѣленію Этнографіи":

1) *Паткановъ.* Опытъ географіи и статистики тунгузскихъ племенъ Сибири.

2) *Якобій.* Вятичи.

3) *Меліоранскій, П.* Сказаніе объ Едигеѣ и Токтамышѣ. Киргизскій текстъ съ предислов. и примѣч. (приложеніе къ XXIX т.).

4) *Бартольдъ.* 2-е изданіе *Марко Поло.* Перев. *И. И. Минаева.*

Отдѣльно: *Липскій.* Горная Бухара, т. III.

Совѣтъ О-ва собирался въ отчетномъ году пять разъ; общихъ собраній было семь. Заслуживаютъ упоминанія доклады: М. М. Геденштрома „О современномъ положеніи Японіи"; А, Л. Ященко—о поѣздкѣ въ Австралію; Б. А. Федченко—о путешествіи на Памиръ и Шунганъ и П. В. Оленина—о поѣздкѣ по р. Амгѣ.

Въ Отдѣленіи Географіи, матем. и физич., Г. П. Михайловскій сдѣлалъ докладъ: „Краткій географическій и этнографическій очеркъ Чечни".

Отдѣленіе Этнографіи имѣло въ отчетномъ году семь засѣданій. На этихъ засѣданіяхъ выслушивались спеціальныя сообщенія членовъ Отдѣленія и лицъ постороннихъ, доклады о поступившихъ и отзывы о разсмотрѣнныхъ рукописяхъ, и обсуждались мѣропріятія, направленныя къ достиженію задачъ Отдѣленія. Изъ 7-ми сообщеній, сдѣланныхъ въ Отдѣленіи,

[1]) Напечатано.

4 были посвящены русской народности, 2 русскимъ инородцамъ и 1 британской Индіи.

Изъ сообщеній, касавшихся русской народности, одно было посвящено русской діалектологіи: д. чл. акад. А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе. „О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскомъ въ особенности". Чл.-сотр: (нынѣ д. чл.) Д. К. Зеленинъ сдѣлалъ сообщеніе: „Великорусскія народныя присловія, какъ матеріалъ для этнографіи". Остальныя два сообщенія по русской народности были посвящены вопросу „О значеніи раскола и сектантства для русской этнографіи". Вопросомъ этимъ Отдѣленіе Этнографіи занималось и ранѣе, въ 1884 году, когда было предположено начать систематическое собираніе свѣдѣній о расколѣ и сектантствѣ. Но, по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, работамъ этимъ не суждено было осуществиться.

Въ засѣданіи 17-го декабря, извѣстный знатокъ русскаго раскола, А. С. Пругавинъ сдѣлалъ сообщеніе, въ которомъ указывалъ на важность изслѣдованія русскаго раскола и сектантства для научной этнографіи и предложилъ Отдѣленію возобновить попытку всесторонняго собиранія свѣдѣній по этому вопросу. Другое сообщеніе по тому же вопросу было сдѣлано д. чл. Ѳ. Г. Шубинымъ и содержало характеристику быта старообрядцевъ Петербургской губерніи.

Изъ сообщеній, посвященныхъ русскимъ инородцамъ, одно было сдѣлано чл.-сотр. С. К. Кузнецовымъ и было посвящено „Погребальнымъ обрядамъ Черемисъ". Второе было сдѣлано д. чл. Д. А. Клеменцомъ и посвящено весьма любопытному явленію,—зарожденію новой религіи среди калмыковъ на Алтаѣ. Подробное содержаніе этого сообщенія, составленное самимъ докладчикомъ, напечатано въ „Извѣстіяхъ" Общества, подъ заглавіемъ: „Изъ впечатлѣній во время лѣтней поѣздки по Алтаю".

Наконецъ, британской Индіи было посвящено сообщеніе д. чл. барона А. А. Сталь-фонъ-Гольштейна. Докладчикъ представилъ свои наблюденія надъ современнымъ состояніемъ британской Индіи, освѣщая ихъ данными, почерпнутыми изъ изученія древней санскритской литературы. Сообщеніе это напечатано въ „Извѣстіяхъ" Общества.

Въ теченіе отчетнаго года Отдѣленіемъ были испрошены слѣдующія ассигнованія на научныя поѣздки: 1) Чл.-сотр. Н. Г. Ончукову, на поѣздку въ Мезенскій край, 2) Чл.-сотр. А. А. Макаренко, на поѣздку въ Западную Сибирь.

Въ тоже время въ Отдѣленіе Этнографіи поступило 24 рукописи отъ 11 лицъ.

По Вятской губерніи.

1) Отъ К. Широкаго: „Краткое описаніе быта и нравовъ вотяковъ, живущихъ въ сѣверномъ районѣ Сарапульскаго уѣзда".

По Ковенской губерніи.

2—4) Отъ Г. Петкевичъ: а) „Еще нѣсколько примѣтъ предсказанія погоды литовцами Поневѣжскаго уѣзда", б) „О радугѣ", в) „Объ огнѣ".

По Курской губерніи.

5—9) Отъ Путивльскаго уѣздн. ком. попеч. о народной трезвости: отвѣты на вопросы программы по собиранію свѣдѣній о народной пѣснѣ: а) изъ села Николаевскаго, б) изъ села Новая Слобода, в) изъ села Гвинтовое, г) изъ села Вязовое, д) изъ села Большое Неплюево.

По Литовскому краю.

10) Отъ поручика Збойчика, 186-го пѣхотн. резервн. Луковскаго полка: 18 тетрадей бѣлорусскихъ и литовскихъ пѣсенъ и сказокъ, 2 листа нотъ и 2 объяснительныя записки.

По Петербургской губерніи.

11) Отъ В. Степанова: „Свадебные обычаи въ Петербургской губерніи".

По Полтавской губерніи.

12) Отъ В. П. Милорадовича: „12 сказокъ, разсказовъ и анекдотовъ". (изъ Лубенскаго уѣзда).

По Семипалатинской области.

13) Отъ В. Н. Плотникова: „258 киргизскихъ пословицъ".

По Сибири.

14) Отъ А. И. Бычкова: „Арестантскія пѣсни въ Сибири".

15—19) Отъ А. Александрова: записанныя братомъ его М. Александровымъ въ Красноярскѣ: а) „Сибирскія пѣсни", 115 №№, б) „Южно-Енисейскія пріисковыя пѣсни", в) записанныя на пріискѣ „Пріисковыя пѣсни", г) записанный М. Александровымъ кантъ „О рай мой прекрасный", д) старинная рукопись, отрывокъ изъ „Житія Іосифа Прекраснаго".

По Уфимской губерніи.

20) Отъ Уфимскаго комитета попеч. о народн. трезвости: „Отвѣты на вопросы програмы по собиранію свѣдѣній о народной пѣснѣ".

По Ярославской губерніи.

21) Отъ И. В. Косталовскаго: „О постройкахъ въ Ярославской губерніи", отвѣты на вопросы программы по собиранію свѣдѣній о постройкахъ.

22) Его же: „Этнографическіе обычаи и повѣрья".

23) Его же: „Обычаи, повѣрья и разныя суевѣрія изъ Николокормской вол., Рыбинскаго уѣзда".

24) Отъ учителя Горѣловскаго земск. начальн. училища С. Николаева: отвѣты на вопросы лингвистической программы.

Въ отчетномъ году Совѣтомъ И. Р. Г. О. за этнографическія работы были присуждены слѣдующія почетныя награды:

Константиновская медаль,—Заслуженному Пастору Д-ру Я. И. Гурту за совокупность его лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій, касающихся эстонскаго племени. Отзывъ (см. „Отчетъ", стр. 73—81) составленъ профессоромъ Гельсингфорсскаго университета Kaarle Krohn.

Золотая медаль Отдѣленія Статистики и Этнографіи—Юлію Доминиковичу Талько-Грынцевичу за труды по этнографіи и антропологіи. Отзывъ составленъ А. А. Рудневымъ.

Малая золотая:

Николаю Евгеньевичу Ончукову за его сборникъ „Печорскія былины" по отзыву (см. „Отчетъ", стр. 89—90) акад. А. И. Соболевскаго.

Малыя серебряныя медали присуждены:

1) Поручику Збойчику за сборникъ болгарскихъ и литовскихъ пѣсенъ и сказокъ и объяснительную къ нимъ записку.

2) Бычкову Алексѣю Ивановичу за рукопись „Арестантскія пѣсни въ Сибири".

Приамурскій Отдѣлъ И. Р. Г. О-ва.

Въ только что вышедшемъ томѣ „Записокъ“ Отдѣла (т. VI, в. 2. Хабаровскъ. 1905) содержится, между прочимъ, отчетъ о его дѣятельности за 1903 и 1904 гг., откуда мы и извлекаемъ нѣкоторыя данныя.

Общихъ собраній и засѣданій совѣта было 15 въ 1903 г. и 8 въ 1904 г., причемъ было сдѣлано 5 сообщеній въ 1903 г. и 1 сообщеніе въ 1904 г. (сообщеній по этнографіи и народной словесности не было).

Отчетнымъ періодомъ закончилось десятилѣтіе дѣятельности отдѣла, что, къ сожалѣнію, не могло быть отмѣчено надлежащимъ образомъ, въ виду отъѣзда многихъ членовъ на театръ военныхъ дѣйствій. За эти два года, въ виду недостатка средствъ, отдѣлъ не предпринималъ никакихъ научныхъ изслѣдованій.

О средствахъ музея изъ отчета нельзя получить никакого яснаго представленія, хотя въ немъ и приведено много цифръ. Но очень много говорятъ нижеприводимыя слова отчета: „Библіотека отдѣла нуждается въ изданіи новаго каталога и въ расширеніи книгохранилищъ, неразобранныя коллекціи гибнутъ и нуждаются въ надлежащемъ размѣщеніи и консервированіи. Труды отдѣла не издаются по неимѣнію средствъ“.

При отдѣлѣ: 1) Николаевская публичная библіотека, въ которой къ 1 декабря 1904 года числилось 45078 книгъ, и 2) Гродековскій музей, получившій это наименованіе въ 1904 г. въ память созидательныхъ работъ по устройству музея и вообще на пользу Приамурскаго отдѣла его перваго предсѣдателя ген. Гродекова.

Для публики часть музея была открыта 13 апрѣля 1903 г. (основанъ—1902 г.). Количество посѣтителей—19661 въ 1903 г. и 29647 чел. въ 1904 г. Между прочимъ, здѣсь, для публики, В. В. Поповымъ прочитана была лекція „О религіозномъ міросозерцаніи гольдовъ“.

За отчетное время въ музеѣ были записаны и систематизированы предметы, относящіеся къ этнографіи чукчей, гиляковъ, тунгусовъ, орочей уссурійскихъ и Императорской гавани, китайцевъ, корейцевъ и японцевъ. Всего въ музеѣ 5104 номера предметовъ и коллекцій.

Изъ имѣющихся дубликатовъ Гродековскій музей нашелъ возможнымъ пожертвовать въ музей Императора Александра III 169 предметовъ по этнографіи.

Изданіе сочиненій М. Д. Чулкова.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ приступило къ печатанію перваго и полнаго собранія сочиненій, съ приложеніемъ біографическаго очерка,--извѣстнаго сотрудника Императрицы Екатерины II-ой, публициста, журналиста и *этнографа* XVIII столѣтія *М. Д. Чулкова.* Приготовленіе къ печати текста сочиненій Чулкова и библіографическихъ и объяснительныхъ къ нимъ примѣчаній поручено П. К. Симони. Причемъ Отдѣленіе проситъ всякія свѣдѣнія, матеріалы, документы и экземпляры статей и сочиненій Чулкова присылать для временнаго пользованія въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности И. А. Н.

Присужденіе Уваровской преміи.

25-го сентября въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи, т. с. Никитина, состоялось сорокъ седьмое присужденіе преміи имени графа Уварова. На соисканіе преміи въ 1904 году было представлено 9 сочиненій восемью авторами. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ академиковъ: барона Розена, Латышева, Шахматова, Янжула, Лаппо-Данилевскаго и Соболевскаго. Комиссія признала заслуживающимъ меньшей награды въ 500 руб. сочиненіе профессора казанскаго университета Н. Н. Фирсова: „Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II“. По присужденію награды, Императорская академія наукъ, въ знакъ признательности рецензенту труда Н. Н. Фирсова, профессору П. Е. Казанскому, не принадлежащему къ составу академіи, постановила выдать Уваровскую медаль.

Новый музей.

Профессоръ И. Е. Рѣпинъ вошелъ въ совѣтъ академіи художествъ съ предложеніемъ объ устройствѣ при музеѣ собранія аттрибутовъ религій. Сюда войдутъ реликвіи, знаки или символы не только христіанскаго ученія, но и семитическаго, языческаго (какъ нынѣ живущихъ народовъ, такъ и отжившихъ), а также и всевозможныхъ сектъ. Этотъ музеймастерская съ подлинниками религіознаго искусства, по мнѣ-

нію профессора, необходимъ, въ виду предполагаемаго открытія при академіи спеціальнаго класса религіозной живописи. Для составленія коллекцій новаго музея и программы предметовъ предполагается пригласить знатоковъ религіозной живописи профессоровъ: А. В. Прахова, И. П. Кондакова и С. А. Жебелева („Бирж. Вѣд.", 1905, № 9092, утренній вып.).

Болгарская археографическая комиссія.

При болгарскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія образована археографическая комиссія изъ профессоровъ: д-ра Л. Милетича, д-ра Б. Цонева и В. Н. Златарскаго, имѣющая цѣлью составить и издать серію отдѣльныхъ трудовъ, подъ заглавіемъ „Български старини", въ которыхъ опубликованы будутъ тексты памятниковъ письменности, относящихся къ болгарской древности.

Семипалатинскій Подотдѣлъ Зап.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва.

(1 янв. 1904 г.—1 іюля 1905 г.).

Къ 1 января 1905 года въ Семипалатинскомъ Подотдѣлѣ числилось 78 членовъ. Въ библіотекѣ было на лицо 3988 томовъ книгъ и 7721 экз. статей изъ журналовъ и сборниковъ; въ томъ числѣ 35 книгъ и 1058 ст. въ IV отд. (антропологія, этнографія, фольклоръ и бытовыя описанія) и 11 кн. и 164 ст. въ V отд. (филологія). Вновь поступило 479 тт.

Денежныя средства Подотдѣла составляются изъ казеннаго пособія (500 р.), пособія О-ва отъ попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ (120 р.) и членскихъ взносовъ. На 1905 годъ приходъ и расходъ сбалансированы были въ 1290 р. Въ 1904 году было общее собраніе и 4 засѣданія Распорядительнаго комитета. Въ 1905 году (по іюль) было также одно общее собраніе и семь засѣданій Семипалатинск. Географич. Подотдѣла.

Какъ видно изъ протоколовъ засѣданій, дѣятельность П-ла за истекшее время заключалась въ разсмотрѣніи разныхъ вопросовъ, касающихся библіотеки Подотдѣла и Семипалатинскаго Областного музея, въ сношеніяхъ съ разными учрежденіями и въ собираніи матеріала для 2 выпуска „Записокъ Подотдѣла" (вышелъ, см. Библіографію). Составленъ и вышелъ изъ печати систематическій каталогъ книгъ и статей библіотеки Подотдѣла.

Минусинскій мѣстный Музей въ 1904 г.

Согласно „Отчету по Минусинскому мѣстному Музею и общественной библіотекѣ за 1904 годъ“, коллекціи и пособія Музея достигли 65451 №№, изъ которыхъ мѣстныхъ было 46895 №№. Въ 1904 году Минусинскій Музей увеличился на 923 №№, изъ которыхъ мѣстныхъ предметовъ было 571 №№. Изъ отдѣловъ Музея для насъ интересны: II—Антропологическій, содержащій 519 №№ (черепа и костяки—изъ кургановъ и современнаго населенія края). III—Этнографическій, имѣющій 3212 №№ (Этнографическія коллекціи: русскаго населенія края, инородческаго, пограничныхъ сойотовъ, латышей изъ колоніи и финскаго племени; коллекціи по сравнительной этнографіи и народно-медицинскія средства), и IV—Археологическій—въ 17416 №№.

Имѣютъ также значеніе и нѣкоторые предметы изъ отдѣловъ VI (Промышленный), VII (Сельскохозяйственный), VIII (Географическій) и XI (Образовательный, здѣсь: Б. Этнографія—968 №№). На стр. 13 читатель найдетъ довольно скудныя поступленія въ этнографическій и археологическій отдѣлы (покупки и пожертвованія) въ 1904 г., оправдываемыя впрочемъ скуднымъ бюджетомъ учрежденія: приходъ—1740 р. 50 к., расходъ—973 р. 57 к. (для археологич. отд.—39 р. 1 к.; для этнографич.—52 р. 10 к,).

Публичный и Румянцевскій музеи въ 1904 г.

Послѣдній отчетъ (М. 1905.) прежде всего отмѣчаетъ дѣйствительно очень цѣнное пріобрѣтеніе—переходъ въ собственность музея библіотеки и извѣстнаго собранія рукописей покойнаго профессора Московскаго университета Н. С. Тихонравова. Библіотека состоитъ изъ 5.182 тт. русскихъ книгъ и 4.080 тт. иностранныхъ, не считая въ томъ числѣ значительнаго количества рукописей.

Русскія книги заключаютъ въ себѣ почти все, что появлялось у насъ болѣе замѣчательнаго съ половины прошлаго столѣтія въ области русской литературы и народной словесности, исторіи и этнографіи, включая сюда и общеизвѣстные труды и мало доступные оттиски журнальныхъ статей. По хронологическому каталогу этихъ книгъ можно прослѣдить движеніе русской мысли въ данныхъ областяхъ съ пятидесятыхъ до начала девяностыхъ годовъ XIX столѣтія.

Иностранный отдѣлъ библіотеки Н. С. Тихонравова въ общемъ представленъ въ томъ же направленіи, что и русскій, можно лишь замѣтить, что особенное вниманіе обращено на исторію средневѣковой литературы и драмы, преимущественно народныхъ. Собраны были также богатыя коллекціи литературы по вопросамъ, особенно интересовавшимъ покойнаго профессора. Такъ здѣсь имѣется цѣлый рядъ изслѣдованій и текстовъ по литературѣ *апокрифовъ*, по *паломникамъ*, о *Дигенисѣ* и др. Можно еще, наконецъ, отмѣтить довольно богатый подборъ литературы славянской.

Рукописи Тихонравова неразрывно связаны съ его библіотекой. Каждая новая рукопись вызывала пріобрѣтеніе соотвѣтствующихъ пособій и, наоборотъ, иногда незначительная журнальная статейка заставляла разыскивать рукописные матеріалы. Всѣхъ рукописей собранія Тихонравова насчитывается 703. Изъ числа рукописей для насъ важно имѣть свѣдѣнія объ отдѣлахъ историческаго характера, лѣчебникахъ, лицевыхъ рукописяхъ, а особенно о сборникахъ и оригинальныхъ и переводныхъ романахъ, драмахъ, повѣстяхъ, сказаніяхъ и проч. литературныхъ произведеніяхъ до XIX в. Надѣемся въ „Отчетѣ" за 1905 г. встрѣтить подробное описаніе хотя части изъ рукописей Н. С. Тихонравова.

Самымъ крупнымъ фактомъ въ дѣятельности отдѣленія древностей въ отчетномъ году было изданіе каталога третьяго и послѣдняго (вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго значительнаго по количеству предметовъ) подотдѣла — древностей доисторическихъ. Всего въ каталогѣ описано 4053 №№. Изъ поступленій въ этотъ отдѣлъ должно отмѣтить: а) кальки и рисунки съ миніатюръ, заставокъ и буквъ рукописей библіотеки Троице-Сергіевой Лавры, образцы орнамента различныхъ эпохъ и народностей и образцы великорусской вышивки—съ одеждъ и утвари той же Лавры, числомъ свыше 550. b) Глиняную чернильницу съ поливой и орнаментомъ (Спб. у.) и с) Древности, добытыя изъ могильника близъ с. Аносина, Звенигородск. у.

Въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ и въ Отдѣленіи иностранной этнографіи работы велись, главнымъ образомъ, по устройству Туркестанскаго отдѣла и преобразованію Отдѣла иностранной этнографіи. Продолжали итти своимъ чередомъ систематическое описаніе и каталогизація коллекцій музея (описаны коллекціи чувашъ и черемисъ и закончено описаніе айновъ и мордвы). Составленъ новый путеводитель по Музею (этнографія Россіи и славянскихъ странъ).

Относительно приращенія коллекцій нужно сказать, что истекшій годъ былъ особенно удаченъ. Поступилъ цѣлый рядъ коллекцій значительныхъ по количеству и весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Средне-азіатскія коллекціи, собранныя ген.-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ, д-ромъ А. П. Федченко и др. Все это богатое собраніе (свыше 2.000 №№) помѣщено въ одномъ мѣстѣ и, что всего важнѣе, на этотъ разъ, не смотря на тѣсноту помѣщенія, оказалось возможнымъ сгруппировать типы и предметы бытовой обстановки въ видѣ нѣсколькихъ живыхъ сценъ, дающихъ болѣе наглядное представленіе о дѣйствительной жизни народа. „Можно пожалѣть о томъ, что характеръ помѣщенія, занимаемаго музеемъ, особенно распредѣленіе оконъ, не даетъ возможности примѣнить ту же систему расположенія и по отношенію къ другимъ народностямъ, представленнымъ въ Музеѣ" [1]).

Изъ отдѣльныхъ сценъ слѣдуетъ отмѣтить: 1) Киргизская кибитка (63 предм. и манекена). 2) Лавка пельменщика и передъ нею уличная сцена писанія прошенія (30 манек. и предм.), и 3) Лавка мелочная и бакалейная и передъ ней сцена бритья (409 манек. и предм.).

Кромѣ того подарены Музею 1) отъ Вел. Кн. Владиміра Александровича костюмы: русскіе (4), малорусскіе (2), бѣлорусскіе (2), литовскіе (2), молдаванскіе (2), татарскіе (3), калмыцкіе (2), мордовскій и черемисскій. 2) Собраніе В. Р. Апухтина изъ Орловской губ., Болховскаго уѣзда, с. Бѣльдино,—съ выставки „Дѣтскій міръ" (куклы, одежда, обувь и дѣтскія принадлежности, игрушки и модели),—всего свыше 100 предметовъ. 3) Восемь статуетокъ буддійскаго культа. 4) Отъ проф. И. А. Шляпкина: костюмы, утварь, вышивки, игрушки и пр. Кромѣ того много другихъ болѣе мелкихъ коллекцій.

Въ Отдѣленіе иностранной этнографіи болѣе значительное поступленіе представляетъ порядочная коллекція греческихъ вещей съ острова Лемноса.

Крайне отрадно констатировать тотъ фактъ, что въ этомъ отчетѣ, какъ и въ предыдущихъ, ярко свѣтится неостывающая любовь къ своему дѣлу всего персонала Музея. Даже и самый отчетъ—не обыкновенная сухая канцелярская отписка, приготовленная лишь для того, чтобы съ облегченіемъ сказать:

---

[1]) Подробнѣе объ Средне-азіатскихъ коллекціяхъ см. „Отчетъ" Музеевъ за 1904 г., стр. 83—123.

„Подписано, такъ съ плечъ долой!“ На каждой страницѣ отчета видна истинная забота о своемъ дѣлѣ и искреннее сочувствіе и желаніе придти на помощь занимающейся публикѣ. Замѣчательная жизнедѣятельность музеевъ фактъ неоспоримый.

Общество поняло это и щедро шлетъ музеямъ свои дары, зная, что они пойдутъ въ дѣло, а не застрянутъ на многія лѣта гдѣ-нибудь въ кладовыхъ, или, въ лучшемъ случаѣ, не будутъ служить *лишь украшеніемъ* музейскихъ стѣнъ.

Хорошо было бы, если бы всѣ музеи работали такъ же продуктивно.

Этнографическая экскурсія.

Лѣтомъ 1905 г. студентами Спб. Университета Яновичемъ и Баталинымъ предпринята была этнографическая поѣздка по Тверской губерніи. Д. Т. Яновичъ, командированный Русскимъ Музеемъ Императора Александра III и Антропологическимъ Обществомъ при Спб. Университетѣ, занимался сборомъ и покупкой предметовъ народнаго быта, фотографированіемъ крестьянскихъ построекъ, типовъ и антропометрическими измѣреніями.

А. А. Баталинъ, получившій командировочный листъ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ волостяхъ Васильевской и Щербининской, Тверского уѣзда, записалъ небольшую серію народныхъ обрядовыхъ пѣсенъ, около 150 частушекъ, свадебный обрядъ, собралъ матеріалъ для словаря мѣстнаго говора и сдѣлалъ около 90 фотографическихъ снимковъ съ крестьянскихъ построекъ и типовъ.

Національный Бурятскій Музей.

Въ 1905 году на территоріи Агинскихъ бурятъ (Читинскій у., Забайкальской области) въ с. Агинскомъ, при Агинскомъ министерскомъ двухклассномъ училищѣ, по инціативѣ мѣстныхъ жителей и бурятской молодежи (особенно слѣдуетъ отмѣтить—учителя Шайжил-Лхамо Базарова, почетнаго бурята Намдак Дылыкова, бывшаго учителя Бато-Далай-Очирова, почетнаго бурята Буда-Шимит-Батхайн, учителя Содном-Даши Шагдарова) положено начало Бурятскому Національному Музею.

Въ музеѣ будутъ сосредоточены по возможности всѣ сохранившіеся историческіе, этнографическіе и археологическіе матеріалы, въ цѣляхъ сохраненія для будущихъ поколѣній главнѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ предметовъ національнаго

культа и домашняго обихода. Здѣсь же будутъ собраны и коллекціи естественно-историческаго характера, преимущественно для учебныхъ цѣлей. При музеѣ предположено созданіе библіотеки, въ которой должно быть собрано, по возможности, все написанное и напечатанное о бурятахъ и ихъ странѣ, а также всѣ творенія бурятскихъ писателей и народа.

Мы думаемъ, что на помощь возникающему музею придутъ уже работающіе въ данномъ направленіи общества и музеи (Сибирскіе, Академіи Наукъ), пожертвованіемъ дубликатовъ изъ своихъ собраній. Надѣемся также, что просвѣщенные буряты озаботятся для своего музея создать каменное помѣщеніе, такъ какъ деревянный домъ, въ которомъ въ настоящее время хранятся коллекціи, въ пожарномъ отношеніи опаснѣе, чѣмъ простая юрта.

Этнографическій музей академіи наукъ.

Этнографическій музей академіи наукъ на дняхъ обогатился очень интересной и весьма цѣнной естественно-исторической коллекціей старинныхъ предметовъ, доставленной изъ Америки. Коллекція эта иллюстрируетъ бытъ первоначальныхъ жителей Америки—эскимосовъ и индѣйцевъ равнинныхъ, лѣсныхъ и мексиканскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оттуда же получена и коллекція китайской керамики („Слово“ № 314).

„Хроника“ составлена **Н. Виноградовымъ.**

Поправка

къ статьѣ Д. К. Зеленина: „Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи“ [1]).

Д. К. Зеленинъ, въ названной статьѣ, дѣлаетъ ссылку такого рода: „Коренные сибиряки новыхъ переселенцевъ Сибири полупрезрительно называютъ *посельгой* (а также *Расейцами*)“. Рядомъ съ этимъ онъ говоритъ: „Посельга въ отместку зоветъ сибиряковъ *челдонами*“ (стр. 60). Оба утвержденія г. Зеленинъ якобы провѣрилъ съ „сообщ. А. А. Макаренко“ (см. прим. въ статьѣ Зеленина) и поэтому считаетъ ихъ вѣрными съ дѣйствительностью.

На самомъ дѣлѣ, мною не дѣлалось и не писалось нигдѣ „сообщеніе“ въ этомъ смыслѣ. По выслушаніи доклада г. Зеленина, я позволилъ себѣ возразить слѣдующее: „Коренные сибиряки, насколько мнѣ извѣстно, переселенцевъ Сибири называютъ „самоходами“ (по зап. Сиб.) или „новоселами“ „рассейскими“ и „новиками“ (по Енис. губ.); *сосланныхъ* же въ Сибирь за уголовныя преступленія бранятъ, въ пылу ссоры, *поселенцемъ, поселюгой, варнакомъ* и т. п., на что послѣдніе, въ отместку, сибиряковъ бранятъ *челдономъ* или *чалдономъ*“.

Этой фактической поправкой я слагаю съ себя отвѣтственность за неправильное истолкованіе моихъ словъ, могущее ввести въ нежелательное заблужденіе изучающихъ сибирскія присловья.

А. А. Макаренко.

Поправка.

Въ I—II вып. „Живой Старины“ 1904 года неправильно сверстана при печати, статья *Д. Зеленина* „Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи“. На стр. 61-й, послѣ словъ: „*талагай* сдѣлалось синонимомъ „шута, неуча“ (конецъ 3-го снизу абзаца) продолженіе слѣдуетъ на 67-й стр. (начало 2-го снизу абзаца)“: „Въ Астраханск. губ. воронежскихъ переселенцевъ прозвали“. На стр. 73-й, послѣ словъ „Это понятія совершенно различныя и ничуть не совпадающія одно съ другимъ“ (конецъ 3-го сверху абзаца) читатель долженъ возвратиться вновь на стр. 61.

---

[1]) „Жив. Стар.“, вып. 1—2, 1904.

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ЖУРНАЛА

„Живая Старина"

на 1906 г. въ видѣ приложенія будетъ разосланъ

напечатанный отдѣльною брошюрою

«Алфавитный и систематическій

═ УКАЗАТЕЛЬ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ" ═

за 15 лѣтъ (60 книжекъ) ея существованія",

составленный **Н. Виноградовымъ.**

Указатель будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Алфавитный указатель авторовъ и ихъ статей. II. Алфавитный указатель рецензированныхъ изданій (журналовъ, книгъ и брошюръ). III. Систематическая сводка напечатаннаго матеріала: а) по народностямъ, б) по мѣстностямъ (губерніямъ, областямъ и т. д.) и в) по отдѣламъ. IV. Алфавитный указатель собственныхъ именъ

Отдѣлъ III.

Критика и Библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XV годъ изданія. 1906

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XV годъ изданія. 1906

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго, секретаря Отдѣленія Ѳ. И. Щербатскаго и чл.-сотр. Н. Н. Виноградова, въ XV году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками, по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XV годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При послѣднемъ выпускѣ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ — 5 р. 50 к. и за границу — 6 р. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб. у Чернышева моста).

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ: 1) Рукописи, присланныя въ редакцію для помѣщенія въ журналѣ, въ случаѣ надобности подлежатъ сокращенію и исправленію. 2) Авторы, желающіе читать корректуру своихъ статей, благоволятъ дѣлать на рукописи соотвѣтствующую помѣтку и указывать свой точный адресъ..

Редакція.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.